

Вопросы Норманизма

Выпуск 5

От России к Руси

«Самотёка»

МИД

ОСОЗНАНИЕ

Москва
2025

УДК 613.2
ББК 51.230
В 98

Вопросы Норманизма (Выпуск 5)

В 98 От России к Руси. — М.: «Самотёка», МИД «Осознание»,
2025. — 308 с.

Составители — протоиерей Роман Бычков и Георгий Павленко

*Настоящее издание осуществлено
при дружеской поддержке Института Русской Геополитики
и его директора - полк. В.Л.Петрова
<https://rusgeopolit.com/>*

Основной тезис норманистов можно разложить на пять утверждений, объединённых в одну логическую цепь. Каждое из них обосновывается группой фактов. Вот эти пять утверждений: 1. Основателем княжеской династии Киевского государства явился варяжский вождь Рюрик, призванный восточными славянами и их соседями и приведший с собой целое племя варягов. 2. Варяги — это скандинавские германцы, норманны. 3. Пришедшее в Восточную Европу племя варягов называлось русью, и от него это название перешло на восточных славян. 4. Варяги цивилизовали славян, оказав огромное влияние на всю славянскую культуру, что отразилось в вещах и в языке. 5. Варяги создали первое восточнославянское государство. К ним примыкают ещё два заключительных утверждения, имеющие не «научное», а «идеологическое» значение, как раз и выражающие, как принято считать, «суть норманизма». 6. Утверждение об изначальном биологическом превосходстве северных германцев (скандинавов) над славянами как причине успешности деятельности викингов на Востоке и 7. вывод к современности. Каждому из этих положений антинорманисты противопоставили контрположение, каждой группе аргументов — контраргументы. Всем изчисленным «аргументам/контраргументам» надлежащее место в серии «Вопросы Норманизма» предоставлено. Обобщая же, выскажем, что с метаполитической точки зрения Расовой историософии вся история Руси-России до октября 1917 года может быть метафорически названа «призванием Варягов», а после 17-го — «изгнанием Варягов»... Да послужит серия «Вопросов Норманизма» провозвестницей спасительного для Руси «Возвращения Варягов».

© протоиерей Р. Бычков, 2025

© Павленко Г. В., 2025

© “Самотёка”, 2025

© МИД “Осознание”, 2025

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
Георгий Павленко. НОРМАНИЗМ – ЭТО НОРМА!.....	7
ЛИЦОМ К ВАРЯГАМ VS СПИНОЙ К ВАРЯГАМ.....	25
протоиерей Роман Бычков. READING DJOMIN (II).....	59
Алексий Ильинов. СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ ГЕРМАНСКОЙ НАЦИИ В XXI ВЕКЕ: СИМБИОЗ ТРАДИЦИИ И ТЕХНОЛОГИЙ.....	69
Алексий Ильинов. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ XXI ВЕКА: IMPERIUM FUTURUM ПОД СЕНЬЮ ДВУГЛАВОГО ОРЛА.....	79
Сергий Молохов. НА ПОДСТУПАХ К МАНАРХИЗМУ.....	91
АРХИЕРЕЙ-НОРДМАНН.....	95
Архиепископ Амвросий Готфский ИПХ. HYPERBOREIA (Пространство инобытия).....	110
священноиерей Алексей Соловьёв. NORMANIN MUISTIINPANOT....	141
РАЗГОВОР РУССКОГО С АГ.....	147
«НОРМАННСКАЯ ТЕОРИЯ» НА СЛУЖБЕ У ФАШИСТОВ.....	152
УСОЛЮБИЕ (ОПЫТ АПОЛОГИИ).....	175
Фауст Патронов. ФИЛОСОФ-НОРДМАНН.....	180
Александр Салтыков. ДВЕ РОССИИ.....	187

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник является пятым в серии «Вопросы Норманизма». Можно предположить, что на этом номере ни серия, ни обсуждение «вопросов Норманизма» отнюдь не «остановится»... Ибо, «не нами норманизм начался. Не на нас и закончится»... Несколько утрируя, можно сказать, что Норманизм на Руси появился вместе с рассказом Нестора-Летописца о «призвании Варягов», включённом им в «Повесть Временных Лет» (первую русскую летопись) датируемую 1110-ми гг. по Р.Х.), а антинорманизм – в XVIII в., когда herr Готлиб Зигфрид Байер (1694 - 1738) — немецкий и российский историк, один из первых академиков Петербургской академии наук и исследователь русских древностей, обнародовал на немецком языке труды «О варягах», «О происхождении Руси» и «География Руси и соседних областей по данным северных писателей», реакция на кои академика М.В.Ломоносова, как считается, и положила начало «спорам о норманизме», коим и доселе «не видать края-конца»... В кратком изложении содержания двух ключевых трудов Готлиба Зигфрида Байера (Gottlieb Siegfried Bayer), «De Varagis» (О варягах) и «Origines Russicae» (Происхождение русских), акцентируются следующие ключевые моменты: «В древние времена на севере России жили славяне, финны и готы... Внешние угрозы, а также внутренние конфликты вынудили их объединиться под властью единого правителя. Короли избирались из готского племени. Объединившись, они завоевали значительную часть территорий вдоль Днепра, включая Киев»; «Так, верхние или северные славяне, соединяясь с остатками готов и финнов, приняли королевскую династию от готов и российское имя – от этого смешения».

...Подробный разбор вышепомещённых и иных аргументов «про и контра» Норманизма, любознательный читатель

найдёт и в данном и в предыдущих выпусках серии «ВН», в Предварительном слове же хотелось лишь акцентировать один примечательный момент. Насколько нам известно, «норманисты» не отметились в написании доносов на своих оппонентов (даже во времена Российской Империи, когда норманизм был по сути «официальной» исторической доктриной, «антинорманистам» позволялось и публиковаться и свободно высказывать свои «анти-взгляды»). В советский период, наоборот, официальной исторической доктриной стал «антинорманизм» и его адепты весьма преуспели не столь в научной дискуссии, сколь в политическом очернении своих противников, в т.ч. путём доносительства (с обвинениями в русофобии, славянофобии, антисоветизме, фашизме и т.п.). Как ни крути, а это специфическим образом характеризует «антинорманизм», не позволяя считать его только лишь «научной теорией» (да и на «теорию» бросает «тень-с»).

Мы приведём фрагмент из корреспонденции о.Р., коий хотя и имеет косвенное отношение к «норманизму» собственно, но ярко характеризует стихию стукачества, столь характерную для местных германо-, арие- и европофобов. Эпистола написана, конечно, с повышенной эмоциональностью, но тем выразительнее рисуемая «картинка»: «Недоразвитая красножопость против Гюнтера и Авдеева: https://m.vk.com/wall-225505092_42768. Уёбки ничего не читают, но зато ударно пишут... доносы, при «негласной» поддержке КПРФ и ЛКСМ. Всё, кранты... кончился «национал-большевизм»... а красножопый молодняк реально кровушки захотел. В общем, отче Р., таки мой «круг» замкнулся... от «левых» увлечений - к апокалиптическому гитлеризму!!! Дедушка, вернись, красножопые вконец охуели!!!» (А.И.). Примечательно, что донос, ссылка на коий приведена в письме, обвиняет Авдеева и Гюнтера в том, что они «сторонники взгляда на арийское происхождение славян»! Именно так! – не за то, что якобы

считали славян «унтерменшами», а за то, что считали «арийцами» - под запрет, под шконку, к стенке!... Пора, давно пора «возвращаться» Дедушке, но не в одиночку, а как древле Рюрику – «с Синеусом и Трувором», сиречь, «sine hus» и «thru varing»: с Родом и Дружиной... Да послужит серия «Вопросов Норманизма» провозвестницей спасительного для Руси «Возвращения Варягов»...

Георгий Павленко

НОРМАНИЗМ – ЭТО НОРМА!

В предыдущих сборниках «Вопросов норманизма» было наглядно показано и убедительно доказано, что норманнов нужно рассматривать прежде всего как военную элиту Древней Руси, то есть «взирать» на них следует не столько с национальной, сколько с кастовой точки зрения. Степень же их влияния и долгосрочность этого влияния – проблемы, вполне допускающие различные точки зрения, а потому совершенно необязательно вызывать оппонента к барьеру, если он считает это влияние незначительным и краткосрочным. Мы же со своей стороны считаем это влияние исключительным и его проявления дававшими знать о себе на протяжении всей тысячелетней истории страны. Своё происхождение «из немец» подчёркивали и Рюриковичи (Иван Грозный – тот прямо называл себя немцем!), и Романовы (Пётр I, Павел I), да и передовые деятели русской культуры (Пушкин вёл свою родословную от выходца из Пруссии некоего Рачи...)

На страницах предыдущих выпусков нам неоднократно приходилось сетовать на то, что антинорманисты постоянно норовят перевести полемику из научного русла в русло, скажем так, этическое – если ты, дескать, норманист, то ты, как минимум, «плохой» русский, а как максимум, «пособник Тель-Авива». А когда козырей в колоде не достаёт, то в ход может пойти и шантаж, и тогда на тебя постараются навесить и «пересмотр истории», и «реабилитацию нацизма», и пропаганду национал-социалистической идеологии. Заметим, что подобная манера ведения дискуссии не только антинаучна, но и по сути своей просто паскудна, как бы неуместно слово это ни звучало с листа научно-популярного издания.

Общим же местом в списке штампованных обвинений в адрес национал-социализма стало утверждение, что теоре-

тики Третьего Рейха, опираясь на расовую теорию, разработанную в 10-30 гг. XX века европейскими и, прежде всего, немецкими учёными, относили славянские народы к разряду унтерменшей (Untermensch), т.е., проще говоря, к «недочеловекам». И это отношение, якобы, изначально явилось обоснованием если не для полного уничтожения славян, то для их закабаления и превращения в расу рабов с дальнейшим контролем над их рождаемостью и «воспитанием». Всё выше указанное – опять же, «якобы» - было доказано на Нюрнбергском процессе, а потому приговоры носителям НС-идеологии полностью оправданы.

Кстати, о процессе. Насколько нам ведомо, современному российскому исследователю из более, чем сорока томов Нюрнбергского дела доступны только восемь и не нужно быть великим математиком, чтобы понять, что «эпохальное судебное разбирательство» известно нам от силы на 20%...

А вот о том, что действительно известно, нам и хотелось бы поговорить. Речь пойдёт о том, *как на самом деле* воспринимались славянские народы в Третьем Райхе, и осветить этот вопрос мы постараемся, коснувшись разных сторон реальной жизни.

Не утруждая себя конкретными доказательствами, обвинения НС-идеологии в антиславянской направленности строились на демонстрации закреплённых на штативах черепов с пустыми глазницами в обрамлении жутковатых инструментов краниометрии... И до сих пор эти «ужастики» шокируют доверчивых россиян, которые напрочь отказываются понимать, что никакие раскопки, никакие находки человеческих останков не будут иметь для науки мало-мальской ценности, пока все эти приборы не будут задействованы, и учёные не определяют к какому роду-племени принадлежал субъект, чьи кости должны послужить очередному научному открытию!

Итак, наука.

Среди имён, чьи труды по расологии стали базовыми для доктрины НС, одним из первых называется имя доктора Иль-

зе Швидецки и упоминается её небольшая монография «Расология древних славян». Википедия, которой современный публицист, в любом случае, многим чем обязан, так прямо и пишет: «В 1938 году в Штутгарте вышла книга доктора философии, ассистента Антропологического института при Университете Бреслау Ильзы Швидецки «Расология древних славян» (Rassenkunde der Altslawen), в которой она делает заключение о том, что когда-то являвшиеся представителями «нордической» расы славяне к настоящему времени эту расовую составляющую утратили». Разумеется, что малоопытный читатель так этот пассаж и поймёт – ввиду того, что свою «нордичность» к началу Второй Мировой войны славяне – по мнению учёной жены – утратили, то и место, им подлежащее, находится между господами и домашним скотом...

Ильзе Швидецки (1907-1997)

Слава Богу, к настоящему времени труд И. Швидецки на русском языке был издан как минимум уже четырежды, и любой грамотный человек может прочесть его и убедиться в том, что выводы, которая делает Автор, существенно отличаются от тех, что предлагает нам далеко не всезнающая Wiki... А идеология... Что ж, идеологию можно пристегнуть

к чему угодно. Было время, когда любая научная работа в СССР, кандидатская или докторская диссертации, как от печки начинали «плясать» от решений какого-нибудь очередного «исторического» съезда КПСС или Пленума ЦК. И выходило так, что успехи в расщеплении атомного ядра, в повышении прочности железобетонных конструкций или в качестве пушнины целиком и полностью зависят от этих партийных постановлений.

Но прежде всего – несколько слов о самой Ильзе...

Она родилась в сентябре 1907 года в Лешно в семье бургомистра этого города Ежи Швидецки (1875-1952). В то время город входил в Познанскую провинцию Пруссии (по результатам Второго раздела Польши 1793 г.) и именовался Лисса. Потому и отец Ильзы писался не Ежи, а Георгом... Эта «двоякость» сопровождала Ильзу Швидецки на протяжении всей её жизни. Официально она – немецкий антрополог польского происхождения. Курсы биологии, истории, антропологии Ильзе слушала в университетах Лейпцига, Данцига, который ныне называется Гданьском, и Бреслау, который те, кто хоть как-то представляют себе карту Польши, именуют Вроцлавом. В 1934 году ей была присуждена степень доктора философии, но сама эта степень имела к философии такое же отношение, как и слово «доктор» к медицине... В центре её интересов оставались вопросы эволюции исторических народов, и прежде всего – т. н. «славянский вопрос». На протяжении всей долгой научной деятельности Ильзе не ограничивалась кабинетным теоретизированием, а принимала самое непосредственное участие в многочисленных антропологических экспедициях, в том числе и в таких крупномасштабных, как в Силезии – в 1930 году, в 1937-ом – в Британской Индии, в 50-х – 70-х гг. в Вестфалии, Рейнланд-Пфальце, на Сардинии и Канарских островах. (В скобочках заметим, что Силезия во времена поздней античности была заселена германскими племенами квадов и вандалов, а после их ухода в

эпоху Великого переселения народов – западно-славянскими племенами, т.е. Силезия – это район самой судьбой определённый для изысканий в области взаимовлияния германских и славянских этносов).

После войны с 1946 года Швидецки работает в антропологическом институте при университете города Майнца, с 1949 редактирует профильный журнал «Ното», в 1961 году получает звание профессора антропологии и в том же году возглавляет указанный институт. В 1975-ом Ильзе Швидецки выходит на пенсию и меняет статус директора института на статус «почётного директора», оставаясь до самой смерти, последовавшей на 90-м году жизни, одной из самых авторитетных расологов в мире.

Пересказывать профаническим языком научный текст – дело заведомо неблагодарное, а потому ограничусь лишь несколькими общими замечаниями.

При определении мест обитания и путей миграции древних этносов совершенно недостаточно опираться только на свидетельства глиняных черепков, рыбных крючков или наконечников стрел. Технические средства охоты и рыбалки, земледелия и военного дела перенимаются относительно быстро, и даже в течении недлительных контактов у граничащих друг с другом этносов можно найти значительное количество аналогичных артефактов. А вот перенять форму и пропорции черепа... сами понимаете! И потому, звучащие несколько резковато понятия «краниология» и «краниометрия» – это не «выдумки коварных нацистов», а научные дисциплины и без их исследовательского аппарата – как уже было указано – ни антропология, ни этническая история обойтись не могут! И в СССР расовая наука также существовала, о её якобы отсутствии заявляют напрочь безграмотные и несведущие люди (подобные утверждения сродни печально известному тезису «В СССР секса нет!», который вызывает желание съехидничать, что, мол, секса в СССР хоть и не было, а вот венерические болезни откуда-то брались...) Просто в отличие от

«расологии», как называлась эта наука в Германии и в Европе до и после Второй Мировой войны, в СССР она именовалась более привычно и «приземлённо» - «расоведение».

Итак, основная задача, которую по мере возможностей (скажем так – по мере достижений археологии на тот момент) решала Швидецки в своих ранних научных работах и которая получила ответ как некий итог в «Расологии древних славян» – это задача определения изначального расового корня древних славян (или – протославян), границ их расселения и путей миграции, и, уже исходя из этого, - выяснение их краткосрочных или долговременных контактов с другими народами и народностями. Разумеется, что для славян разных ареалов распространения эти контакты различны – на севере и на юге, на западе и востоке. Среди основных соседей-контактёров – угро-финны, и в частности лапландцы (лопари), готы (остготы), в меньшей степени (в основном, для южных славян) – представители средиземноморской расы и динарцы, и некоторые другие...

Что касается расовых истоков славянства, то тут у Швидецки нет никаких сомнений – «...нордический характер индогерманских праславян и древних славян является настолько естественным и даным, что объяснять необходимо уже ту примесь ненордических элементов, каковая имеет место в сегодняшнем славянстве» (стр. 9; страницы даются по изданию: *Д-р Ильзе Швидецки. «Расология древних славян», Москва, 2018. – 112 с., перевод Константина Сметанникова*). Получением этих объяснений, собственно говоря, сама Ильзе Швидецки и занималась... И что важно, что данное утверждение исходит не только от самого Автора, а как бы от всей научной расологической школы того времени... И слово ставя в этом вопросе последнюю жирную точку, Швидецки повторяет ещё раз: «Как полноправный представитель индогерманской группы народов, праславяне, несомненно, преимущественно принадлежали к нордической расе» (стр. 56).

Подчёркивая историческую нордичность славянства, Автор постоянно оговаривается и насчёт главной славянской примеси: «...исходя из антропологического материала можно... считать правдоподобным утверждение, что ответ на основной вопрос распространения восточноевропейского надо искать в финно-угорской народности и что здесь же находится и источник восточноевропейского внедрения в славянство. Мнение, что ненордическая и, соответственно, несколько примитивная часть славян ведёт происхождение из финской народности, также не ново». И далее Швидецки опять же опирается на своих более старших и маститых коллег: «Оно (это мнение – Г.П.) выражалось уже Нидерле (1896), который одним из первых подчеркнул нордический характер праславян и древних славян, равно как и опубликовавшим свою работу несколько позже Рипли. Здесь также должен быть упомянут Шлиц, который при исследовании черепов, обнаруженных в местах древнеславянских захоронений, отделял «финские» признаки...» (стр. 70).

Если «финское» воздействие Швидецки рассматривает как размывающее славянскую нордичность, то воздействие готов (остготов) и других германцев, напротив, как этот нордический характер усиливающее. Однако, она пишет следующее: «Если внешнее воздействие на славян, оказанное готами, и в особенности, остготами, не вызывает никаких сомнений, то расовое влияние на столь обширной в пространственном отношении и столь недолго находившейся под их господством территории, значительным всё же быть не может...» (стр. 78).

Путаница с терминами – характерная черта расологии, на неё сетует и переводчик книги, и вызвана она тем, что археологические находки называют обычно по местам их обнаружения, при этом у очагов совершенно аналогичных артефактов могут оказаться разные названия, в результате чего одно и то же племя или народ у разных авторов будут именоваться по-разному. Так, под восточноевропейцами могут понимать

ся и кавказские расовые типы и подтипы, и протоуральские, и даже типы, включающие монголоидные элементы...

Собственно говоря, главным итогом данного исследования Швидецки являются... карты! Именно этнографические карты, на которых нанесены приуроченные к разным векам (нашей эры) места распространения различных славянских племён, пути их миграции и их окружение. И предприняты попытки определить на какие из этих племён и в какой мере оказали влияние те или иные соседи – завоеватели или, наоборот, завоёванные (или просто вытесненные) ими. Швидецки интересуется не сам факт размывания изначальной нордичности славян, а характер этого размывания, установить который возможно лишь скрупулёзным изучением изменений строения и пропорций черепов протославян и народов, их окружавших. Швидецки не только не даёт каких-либо «идеологических» оценок этим вариациям, но указывает и на то, что у современных ей народностей, населяющих Германию, также имеются следы инородческих, не-нордических влияний, что, опять-таки, как факт имеет прежде всего историческую и антропологическую значимость.

Как пример «поглощения» славянами своих соседей, Швидецки приводит ассимиляцию вятичами, на чьих территориях, в частности, находятся ныне и калужане, и туляки и граждане первопрестольной, финских племён муромы и мордвы (стр.16).

Тому, кто не склонен бродить в антропологических дебрях, и кто хотел бы взглянуть на расологию древних славян исключительно с исторического «пригорка», обильную пищу для размышлений Ильзе Швидецки даёт своими замечаниями о вторичной, так сказать, нордизации славянской расы. Её первый виток, который можно назвать «готским», относится к III-V вв. н. э., и о нём мы уже успели упомянуть, а второй - «норманнский», имеет отношение непосредственно к Новгородской, а позднее и к Киевской Руси, и связан с «призванием варягов». И хотя Швидецки указывает на то,

что «норманизация» коснулась в первую очередь славянской элиты, мы же не будем забывать о том, что именно «варяги» способствовали христианизации Руси, явились носителями её государственной, военной и культурной доминанты.

Сравнивая «готский» и «норманнский» этапы вторичной нормдизации славян, Швидецки указывает: «С норманнами также происходит процесс поглощения их славянами, что, если проследить с точки зрения истории, уже случалось с более древними германскими слоями. Уже в третьем поколении варяжские князья носят славянские имена. В результате они, вне всякого сомнения, влили в жилы славян и, в частности, аристократии, свежую нордическую кровь, которой, разумеется, вскоре суждено было просочиться в общую массу упоминаемых народов». И заключает эти рассуждения Швидецки опять цитатой из Любора Нидерле: «Вопреки ключевой роли, которую пруссы (в данном случае варяги - Г.П.) сыграли при основании и в процессе развития великой славянской державы на востоке, на физический тип славян они оказали лишь слабое... влияние... и вскоре совсем исчезли в славянском море» (стр. 80).

Впрочем, «готское» влияние трудно оценить ещё и потому, что, как пишет Швидецки, «область распространения... и родоплеменная классификация славян» «обретают некоторую ясность» лишь «на рубеже 1-го и 2-го тысячелетий после Р. Х.» (стр. 12).

Как указал в предисловии к цитированному нами изданию протоиерей Роман Бычков «Познание наших общих духовных и расовых истоков – есть дело наиболее важное для нас. Ибо, как справедливо заметил ещё один знаменитый расолог, Хьюстон Стюарт Чемберлен: **«Кто ниоткуда – тот никуда»**».

Что ж, лучше и не скажешь...

Итак, наука своё слово сказала. Но был ли её голос услышан идеологией? Ведь так бывает, что учёный муж говорит одно, а партийный функционер совсем другое... Постара-

емя ответить на этот вопрос, используя немного, может стать, экстравагантную иллюстрацию...

Сентябрьским днём 1955 г. с причала на реке Мерси на гребные колёса курсирующего между Ливерпулем и Чеширом парома бросился средних лет мужчина с яркой внешностью «истинного арийца», в результате чего лопатка гребного колеса сработала как гильотина. Так оборвалась жизнь Джеймса Ларретта Баттерсби (1907-1955). Приведём о нём короткую справку.

Джеймс родился в семье владельца большой шляпной фабрики, здание которой в г. Стокпорт в Большом Манчестере сохранилось до наших дней. Ему на роду было написано продолжать семейное дело, но уже в 30-ые годы он увлёкся фашистскими идеями и вскоре стал региональным лидером Британского союза фашистов (BUF) Освальда Мосли (1896-1980). С началом Второй мировой войны он был интернирован в специально построенный для лиц, исповедующих НС-идеологию, лагерь, где провёл несколько безрадостных лет. И хоть арестован он был как фашист, но перед военным трибуналом предстал как пацифист по убеждениям, т. к. он, разумеется, категорически отказывался воевать против немцев. Его краткая характеристика в истории так и осталась, как это ни парадоксально звучит, «фашист-пацифист»...

С осени 1945 года Баттерсби возглавил некую церковную общину, в которой Адольф Гитлер провозглашался ипостасью Иисуса Христа и ему служились специальные службы. В декабре следующего года по требованию Британского парламента община была распущена, а её руководитель сосредоточился на издательской и общественной работе. Он выпускал пропагандистские журналы и брошюры, в которых продолжал линию на обожествление Фюрера, но в то же время весьма грамотно и обосновано выстраивал теории по дальнейшему устройству Европейского Союза, да и всего мира, прогнозировал будущность НС-теории и практики, а также вполне ло-

гично - с геополитической точки зрения - рассматривал необходимость создания политической оси Бонн-Москва-Токио, как реальный противовес оси Лондон-Вашингтон.

В 1952 году увидела свет самая известная работа Джеймса Ларретта «Священная книга Адольфа Гитлера», вобравшая в себя всё наиболее ценное (по мнению самого автора) из ранее им продуманного и написанного. Так вот, в этой брошюре, в которой содержится как бы квинтэссенция НС-мировоззрения и в которой вспоминать о каких-то там славянах совершенно, казалось бы, неуместно, мы читаем следующее: «Национальность - дело второстепенное; раса и дух - все. Мысленное единство немца русского происхождения А. Розенберга и англичанина немецкой расы, автора настоящей книги, является иллюстрацией нордическо-кельтско-славянского расового союза, который будет достигнут в немецкой религии, освободившей весь мир от уз, духовных и материальных, еврейской мамоны».

Германию и Россию автор именует не иначе, как двумя Великими Державами, а немцев и русских называет «двумя великими северными народами»; и своё мнение он подкрепляет мнением такого НС-авторитета, как Хьюстон Стюарт Чемберлен, который – по словам Баттерсби – «всегда определял арийские принципы в терминах сочетания нордического, кельтского и славянского в Европе, что может послужить образцом для тевтонских усилий в наши дни. Русский Достоевский также был пророком русско-германского соглашения». И чуть ниже: «Европа в целом может быть описана как арийская и расово однородная, объединяющая кельтские и славянские народы с нордическими; все они принадлежат к индогерманской семье народов, арийским народам, которые всегда играли видную роль в развитии цивилизации и культуры». «Славяно-тевтонский союз» Баттерсби видит как союз «чистых рас», борющихся с остатками «бастардных цивилизаций».

Джеймс Ларретт Баттерсби (1907-1955)

Фантазируя на тему реорганизации Организации Объединённых Наций он пишет: «...мир должен быть переделан по арийскому образцу, с объединением в мыслях и действиях для создания всемирной организации, продвигаемой нордами и славянами - то есть, прежде всего, Германией и Россией». И далее поясняет: «Расовый термин «арий» означает нордическо-кельтско-славянское согласие, которое объединяет германский и русский миры. Учитывая преобладающую власть, которую Россия сегодня осуществляет на Востоке, и власть, которую, по соглашению с Россией, Германия будет осуществлять на Западе, триумфация в мире над всеми еврейскими и капиталистическими концепциями ясно виден. Арий - предначертанный Богом правитель Нового мира, в котором будет полное согласие между Востоком и Западом, а также между расами и народами всей земли».

Комментарии, как нам кажется, здесь излишни...

Не следует полагать, что подобные воззрения на арийство славян появились лишь в послевоенные годы. Так, эксперт по расовым исследованиям в имперском министерстве внутренних дел Ахим Герке ещё в июне 1933 года заявил в газете «Innsbrucker Nachrichten», что «Ариец, проще говоря, — это европеец, представитель белой расы. Славяне — арийцы...»

При национал-социализме вопрос прояснения арийства славян занимал особое место в новой образовательной программе немецких школ в части древней истории и расовой антропологии. Так, в статье «Heimische Vorgeschichte als Quelle volkischer Bildung», напечатанной в 1938 году в журнале «Die Deutsche Schule», автор, Альберт Кикебуш, сетует на то, что «даже на лекциях, как и в беседах, можно столкнуться с ошибкой, будто славяне не являются арийцами. / Проблема в том, что/ на самом деле лишь очень небольшой круг людей имеет полное представление об этих вещах».

Так обстояли дела со славянским арийством в науке, так они отражались в идеологии, но, как известно, лишь практика является критерием истины. Насколько полно нацистские законы соответствовали выводам науки и требованиям идеологии? И опять же, ответ на поставленный вопрос хочется найти не на страницах учебников, а взять из реальной жизни, из того, с чем на практике сталкивались в Третьем Рейхе и простые немцы, и представители национальных меньшинств.

Итак.

В 1933 году, почти сразу же после прихода к власти, новое Правительство Германии принимает Закон о наследственных фермерских хозяйствах (Reichserbhofgesetz), выдержанный в духе сформулированного ещё в конце XVIII века Иоганном Гердером (1744-1803) учения о Крови и Почве (*Blut und Boden*).

Ричард Вальтер Оскар Дарре (1895-1953)

Одним из главных разработчиков этой законодательной инициативы и основным проводником её в жизнь стал рейхсминистр продовольствия и сельского хозяйства Третьего Райха, последователь И. Гердера - Ричард Вальтер Оскар Дарре (1895-1953). Он также являлся **руководителем Главного расово-поселенческого управления** и носил высокое звание **обергруппенфюрера СС (генерал-полковник)**. По последующему за Нюрнбергским, т. н. «процессу Вильгельмштрассе» Дарре был осуждён на 7 лет, но уже в 1950 году его освободили, и в дальнейшем он работал, что называется, по специальности, являясь консультантом в области агрохимии.

Основной целью Reichserbhofgesetz было сделать фермерские наделы наследственными в обязательном порядке, не допуская ни их дробления, ни их укрупнения. Отвечая принципам Blut und Boden, Закон должен был сохранить кровь немецкого крестьянства, как национальное достояние и залог расовой чистоты немецкого народа в дальнейшем. Согласно

ему предпочтение во владении землёй отдавалось мужским представителям рода, так что в случае, если глава семейства умирал, не имея мужских потомков, право пользования переходило не к его дочерям, а по мужской линии к братьям или племянникам.

Наряду с этими жёсткими ограничениями, Закон предоставлял целый ряд льгот, поэтому для получения статуса наследственного хозяйства к владельцам земли предъявлялись строгие расовые требования, и лишь треть германских фермеров смогли его получить. Но если в расовом отношении владелец хозяйства им соответствовал, то любая ферма, на которой выращивался хотя бы один *культурный сорт*, которая была достаточно большой для того, чтобы прокормить семью, и оценивалась от 7,5 до 125 гектаров, *автоматически* объявлялась наследственной фермой (*Erbhof*) и переходила от отца к сыну без возможности залога или отчуждения. Только эти крестьяне имели право называть себя «фермерами» (*Bauern*).

Как сообщает бюллетень *Kulturwehr (Защита культуры)* за 1934 год, некий польский фермер по имени Иоганн фон Стып-Рековский, имевший, очевидно, какие-то свои планы на продажу принадлежащего ему имения Платенхайм, подал в Районный наследственный суд города Бютов возражение по поводу внесения его земли в Реестр наследственных хозяйств, мотивируя свою позицию тем, что сам он не немецкого происхождения, а принадлежит к польскому меньшинству.

Высокий суд в составе доктора А. Г. Отта, Бунтрока из Риттерсхайма и Маасса из Нойхюттена собрался на заседание. Прошение Стып-Рековского было отклонено, а в причинах принятия такого решения указано следующее: «В своем возражении владелец оспаривает включение его имущества в предварительный список наследственных хозяйств на том основании, что он не имеет немецкой или одноплеменной крови и принадлежит к польскому меньшинству. Возражение было подано в надлежащей форме и своевременно, но оно

необоснованно. Согласно прямому положению §13 «Закона Рейха о наследственном хозяйстве» (Reichserbhofgesetzes, далее - REG.), тот, кто имеет еврейскую или цветную кровь среди своих предков по отцовской или материнской линии, не принадлежит к одноплеменной крови. Однако... владелец утверждает, что он польского происхождения, то есть славянского. Славяне же, как арийцы, являются одноплеменной крови с германцами (см. REG, ст. 23). Поэтому возражение было отклонено».

Всё по-немецки, всё чётко и конкретно!

Дальнейшая судьба Стып-Рековского нам неизвестна, но раз уж мы дважды (в первый раз, говоря о происхождении Ильзе Швидецки) коснулись польской тематики, хотелось бы упомянуть вот о каком обстоятельстве. Оно, может быть, и не имеет прямого отношения к настоящей статье, зато целиком и полностью вписывается в формат сборника «Вопросы норманизма». Дело в том, что «норманизм» присущ не только российской исторической науке, но и... польской! И анализируя полумифические истории Правящих Домов Европы, можно сказать, что это вполне нормальное явление!

Версия, что польская королевская династия Пястов, при которой Польша обрела окончательную форму своей государственности, ведёт своё начало от пришельцев из Скандинавии, появилась относительно недавно - около полутора веков назад. Причиной её появления стали многочисленные археологические находки на южном побережье Балтики, свидетельствующие о том, что скандинавы не только часто наведывались в эти края, но и жили здесь – среди западных славян - постоянно, а также успехи сторонников норманнской теории в России. Немаловажное значение имеет и тот факт, что, если в истории русской княжеской династии только сам Рюрик – фигура полуполюгендарного характера, а реальность существования его сына Игоря и уж тем более его снохи Мудрой княгини Ольги никаких сомнений не вы-

зывает, то начало родословия польской королевской династии более туманно.

Сам родоначальник династии Пяст скончался, предположительно, в 861 году. По официальной версии (не норманистской!) он был бедным крестьянином, жену его звали Жепиха, а сына - Земовит. Он радушно принял неких пожаловавших к нему гостей, угостил их как смог, несмотря на скудость своего хозяйства, в то время как правивший в те времена местный князь обошёлся с пришельцами крайне нелюбезно. Оказалось, что этими странниками были апостолы Иоанн Богослов и Павел, которые, совершив пострижение в отрочество сына Пяста Земовита, впоследствии сделали своего постриженника польским князем. Строгая наука ставит под сомнение и само существование, и биографии как Пяста, так и его сына, а также его внука и правнука – Ляшека и Земомысла. Первого исторически достоверного князя из династии Пястов звали Мешко I, годы его жизни приблизительно указываются 935-992, а датой начала княжения считается 960 год. Но не подлежит сомнению, что в 966 году сам князь, а вместе с ним и польский народ, приняли христианство по латинскому обряду.

Мешко I. Картина Яна Матейко. 1890-1892 гг.

Таким образом между смертью родоначальника династии Пяста и вступлением во власть Мешко Первого пролегают целых смутных сто лет, и, что называется, «темна вода во облацех воздушных» (Пс. 17:12)... И среди польских учёных нашлось немало историков, которые на основании прежде всего немецких источников, проводя параллели между полуполюгендарными жизнеописаниями первых польских князей и реально существовавшими персонажами германской истории, предположили, что эти самые князья могли быть выходцами из Скандинавии или Дании.

Что ж, пожелаем польским норманистам дальнейших успехов, а тем отечественным антинорманистам, которые полагают, что Рюрик со братьями – выходцы из польских земель, посоветуем особо на их счёт не обольщаться, потому что эти славянские князья оказываются варяжского, норманнского происхождения...

Примечания

1. Любор Нидерле (1865-1944) - чешский археолог, этнограф, историк-славист и антрополог, профессор Карлова университета, член Чешской академии наук и искусств.

2. Уильям Зебина Рипли (1867-1941) - американский экономист и антрополог, профессор экономики Гарвардского университета, президент Американской экономической ассоциации в 1933 году.

3. А. Шлиц – немецкий археолог и антрополог из г. Хайльбронн, чьи раскопки и труды пришлись на первую треть XX века.

4. Хьюстон Стюарт Чемберлен (1855-1927) - англо-немецкий писатель, социолог, философ, один из основоположников расовой теории.

Январь 2025 г., Москва

ЛИЦОМ К ВАРЯГАМ VS СПИНОЙ К ВАРЯГАМ

В качестве любопытного примера полемики по «вопросам норманизма» в наши дни (правда, слава Богу, без доносов), приведём небольшой обмен мнениями по поводу монографии историка-норманиста В. Акунова «Вандалы». Оппоненты умудряются сохранять сравнительную рукопожатность (что можно лишь приветствовать), но смотрят в разные стороны – ин лицом к Варягам, ин – лицом к Обдорам...

Павел Тулаев

КТО ТАКИЕ ВАНДАЛЫ?

На днях мой давний приятель Вольфганг Акунов пригласил меня на презентацию своей книги «Вандалы» (М., «Вече», 2025) в знаменитый магазин «Библио-Глобус» в самом центре Москвы. И я, несмотря на большую занятость, решил обязательно пойти. Не только потому, что автор – знаменитый писатель, талантливый популяризатор истории, специалист по германскому миру, военной и рыцарской тематике, ветеран казачьего, православного монархического, а шире – русского патриотического движения, но также из-за углубленного интереса к самой теме. Как справедливо написано в аннотации к изданию, составившей основу текста рекламной рассылки, «вандалы – незаслуженно оклеветанный народ». Сам этот этноним стал именем нарицательным. Он ассоциируется с грубым варварством, насилием, бессмысленным разрушением, так называемым «вандализмом». На самом деле вандалы имели славную, богатую событиями историю: от первых веков христианской эры и краха Римской Империи – до возвышения Византии и формирования Руси. Они были варварами в прямом, а не в переносном смысле, также, как скифы, готы,

викинги. Во время выступления с трансляцией через интернет Вольфганг Акунов продемонстрировал блестящие знание многочисленных фактов античной и средневековой эпохи. Оратор говорило ярко, эмоционально, убедительно, без шпаргалок и запинок, как опытный лектор. В течение часа он сделал достаточно подробный обзор легендарного пути вандалов: от берегов Балтийского моря – до северной Африки, красочно описал завоевание ими Рима и Карфагена, проанализировал политические интриги, особенности военной тактики и религиозных взглядов. Хрестоматийные данные, которые можно почерпнуть в классических произведениях Юлия Цезаря и Прокопия Кесарийского, в обобщающих трудах таких западных авторитетов, как Моммзен или Гиббон, в энциклопедиях, которые сегодня легко скачать из сети с помощью нескольких кликов, могут удовлетворить любознательных студентов, любителей познавательного чтения. Однако, мне как специалисту по славяно-русским древностям, в научно-популярной лекции уважаемого коллеги не хватало важных деталей, связанных с этногенезом вандалов. Общие фразы о «германском народе, пришедшем из Скандинавии» для меня недостаточны. Поэтому я позволю себе дополнить замечательный в целом труд писателя Акунова результатами моих многолетних исследований по заявленной теме.

Этимология и мифология

Западные историки ищут истоки вандалов в Ютландии, северная часть которой называется Вендсюссель, а мыс Скаген ранее именовался Вандильскаги. Тут древнее племя кимбров-завоевателей, пришедших из Восточной Европы за несколько веков до Р.Х., столкнулось с античной цивилизацией кельтов и венетов. Вандальские дружины часто возглавляли норманны и балты. В связи с этим распространено мнение о германском происхождении вандалов. О какой именно Германии тут идёт речь? Само это географическое понятие (от лат. *Germani*

– родственные, соседние племена), сравнительно молодое. У римлян имя «германцы» впервые упоминается на триумфальных фестах и в «Записках о Галльской войне». Историк Публий Корнелий Тацит, живший на рубеже I-II веков н.э., прямо говорит: «Имя «Германия» новое и недавно вошедшее в употребление: сначала «германцами» называлось то племя, которое первое перешло Рейн и вытеснило галлов и которое теперь называется тунграми. Таким образом, укрепилось имя целого народа, а не одного племени: сначала [галлы] стали так называть всех [жителей Германии] по имени победителя из страха, а потом те и сами усвоили себе имя германцев, приданное им [галлами]». Wendel – это германизированное произношение названия исконно европейского народа «венды» (venden) или «венеты» (veneti), чьи топонимы рассеяны от Причерноморья до Атлантики. Есть основания утверждать, что корни венетов, упоминаемых Юлием Цезарем, связаны с древней Лужицкой культурой в районе Силезии (Slenz, Slezko, Schleisien). Именно здесь, у истоков Лабы и Вислы, к северу от Карпат, где античные географы помещали Вандальские горы (нынешние Судеты), археологи находят много предметов вандальского типа. Лугии были многочисленным народом, состоявшим из нескольких племён. На их древних землях выросла цивилизация лужицких сербов, чье имя созвучно балканским сербам, потому что это одно из названий славян в целом. В средние века Лугию называли Белая Сербия (Бела Србија), а сокращенно – Бойка (Бојка, греч. Boiki). Согласно трактату «Об управлении империей» Константина Багрянородного, здесь была прародина сербов, откуда некоторая их часть в VII веке ушла на Балканы. О вандалах история сохранила множество свидетельств и преданий, которые отчасти легендарны, а отчасти отражают историческую правду. Среди поляков, у которых до сих пор популярно имя Ванда, распространена легенда о происхождении их народа от князя Ванда, коим именем прежде называлась река Висла.

В русских архивах сохранилось предание о Вандале, “царе Новгородском”, сыне Словена, родоначальнике славян. В скандинавских источниках мы находим сказание о противоборстве асов и ванов, уходящее корнями в троянскую эпоху. Асы – это древний род богов и предков, пришедших в северную Европу из Азии. В других текстах они упоминаются как асы (ясы, язиги) наряду с аланами. Их этнический состав обсуждается исследователями, но общепризнано, что наиболее знаменитым племенем были роксаланы, обитавшие между Танаисом и Борисфеном, на территории Скифии. Ваны (др.-исланд. Vanir) были богами плодородия народа, соседнего асам и альвам (предкам албанцев). У асов с ванами была великая война, получившая отражение в германском эпосе. Согласно “Старшей Эдде” в Ноатуне (новом граде) у вана Ньёрда и его жены Скади родились сын Фрейр (господин) и дочь Фрейя (госпожа). Они были “прекрасны собою и могущественны и тоже стали богами (асами)”. Фрейру были подвластны дожди и солнечный свет, а Фрейя, имевшая прозвище Wanadis (т.е. вендская), покровительствовала любви и небесной славе. Она была всех благосклоннее к людским молитвам и забирала с поля брани героев к себе на небо, в Фолькванг. Древние саги, собранные Снорри Стурлусоном, в метафорической форме отражают реальные исторические события. Асгард существовал в Парфии, Троя – в Анатолии, Малая Свитьод – это Скандинавия, а Большая Свитьод – Великая Скифия, где на пути “из варяг в греки” возникла Русь. Все это абсолютно достоверно, ибо подтверждается научными данными. Но если так, то имя ванов должно быть связано с существованием вполне реальных стран и государств. Посмотрите внимательнее на историческую карту Восточной Европы. Дон в античные времена имел название Танаис, а по скандинавским источникам – Танаквисль, или Ванаквисль. В “Круге земном” сказано, что “местность у её устья называлась тогда “Страной ванов”, или жилищем ванов”, что соот-

ветствует высказыванию Прокопия Кесарийского о вандалах, живших у Меотийского озера. Танаквисль впадает в “длинный залив, что зовется Чёрным морем. Он разделяет части света. Та, что к востоку, зовется Азией, а ту, что к западу, некоторые называют Европой, а некоторые – Энеей”. Знатки античной географии обращают также внимание на то, что Донецкий кряж назывался прежде Венендерскими горами, а все земли между Доном и Днестром – Лебедией (с аполлоническим культом лебедя связан миф о ване Ньёрде, а возможно и название старинного города Лебедянь на Дону. В этот же метаисторический круг вписывается древний город Вантит, расположенный, согласно арабскому источнику, “на крайних пределах славянских”, где жили вятичи. Архетип носителя новой культуры, титана-колонизатора, пришедшего на север из южной страны Ванов, ясно просматривается в народных преданиях финнов, собранных и обобщенных Элиасом Лёнротом в едином произведении под названием «Калевала». Главного героя зовут Вьянемейнен или просто Вьяне. Он был рожден от девы Ильматар, “дочери воздушного пространства” и свирепого ветра-бури. Вьяне наделен мифологическими чертами: мудреца-песнопевца, мастера, путешественника, морехода и чародея, похожего на нашего былинного Садко. Для финских богатырей Вьяне – старший брат и наставник, ведь недаром он называется прародителем племени “певцов удалых”. Фонетическое соответствие имени Вьяне названию “вене” приводит к мысли о том, что Вьянемейнен в финской традиции олицетворяет славянских (венедских) предков, принесших родовые традиции на ими северные земли. Образ Вьяне символизирует связь северо-восточных регионов Европы, населенных финнами, с соседями-славянами (вендами) и другими жителями Балтии. Тот, кто был в Эстонии или Финляндии, знает, что местные жители до сих пор называют там русских WENE, WEND или VENELAIN – на эстонском, и VENAJA, VENÄJÄN – на финском.

Начало исторического пути вандалов

Проследим теперь историю вандалов в изложении академической науки. В середине I века до н.э. пассионарная часть лужичан, жителей Лугии, в союзе с кимврами и другими соседними племенами атаковали королевство Ванния в верховьях Дуная. Около 171 г. н.э. войско вандалов-асдингов во главе с Раусом и Раптом вторглись на территорию Дакии. Они поселились на берегах реки Тисы и вместе с маркоманами воевали против римлян. Затем вандалы присоединились к готам (248 г.) и сарматам (270 г.), совершив большой поход в Паннонию. Этих вандалов победил римский император Гай Вибий Волузиан (Volusianus), что запечатлено на его монетах, где венды/вандалы упомянуты среди покорённых народов: *Im. C. Af. Gal. Vend. Volvsiano Avg.* Император Проб (276-282 г.) тоже стремился противостоять агрессии северных варваров. В 278 г. он разбил отряды лугиев (вандалов-силингов) в Реции. Часть из них попала в плен и была выселена в Британию, а часть поступила на службу Риму. В рамках войска империи был сформирован большой отряд вандалов из 2000 всадников. Он назывался «*ala VIII Vandilorum*». К этому времени цивилизация вандалов достигла уже сравнительно высокого уровня развития. Они имели современную по стандартам своего времени армию, многочисленные поселения и даже города с княжьими дворами, своеобразную культуру и религию. Об этом свидетельствуют найденные археологами бытовые изделия, драгоценные украшения, роскошные гробницы вождей. Восточная Европа, известная в древности как Скифия, Сарматия, Русь, всегда жила самобытной жизнью. Риму удалось подчинить своему влиянию лишь ту её часть, что наиболее тесно примыкала к рубежам Империи, проходившим по Дунаю и Одеру. Однако и эти границы всегда были беспокойными. Варвары постоянно напоминали о своей воле к независимости и вторгались в пределы Римских вла-

дений. До IV века н. э. восточные соседи были не в состоянии поколебать основы Рима, превзойти его государственную мощь, качественно изменить границы. Крупные перемены начались после того, когда за Дунаем появились орды воинственных гуннов, потрясших весь античный мир. Эти кочевники пришли из-за Урала, где жили по соседству с китайцами, давшими народу имя Hiung-nu. Уже в I в. до Р.Х. они образовали огромную державу и в поиске новых завоеваний устремились на Запад. В 370 г. гунны напали на аланов, которые соперничали за влияние в Причерноморье с готами. Часть готов и аланов была разбита, а часть продолжила экспансию. Это привело в движение весь юго-восток Европы. Под давлением гуннов и готов с Востока вандалы во главе с Годигизелом предприняли большой поход на Запад в союзе с аланами, гепидами и сарматами. В этой связи Прокопий пишет: «Вандалы, жившие у Меотийского озера, под влиянием голода ушли к р. Рейну, к германцам, которых сейчас называют франками, захватив в союз готскую народность алан». Варвары вторглись в Рецию и заняли часть земель в Винделиции и Норике. Здесь они создали свои военные базы и поселения, угрожая откуда Риму. Возглавлял войско вождь вандалов Радигаст (Радогайс), тот самый которого связывают с одноимённым божеством Радогостом, чей идол находился в культовом храме Ретры. Авангард Радигаста составляли 12 тыс. отборных воинов, а всё его ополчение, вместе с женщинами и рабами, присоединившимися к армии во время массового переселения с берегов Балтики и Дуная, насчитывало от 200 до 400 тыс. человек. В 406 г. варвары обрушились на Северную Италию, где ограбили и разрушили многие города. Радигаст, поклявшийся обратить Рим в груды камней и принести знатных сенаторов в жертву языческим богам, дошёл почти до самых ворот «вечного города», где погиб, предоставив армии завершить военный поход. Дело Радигаста продолжили другие вожди вандалов:

Гунтерих и Гейзерих в то время, как их соплеменник Стилихон, бывший опекуном юного императора Гонория и служивший главнокомандующим римскими войсками, в последние годы своей жизни возглавил правительство Западной Римской империи. Стилихон боролся с армией готов, способствовал нападению вандалов на Галлию. Их руками он разбил франков и направил варварские полчища в пределы Пиренейского полуострова. В 409 г. соединённые войска варваров под предводительством короля Гунтериха, сына Годогизела, перешли через Пиренеи и заняли Испанию. Здесь они разгромили силы римлян и, установив свою власть, поделили захваченную территорию. Алань заняли Лузитанию (современная Португалия) и Картагену (часть центральной и юго-восточной Испании), свевы – Галисию (северо-запад п-ова), вандалы – Бетику (нынешняя Андалусия) и часть Галисии, которую они разделили со свевами. Гунтерих стал первым вандальским королем и правил в Галисии 18 лет. Победители римлян не контролировали перечисленные территории полностью, границы их владений менялись в зависимости от перестановки сил, но варвары смогли основать на Пиренеях свои поселения и крепости. Средневековый географ из Равенны упоминает название города Антия, свидетельствующее о колонизации Испании аланами-антами, а имя южной провинции Андалусии до сих пор хранит название племени вандалов; по другой версии – аланов от арабского Alandaluz. Готы, потревоженные гуннами, также предприняли крупный военный поход на запад. Переправившись через Дунай, они вторглись в Мезию (нынешнюю Болгарию), затем атаковали войска римлян под Адрианополем и захватили Балканский п-ов. В начале V века вестготы во главе с Аларихом, который был знатным вождём из рода балтов, вступили в Италию, захватив Рим в 410 году. Варварам сразу не удалось укрепиться на Апеннингах. Это произошло лишь после восхождения державы гун-

нов, чьи завоевательные войны радикально изменили расстановку сил в Европе. В Испанию вестготы вторглись в 468 году, непосредственно из Галлии, по просьбе римлян, которые с готовностью поддерживали своих бывших врагов войсками. Готы вступили в союз со свевами, создали своё государство, а затем начали теснить вандалов и аланов с территории Пиренейского п-ова. Если бы вандалы были одного рода с готами, им было бы проще договориться с соплеменниками. Однако готский вождь Валя, защищая Рим, разгромил вандалов-селингов (*vandalos-selingos*) в Бетике, а также тех варваров, что подчинялись аланам. Немногие оставшиеся вандалы ушли к Гундерику в Галисию. Основателем вестготской державы был король Атаульф, также принадлежавший к династии Балтов. Западные учёные считают, что это – династия германского происхождения, хотя среди вестготских королей встречается немало имён негерманского корня (Ахила, Валя, Вамба, Витигис, Витица, Сило, Юдила и др.). Выходцы из рода балтов правили в Тулузском королевстве и вестготской Испании. Присутствие готов в Испании документально засвидетельствовано не только в трудах историков, но и в хронике короля Альфонса Мудрого. Её внимательно изучила и прокомментировала Ю. Статкуте де Росалес, увлекавшаяся испано-литовскими связями. Готская хроника называет готов “гудами”, а не германцами. Эта точка зрения считалась общепринятой до середины XVII в., пока не появилась немецкая публикация Библии Вульфилы (IV в.). Она была написана на готском языке греческим письмом, а немецкие исследователи нашли в нём черты древнегерманского языка. Данную точку зрения приняли сначала в Скандинавии, а затем и в других странах. С тех пор и утвердилось мнение о готах как германцах. Будучи носителями арианства, то есть раннего христианства в истолковании богослова Ария, готы оставили после себя богатое духовное наследие. Арий (256-336) не

был самозванцем, он был священником, поставленным на должность пресвитера Александрийской церкви с поручением заниматься толкованием Священного писания. Внешне Арий был высок и худощав как аскет, он был красноречивым оратором и искусным диалектиком в спорах. Будучи последователем Антиохийской школы богословия, нашедшейся под влиянием философии Аристотеля, Арий исходил из тезиса о трансцендентности Бога и его непричастности к каким бы то ни было эманациям или рождениям. С этой точки зрения, не могло быть и речи о совечности Христа как Сына своему Богу-Отцу. Он появился по воле Бога и был им сотворён из ничего раньше веков, предвечно. По Арию, Христос – божественный Логос, имеющий начало своего бытия, то есть земное рождение. Между Богом и Логосом существует бесконечное различие. Соперничество между каноническим христианством, утверждённым Вселенским Собором, и арианством, как ересью, не было кратким эпизодом, а весьма продолжительной драмой. Она длилась несколько веков и сопровождалась кровопролитными войнами, в частности описанными византийским историком Прокопием Кесарийским в его книгах об эпохе императора Юстиниана. Арианскую веру восприняли многие варварские племена, в том числе вандалы, гепиды, русы. Одоакр, знаменитый король рутенов (лат. Odoacer Rex Ruthenorum), а также готов, гепидов, герулов и унгаров, прославился тем, что в 476 году в результате военного переворота в Риме был провозглашён королём Италии. Византийский император Зенон Его признал Одоакра в качестве патриция, то есть наместника, но тайно плёл интриги против варваров. Своими завоевательными походами готы прославились на весь мир. Они были смелыми воинами, сражались пешими и конными, а в бою были особенно искусны на лошадях. Для тренировки опытные всадники ежедневно проводили спортивные соревнования. Вот как характеризует этот народ Исидор

Севильский: «Народы, ловкие по природе, с живым умом, уверенные в своих силах, мощные телом и гордые своей красотой, достойные в поведении и одежде, быстрые в решениях и действиях, благотворящие подвиги, воспетые поэтом. Геты (los Getas) презирают смерть и восхваляют боевые раны. Их воинские доблести настолько велики, и победы настолько грандиозны, что сам прославленный Рим уступил им во славе; повелитель народов сам стал их слугой».

Вандалы завоёвывают Рим и Карфаген

Вандалы и аланы, теснимые готами, вынуждены были отступать на юг. В 428 году 80 тысяч переселенцев во главе с королем Гейзерихом переправилась через Гибралтарский пролив в Северную Африку. Они воспользовались помощью местного наместника Бонифация, конфликтовавшего с императорским домом. В результате варвары без больших потерь захватили Карфаген и основали там новое королевство. Карфаген был древним городом, с развитой цивилизацией и разветвленными торговыми связями. Он считался соперником Рима. Его аристократия утопала в роскоши и излишествах. Разрушив «африканский Рим», вандалы построили рядом новый город, где открыли церкви арианской веры, школы, гимназии, театры. Эти варвары, оказывается, были весьма строгих нравов; огнём и мечом они насаждали свою мораль, трактуя её в свете арианства. По свидетельству историка Прокпия вандалы «постились, молились и носили впереди армии Евангелие, может быть с целью упрекнуть своих противников в вероломстве и святотатстве». Рядом с новой столицей был построен порт и создан мощный флот. Освоив тактику морского боя, вандалы совершили несколько победоносных рейдов в Средиземноморье: завоевали Корсику, Сардинию и Сицилию. Их влияние в Западной части Средиземного моря было настолько велико, что его долгое время называли Вандальским. Торговцы и мореплаватели, попадавшие в новую

столицу Северной Африки, изумлялись при виде высоких, светловолосых и голубоглазых “берберов” (арабский вариант слова “варвары”), совершивших на протяжении жизни одного поколения удивительный путь: от северного побережья Черного моря до южных берегов Средиземноморья. В 455 году вандалы захватили Рим, который незадолго до этого, в 410 году – атаковали вестготы. Имя Гейзериха, успешно правившего почти полвека (428-477), было известно во всей Европе, и он заслужил право называться одним из самых выдающихся вождей варваров. Именно он изображён на знаменитой картине Карла Брюллова, созданной художником в 1834 году. Воинственное государство вандалов просуществовало в Северной Африке до VI века, пока оно не истощило свои силы и не было разгромлено императором Юстинианом с помощью византийского флота. После поражения вандальской армии варвары в Африке не исчезли, не растворились, а вошли в качестве воинской касты в систему местной власти. В научной литературе эти потомки вандалов и аланов, рожденные от смешанных браков с римлянами, известны как берберы. Антропологически они были ближе к европейцам, высокого роста светловолосые и голубоглазые, а по религии – частично язычники, а частично мусульмане. Губернатор Муса, задумавший в начале VIII века поход в Испанию, смог набрать на службу от 12 до 30 тыс. молодых варваров (берберов). Эту миссию он выполнил при помощи арабского полководца Тарика, вместе с которым разбил готов и овладел крупнейшими городами Испании. То, что среди берберов было немало славян, подтверждает знаменитая “Песнь о Роланде” VIII века, где описывается битва варваров с войсками франкского короля Карла (742-814), прозванного немцами Великим (Carolus Magnus). Франки – это не французы, а союз германских племён, сформировавшийся в бассейне нижнего и среднего Рейна. В VI-VIII веках он объединял алеманов, баваров, тюрингов, саксов и другие этносы. При поддержке

католического Рима император Карл значительно расширил владения франкского государства. На западе его граница шла по Атлантике, на юге – достигала Испании и Италии, на востоке – граница проходила по Дунаю и Лабе. Здесь проходил «сербский рубеж», который отделял новые завоевания саксов от земель лужицких сербов и других славян. В 778 г. армия короля франков предприняла поход в Испанию, где столкнулась с сопротивлением басков. Согласно классическому произведению средневековой литературы, генеральное сражение христиан с “неверными” и язычниками возглавил маркграф Роланд, а войском варваров командуют “перс, король Торле и Дапамор, князь лютичских земель”. Лютичи – это ляхи, западные славяне, жившие в Поморье (нынешней Померании), по берегам реки Лабы. Вероятно, именно они основали на берегу реки Сены город Лютецию, выросший со временем в Париж. Вот цитата из батальной сцены великой поэмы:

Эмир спешит объехать ратный строй,

За ним наследник – ростом он высок.

А перс Торле и лютич Дапамор

Выводят рать из тридцати полков.

Далее среди воинов третьего, четвертого и пятого полков перечисляются русы, боруссы, славяне, сорабы, сербы, а также словенцы, угличи, прусы и другие “африканцы”. Литературоведы считают, что это художественная метафора. Мол, против христианина Роланда объединился весь некрещённый мир. Однако исторические данные показывают, что для данной гиперболы были вполне определенные основания. Арабские источники упоминают об особом классе “славян” (от перс. — сакалиба, что значит саки – скифы – сколоты), состоявшем у мусульман на службе. “Из славян, – как пишет испанский историк Альтамира-и-Кревеа, – формировалась особая гвардия халифа. Люди эти были богаты, имели земли и слуг-рабов, которым они платили жалование. Это была своеобразная аристократия, неоднократно принимавшая ак-

тивное участие в решении важных политических вопросов и которую называли иногда “белой партией”. По сведениям арабских авторов в армии мавританского правителя Испании Абдаррахмана III насчитывалось 13750 славян. При Аль-Мансуре вожди “сакалиба” совершили военный переворот, подобно мамлюкам в Египте, и власть перешла от арабов к славянам-берберам. Следы этой партии, назвавшейся “аристократией меча”, мы находим позже в различных провинциях Пиренейского полуострова. На многих предметах, связанных с эпохой вандалов мы обнаруживаем восьмиконечный равно-сторонний крест, совмещающий две свастики, правостороннюю и левостороннюю. Что он мог обозначать? Первые крестообразные символы и сооружения, известные археологам, относятся ещё к VI-V тысячелетию до н. э. Форму небесного круга – Сварги – имели культовые курганы-обсерватории, древнейшие города Аратты, знаменитый Аркаим на южном Урале. Различные кресты, свастики, ярги, коловраты и подобные им знаки в форме мандал мы находим на культовых предметах, связанных изначально с небом, зодиакальным кругом, а позже – культом солнца. У древних славян-венедов четырёхстороннее или четырёхглавое изображение было символом Световида – Бога Богов, Господина Вселенной. С начала христианской эры Крест во всех его видах стал одним из самых популярных геральдических знаков. Восьмиконечный крест чеканился на монетах вандалов. Изображение этого креста мы находим также на мозаичном панно с портретом вандальского всадника V в. н. э. Этот же крест мы видим на мечах русских воинов из дружины Святослава. Они были найдены у Днепровских порогов, на пути в Царьград. Далеко не сразу главный христианский символ приобрёл ту каноническую форму, которая принята ныне православными людьми. Например, на крыльях равностороннего креста лангобардов в пору их двоеверия изображались лики Свентовида, которые позже трактовались как образы 4-х апостолов, а в центре

креста помещался олень, священный тотем скифов. Более поздний Мальтийский крест, также как и Георгиевский, тоже имеет четыре равносторонние части. Восьмиконечный крест в православной традиции связан с почитанием Богородицы, покровительницы Святой Руси. Он встречается на многих иконах и предметах церковного культа.

Расцвет и закат Вандалии

В книге Вольфганга Акунова последним властителем вандалов назван Гелимер, который правил в VI веке. Подлинное имя правнука Гейзериха было Гейламир (Geilamir). Его можно прочесть на фотографическом изображении монеты той эпохи, которое представлено в ряду иллюстраций, подобранных автором. Подобные окончания имён имели князья Владимир, Яромир, Радомир и т.п. Все они – славянского происхождения. Трагический финал африканкой эпопеи вандалов не означал «рагнарёк» (конец света), то есть гибель их богов и всего мира. После того, когда часть варваров ушла за Рейн в Галлию, другая часть осталась в центральной Европе. Об этом ясно пишет словенский этнограф И.В. фон Вальвасор: «Род и имя вандалов не исчезли в Нижней Германии, Паннонии, Австрии и Краине». В VI веке вандалы снова заняли старые места своего поселения – Штирию, Каринтию и Краину, а также Хорватию, Далматию, Склавонию и другие вендские земли. Жители словенской Краины – венды. Те, кто раньше назывались вендами, позже стали именоваться вандалами. Вандалы и венды – один народ. Когда варяжская Русь во главе с князьями Рюриковичами начала формировать на востоке новое государство, сплотившееся во время серии походов на Константинополь, наследники балтийской Славии создали в районе Венедского залива целую цивилизацию городов и культовых центров, известных в эпоху средневековья как Вендланд, Виндланд или Вандалия. В эту систему городов-полисов, подобную адриатической Венеции и восточно-

европейской Гардарике, входили: Старград (Ольденбург) в земле вагров; Любич (Любек), Ратибор (Ратцебург), Зверин (Шверин) и Родсток (Росток) в нынешнем Мекленбурге; Аркона, на острове Руян (Рюген); Ретра в Мекленбурге, Щецин (Штеттин), Демин и Волгаст в Померании; торговый центр Волин (Юлин, Винетта), расположенный в устье Одры и другие «грады и веси», менее отдалённые от моря. Позже бывшие славянские земли вместе с городами перешли во владение саксов, вестфальцев, голландцев, фризов и прочих германских народов, говорящих на немецком языке; а местные князья этих земель и их шляхта со временем уступили свою власть немцам или были ими уничтожены. Последним соперником князя Сакенского Генриха Льва был славянский вождь Никлот со своими сыновьями Прибыславом и Вартиславом. Немцы называли вендов Windish, а их страну Склавонией или Славией, которую считали частью Великой Германии (Germania Magna). Адам Бременский в «Деяниях гамбургских архиепископов» (XI век) даёт описание «Склавонии (Sclavania), пространнейшей области Германии, населённой винулами (Winuli), которые некогда звались вандалами (Wandali)». «Она, — пишет хронист, — вдесятеро больше нашей Саксонии, в особенности если к ней причислить Чехию (Boemia) и живущих за Одером (Oddara) поляков (Polani), так как ни образом жизни, ни языком они не отличаются. Эта страна, обильная оружием, мужами и плодами [земли], со всех сторон замыкается прочными границами лесов и рек. В ширину, с юга на север, она [простирается] от реки Эльбы (Albia) до Скифского моря (mare Scythicum). В длину же она, начинаясь от нашей Гамбургской епархии, тянется на восток, включая бесчисленные земли, до Баварии, Венгрии (Ungria) и Греции (Grecia)». Обратим внимание на название «Скифское море». Античные географы называли его также «Венетским заливом». Это свидетельствует о том, что нынешнюю Балтику осваивали выходцы из Азии или как минимум — из

Восточной Европы. Норманны изначально жили в северных регионах Гипербореи: в Швеции, Норвегии, Дании. У Гельмольда, автора «Славянской хроники» XII века, есть аналогичное описание западнославянских племен и их городов, в частности Волина (Винетты, Юмны) : «По ту сторону от лютичей (Leuticii), другое имя которых — вильцы (Wilzi), протекает река Одер, наиболее полноводная из рек в стране славян. В её устье, где она впадает в Скифские болота (Scytice paludes), расположен знаменитейший город Юмна (Iumne), весьма многолюдная гавань варваров и греков (Greci), обитающих вокруг. Об этом славном городе ходит множество невероятных рассказов, поэтому я счел уместным включить кое-что, достойное упоминания. Это, безусловно, самый большой город во всей Европе, населяют его славяне вместе с другими народами, греками и варварами». Стоит отметить, что до начала 2-го тысячелетия венды были язычниками и долго сопротивлялись принятию христианства, насаждаемого римлянами и немцами. Языческие святилища были во многих городах славянского Поморья: в Щецине, Радигощи, Ретре, на острове Руян. Противоборство славянских и германских племен в бассейне Скифского (Балтийского) моря, начавшееся ещё в античную эпоху, приобрело гигантские масштабы после появления Франкского государства, о котором уже была речь. Понятно, что новые земли франки завоёвывали силой, но при этом император Карл Великий опирался на Церковь и свод суровых законов. После завоевания германским королем Оттоном I большой части Италии в 962 г. образовалась «Священная Римская Империя», где славяне (венды) заняли подчинённое положение по сравнению с немцами. Время от времени славяне поднимали восстания, которые переходили в вооруженные столкновения с германцами и, как правило, жестоко подавлялись. Например, в 983 году император Оттон II, разгромил армию восставших вендов, отвоевал у них Бранденбург (Бранибор) и уничтожил бо-

лее 30 тысяч повстанцев. В «Хронике марки Бранденбург сообщается: «Венды вспомнили о своем былом величии, когда они захватили Рим и Карфаген, когда их король Гензерих владел Африкой, Сицилией и Вельшландом. К вендам (т.е. вандалам – П.Т.) тогда относились ободриты, вагры, ругяне, кашубы и лужичане». Это прямое указание на взаимосвязь вандалов северных и южных. Особое место в истории вендов занимает эпопея сопротивлении ранов, защищавших независимость своего острова Руян. Сокровища Арконы и её значительное влияние, особенно в период княжения Готшалка, вызвали зависть у норманнов. Они стремились установить свою гегемонию в балтийском регионе, где к XI веку сложилась мощная Вендская держава, объединявшая племенные союзы бодричей, лютичей и поморян. В эпоху экспансии викингов под предлогом борьбы с язычеством началась серия войн с полабскими славянами. Кровавые сражения завершились в 1168 году падением Арконы, после чего началась активная колонизация острова германцами. Хотя формально Руяном управляли вендские князья: Яромир, Барнут, Вышеслав, Вратислав и другие, они уже были немецкими вассалами. Колонисты начали теснить местное население, навязывать свою культуру и искоренять вековые традиции. Вендский язык долго сохранялся на окраинах острова, однако и здесь он постепенно стал вымирать. Существует легенда, что в XV веке на Рюгене умер последний человек, говоривший по-славянски. От старых времен остались только топонимы и несколько слов, таких как брег, озеро, погост, могила. В религиозной войне крестоносцев вдохновляла Римско-католическая церковь. Под её влиянием вслед за франками и саксами приняли христианство князья Моравии, Польши, а затем и Дании. Здесь недостаточно упоминания того факта, что на месте языческих капищ были поставлены христианские алтари, а культ бога Световита заменило почитание святого Витта. После учреждения Инквизиции в 1215 году на-

чалась настоящая травля «неверных», в том числе женщин, следовавших народным традициям, которая получила название «охоты на ведьм». Первые массовые расправы над инакомыслящими имели место в Византии и королевстве франков, но постепенно война мировоззрений приобрела универсальный характер и растянулась на несколько веков. В результате на Западе, где с крестом и мечом на язычников наступали латиняне, сожгли на кострах, утопили или убили другим способом, не менее 30 тысяч женщин, подозреваемых в ворожбе. По другим источникам только в Германии было казнено свыше 20 тысяч «еретиков», а по всей Европе – около 100 тысяч жертв. Стоит подчеркнуть, что это была не только идеологическая борьба Церкви с древней кастой жриц, хранивших традиции эпохи матриархата, но также этническая война. Германцы, занявшие земли славян, уничтожали вместе с ведьмами родовую память, уходящую корнями в глубокую архаику. Если же учитывать общие последствия религиозной войны папства против протестантов, то по подсчетам историков, речь должна идти о 9 миллионах потерянных жизней. География этого настоящего геноцида совпадает с землями вендов: от Балтики до Адриатики, и от Лабы до Вислы.

Язык и топонимия Вендов

На каком языке говорили вандалы в Испании, в Африке, в северной и восточной Европе в эпоху средневековья? Никаких литературных памятников вандалского языка не существует. Те записи, что делали образованные вандалы на универсальном тогда греческом языке, нельзя считать этническими. Лингвистическая наука знает язык венетов или вендов (по-немецки — Windish). Учёные эпохи Просвещения считали, что этот язык возник из смешения старых германских диалектов со «склавонским», который гораздо ближе к польскому, чешскому и русскому языкам, нежели немецкому. Лингвистика признаёт язык вендов индоевропейским, хотя

ставит его в этой семье особняком. В энциклопедиях и справочниках по поводу венетского языка обычно утверждается, что он является самостоятельным, но давно уже исчезнувшим языком индоевропейской группы, по грамматике близким к кельтскому, иллирийскому и итальяскому; его письмо адаптировало элементы алфавита этрусков с добавлением греческих и римских знаков, но, в конце концов, было вытеснено латынью. Венетские тексты V-I вв. до н.э. (всего дошло около 200 кратких надписей) имеют с палеобалканской письменностью общие черты. У обоих языков могут быть общие корни, уходящие во времена пелазгов. Они могли возникнуть в период экспансии на Балканы северного народа вскоре после падения Трои. Археологические находки на местах этого исторически достоверного переселения имеют черты Лужицкой культуры (ящичные погребения, бронзовые спиралевидные перстни, витые браслеты и т.д.). В венетском языке можно найти элементы славянских, балтийских, итальянских и германских диалектов, но все эти параллели требует тщательной проверки. Очень интересно проанализировать сравнительный словарь вандалских и славянских слов Карла Вагрийского, который приводит Мавро Орбини в книге «Славянское царство» («El Regno de Gli Slavi»): baba – baba, cachel – cotel, culich – culich, kobyła – kobyła, kolo – kolo, krug – krug, lopata – lopata, mlady – mald, pechar – pehar, ptach – ptich, zumby – zuby, etc. . Здесь мы обнаруживаем либо полную аналогию, либо сходство диалектов. После знакомства с данным словником становится понятно, почему наш летописец Нестор [XI-XII вв.] называл грамоту вендов «словенской», византийские историки воспринимали славянские говоры как «один и тот же варварский язык», а германские хронисты не видели большой разницы в диалектах вандалов (винулов), поляков и чехов. Автор «Космографии» 1588 года Себастьян Мюнстер по этому поводу писал следующее: «Поляки говорят на одном языке со склавами, виндами, вендами,

болгарами, сербами, далматами, крабатами, боссами, чехами, рейсами, литовцами, московитами». Примерно через столетие, в 1679 году в Праге был отпечатан на латинском языке учебник «*Principae linguae Wenedicae, quam aliqui Wandalicam vocant*» («Основы языка вендов, который некоторые вандальским именуют»). Здесь комментарии излишни, потому что нужное нам объяснение содержится в самом названии ныне забытой книги. Исключительно важно для нашей темы исследование немецкого просветителя XVIII века Андреаса Готтилба Маша, посвященное богослужебным предметам ободритов, которые были найдены в Ной-Штрелице (бывшие Стрелицы), зарисованы и тщательно описаны. Эту редкую книгу перевёл со старинного немецкого языка А.А.Бычков, а я издал с подробными комментариями под названием «Сокровища Ретры» (М., «Слава!», 2006). Автор утверждает, что местные жители Поморья эпохи Арконы говорили на родном языке. Он приводит доказательства того, что «венды пользовались руническими письменами», которые намного древнее готских букв Ульфилы и, по одной из гипотез, принесены кимбрами из Италии. Эту линию продолжил граф Ян Потоцкий, служивший в Министерстве иностранных дел Российской Империи в период царствования Екатерины Великой. Углубленный интерес к славянским древностям привёл его в земли Нижней Саксонии. Здесь он посетил Ной-Штрелиц, где были обнаружены упомянутые сокровища, и лично познакомился с Машем. Путевой дневник Потоцкого представляет собой археологическую ценность не только потому что содержит 118 рисунков с артефактами вендов-язычников, но также «Славянский словарь», найденный и скопированный им в Ганновере, в районе Венланд. Он до сих пор не изучен русскими славистами, поэтому я включил дневник со словарём во второе издание книги А.Г. Маша «Сокровища Ретры» (М., «Вече», 2017). В целом судьба вендского языка на территории Германии сложилась весьма трагично. После разруше-

ния культовых центров славян в Прибалтике, насильственной христианизации, латинизации и германизации, письменные традиции древних славян здесь были постепенно утеряны.

Воспоминания о Вандалии и Славянском царстве

Многие коренные жители Вандалии помнили о своём славянском происхождении. Даже спустя столетия после онемечивания этих земель находились такие любознательные венды, которые стремились изучить свои родовые корни, начиная с языческих времен. Среди них был Альберт Кранц, чья фамилия совпадает с названием города Кранц в центре острова Руян (Рюген). Альберт Кранц (Albert Kranz, 1450-1517), родом из Гамбурга, по непонятным причинам долгое время оставался за пределами внимания российских исследователей. Он был философом и историком, сотрудником посольского приказа, ректором университета в Росток, посланником Любеккской Ганзы и по своей должности выполнял роль министра юстиции и иностранных дел. Кранцу приходилось много путешествовать, и он написал несколько исторических трудов с описаниями земель региона, интересовавших Ганзу. Ганзейские города на Балтийском море были прямыми наследниками торговых городов эпохи викингов. В рамках Ганзы с XIV века существовал «Вендский монетный союз», основанный в 1379 г. В него вошли Любек, Гамбург, Висмар, Росток, Штральзунд, Люнебург и Ганновер, а позже Грейфсваль и Висмар. С 1541 года этот монетный союз чеканил вендский талер с гербами Ростка, Люнебурга и Любека и надпись на аверсе «Монет Кивитат Вандал». Самое важное для нас произведение Кранция «Вандалия или описание вендской истории» (*Vandalia, sive Historia de Vandalorum jerq origine, etc.*, Cologne 1518), никогда не издававшееся русским языком, было переведено с латинского на немецкий уже после смерти автора и напечатано в 1600 году. Вандалы, как видно уже по названию, здесь ото-

ждествляются с вендами. В предисловии говорится: «Среди всех немцев венды считаются одним из самых древних народов... который жил от реки Танаис (Дон) до Рейна, на территории, которая [ныне] именуется Великой Германией... Я хочу показать, что чехи, поляки, далматинцы и истрийцы — это один народ, который мы называем славянами, а древние называли вандалами». «Их соседями, — пишет далее автор, — являются поляки, получившие своё имя от равнинных полей, чтобы отличаться таким образом от чехов». В первом томе подробно рассказывается о судьбе вандалов, которые через Рейн, Галлию и Испанию ушли в Африку и там погибли как цивилизация. Учитывая, что в XVI веке вендов считали славянами, в указателе к латинскому подлиннику имеется примечание «Славяне — это вандалы» и далее: «Сегодняшние славяне в древности были вандалами». В этой связи интересно было узнать, что из одного экземпляра первого латинского издания в указателе, в котором нет пагинации, вырван лист с буквой «S», т.е. именно тот лист, где написано упомянутое примечание. Кроме того, первое латинское издание было включено Римской курией в Индекс запрещённых книг, как и упомянутая книга Мавро Орбини, поэтому немецкий перевод смог появиться значительно позже. Во второй части «Вандалии» есть раздел, посвящённый русским и современной автору Московии. Происхождение русичей Кранций, следуя античным источникам, связывает с племенами роксоланов. При этом он знает о генетической связи восточных и западных славян. Он пишет: «Русские и поляки сейчас как часть одного племени родственны вендам в Германии». Автор «Вандалии» знает многие русские города, которые раньше соперничали друг с другом, а «сегодня подчинены великому князю Московскому». Специалисты считают, что исторический труд Альберта Кранца был хорошо известен в правящих кругах Европы. Возможно, что с его содержанием был знаком даже Иван Грозный, которо-

го информировали о международных делах. Альберт Кранц был не единственным историком эпохи Возрождения, исследовавшим корни своих предков. Его ученик Томас Канцов (1505-1542), родом из Стральзунда (рядом с Рюгеном), был секретарём померанских князей. Исследовав не только государственные, но также церковные и монастырские архивы, он написал «Хронику Померании». Что касается происхождения Вандалии (Виндланда), Томас Канцов пишет: «По словам всех историков, народы этой страны – вендского происхождения. Вряд ли есть другой народ, совершивший столь великие подвиги. Они овладели большей частью Германии и Африкой, а также Польшей, Богемией, Пруссией и всей Славонией на Адриатическом море. Их предком был Вандал. Померанцы отличны от вендов и именуются славянами. Князья III-IV веков в письмах по-латыни называют себя князьями славян или князьями Померании, а в письмах на немецком – князьями вендов». «Померанские венды лучше всех понимает славянов, сидящих за венграми, и могут легко говорить с ними... Так что славяне и вандалы – одно и то же, подобно тому, как немцев называют также германцами, тевтонами, алеманами. Поэтому древние историки называют немцев, валов и данов вендами или славянами, а поляков и прусов – померанцами». В эту же историческую эпоху в Далмации (нынешней Хорватии), захваченной мусульманами, появилась целая плеяда ученых, увлекавшаяся славной историей предков и искавшая пути освобождения славян. Среди них у нас наиболее известен упомянутый выше Мавро Орбини, хорватский просветитель конца XV века, чьё сочинение, написанное на итальянском языке, было переведено на русский при царе Петре Первом. Труд Орбини издали в сокращённом виде в 1722 году в Санкт-Петербурге под названием «Книга историография початия имени, славы и разширения народа славянского». Российского Императора и придворную знать привлекали аргументы автора о глубокой

древности нашего народа. Полный перевод Мавро Орбини на русский язык появился только в начале XXI века. Он содержит, в частности, упомянутый «Вандальский словарь» Карла Вагрийского, который представляет собой ценный лингвистический памятник. В книге, получившей теперь название “Происхождение славян”, хорватский просветитель дает широкую трактовку имени Мавро вандалы. Опираясь на многочисленных античных и средневековых авторов, Орбини доказывал, что “вандалы и славяне были одним народом”. “Вандалы имели не одно, а несколько различных названий, а именно: вандалы, венеды, венды, генеты, венты, виниты, славяне, и наконец, валы”. Говоря современным научным языком, Орбини считал вандалов (венедов) суперэтносом, включавшим в себя несколько племен, как это было у греков, римлян, скифов, варягов, казаков. То, что в феодальную эпоху коренным и преобладающим населением Восточной Германии, и особенно Вандалии (Славии) были венды-славяне, мы считаем доказанным.

Итоги германизации вендов

Собранные свидетельства позволяют утверждать, что ассимиляция славян в Северном Полабье, начавшаяся в конце VI века, завершилась только в XIX веке, когда на основе Германского Союза после буржуазной революции 1848-1849 годов и франко-прусской войны 1870 годов года было создано объединенное государство Германия. Она длилась так долго, более тысячи лет, потому что до конца Средневековья ассимиляционные процессы были медленными. В онемечивании славян на велетских и ободритских землях, как уже говорилось, активное участие принимала Церковь. Из документов мы знаем, что начало христианизации этих земель не было легким. Ненависть местных жителей к религии саксонцев была огромной и не только из-за привязанности к старым богам, а также из-за поведения проповедников христиан-

ства. Германизация ускорилося в течение XV и XVI веков. Для оставшихся потомков редаров, полабян, варнов, украин, ранов, древян, решившим их судьбу, ударом стали события 30-летней войны 1618-1648 годов, состоявшей из ряда военных конфликтов на религиозной и политической почве. Однако в отдельных местах славяне существовали ещё сотни лет. Только когда наступил век паровых машин и железных дорог, все остатки языковой и культурной самобытности канули в прошлое. Такие старинные центры как Старгард Вагрийский, Мехлин, Зверин, Ральсвик, Дымин, Вологощ в условиях капиталистического развития не имели шансов на соперничество с крупными промышленными регионами Европы. Выходцы из Саксонии, Голландии, с берегов Рейна несли с собой модель новой общественно-экономической организации. Те из славян, кто хотел идти в ногу с прогрессом, вынуждены были отказаться от родовой традиции, а их дети и внуки уже испытывали к вендам чувство отчуждения. Печальная судьба крестьян Северного Полабья не была каким-то исключением. Западная часть жителей славянского Поморья (Померании) тоже была онемечена. Сохранившие самобытность «словинцы» стали в германском окружении едва заметным этническим меньшинством. Восточные поморяне, известные как кашубы (kaszubi), до сих пор проживают компактными этническими группами на территории Польши. Современные кашубы считают себя поляками, хотя их архаичный язык, делящийся на 76 диалектов, относится к западной подгруппе лехитских говоров. Большие последствия имели индустриализация в XIX веке и войны XX в. Они вызвали массовую миграцию кашубов и словинцев в Германию, США, Канаду и другие зарубежные страны. Столь же жестоко история обошлась с паннонскими, греческими и румынскими славянами. Столкновение миров принесло победу стороне, лучше организованной, располагавшей более широким набором технических и культурных

средств, а также огромными людскими резервами. Относительно повезло лужицким сербам, чьи древние земли ныне окружены территорией современной Германии. Несмотря на то, что экономически и политически Лужия стала частью немецкого мира, эти сербы сумели сохранить свою самобытность до нашего времени. По сей день красуется город Будишин со старинным средневековым замком, где всё говорит о тысячелетней преемственности единой цивилизации. Немцы называют местных жителей Вендами (Windisch), а сам город – Баутценом (Bautzen). Конечно, за несколько веков германской колонизации территория лугиев значительно уменьшилась, а покорённый народ большей частью ассимилирован. Немецкая экспансия особенно усилилась в период прусского милитаризма и германского рейха. С тех пор лужицкие сербы живут преимущественно в районе Будишина и Котбуса, образуя славянские островки в немецком море. Их общая численность сегодня не превышает 60 тысяч человек, хотя в конце XIX века она составляла более 167 тысяч человек. Вопреки всем трудностям, местные жители до наших дней сохранили свои древние традиции и обряды, восходящие к языческим временам, очень похожие на древнерусские. Радетели старины изучают свой архаичный язык, родственный полабскому диалекту, вымершему в XVIII веке. Развивают вековые традиции серболужицкой литературы. Охраной и развитием народной культуры занимается патриотическое общество «Домовина». В Будишине открыты: Сербский музей, научно-исследовательский Сербский институт, национальное издательство имени просветителя Я.А. Смолера, действуют специальные образовательные и детские программы, о которых пишет местная газета «Serbske Nowiny». Очевидные факты славянского происхождения населения южно-восточной части Германии были восприняты, изучены и обобщены российской наукой XIX-XX веков в лице таких крупных учёных, как Ю.И. Венелин, А.Ф. Гильфердинг, М.К. Любавский и других. Фило-

лог И.И. Срезневский был личным другом Яна Смолера, участника Всеславянского съезда 1867 года в России. Он даже способствовал изданию сборника лужицких народных песен. Несмотря на всё это богатство культурного наследия вендов, некоторые советские учёные в вопросе об этногенезе вандалов следовали западным клише. В этой связи у меня состоялась полемика с академиком Ю.К. Бегуновым, труды которого я в целом оцениваю высоко. Будучи редактором журнала «Наследие предков», я заказал своему корреспонденту в конце 1990-х годов статью на тему «Исторический путь вандалов». Юрий Константинович достаточно быстро написал небольшое исследование, опираясь на немецкие источники. Меня такая версия не устроила, поскольку наиболее авторитетные археологи доказали генетическую связь вандалов с вендами. Бегунов не хотел соглашаться с этой точкой зрения и требовал скорейшей публикации своего очерка. Переносы по срокам не решали научную проблему, и я вынужден был вернуть уже готовую статью автору вместе с иллюстрациями и картами, скопированными с европейских изданий. Вскоре упомянутая работа Ю.К. Бегунова была опубликована в журнале «КЛИО», №1, 2000. Формально конфликт был исчерпан, но Юрий Константинович настаивал на обсуждении темы. В некотором смысле данная публикация является продолжением этой дискуссии, состоявшейся 25 лет назад! Потом я публично проанализировал параллели между вандалами и венетами на международной конференции «Древние жители Европы, состоявшейся в Словении в 2003 году. И теперь я благодарен Вольфгангу Акунову за то, что его книга «Вандалы» стимулировала новое осмысление давней темы.

Выводы

Вопреки многочисленным фактам и обобщениям учёных нескольких поколений, в современной западной науке при-

нято называть вандалами лишь те германизированные племена северной и центральной Европы, которые вторглись в пределы Римской Империи вместе с аланами и свевами, а венедами (вендами) именуются предки северо-западных славян. Такая трактовка весьма схематична, и по сути – неверна. На самом деле венеда и вандалы – это синонимы, разные названия одного и того же народа, жившего в разные эпохи в нескольких регионах Европы. Разумеется, они не были полностью моногенным племенем, состояли из множества родов, и в целом формировали суперэтнос, подобно скифам, сарматам, сербам. Никто не отрицает роль германских династий, стоявших во главе государств вандалов. Подобно летописным варягам, венды/вандалы составляли существенную часть родовой знати и участвовали в создании славяно-русского мира. Этот достоверный научный факт, подтверждённый исследованиями специалистов, наряду с другими, не менее важными, должен быть учтён в дальнейших публикациях о вандалах и варварах в целом. Основатели Народной Национальной Партии, избравшие в начале 2000-х годов для своей организации в качестве символа-логотипа вандальский крест, имели для этого логическое объяснение. Не случайно и то, что Всеволод Меркулов, ученик и последователь авторитетного советского историка Аполлона Кузьмина, автора целого ряда книг, а также популярной брошюры «Кто коренной в Прибалтике», в молодости назвал свою музыкальную рок-группу «Вандал», а потом написал целую монографию по теме «Откуда родом варяжские гости». И напрасно иные критики видят в таких фактах пропаганду «вандализма» в их собственном понимании!

Просто надо усвоить, что вандалы – это одно из названий древних славян и близкородственных племен, наших давних предков.

(<https://ateney.ru/17374-2>)

Вольфганг Акунов

ГВОЗДЬ В КРЫШКУ ГРОБА «АНТИНОРМАНИЗМА»

*И вы, повернувшись к варягам спиной,
Лицом повернетесь к обдорам
(Граф А.К. Толстой. Змей Тугарин).*

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

В последние десятилетия на фоне буйного расцвета «Новой хронологии» и прочих «фолкисторикистов» наблюдается возрождение способствующего им такого «старо-нового» направления в исторической науке, как «антинорманизм». При этом следует заметить, что исторический предшественник и «предок» этого «ново-антинорманизма» XXI века - «старый антинорманизм» (хотя правильнее было бы писать «антинорманнизм») XVIII-XIX веков был (в отличие от своего «потомка») для своего времени полностью научным направлением. Поскольку уровень знаний в то время позволял всерьез рассматривать ряд гипотез о происхождении Руси от финнов (Татищев), из жмуди, т.е. балтов (Костомаров), от хазар, т.е. тюрок (Эверс), от славян (Гедеонов) и т.д. Однако нам, нынешним, людям XXI века, не следует забывать, что в конце концов ни одна из этих «антинорманических» гипотез происхождения Руси так и не получила научного признания. После довольно резкой, совершенно справедливой, критики и горячей полемики все они были отброшены и остались историографическими курьёзами, или «казусами». Современный же, возрожденный эпигонами антинорманизм, пытающийся пересмотреть достижения всей исторической науки с момента краха «классического» антинорманизма XVIII-XIX столетий и его опиравшегося исключительно на «административный

партийно-государственный ресурс» рецидива в сталинской и постсталинской советской официальной исторической науке, и реанимировать давно отвергнутые по всем пунктам умозрительные гипотезы, представляет собой, при трезвом анализе, скорее не научное направление, а религиозную секту единомышленников, постоянно цитирующих и восхваляющих друг друга и друг на друга ссылающихся в своих построениях (как и родственные им протагонисты идеи о якобы славянском происхождении древних венетов, варягов и даже других древних германцев, в первую очередь - вандалов). К началу XX века критика антинорманизма и его развиваемых в его русле гипотез привела мировое научное сообщество (неотъемлемой частью которого была в то время российская историческая наука) к однозначному признанию скандинавского, норманнского, т.е. северогерманского, происхождения Древней Руси. Это - давно и прочно установленный научный факт; в дальнейшем словесные копья ломались лишь по тем или иным аспектам и конкретным вопросам исследования в рамках данного твердо установленного тезиса. Примечательно, что главный отечественный «нео-антинорманист» А.Г. Кузьмин, выступивший с жесткой и справедливой критикой «Новой хренологии» фолк-историков-фоменковцев, сам создал искусственную конструкцию, мало чем от нее отличающуюся. Пожалуй, главная слабость умозрительных построений «антинорманистов» XIX века заключалась в том, что, будучи едиными в своей критике (а точнее говоря - огульного отрицания и отвержения) ненавистного им «норманизма», которая была наиболее сильной частью их работ (ведь критиковать другого всегда легче, чем что-то создать самому), они расходились в позитивной части, пытаясь вывести корни Руси из самых разных уголков средневекового мира. Так образовались «антинорманистские» гипотезы о великом множестве различных «Русей», каждая из которых претендовала на роль родины «древних русов» и конкурировала с другими.

Наличие в рамках «антинорманистской идеологии», или «антинорманистской религии» целой плеяды альтернативных гипотез, ни одна из которых в итоге так и не была научно доказана и не получила признания в науке, представляло собой серьезнейшую проблему и главную слабость «антинорманизма». При этом «антинорманистами» никак не объяснялась, не обосновывалась и не подтверждалась роль, сыгранная якобы этими многообразными «Русями» в процессе образования исторической Древней Руси; Судя по всему, данный принципиальный и главный вопрос так и не будет разрешен последователями и сторонниками современной «антинорманистской» религии-секты.

Здесь конец и Господу Богу нашему слава!

В дополнение - «вкусная» цитата из 1894 года:

Самый ценный вклад германцев в цивилизацию — это они сами

«Переходя к отдельному рассмотрению того, что германцы привнесли в древнюю цивилизацию, мы должны на первое место поставить их, пожалуй, самый ценный вклад — самих германцев. Здесь имеется в виду не только то, что правительства, созданные ими на месте римского, во многих случаях стали улучшением по сравнению с анархией, которая существовала под вывеской империи, и радостным облегчением для жителей провинций, но, кроме того, они оказали и долгосрочное влияние самим фактом, что молодой, энергичный и здоровый народ сформировал значительный элемент в населении всех европейских государств. Возможно, в некоторых частях империи число новых поселенцев было невелико, и все же о всех латиноязычных странах говорили, что в них есть такие районы, где по-прежнему преобладают характерные для германцев внешние факторы — светлые волосы и голубые глаза, — указывающие на большую долю тевтонских переселенцев. Количество германской крови, которая влилась

в современные народы, должно быть значительным, потому что к вторгшимся войскам мы должны прибавить множество людей, которые еще раньше обосновались в империи как рабы и солдаты. Возможно, как уже мельком упоминалось, римский мир мог бы восстановить свои силы и вступить в новую эпоху производства без их помощи. Но даже если бы это произошло, и даже с большим успехом, чем кажется вероятным, плоды этого производства не обладали бы теми свойствами, которые привнесли германцы. Поселение тевтонских племен не просто ввело новый комплекс идей и институтов, которые сочетались со старыми, но и влило свежую кровь и принесло юношеский ум, мышцы и мозг, которым в будущем предстояло взять на себя большую часть мирового труда. Помимо самих себя германцы принесли с собой, как бесспорное свойство своего народа, высочайшее представление о личной независимости, о ценности и важности отдельного человека по сравнению с государством» - Джордж Бертон Адамс, американский историк-медиевист, преподаватель в Йельском университете (1888 — 1925) (зри подр.: <https://telegra.ph/Samyj-cennyj-vklad-germancev-v-civilizaciyu--ehto-oni-sami-04-10>).

...А финальную точку пусть поставит «норманическая» поэзия:

Solar Cross

НОВЫМ ВАНДАЛАМ

Точит архаики семя
Модерна железобетон.
Новых вандалов племя
Лжи сотрясает трон.
Бредит в предсмертном жаре
Мультикультурный Рим.

Нашей Весны скрижали -
Кровью среди руин.
Варварский дух Европы
Гневом обжѣг сердца.
Ровняем с землѣй небоскрѣбы
Рабов золотого тельца.
Корчится, брызгая жиром,
Общество общелюдей...
Мы «современным міром»
Будем пугать детей -
Дескать, когда то жили
Предки в бетонных домах,
Металлу с бумагой служили
И сгинули, к праху прах.
Этого міра волки
Гнилой обглодают труп.
Мох поглотит осколки
Витрин и обломки труб.
Пусть на нас сыпят проклятья
Верящие в прогресс.
Готовьте взрывчатку, братья,
Здесь снова будет лес!
Солнце, луна и звѣзды,
А не огни реклам,
Берлоги и птичьи гнѣзда.
Братья, готовьте напалм!
(<https://t.me/s/rusconserv>)

протоиерей Роман Бычков

READING DJOMIN (II)

Покойный историк Вл. Махнач предложил полушутейно-полувсерьёз как-то «правое» определение «интернационализма»: «Интернационализм – это сумма дружественных национализмов»... Нам определённо симпатично такое «определение», хотя, что уж греха таить: в Европейской истории с «дружественностью» национализмов почти всегда было «не очень». Некоторым исключением тут являются благословенные времена Средневековья, а вот, например, самоубийственная для Европы Первая мировая война своим основным «топливом» имела как раз горючий материал из европейских национализмов, к кануну Войны достигших крайне высокого «градуса накала». Вторая Мировая была и следствием Первой, и в какой-то мере «преодолением» ошибок: во всяком случае, со стороны стран Оси в той войне превалировала идея Европы как Единой Нации (Райха, как суммы дружественных национализмов, можно и так сказать). Сия Идея не была «побеждена» в Войне, она в некоей мере повлияла на создание послевоенного Евросоюза (но, разумеется, не в полном своём объёме). Помимо же «крайних» случаев в виде войн, своеобразный «спорт» по «отлучению от Европы» тех или иных народов – увы, давнее излюбленное (хотя и не похвальное) увлечение Европейцев. Посему, В.Дёмин в своём опусе «Красный Драконт», «отлучая» Русских от Европы и Запада и «приписывая» их к Востоку и Азии – ничуть не «оригинален».

Куда более убедительно (для нас) выглядят суждения покойного Вл.Авдеева: «Русские - стопроцентные европейцы, и никто в Европе в этом не сомневается. Если кто-то в Европе объявлял русских неевропейцами, он всегда делал это или накануне или во время войны. Когда европейцы называют азиатами азиатов, они не имеют в виду ничего плохого. При-

менительно к арабам, индийцам или китайцам это всего лишь констатация географического факта. Причисляя к азиатам друг друга, европейцы готовятся убивать. Чехи, занимаясь антигабсбургской пропагандой, называли азиатами австрийцев. В Сети можно легко найти подборку англосаксонских и французских военных плакатов времён Первой мировой, изображающих гуннами и монголоидами немцев. Немцы приняли правила этой игры и к началу следующей войны объявили, что французы принадлежат к негроидной (!) расе. И ведь это не предел. Англичане описывали ирландцев как разновидность обезьян, а сербские антропологи всерьёз доказывали, что у албанцев есть хвосты (любопытно, что речь шла о людях, которых принято считать потомками иллирийцев, давших Риму нескольких блистательных императоров). Но военная пропаганда - это всего лишь военная пропаганда. В мирное время такие вещи не делаются. Западные авторы XV-XVII веков стандартно описывали русских как народ, говорящий славянской речью, исповедующий греческую веру и носящий татарскую одежду (иногда они добавляли, что русский правитель живёт в построенном итальянцами Кремле). Наличие европейского языка и европейской религии полностью аннулирует тезис о неевропейском характере русской цивилизации. Заимствование у азиатских и африканских пришельцев одежды или кухни вполне типично для европейских окраин, на протяжении веков подвергавшихся завоеваниям со стороны неевропейских соседей. Это стандартная практика. Тут можно вспомнить мавров на Пиренеях, турок на Балканах или арабов на Сицилии. Костюм знатной сицилийской женщины XVI-XVII веков при всём желании невозможно считать вуалью. Это паранджа. Однако попробуйте напомнить сицилийцам об их не вполне европейской истории... Впрочем, лучше не пробуйте. Так поступил герой одного тарантиновского фильма, но он сознательно искал быстрой смерти. Естественно, нашёл. Применение к Российской Империи терминов вроде “карго” невозможно воспринимать

даже в качестве шутки. На вершине своей истории русские определяли на Венском конгрессе, по каким принципам будет жить Европа, и входили в Священный Союз, созданный для защиты этих принципов. А классическая русская литература стала одной из несущих конструкций всей европейской цивилизации и европейского мышления. До 1917 года Россия была не просто Европой, она была Европой экстра-класса. Ведь сама по себе принадлежность к европейцам означает довольно мало. В Европе есть и нации, которым крупно не везло в истории (например, ирландцы), и народы, само выживание которых под вопросом (например, лужичане). Но русские играли в европейской премьер-лиге. Они были на вершине пирамиды, на уровне, на котором возможно поглощение других европейцев (например, поляков). Революция 1917 года означала не устранение европеизированной верхушки, но гибель цивилизации как таковой. Ничего специфически русского в этой революции не было. Её осуществила вспученная грязь, которая везде одинакова. “Люди хорошие, Кирн, никогда государств не губили,” - заметил в своё время Феогнид из Мегары. Достаточно почитать, что представляла собой Парижская коммуна. За свою недолгую историю коммунары успели повалить Вандомскую колонну, сжечь дворец Тюильри, расстрелять множество заложников (включая архиепископа) и оставить город без круассанов. Если бы они продержались не семьдесят дней, а семьдесят лет, во Франции настал бы такой **Le Sovok**, что нам и не снилось. Фортуна - ветреная дама. В 1871 году она стояла при Тьере, а от Деникина в 1918 отвернулась. Это всего лишь превратности судьбы. В обоих случаях дело могло обернуться иначе. И тогда Франция сегодня считалась бы чем-то вроде Африки, если не хуже, а в принадлежности к Европе России, напротив, никто бы не сомневался...».

Упомянутое франко-немецкое «взаимоотлучение» от Европы проявляло себя подчас куда более грутально и экстравагантно (так скажем), нежели пресловутая «европейская

руссофобия». Например, в годы той же Первой войны, французское Парижское медицинское общество опубликовало описание особенностей немецкой расы, среди коих были и такие *exotiques*, как чрезмерное выделение фекалий, а также был выявлен «верный» признак, по которому можно было смело ловить немецких «шпиёнов», моча которых имела 20% аммиака, в то время как моча людей других рас 15%...

Много и преувеличенно говорилось о немецкой «славянофобии», но полезно напомнить, что и славяне были не прочь поупражняться в «германофобии». Причём не только теоретической: к примеру, в славянской «панской» Польше, возникшей как детище уродливого сварганенного масонами «Версальского мира» в 1918-39 гг. немецкое меньшинство было поражено в правах и прессовалось весьма немилосердно (наряду с малороссами, кстати). Ну «ладно»: полякам немцы «досадили» сравнительно больше, нежели прочим «братьям-славянам». Но с чехами, например, в годы «оккупации» 1938-45 гг. немцы обходились более чем либерально, за что «освобождённые» чехи в 1945 г. обрушили на судетских немцев злобное гонение: согнав с родной (как ник крути) земли и принудительно депортировав. А в качестве «теоретического» примера славянского немцеедства, полезно привести справку про «ненависть чехов к немцам в Dalimilova kronika»: «Далимилова хроника – се первая историческая хроника на чешском языке. Датируется 1310–1314 гг., и насквозь пронизана враждебностью и подозрительностью к немецким переселенцам в Богемии. Содержащийся в ней рассказ об истории Богемии, организованный в основном по принципу правления конкретных, сменяющих друг друга князей, всякий раз, когда заходит речь о германо-чешских противоречиях, приобретает особенно яркие краски. Рассказывается, например, как один антинемецки настроенный князь платил 100 марок серебром «каждому, кто принесет ему 100 носов, отрезанных у немцев». Острая неприязнь к немцам, сквозящая в «Хронике Далимила», нашла ещё более яркое отражение в труде другого

чешского автора XIV века, кратком латинском трактате под названием *De Theutonicis bonum dictamen*. Вероятнее всего, его автор был образованный горожанин-чех, возможно, нотариус или какой-то другой чиновник. Когда после строительства Вавилонской башни по земле расселились разные народы, пишет автор, то немцы были причислены к рабской расе, не имеющей своей земли и обречённой служить другим народам. Это и объясняет, почему «нет такой области, которая не была бы полна немцев». Постепенно, однако, немцы захватили себе и землю, и все привилегии свободной нации. Это удалось им благодаря тому, что их превосходство в торговых делах позволило аккумулировать капитал и тем самым «скупить землю многих свободных и благородных людей». Ныне, сетует автор, немцы в каждой бочке имеют свою затычку: «Мудрый заметит, а благоразумный рассудит, каким образом эта ловкая и лживая раса проникла в самые плодородные уголья, лучшие фьефы, богатейшие владения и даже в княжеский совет... Сыновья этой расы приходят на чужие земли... Потом оказываются избраны в советники, тонким вымогательством присваивают общинную собственность и тайно отправляют к себе на старую родину золото, серебро... и иное имущество из тех краёв, где они стали поселенцами; так они грабят и разоряют все земли; обогатившись, начинают притеснять своих соседей и восставать против князей и других полноправных правителей. Так поступал Иуда, так вёл себя Пилат. Ни один сколь-нибудь искушённый человек не усомнится в том, что немцы — это волки в овечьем стаде, мухи на блюде с едой, змеи на груди, распутницы в доме». Далее в трактате обвинения конкретизируются в том духе, что немцы господствуют в городских советах и плетут «заговоры» ремесленников, то есть формируют гильдии, с тем чтобы держать высокие цены. Автор вопрошает у князей и других правителей государства, зачем они терпят эту нацию. В его представлении, идеальным решением проблемы было бы такое, выраженное в эпизоде из событий недавнего

прошлого: «О Боже! Иностранцу во всём отдается предпочтение, а местный люд у него под пятой. Было бы полезно, справедливо и нормально, если бы медведь оставался в лесу, лиса — в пещере, рыба — в воде, а немец — в Германии. Мир был здоров, когда немцы служили мишенью для стрел: тут вырывали им глаза, там — вешали вниз головой, в другом месте они отдавали нос в уплату налога, здесь убивали их безжалостно на глазах у князей, там — заставляли пожирать собственные уши, в одном месте подвергали одной каре, в другом — другой».

Вот те и «миролюбивые» славяне и «агрессивные» немцы... Впрочем, что тем, что другим, и тогда и теперь отнюдь не мешало бы снизить градус «-фобии» и «возлюбить брата своего» по Нации-Европе... Отметить должно, что многие немецкие мыслители, размышляя о «немецком» призвании, склонны были считать (почти текстуально совпадая в сем с Достоевским, правда, относившим се к русским) свой народ самым «всечеловеческим», и тем самым, «наиболее европейским в Европе». Например: «Ни одна страна, ни один народ, не являются в истинном смысле европейскими, как немецкий народ. Немецкий народ и духовно занимает центральное положение среди европейских народов, се даёт возможность полагать, что немцы среди европейских народов наиболее богаты и широки духовно» (Эдгар Юлиус Юнг). Замени «немцы» на «русские» и убери подпись: скорее всего, всякий читающий сочтёт, что писано сие Феодором Михайловичем... Немцы у Юнга (опять же совсем как русские у ФМД) едва ли не единственный народ «Абендланда», коий «имеет душу». Справедливости ради, Э.Ю.Юнг полагал, что Россия также «имеет столь же широкую и многозначную душу, но ей недостаёт стремления к ордунгу, воли к завершённому», и потому всё же Германия «самая европейская страна». Примечательно, что и Достоевский (после русских, конечно) именно для немцев «делал исключения» среди прочих народов Запада... Всяко, именно немцы и русские (ежели «начинать отсчёт» от

присоединения Российской Империи к «европейскому концерту» при Петре Великом) в данный исторический период в наибольшей степени демонстрировали Европейскую «всечеловечность» и потенции к созиданию пан-Европейской империи и культуры (не забудем, впрочем, что и Российская Империя XVIII-XIX вв. се во многом «немецкий проект»).

Отмеченную «широту и многозначность» немецкой и русской национальной души, купно с проявлениями Европейского благородства, ярко иллюстрирует нижеописанный эпизод из времени «возвращения Руси в Европу» в годы «начала славных дел Петра» (А.Пушкин):

«В 1704 году Царь Пётр, выполняя союзнический долг, послал в поддержку польскому королю Августу вспомогательный корпус. Воевавший со шведами польский король использовал русских солдат как пушечное мясо, бросая их на самые опасные направления. Во время сражения у Фрауштадта (ныне польский Всхова) Август в разгар битвы предательски покинул поле боя, уведя своё войско к Кракову. Часть солдат и офицеров русского корпуса с боями прорвалась из окружения, но большинство - до 4000 - оказалось в плену. Об их судьбе пишет историк Владимир Воронов: «Они были зверски убиты по приказу генерала Карла Густава Реншёльда. Шведские солдаты окружили пленных кольцом и, как писал очевидец, «около пятисот варваров тут же без всякой пощады были в этом кругу застрелены и заколоты, так, что они падали друг на друга, как овцы на бойне, так, что трупы лежали в три слоя». Как сообщает «Журнал или поденная записка Петра Великого», «а которые из солдат взяты были в полон, и с теми неприятель зело немилосердно поступил... ругательски положи человека по 2 и по 3 один на другого, кололи их копьями и багинетами». Вместе с солдатами убили и офицеров, в их числе и нескольких немцев, которые в ответ на предложение Реншёльда отойти в сторону и перекусить, ответили по-немецки: «Нет, среди нас нет немцев, мы все - русские» (sic! – о.Р.Б.). «Забыв о своём бедственном

положении, - вспоминал капитан-шотландец Томас Аргайл, бившийся вместе с русскими и раненым попавший в плен, - я решился приблизиться к фельдмаршалу и именем Господа напомнить ему о человечности и законах войны. Снизойдя до ответа, сей рыцарь снегов объяснил мне, что ни человечность, ни законы войны не распространяются на животных, каковыми были, есть и останутся русские. Впрочем, добавил он, если на то есть моё желание, я могу разделить их участь. Признаюсь, малодушие моё возобладало над совестью, и я предпочёл умолкнуть». Между прочим, во время Полтавской битвы фельдмаршал Реншёльд и генерал Карл Роос - непосредственный исполнитель его приказа об убийстве русских пленных, сами попали в плен. Но карать палачей Фрауштадта Пётр не стал, а, напротив, обласкал и осыпал милостями: пленные шведские военачальники были наглядным свидетельством его триумфа. Получается, что Русский Царь не хотел выглядеть варваром в глазах европейцев, у которых он многому научился. Они же и тогда, и гораздо позже не считали русских равными по происхождению и достойными человеческого обращения... И кто, спрашивается, был в данных обстоятельствах большим Европейцем? Наш ответ, впрочем, не русские и даже не немцы (ибо и те и другие не всегда были «на высоте» подобной вышеописанной), а – все те «добрые Европейцы», кои видят в Европе единую Расу и Кровь, единую Нацию-Европу, и стремясь к возможно полной имперской реализации сего изначального Арийского Единства, поддерживают «сумму дружественных национализмов».

ADDENDA: Любопытно, что существовал вариант «польского норманизма». Он там «не прижился», но тем любопытнее само проявление подобной теории именно в Польше, где градус германофобии всегда был крайне высок.

Происходила ли династия Пястов от скандинавов? Как родилась теория, что викинги основали польское государство?

Многие средневековые авторы пытались представить славян как анархическое сообщество, лишенное лидера и не способное управлять собой. Остатки предвзятых аргументов, существовавших более 1000 лет назад, все еще живы. До сих пор находится немало людей, утверждающих, что именно скандинавы основали династию Пястов и Польшу, и без них местное население не справилось бы. И мало кто помнит, почему это видение приобрело такую популярность над Вислой. Средневековые византийские и латинские авторы охотно писали, что славяне лишены какой-либо организации и не способны создавать свои собственные государства. Такое видение истории региона было очень популярно среди немецких ученых, работавших в XIX веке и позже. Достаточно процитировать слова Кароля Шайночи, одного из самых влиятельных польских историков XIX века. Он прославился, среди прочего, своей монументальной биографией Владислава Ягелло и королевы Ядвиги. Он прямо писал, что славяне жили в «состоянии полной социальной некомпетентности»: «без оружия, без сплочённости, без командования и политического единства». Что привело Шайночу к таким радикальным взглядам? Частично чтение немецких и, шире, западных авторов. Но прежде всего - знание различных летописей древней Руси. Летопись, в которой прямо говорилось, что важнейшее государство восточных славян было создано варягами. Так называемая «повесть временных лет», который начали записывать в Киеве в XI веке, сообщал, что восточные славяне не смогли прийти к организации самостоятельно. Вместо того, чтобы сотрудничать, они воевали друг с другом, «семья восстала против семьи». Поэтому в 862 году в порыве отчаяния и крайнего безсилия им пришлось отправить послов в Скандинавию. Посланцы объявили, что «Земля наша велика и обильна, и порядка в ней нет. Так приходите править и править нами». Им ответили три брата, старшего из которых звали Рюрик, они якобы сжалились над беспомощными славянами, пошли к ним и навели порядок. Так родилась династия Рюриковичей, правившая частью ре-

гиона до самого конца Средневековья. Подробности истории о заселении скандинавов в восточнославянский регион всегда вызывали сомнения. Здравый смысл подсказывает, что северяне, без чьего-либо совета, увидели возможность и попросту завоевали эти земли. Автор «Повести временных лет» написал правду и основателями Руси были скандинавы. Об этом свидетельствуют не только тексты той эпохи, но и данные археологических раскопок. Делались попытки отнести достижения варягов (т.е. скандинавов) не только к Руси, но и к другим областям славянского региона, расположенным вблизи Балтийского моря и на судоходные реки, по которым могли плавать длинные скандинавские лодки. Так называемая нормандская концепция происхождения Польши возникла более полутора веков назад. В отличие от Руси, в источниках это не подтверждается. Ни один достоверный текст той эпохи не утверждал, что именно пришельцы из-за моря научили славян с Эльбы, Одера и Вислы организовывать государство. Что касается раскопок, то они доказывают, что викинги охотно посещали южное побережье Балтийского моря, торговали с местным населением и, вероятно, также нападали на него. Но вглубь страны, особенно в Великой Польше, многочисленные могилы воинов с Севера появились лишь после того, как Пясты укрепили свою власть, на рубеже X и XI веков. Поэтому следует предположить, что местные правители завозили опытных наемников и с их помощью добивались военных успехов. Однако нет убедительных доказательств того, что они сами были скандинавами. Старый миф все еще силен. Различные авторы пытаются еще раз доказать, что цивилизация в Польшу пришла с севера.

Примечание: Текст «Reading Djomin» представляет собой одну из цикла заметок, навеянных прочтением книги В.Дёмина «Красный Дракон» (М., 2025). Это не полемика и не критика, а «мысли по поводу прочитанного».

От редакции «ВН»: Ниже публикуем два археофутуристических очерка NRx-автора А.Ильинова, сделанные в соавторстве с ИИ, представляющие собою яркие примеры «норманистской» Правой Утопии.

Алексий Ильинов

СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ ГЕРМАНСКОЙ НАЦИИ В ХХІ ВЕКЕ: СИМБИОЗ ТРАДИЦИИ И ТЕХНОЛОГИЙ

В альтернативной реальности, где кошмары мировых войн остались лишь мрачными фантазиями историков, Священная Римская Империя Германской Нации не только выстояла, но и расцвела, превратившись в уникальный феномен ХХІ века. Это не застывший во времени музейный экспонат, а динамичное государство, где консервативные ценности, монархические традиции и готическое христианство гармонично переплетаются с передовыми технологиями и амбициозными геополитическими проектами.

Сохраняя Традиции, Смотря в Будущее

Империя, возглавляемая Габсбургской династией, является конституционной монархией, где Император выступает гарантом традиций, морали и духовного единства нации. Однако, в отличие от архаичных представлений, власть монарха ограничена парламентом, состоящим из представителей аристократии, гильдий, университетов и религиозных общин. Эта сложная система обеспечивает баланс между традиционным укладом и современными потребностями общества.

Консерватизм в Империи – это не слепое отрицание прогресса, а осознанный выбор в пользу проверенных временем ценностей. Семья, вера, долг и честь – краеугольные камни

имперской идеологии. При этом, Империя активно инвестирует в науку и технологии, понимая, что именно они являются ключом к процветанию и безопасности в современном мире.

Готическое Христианство: Духовный Оплот Империи

Религия играет ключевую роль в жизни Империи. Готическое христианство, с его акцентом на мистицизм, красоту и духовную глубину, является не просто государственной религией, а неотъемлемой частью национальной идентичности. Величественные соборы, украшенные витражами и скульптурами, служат не только местами богослужений, но и центрами культурной и социальной жизни.

Империя активно поддерживает развитие религиозного образования и искусства, считая, что именно они формируют моральные устои общества и вдохновляют на великие свершения.

Аристократия: Хранители Традиций и Инноваторы

Аристократия в Империи – это не просто привилегированный класс, а элита, несущая ответственность за сохранение культурного наследия и развитие страны. Аристократические семьи, веками служившие Империи, активно участвуют в политической, экономической и культурной жизни. Они финансируют научные исследования, поддерживают искусство и меценатствуют, внося значительный вклад в развитие Империи.

При этом, аристократия не является закрытым клубом. Талантливые и амбициозные люди из всех слоев общества имеют возможность получить дворянский титул за выдающиеся заслуги перед Империей.

Союз Великих Империй: Геополитический Баланс

Отсутствие мировых войн позволило сохранить и укрепить многие исторические империи. Священная Римская импе-

рия является одним из ключевых членов Союза Великих Империй – геополитического альянса, объединяющего крупнейшие монархии мира. Целью Союза является поддержание мира и стабильности, развитие торговли и культурного обмена, а также совместное решение глобальных проблем.

Союз Великих Империй – это не просто политический блок, а платформа для диалога и сотрудничества между различными культурами и цивилизациями.

Высокие Технологии на Службе Империи

Империя активно развивает передовые технологии, от альтернативной энергетики и квантовых вычислений до генной инженерии и космических исследований. Однако, в отличие от бездумного технологического прогресса, характерного для других стран, в Империи технологии развиваются в соответствии с принципами устойчивости и этики.

Особое внимание уделяется развитию технологий, направленных на улучшение качества жизни граждан, сохранение окружающей среды и укрепление обороноспособности Империи. Например, активно разрабатываются экологически чистые транспортные средства, основанные на паровых двигателях нового поколения и электромагнитных технологиях. В городах внедряются системы «умного дома», позволяющие оптимизировать потребление энергии и ресурсов.

В военной сфере Империя делает ставку на высокоточное оружие, кибербезопасность и роботизированные системы. Имперская армия, известная своей дисциплиной и профессионализмом, оснащена самым современным оборудованием, но при этом сохраняет традиционные элементы военной формы и ритуалов.

Города Империи: Гармония Старого и Нового

Города Империи – это уникальное сочетание средневековой архитектуры и современных технологий. Величествен-

ные соборы, замки и дворцы соседствуют с небоскребами, оснащенными солнечными батареями и ветряными турбинами. Улицы городов патрулируются не только конными гвардейцами, но и роботизированными дронами, обеспечивающими безопасность и порядок.

В городах активно развивается общественный транспорт, включая трамваи, поезда и дирижабли, что позволяет снизить уровень загрязнения воздуха и уменьшить пробки. Особое внимание уделяется созданию зеленых зон и парков, где жители могут отдохнуть от городской суеты и насладиться природой.

Культура и Искусство: Возрождение Величия

Империя является центром культурного притяжения для всего мира. Здесь процветают искусство, музыка, литература и театр. Вдохновленные готическим христианством и классическими традициями, художники и скульпторы создают произведения, поражающие своей красотой и духовной глубиной.

Музыкальные фестивали и театральные постановки привлекают тысячи зрителей со всего мира. Имперские университеты славятся своими научными исследованиями и образовательными программами.

Образование в Империи: Кузница Кадров:

Образование в Империи является приоритетным направлением государственной политики. Система образования сочетает в себе классические методы обучения с современными технологиями. Ученики изучают латынь, греческий, историю, философию, математику и естественные науки. Особое внимание уделяется развитию критического мышления, творческих способностей и моральных качеств.

Имперские университеты предлагают широкий спектр образовательных программ, от гуманитарных наук до инже-

нерии и медицины. Лучшие выпускники получают возможность продолжить обучение в престижных академиях и институтах, где они готовятся к службе Империи.

Вызовы и Перспективы

Священная Римская Империя Германской Нации в XXI веке сталкивается с множеством вызовов. Глобальная конкуренция, изменение климата, терроризм и киберугрозы – лишь некоторые из проблем, требующих решения.

Однако, Империя уверена в своих силах и готова встретить эти вызовы с достоинством и решимостью. Благодаря своей уникальной комбинации традиций и технологий, консервативных ценностей и инновационного мышления, Империя способна не только сохранить свою идентичность, но и внести значительный вклад в развитие человечества.

Перспективы Империи связаны с дальнейшим развитием науки и технологий, укреплении геополитического влияния и продвижением своих культурных ценностей в мире. Священная Римская Империя Германской Нации стремится стать образцом для других стран, демонстрируя, что возможно построить процветающее и гармоничное общество, основанное на принципах справедливости, порядка и духовности.

Экономика Империи: Баланс Традиций и Инноваций

Экономика Империи – это сложная и многогранная система, сочетающая в себе элементы меркантилизма, свободного рынка и социального партнерства. Гильдии, веками регулировавшие производство и торговлю, по-прежнему играют важную роль, обеспечивая качество продукции и защиту прав работников. Однако, они адаптировались к современным условиям, активно внедряя новые технологии и методы управления.

Империя является крупным экспортером высокотехнологичной продукции, машиностроения, химической промыш-

ленности и предметов роскоши. Особое внимание уделяется развитию малого и среднего бизнеса, который является основой экономики и обеспечивает занятость населения.

Сельское хозяйство также играет важную роль, обеспечивая продовольственную безопасность Империи. Фермеры используют современные технологии, такие как генная инженерия и автоматизированные системы орошения, но при этом сохраняют традиционные методы земледелия и животноводства.

Социальная Сфера: Забота о Гражданах

Империя обеспечивает своим гражданам высокий уровень социальной защиты. Государство гарантирует доступ к бесплатному образованию, здравоохранению и социальному обеспечению. Особое внимание уделяется поддержке семей, ветеранов и инвалидов.

Система социального страхования финансируется за счет налогов и взносов работодателей и работников. Государство также активно участвует в жилищном строительстве, предоставляя гражданам доступное жилье.

Правовая Система: Справедливость и Порядок

Правовая система Империи основана на римском праве и каноническом праве. Судебная система является независимой и беспристрастной. Судьи назначаются Императором по рекомендации парламента.

В Империи действует строгий кодекс законов, который обеспечивает справедливость и порядок. Особое внимание уделяется защите прав человека и собственности. Смертная казнь применяется только за самые тяжкие преступления.

Внешняя Политика: Мир и Сотрудничество

Внешняя политика Империи направлена на поддержание мира и стабильности в мире. Империя активно участвует в

международных организациях и форумах, продвигая свои ценности и интересы.

Империя является сторонником многополярного мира и выступает против гегемонии какой-либо одной страны. Она стремится к развитию дружественных отношений со всеми странами, уважающими ее суверенитет и независимость.

Армия Империи: Защита и Безопасность

Армия Империи является одной из самых современных и боеспособных в мире. Она оснащена самым современным оружием и техникой, но при этом сохраняет традиционные элементы военной формы и ритуалов.

Армия Империи состоит из профессиональных солдат и офицеров, прошедших строгий отбор и подготовку. Особое внимание уделяется развитию моральных качеств и патриотизма.

Армия Империи предназначена для защиты суверенитета и территориальной целостности Империи, а также для участия в миротворческих операциях под эгидой Союза Великих Империй.

Будущее Империи: Надежда и Процветание

Священная Римская Империя Германской Нации в XXI веке – это уникальный пример того, как можно сочетать традиции и инновации, консерватизм и прогресс. Империя является символом надежды и процветания для своих граждан и для всего мира.

Будущее Империи зависит от ее способности адаптироваться к меняющимся условиям, сохранять свою идентичность и продвигать свои ценности. Империя уверена в своих силах и готова встретить будущее с оптимизмом и уверенностью. Она стремится стать маяком для других наций, показывая, что возможно построить справедливое, процветающее и духовно богатое общество, основанное на вечных ценностях и передовых технологиях.

Культурное Влияние Империи

Империя экспортирует не только товары и технологии, но и свою уникальную культуру. Готическая архитектура переживает ренессанс, вдохновляя архитекторов по всему миру. Имперская мода, сочетающая в себе элементы средневекового костюма и современной элегантности, становится все более популярной. Имперская музыка, от величественных органных концертов до авангардной электронной музыки, находит своих поклонников в разных уголках планеты.

Имперские университеты привлекают студентов со всего мира, желающих получить образование в области гуманитарных наук, инженерии, медицины и искусства. Имперские ученые и инженеры вносят значительный вклад в развитие науки и техники, разрабатывая новые технологии и решения для глобальных проблем.

Экологическая Политика Империи

Империя уделяет особое внимание охране окружающей среды. Она активно развивает альтернативные источники энергии, такие как солнечная, ветровая и геотермальная энергия. В городах внедряются системы переработки отходов и очистки воды.

Империя поддерживает экологически чистое сельское хозяйство, используя органические удобрения и методы борьбы с вредителями. Она также активно участвует в международных усилиях по борьбе с изменением климата и сохранению биоразнообразия.

Космическая Программа Империи

Империя является одним из лидеров в области космических исследований. Она разрабатывает новые ракетные двигатели и космические корабли, предназначенные для исследования Солнечной системы и поиска внеземной жизни.

Имперские космонавты участвуют в международных космических миссиях, проводя научные эксперименты и иссле-

дования в космосе. Империя также планирует строительство постоянной лунной базы, которая станет плацдармом для дальнейших космических исследований.

Вызовы Будущего и Пути их Преодоления

Несмотря на свои достижения, Империя сталкивается с рядом серьезных вызовов. Рост населения, нехватка ресурсов, терроризм, киберпреступность и социальное неравенство – лишь некоторые из проблем, требующих решения.

Для преодоления этих вызовов Империя разрабатывает комплексные стратегии, направленные на:

Устойчивое развитие: Империя стремится к созданию устойчивой экономики, основанной на инновациях, эффективности и социальной справедливости.

Образование и наука: Империя инвестирует в образование и науку, чтобы подготовить квалифицированных специалистов и разработать новые технологии для решения глобальных проблем.

Социальная сплоченность: Империя стремится к созданию справедливого и инклюзивного общества, где каждый гражданин имеет возможность реализовать свой потенциал.

Международное сотрудничество: Империя активно участвует в международном сотрудничестве, чтобы решать глобальные проблемы вместе с другими странами.

Укрепление обороноспособности: Империя поддерживает сильную и современную армию, способную защитить ее суверенитет и безопасность.

Священная Римская Империя Германской Нации в XXI веке – это не просто государство, а уникальный культурный и цивилизационный проект. Она является символом надежды и процветания для своих граждан и для всего мира.

Империя стремится к созданию справедливого, процветающего и духовно богатого общества, основанного на вечных ценностях и вечных ценностях и передовых технологиях.

Она демонстрирует, что возможно построить государство, где традиции и инновации не противоречат друг другу, а гармонично дополняют, создавая уникальную и процветающую цивилизацию. Империя служит примером того, как можно сохранить культурное наследие, развивать науку и технологии, и обеспечивать высокий уровень жизни для всех граждан. В будущем, Священная Римская Империя Германской Нации продолжит свой путь, оставаясь оплотом стабильности, культуры и прогресса в сложном и меняющемся мире. Она будет стремиться к миру и сотрудничеству, внося свой вклад в развитие человечества и вдохновляя другие нации на создание лучшего будущего.

(Нейросеть: <https://sinonim.org/article#res>)

Алексий Ильинов

**РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ XXI ВЕКА:
IMPERIUM FUTURUM ПОД СЕНЬЮ
ДВУГЛАВОГО ОРЛА**

Представьте себе Россию, избежавшую кошмара Первой Мировой войны и последующей большевистской “революции”. Россию, где династия Романовых, закаленная опытом и мудростью, продолжает вести страну к процветанию. Это – альтернативная реальность, где Российская Империя, пройдя через горнило модернизации и технократического прогресса, встречает XXI век во всеоружии.

Алексей II: Царь-Инженер и Эпоха Модернизации

Ключевой фигурой в альтернативной Российской Империи стал **Алексей Николаевич Романов**, сын **Николая II**. Избежав трагической участи, он получил блестящее образование, увлекся инженерным делом и стал настоящим **Царем-Инженером**. Его правление, начавшееся в 1935 году, ознаменовалось масштабной модернизацией страны. Ключевую роль в его политике сыграло знакомство и дружба с выдающимся авиаконструктором **Игорем Сикорским**, ставшим личным советником Царя.

Сикорский, не покинувший Россию, основал мощнейшую авиастроительную корпорацию, ставшую локомотивом прогресса. Его вертолеты и самолеты бороздили просторы Империи, соединяя отдаленные уголки и способствуя развитию торговли и промышленности.

Правление Алексея II стало эпохой масштабных преобразований. Он понимал, что будущее России зависит от развития науки и техники, и сделал ставку на инновации.

Вдохновлённый идеями Сикорского, Алексей II инициировал ряд амбициозных проектов. Были созданы новые

научно-исследовательские институты, открыты технические университеты, а финансирование науки увеличилось в разы. Особое внимание уделялось развитию авиации, ракетостроения, энергетики и машиностроения.

Под руководством Алексея II Россия совершила настоящий технологический прорыв. Были построены мощные гидроэлектростанции, созданы новые типы самолетов и вертолетов. Страна стала одним из лидеров в области науки и техники, а уровень жизни населения значительно вырос.

Алексей II не был просто правителем, он был инженером у власти. Он лично участвовал в разработке новых проектов, посещал заводы и лаборатории, общался с учеными и инженерами. Его энтузиазм и вера в силу науки вдохновляли людей на новые свершения.

Правление Алексея II стало золотой эпохой для российской науки и техники. Он сумел превратить Россию в современную, развитую страну, сохранив при этом ее богатую культуру и традиции. Его имя навсегда останется в истории как имя Царя-Инженера, изменившего Россию к лучшему.

Технократия и Футуризм: Лицо Новой России

Под влиянием Алексея II в России расцвела технократия. Управление страной все больше опиралось на научные данные и экспертные оценки. Футуризм, как направление в искусстве и архитектуре, нашел благодатную почву в имперской России. Города преобразились, заполнившись небоскребами, монорельсовыми дорогами и автоматизированными системами. Москва, Санкт-Петербург, Киев и другие крупные города стали центрами инноваций и притяжения для талантливых людей со всего мира.

Космос – Русская Мечта, ставшая Реальностью

Россия, не отвлеченная на революции и войны, смогла сосредоточиться на освоении космоса. Именно русский ученый

и инженер стал первым человеком, покорившим звездное пространство. Этот триумф укрепил национальную гордость и стимулировал дальнейшие научные исследования. Космические программы стали одним из приоритетов государства, открывая новые горизонты для науки и промышленности.

Кульминацией усилий Русского Имперского Гения стал запуск космического корабля **«Россия»** в апреле 1945 года. Пилотировал корабль штабс-капитан **Святослав Врангель**, представитель старинного дворянского рода, прошедший суровую школу военной авиации и отобранный для этой ответственной миссии благодаря своим выдающимся физическим и психологическим качествам.

Старт «России» с секретного космодрома, расположенного в глубине Сибири, стал сенсацией мирового масштаба. Газеты всего мира пестрели заголовками о русском прорыве в космос. Фотографии штабс-капитана Врангеля в скафандре с имперским гербом облетели планету.

Полет «России» был коротким, но историческим. Врангель совершил один виток вокруг Земли, провел ряд научных наблюдений и вернулся на Землю, став национальным героем и символом имперского могущества.

Этот полет не только продемонстрировал технологическое превосходство Российской Империи, но и открыл новую эру в освоении космоса. За «Россией» последовали другие корабли, пилотируемые русскими космонавтами. Империя активно сотрудничала с другими странами в исследовании космоса, обмениваясь знаниями и технологиями.

Экономика и Урбанистика:

Свободный Рынок и Государственное Регулирование

Экономика Российской Империи, основанная на принципах свободного рынка и государственного регулирования, демонстрировала устойчивый рост. Развитие промышленности, сельского хозяйства и сферы услуг обеспечивало высокий

уровень жизни населения. Урбанистика, основанная на принципах гармоничного развития городов и сохранения окружающей среды, создавала комфортные условия для жизни.

В отличие от централизованной экономики «советского» периода, альтернативная Российская Империя сделала ставку на свободный рынок. Частная инициатива поощрялась, предпринимательство поддерживалось, а конкуренция стимулировала инновации и повышение эффективности. Однако, в отличие от дикого капитализма, государство играло важную роль в регулировании экономики, обеспечивая:

Защиту прав собственности: Четкое законодательство и независимая судебная система гарантировали защиту прав собственности, что привлекало инвестиции и стимулировало долгосрочное планирование.

Инфраструктурные проекты: Государство активно инвестировало в развитие инфраструктуры – железные дороги, порты, дороги, средства связи – что способствовало развитию торговли и промышленности.

Образование и науку: Финансирование образования и науки было приоритетом, что обеспечивало приток квалифицированных кадров и стимулировало технологический прогресс.

Социальную защиту: Государство обеспечивало минимальный уровень социальной защиты для наиболее уязвимых слоев населения, предотвращая социальную нестабильность и обеспечивая социальную мобильность.

Антимонопольное регулирование: Государство следило за тем, чтобы не допустить образования монополий, которые могли бы подавлять конкуренцию и сдерживать экономический рост.

Сельское Хозяйство: Основа Благосостояния

Сельское хозяйство, традиционно важная отрасль российской экономики, претерпело значительные изменения. Благодаря:

Столыпинской реформе, доведенной до конца: Крестьяне получили возможность свободно распоряжаться своей землей, что стимулировало развитие фермерства и повышение производительности труда.

Внедрению новых технологий: Использование современной сельскохозяйственной техники, удобрений и селекционных сортов позволило значительно увеличить урожайность.

Развитию кооперации: Крестьяне объединялись в кооперативы для совместной закупки техники, сбыта продукции и получения кредитов.

Русская Церковь: Духовный Оплот Империи

Русская Православная Церковь, избежавшая гонений, оставалась духовным оплотом Империи. Она играла важную роль в воспитании молодежи, укреплении моральных ценностей и поддержании социальной стабильности.

Отец Сергей Нилус: Защитник Традиции в Эпоху Информационных Войн

В альтернативной Российской Империи XXI века наследие отца **Сергия Нилуса**, известного своей консервативной позицией и борьбой с антихристианскими идеологиями, приобретает особое значение.

Информационная Безопасность и Защита Веры: В мире, где фейковые новости и пропаганда распространяются мгновенно, эксперты, вдохновленные идеями отца **Сергия Нилуса**, разрабатывают системы информационной безопасности, направленные на защиту традиционных ценностей и противодействие дезинформации.

Критика Технологического Детерминизма: Отец **Сергий Нилус**, вероятно, критиковал бы безудержное поклонение технологиям и предостерегал от опасности превращения человека в придаток машины. Его идеи о духовной опасно-

сти материализма и необходимости сохранения духовной независимости становятся особенно актуальными в эпоху, когда технологии диктуют образ жизни.

Сохранение Традиций и Культурного Наследия: В міре, где глобализация покусается на культурные границы, усилия по сохранению традиций и культурного наследия, вдохновленные идеями отца Сергия Нилуса, приобретают особую важность.

Этика Искусственного Интеллекта: Философы и богословы, вдохновленные учениями **святого праведного Иоанна Кронштадтского** и отца Сергия Нилуса, разрабатывают этические принципы использования Искусственного Интеллекта, направленные на обеспечение справедливости, защиты прав человека и предотвращение злоупотреблений.

Перспективы и Будущее: Россия в Новом Міре

Российская Империя XXI века – это мощная держава, играющая ключевую роль в міровой политике и экономике. Она является лидером в области науки и техники, культуры и искусства. Империя активно участвует в международных организациях, способствуя укреплению мира и безопасности.

Внешняя Политика: Баланс Сил и Новые Альянсы

В міре, где не было двух міровых войн, геополитическая карта выглядит совершенно иначе. Российская Империя, сохранив свою мощь и влияние, играет роль одного из ключевых игроков на міровой арене. **Отношения с США, Великобританией и Германией** носят характер сложного баланса сил, сочетающего в себе сотрудничество и конкуренцию. США, не ставшие единственной сверхдержавой, вынуждены считаться с Российской Империей, особенно в вопросах, касающихся Европы и Азии. Великобритания, сохранившая часть своего колониального влияния, стремится к поддержанию стабильности в міре и сотрудничает с Россией в решении глобальных проблем. Германия, из-

бежавшая разрушительных войн, стала мощной экономической державой и важным партнером России в Европе. Особое место в российской внешней политике занимает Китай. В альтернативной Российской Империи «Русский Китай» стал реальностью. Царская Россия успешно и мудро создала протекторат над северными и центральными регионами Китая. Это привело к образованию нового политического образования, где русская культура и язык стали доминирующими. Япония, не потерпевшая поражения во Второй Мировой войне, сохранила свои амбиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Отношения с Россией носят сложный характер, сочетая в себе экономическое сотрудничество и территориальные споры. Российская Империя активно участвует в международных организациях, таких как Лига Наций (сохранившая свою эффективность в отсутствие мировых войн), способствуя укреплению мира и безопасности. Она является инициатором многих международных проектов, направленных на решение глобальных проблем, таких как изменение климата, борьба с бедностью и распространение болезней.

Вооруженные Силы:

Технологическое Превосходство и Охрана Границ

Вооруженные силы Российской Империи – это мощная и современная армия, оснащенная передовыми технологиями. Императорская армия и флот, прошедшие через реформы и модернизацию, способны эффективно защищать границы страны и обеспечивать ее безопасность.

Особое внимание уделяется развитию авиации и космонавтики. Императорский военно-воздушный флот оснащен новейшими самолетами и вертолетами, разработанными корпорацией Сикорского и другими ведущими авиастроительными компаниями. Космические войска обеспечивают контроль над космическим пространством и защиту российских космических аппаратов.

Императорский флот, включающий в себя современные авианосцы, крейсера, эсминцы и подводные лодки, обеспечи-

вает защиту морских границ и интересов России в Мировом океане.

Развитие кибервойск и информационных технологий является одним из приоритетов в военной сфере. Российские специалисты в области кибербезопасности обеспечивают защиту информационных систем страны от кибератак и ведут активную борьбу с киберпреступностью.

Культура и Искусство: Расцвет Русского Гения

Русская культура и искусство переживают период расцвета. Сочетание традиций и современных тенденций создает уникальную и неповторимую атмосферу. Русские писатели, художники, композиторы и режиссеры пользуются мировой известностью и признанием.

Императорские театры и музеи являются центрами культурной жизни страны. В них проходят премьеры опер, балетов, драматических спектаклей и выставок, привлекающие зрителей со всего мира.

Развитие кинематографа является одним из приоритетов в культурной политике государства. Российские фильмы получают престижные награды на международных кинофестивалях и пользуются популярностью у зрителей.

Поддержка молодых талантов является важной задачей государства. Создаются условия для развития творческих способностей детей и молодежи, проводятся конкурсы и фестивали, предоставляются гранты и стипендии.

Русская культура и искусство являются важным фактором укрепления национальной идентичности и продвижения позитивного имиджа России в мире.

Социальная Сфера:

Благополучие и забота о гражданах

Социальная сфера Российской Империи характеризуется высоким уровнем развития и заботой о гражданах. Государство обеспечивает доступное и качественное образование, здравоохранение и социальную защиту.

Система образования, основанная на принципах классического образования и современных педагогических технологий, готовит высококвалифицированных специалистов для всех отраслей экономики. Императорские университеты и институты являются центрами научных исследований и инноваций.

Система здравоохранения, включающая в себя государственные и частные медицинские учреждения, обеспечивает доступную и качественную медицинскую помощь для всех граждан. Развитие медицинских технологий и фармацевтической промышленности является одним из приоритетов в здравоохранении.

Система социальной защиты обеспечивает поддержку нуждающимся гражданам, включая пенсионеров, инвалидов, многодетные семьи и безработных. Государство предоставляет социальные пособия, льготы и услуги, направленные на улучшение качества жизни граждан.

Региональное Развитие: Гармония и Процветание

Региональное развитие Российской Империи является сбалансированным и гармоничным. Государство уделяет особое внимание развитию всех регионов страны, включая Сибирь и Дальний Восток.

Развитие инфраструктуры, включая транспортную, энергетическую и информационную, является одним из приоритетов в региональной политике. Строятся новые дороги, железные дороги, аэропорты и порты, обеспечивающие связь между регионами и доступ к мировым рынкам. Поддержка малого и среднего бизнеса является важным фактором экономического развития регионов. Государство предоставляет льготные кредиты, налоговые льготы и другие виды поддержки для предпринимателей.

Развитие туризма является перспективным направлением регионального развития. Создаются условия для привлечения туристов в регионы, обладающие уникальными природными и культурными достопримечательностями.

Экология: Забота о Природе и Будущем

Экология является одним из приоритетов в государственной политике Российской Империи. Государство уделяет особое внимание вопросам охраны окружающей среды и устойчивого развития.

Разрабатываются и внедряются экологически чистые технологии в промышленности, энергетике и транспорте. Сокращается выброс вредных веществ в атмосферу и воду, утилизируются отходы и восстанавливаются загрязненные территории.

Создаются особо охраняемые природные территории, включая заповедники, национальные парки и заказники, для сохранения биоразнообразия и защиты редких и исчезающих видов животных и растений.

Развитие экологического туризма является перспективным направлением в экологической политике. Создаются условия для привлечения туристов в регионы, обладающие уникальными природными ландшафтами и экосистемами.

Транспорт: Связь и Мобильность

Транспортная инфраструктура Российской Империи является развитой и современной. Государство уделяет особое внимание развитию всех видов транспорта, включая железнодорожный, автомобильный, воздушный и водный. Строятся высокоскоростные железные дороги, соединяющие крупные города и регионы. Современные автомагистрали обеспечивают быструю и комфортную связь между населенными пунктами. Аэропорты и порты модернизируются и расширяются, обеспечивая доступ к мировым рынкам.

Государыня Анастасия: Императрица XXI века

В 2025 году на престол взошла Анастасия Михайловна Романова, внучка Алексея II. Молодая и энергичная императрица, получившая образование в лучших университетах мира, унаследовала от своих предков мудрость и решительность. Она продолжила курс на модернизацию страны, уде-

ляя особое внимание развитию образования, здравоохранения и социальной поддержке.

Изучение экономики, политологии и социологии позволило ей сформировать комплексное видение проблем и перспектив развития страны. В то же время, глубокое знание истории России и уважение к традициям предков сделали ее уникальным лидером, способным сочетать инновации и преемственность.

Вступление Анастасии на престол стало символом обновления и надежды. Императрица сразу же заявила о своей приверженности инновациям и технологическому прогрессу, видя в них ключ к процветанию страны и укреплению ее позиций на мировой арене.

Государыня Анастасия продолжила курс на освоение космоса, начатый ее предшественниками. Под ее руководством Россия не только укрепила свои позиции в космической отрасли, но и сделала смелый шаг вперед – начала строительство постоянных колоний на Луне и Марсе.

Лунная база «Романов»: Лунная база, названная в честь правящей династии, стала плацдармом для дальнейших исследований и разработок в области космических технологий. Здесь проводятся эксперименты по добыче полезных ископаемых, созданию замкнутых экосистем и подготовке к длительным космическим полетам.

Марсианская колония «Заря»: Марсианская колония, получившая название «Заря», является амбициозным проектом по терраформированию Красной планеты. Ученые и инженеры работают над созданием пригодной для жизни атмосферы и почвы, а также над разработкой технологий, позволяющих использовать местные ресурсы для обеспечения жизнедеятельности колонистов.

Международное космическое сотрудничество: Россия активно сотрудничает с другими странами в области освоения космоса, обмениваясь опытом и технологиями.

Вызовы и Возможности

Несмотря на достигнутые успехи, Российская Империя сталкивается с рядом вызовов. Это и глобальная конкуренция, и необходимость адаптации к быстро меняющемуся миру, и вопросы социальной справедливости. Однако, благодаря своему богатому историческому опыту, сильной экономике и талантливому народу, Империя способна успешно преодолеть эти вызовы и открыть новые возможности для развития.

Будущее Российской Империи в XXI веке представляется светлым и многообещающим. Это страна, где традиции и инновации гармонично сочетаются, где наука и техника служат на благо человека, где культура и искусство процветают, а народ живет в мире и благополучии. Это – Российская Империя, достойная своего великого прошлого и уверенно смотрящая в будущее.

Российская Империя XXI века, избежавшая потрясений, процветает под мудрым правлением Романовых, сочетая традиции и инновации. Технократия и футуризм преобразили города, а наука и космос стали символами прогресса. Экономика стабильна, культура процветает, а социальная сфера обеспечивает благополучие граждан. Империя играет ключевую роль на мировой арене, стремясь к миру и процветанию. Будущее России – в гармонии традиций и инноваций, науки и культуры, под сенью Двуглавого Орла.

*Концепция, запрос, редакция: Алексей Ильинов
Нейросеть: <https://sinonim.org/article#res>*

НА ПОДСТУПАХ К МОНАРХИЗМУ

Всю свою сознательную жизнь, а возможно, и с самого детства, я был монархистом, — и остаюсь им и сегодня, несмотря на то что романтической вере в возможную «реставрацию» пришло на смену осознание что «время королей прошло: что сегодня называется народом, не заслуживает королей». Моя приверженность монархическим взглядам полностью согласуется с тем, как её описывал Сальвадор Дали, — который несмотря на свою любовь к гротескным изображениям, до конца дней был верным сторонником каудильо Франко и почившего Примо де Риверы. Он говорил так: «Я монархист — и причиной тому Веласкес, а также корона, символ четырёх наиглавнейших добродетелей: честности, справедливости, силы и великодушия».

«Честность, справедливость, сила и великодушие», — полный антитезис современного миропорядка. Но я бы добавил ещё: «свобода». Несмотря на все усилия лжецов эпохи Просвещения, сегодня мало кто будет спорить, что у короля Франции времен Старого Порядка власти было на порядок меньше, чем у нынешнего демократически избранного президента этой страны. Подробно вопрос о том, как демократические государства фактически отняли у народа его свободы, можно прочесть в книге Хоппе «Демократия, низвергнутый бог». Я не сторонник либертарианских взглядов автора, но историческая подоплёка закабаления населения «избранными правительствами» описывается им вполне точно.

Движение испанских карлистов, — консервативных сторонников инфанта дона Карлоса, который вместе со своими наследниками был незаконно лишён престола в начале XIX века, в связи с чем всё следующее столетие Испанию со-

трясали «карлистские войны», — подняло на свои знамёна известный лозунг: «Dios, Patria, Rey y Fueros». «Fueros» — по-испански «вольности», вольности как отдельных территорий, так и отдельных людей, гарантом которых в старинные времена выступал данный Богом король. К слову, поэтому дон Карлос и его преемники имели много сторонников в Каталонии и стране Басков.

Схожая ситуация и с другими движениями европейских роялистов. Вандейский мятеж поднялся в том числе и потому, что новая республиканская власть в Париже собиралась обложить крестьян налогами и провести принудительную мобилизацию «на защиту Отечества», т.е. нарушить спокойную и вольную жизнь Вандеи, которой она жила при Старом Порядке. Якобиты, сторонники династии Стюартов, боролись за короля Якова и «красавчика принца Чарли» не только потому, что «короля выбирает Бог, а не парламент», а потому, что власть Стюартов гарантировала гораздо большую свободу шотландским горцам и английским католикам, которых новая династия притесняла. Итальянские санфредисты, сторонники власти короля в Неаполе, также фактически представляли собой повстанческое движение, боровшееся против оккупации Италии Наполеоном в конце XVIII века.

Везде высокие и священные идеалы, наполняющие символ короны, смыкались с идеей вольности, — в противовес республиканским «правам и свободам». Противостояние Республики и Монархии в XVIII веке — это часто противостояние Города и Деревни, Гражданина и Крестьянина.

И тут мы приходим к проблеме, которая, тем не менее, всегда лежала на поверхности: а схожи ли эти движения европейских роялистов со сторонниками монархии в России? С одной стороны, безусловно: все они были рыцарями Чести и Долга, и невозможно найти в Белом Движении героев больших, чем граф Келлер, генерал Дроздовский и барон Унгерн, которые оставались верны клятве до конца. Но с другой, мо-

нархия в России лишь в самом конце своего существования могла бы называться гарантом свободы, — и то в большей степени оттого, что мы теперь знаем, что пришло ей на смену. Но большую часть своего существования, самодержавная власть способствовала закабалению всех слоёв населения, от крестьян до высшей знати.

В отличие от европейских королей, в отличие от лукавых василевсов Византии и даже жестоких ордынских ханов, русские цари сумели, на свою удачу и беду народа и страны, истребить аристократию как сословие, обратив её в свое жалкое подобие в виде «служивого дворянства». Отсутствие родовой аристократии, которая во всех иных случаях играла роль стабилизатора тирании и могла даже противопоставить себя монархии, — одна из главных проблем русской истории в принципе. Самодержавие заложило основы для ressentimentа и рабского культа «сильной руки», — тех элементов, которые европейскими монархистами подчас не воспринимаются вовсе. Маркиз де Кюстин, которого так любят клеймить в русофобии, изначально был крайним монархистом, и желал найти в самодержавной николаевской России аргументы в пользу реставрации абсолютной монархии, но вернувшись, в ужасе был готов перейти в стан республиканцев. Можно ли его упрекнуть за столь честную реакцию?

Поэтому оставаясь монархистом, я не являюсь сторонником самодержавия, и таким образом, говорить даже о гипотетической реставрации монархии в России считаю бесполезным и вредным. Восстановить её в той форме, в какой она была при Рюрике или Данииле Галицком, сродни желанию восстановить власть фараонов над Египтом, равно как и нельзя вернуть ей тот облик и наполнение, который она имела при Николае II, — в один из немногих достойных периодов правления в российской истории. Следовать за неореакционными идеологами типа Молдбага в их желании устроить монархию по образу и подобию крупных технокорпораций, — это лишь

дешевый управленческий трюк, не имеющий сущностного наполнения.

А что же тогда? Сейчас я не могу дать ответ, но, как и в начале, приведу цитату испанского живописца-provokatora: «Анархия при монархии — вот наилучшее государственное устройство». Или, если подходить к вопросу наиболее радикально: «мы проявим иерарха и астральных адских сфер...».

(<https://telegra.ph/Monarhiya-i-monarhiya-04-19>)

АРХИЕРЕЙ-НОРДМАНН

INTRO: Несколько лет тому назад историк и публицист Сергей Петров в своём ЖЖ сделал попытку представить «идеальные священнические типы» (как он видит), взяв их у деятелей РПСЦ («Белокриницких»). Данный автор (впрочем, весьма «талановитый» и интересный), – носитель довольно специфического комплекса взглядов, сочетающего Арио-Христианство и германофобию, симпатию к Староверию и антипатию к ИПХ etc. Мы в одном из предыдущих выпусков «ВН» тиснули его памфлетец «Позитивная Германофобия», сварганенный как ответка на нашу «Позитивную Руссофобию»... Как бы то ни было, портреты «образцовых арио-христианских пастырей» вышли корявыми (лень искать, но дотошный читатель сам сможет их разыскать в ЖЖ г-на Петрова: <https://aquilaaquilonis.livejournal.com/>). Куда пригляднее в качестве Архиерея-Нордманна смотрится наш архиепископ Амвросий Готфский (фон Сиверс). Но на «секту Сиверса» у СП аллергия – его, впрочем, «проблемы». А мы ниже воспроизведём два опыта самоидентификации, некогда обнародованные вл. А. в собственном ЖЖ. Вл. А. «легко» можно представить в Дружине Рюрика (по ряду свидетельств, Рюрик Древний был Христианином), а уж в воинстве Новых Варягов в год Крестового похода 1941 – и подавно.

ЕСЛИ БЫ...

Не будучи приверженцем «альтернативной истории», приходится нередко осмысливать события в сослагательном наклонении, пытаясь понять вариативность. Возможности, упущенные и осуществленные, задают нам векторы в будущее. Посему я неоднократно пытался поставить себя в иную историческую эпоху и максимально честно ответить самому себя. Итак,-

Если бы я родился до революции 1917 г., в конце царствования Александра III, то мне вполне понятно, кем бы я был. Т.к. семья принадлежала к Deutsch-Baltische Ritterschaft, то, очевидно, я родился или в Санкт-Петербурге, или в поместье в Лифляндии. Крестили бы меня в Евангелическо-Лютеранской Церкви. Годов до 7 я вряд ли бы знал русский язык, в лучшем случае латышский. Жизнь – без вариантов, как предписано: кадетское училище, лейб-гвардейский полк (где традиционно служили все родственники). Женился бы я однозначно, на ком то, из узко очерченного остзейского аристократического круга, по указанию родственников, для неделимости наследства, т.к. в роду имела место быть майоратная система. Будучи от природы религиозным, я, обязательно, отторгся от лютеранской пустоты и перешел в Православие (скорее всего под влиянием личности Иоанна Кронштадтского). Но, уверен, еще до 1908 г., затосковал от казенщины, царящей в нем и крестился бы в Староверии, причем в безпоповском толке, максимум у федосеевцев, предварительно разочаровавшись в попах. Если бы я служил в полку, то, вероятно, родственники устроили меня на какую-нибудь мелкую придворную должность. К политике я был бы чужд, революционеров ненавидел. Не исключено, что служил бы в отряде Орлова-Балтийского по подавлению бунтовщиков (если возраст позволял). Я посещал бы «Русское Собрание» и т.п. организации, но очень скоро меня начало бы от них тошнить, особенно от СРН. Вероятно, я принадлежал бы к кружку Пистолькорса. Я читал бы модную декадентскую литературу (по-русски, в первую очередь) и очень удивлялся, отчего все авторы какие-то левые. Я посещал бы все религиозно-философские собрания, инкогнито, стараясь быть не идентифицируемым. Русский народ я представлял бы по староверам и не хотел бы верить, что обитают на территории совсем иные типажи. Распутина я бы просто не воспринимал, а в Царской семье был бы разочарован, памятуя мсье Филиппа и Папюса, и прочую свору религиозных жуликов. Если бы я дожил до Великой войны,

я, на патриотическом подъеме, ушел на фронт. Воевал бы, как должно. Не исключено, что принадлежал бы к кружку Великого Князя Дмитрия Павловича, т.к. в подкорке сидели некие англоманские сюжеты. Если бы я не погиб на фронте, я вернулся в марте 1917 г. в СПб и позже примкнул бы к Корнилову. Мои политические симпатии колебались бы между кадетами и народными социалистами. Октябрьский переворот стал бы для меня катастрофой, хотя я не смог бы изначально поверить, что господа из запломбированного вагона продержатся более 3 месяцев. Если бы меня не растерзала революционная чернь, я ушел на Дон (или куда возможно). Я воевал бы в Гражданскую войну весьма беспощадно: вероятно я творил бы с большевиками то, что они творили с белыми и просто с «бывшими». Скорее всего, моя семья погибла бы вместе со всеми истребленными родственниками. Я стал бы «смертником». Если бы я не погиб в Гражданской войне, то эвакуировался за границу. Был бы членом РОВС. К 1923 г. я понял, что «весенний» поход откладывается на неопределенный срок, и возвратился либо в Латвию на пепелище, либо приехал в Германию. Более чем вероятно, что я стал бы боевиком «Братства Русской Правды». Вероятно, был бы членом РНСУВ. Если бы я не погиб во время своего боевого задания в Совдепии, я продолжал свою деятельность до 1933 г., когда всё посыпалось окончательно. Однозначно, воспламененный антибольшевизмом Гитлера, вступил в НСДАП и, скорее всего, в СС. Я дождался бы 1941 г. — и вновь начал свою войну против красной заразы, еще более беспощадную, чем прежняя. Власова я никогда не признал бы, возможно поддержал КОНР в целом, очень симпатизировал бы Бангерскому. Если бы я не погиб во II Мировой войне, не попал бы в плен (где казнили бы), то перебрался бы в Южную Америку к какому-нибудь антикоммунистическому диктатору, помогая ему уничтожать марксистских партизан. Но более вероятно, что я связался бы с УСС и переместился в США, где работал бы в «русском» отделе. Не исключено, что, вместе с другими ост-

зейцами, я переехал бы в Канаду, где переквалифицировался в советолога, но обязательно консультировал МИ-6 и ЦРУ. Не исключено, что, видя определенное очищение, я вновь начал бы ходить в храмы РПЦЗ и участвовать в жизни русской эмиграции, но более отстраненно, чем до войны. Очень вероятно, что вместе с другими членами Deutsch-Baltische Ritterschaft я учредил, м.б. в рамках БРП, некий тайный христианский Орден Крестоносцев для тотальной борьбы с большевизмом. Я бы тайно миссионерствовал среди разных людей, проповедуя весьма древнее Христианство. Моя духовная жизнь протекала бы в сем тайном обществе. Если бы я не погиб в Гражданской войне и, по каким-то причинам, не смог эвакуироваться, я продолжил бы борьбу организованным или индивидуальным террором против большевиков. У меня уже не было имени, только масса псевдонимов. Участвовал в любых возмущениях. Не исключено, что стал жиганом, и экспроприациями поддерживал собственную активность. Постарался бы раздобыть фальшивые документы. Скорее всего, имел бы связь с БРП. В лагерь постарался попасть по криминальной статье. Но в 22 июня 1941 г. у меня свершилось бы долгожданное чудо, - и я двинулся бы в сторону фронта. Я встретил бы немцев по-немецки, прошел идентификацию и вступил (или создал) в какой-то анти-партизанский отряд, как Бишлер. Возможно, перешел к Семёнову или Скорцени. От уничтожения красных, как бешенных собак, испытывал бы полное удовлетворение и молил бы Христа-Спасителя продлить мне жизнь для сего благочестивого занятия. Если бы я не погиб во II Мировую войну, не попал бы в плен (где тотчас казнили), я возвратился в Совдепию для продолжения борьбы. Когда ресурсы кончились бы, переместился в иное место, где постарался легализоваться. Но, вероятнее всего, что еще в 1930-е годы я присоединился к Катакомбной Церкви, а в 1950-60-е годы я жил бы в тайных общинах, либо скитах. Я принял бы монашество, - ибо был одинок, а моя жизнь кончилась очень давно. Я ведь жил бы после общественной смерти. Если бы

я дожил до августа 1991 г. – то ли за границей, то ли в подполье,- я приехал бы в Москву, дабы своими глазами узреть триколор над официальными зданиями Совдепии и плюнуть в мавзолей ВИЛа. Я испытал бы воодушевление – и понимание, что борьба продолжается, и продлится еще очень долго. И я умер бы, с легким разочарованием, но благословив на непримиримость со злом (во всех его проявлениях) и безкомпромиссную борьбу против безбожной власти. Если бы... Но я родился гораздо позже. Мои же разсуждения сложились лишь на основе чужих жизней. Такова логика «альтернативной» истории, ее вариативности. М.б. я себя обманываю в чем-то, но в целом – именно так, как указал выше. Одно мне понятно точно: в силу своей повышенной религиозности, я постоянно искал бы первоначальную древность Христианства, а на русской почве до революции сие можно было найти только у безпоповцев. После революции – только «безтелесная», т.е. лишенная всего, Катакомбная Церковь могла бы соответствовать моим представлениям об Истине. И никакого согласия Христа и Вериара: вот критерий подлинности. Перефразируя И.А.Ильина, могу ответственно заявить, что мой императив был бы (и есть ныне): **да будет ваша молитва мечом, а меч – молитвою.**

(<https://ambrose-s.livejournal.com/51528.html?view=comments#comments>)

Один из комментов к сему посту достоин воспроизведения здесь: «Владыка, читая вашу статью, мне пришла на ум мысль, что каждое исторически последнее поколение русских войнов Света пропитывалось мессианским духом. А вера, что ты избран Богом, возможно, для нанесения смертельного удара по красному змею даёт силы на борьбу. Иначе, выпавшие на долю русских людей, испытания представляются сверх всякой человеческой мОчи. И ещё, размышления о историческом времени и самоидентификации в нём, меня приводят к выводу, что человек определён для своего времени от сотворения міра, имея возможность для полного духов-

ного раскрытия именно в свой час и обладая для этого необходимыми свойствами и дарами. Так, что я полагаю, что ни мы без Вас, ни Вы без нас. Но первое утверждение всё же необходимое, а второе достаточное, согласно иерархичности живого. Овцы более уязвимы без пастыря. При всей томительности ожидания освобождения, в нашем времени мы уже получили от Яхве полное освобождение от пут человеческого авторитарного субъективизма, не дававшего народу церковному дышать вольно и мыслить широко не одно столетие. Рухнули и умалились церковные юрисдикции, но как Вы справедливо заметили в предыдущей статье, появилась возможность начать с нулевой отметки, вернуться к евангельским корням к идентичности христианского мировоззрения. Представляете сколько наших умудрённых предков мечтали о сём, об очищении. Не наша ли миссия в этом? Может про нас говорили отцы египетские, что последние христиане превзойдут всех благочестием? Во всяком случае верить в это полезнее, чем не верить.

КТО Я ТАКОЙ?

«Пусть они проклинают, а Ты благослови!»

Мне неоднократно приходилось ставить сей вопрос себе на протяжении всей жизни. Находясь в раздумиях, я долго не мог дать себе ответ. Только после определенных событий я окончательно понял, кто я сам для себя.

Вопрос самоопределения, вопрос подлинной самоидентификации – насущный вопрос для всего россиянского населения. Следовательно, сего вопроса не может избежать никто, *volens nolens*. Я – *остзеец* (Deutsch-Balt), т.е. я – *не-русский* однозначно, но я и *не немец* (Reichsdeutsch).

На ментальном плане последнее мне чуждо и непонятно, Германию своей Родиной не считаю, вероятно, даже потому что мои предки прибыли из Голштинии, когда никакой Германии не существовало вовсе. Я не чувствую внутренней связи

с Германией и ее проблемы меня не волнуют. Проблемы той же Латвии меня волнуют гораздо сильнее, т.к. я ощущаю хотя бы *почву*, коя мне не безразлична, хотя я – не латыш ни сколько. Вероятно, оттого что во мне все-таки есть капли русской крови, проблемы Руси мне понятны и близки. Я думаю на русском языке, я – человек русской культуры, я очень хорошо разбираюсь в русской истории и этногенезе, и *буквально* хорошо знаю всё разнообразие русского мира. Но, повторяюсь, я – не русский и русским себя никогда не считал и не считаю. Однажды я понял, что мое сознание катастрофично из-за того, что на этническом плане мой малый народ (остзейцы) фактически прекратил реальное существование, *растворившись* в более крупных общностях или погибнув за XX век. Осталось реликтовое самосознание при утрате всех реалий. Хотя мой род относился к верхушке Российской Империи и собственно *Deutsch-Baltische Ritterschaft'a*, говорить о «классовом» сознании можно, только начитавшись марксистской околесицы, тем паче после почти 100-летнего геноцида. Почему же меня волнуют русские проблемы? Ответ пришел сам собой. Оттого, что некогда остзейцы добровольно вошли в состав Российской Империи, интегрировавшись и заняв лидирующие позиции при Романовых, и оказали абсолютное сопротивление большевизму,- что во время Гражданской войны, что среди русской эмиграции, что в Прибалтике, что в Германии. А те, кто остался на подсоветской территории или погиб, или мимикрировал, или ушел в подполье. Странный феномен: при особом самосознании остзейцы несли сохранение русской идентичности. Вот она разгадка:ничего советского,- разная этничность, культура, даже цивилизация. Мне очень понятен А.Розенберг – со всеми его идеями, движениями и т.д. Он хотел стать немецким немцем, но не мог в силу естественных причин. Он полностью был в русском ментальном поле, но не видел, где Русь его юности. Но он до спазм не переваривал советчину (не только по антисемитской теме), подводя для нее расовый базис, как более понят-

ный европейской мысли. Немецкий нацизм – явление более русское, чем немецкое. Исследователи давно заметили сие, и ныне необходимо перестать спекулировать на прошлом. Мне часто приходилось читать, что я – нацист. Если убрать чисто оскорбительный или полемический флёр, то окажется, что сие утверждение просто непонимание или заблуждение. Существует лукавство идеологически ангажированных персонажей, когда серьезное изучение того же национал-социализма (что часто развенчивает мифы), трактуется как «восхваление». Но не забудем: национал-социализм – явление эпохи индустриального общества, с его массовыми партиями и особой ситуацией в мире, требующей защитную реакцию на большевицкую экспансию. Современный нео-нацизм, даже по признанию тех же самых ангажированных лиц, не имеет никакого преемства с национал-социализмом. И, действительно, нео-нацизм настолько сильно отличается по своему идейному и организационному составу от классических «образцов», что мы понимаем: нео-нацизм есть форма протеста, запрещенная символика, жесты и литература – знаки протеста части общества против пост-марксистской общности, засевшей в европейской бюрократии.

Итак, **я – не нацист и не нео-нацист**. М.б. я – националист, русский националист? Национализм – явление столь многообразное, что всегда требуется уточнять. Но я – не русский, как быть русским националистом, не будучи этнически русским? Конечно, известны случаи русских националистов, например еврейского происхождения, но, в большинстве своем, се – лишь жульничество, гешефт или внутри личностные проблемы. Мне очень хорошо понятен националистический дискурс, посему я точно определил себе, что именно мне близко на ментальном уровне, а что чуждо. О сем чуть ниже. Еще с начала 1990-х г.г. я ловил себя на мысли, что мне близок либерализм. Но тот либерализм, коий был мне близок, практически отсутствовал на политическом фоне. Большинство политических гомункулов («либералов») было произве-

дено в лаборатории 5 Управления КГБ СССР, что умудрились ввести в заблуждение даже западных специалистов. Как, позвольте спросить, можно верить вчерашнему комсомольскому работнику в мановение ока превратившегося в либерала? Однажды, Ельцин, в начале своего пути, будучи в США, изрек (естественно с юмором!): «Я трижды облетел вокруг Статуи Свободы и стал в 3 раза демократичнее». Американцы были в восторге, и потом не верили, что «отец русской демократии» как то не очень либерален по существу. Ген.А.Лебедь, выступая в Конгрессе США, очень афористично заметил по поводу Ельцина: «Нельзя заснуть коммунистом, а проснуться демократом». Вот он – ответ: 20 лет либеральных и демократических реформ – фикция, смена вывески, на новом этапе, той же самой партноменклатурой. Экономический либерализм, даже с учетом «шоковой терапии», был бы приемлем, но его цели – и плоды – находились в чужих руках. Демонтаж Совдепии необходим, но сие вовсе не означает, что материальные блага должны быть акумулированы у назначенных «олигархов». Большинство диссидентов советской эпохи были либералами. Никто из них не вошел в пост-советскую элиту, а последние представители были выдавлены из всех значимых структур уже в путинскую эпоху. Потому что они, как, впрочем, и националисты расплачивались за свои иллюзии. Вместо консолидированной атаки всех антисоветских сил против Кремля в 1991 г., возникли разброд и шатание, даже без помощи ЧКистов. Случилось странное, при симпатии к либерализму, оный не обретался в пост-советской России ни на идейном, ни на политическом уровне. Зато определенный активизм имел место среди националистов всех фракций. Были и ошибки, и иллюзии, но была атака на Кремль. Для меня и сего было достаточно. В 1991 г. я был почти уверен, что РФ постигнет судьба СССР: она развалится на минимум 20 государств. Кремль предотвратил сие, как раз в момент нашего активного действия по работе уже не с национальными автономиями, а с потенциальным сепаратизмом Казакии, Си-

бири и ДВР. Тогда же я впервые озвучил тему Русской территории, что вызвало, увы!, негативную реакцию, что у националистов, что у либералов, что у западников. Но сепаратизм, о коем я указывал, имел очень конкретные юридические основы. Сейчас мало кто помнит, но Ельцин при подписании Беловежских соглашений создал документ о выходе РСФСР из союзного договора об образовании СССР. Следующий ход – расформирование РСФСР, как нелегитимного образования на территории Российской Империи (Республики). В Кремле на сие не пошли, хотя колебания имелись только в отношении Казакии. Мой *сепаратизм* базировался на *легитимизме*, т.е. правовой базе исторических субъектов, оккупированных безбожным режимом (и его правопреемников). Что же не хватало ни либералам, ни националистам? Именно, легитимизма. На удивление, и те, и другие мыслили в категориях советской реальности и боялись возвращения к единственной точке отсчета – Учредительному Собранию 1917/18 г.г. Я был в шоке от такой «демократии» и «национализма». Единственный человек, кто полностью был за легитимизм и восстановление преемственности с исторической Россией был всеми ненавидимый А.И.Яковлев. Вот его слова: «Разсматривать преемство можно только через Верховного Правителя А.В.Колчака». Итак, я всегда был *легитимистом*, в подлинном значении сего слова. Но слово сие оказалось очень скоро изпохаблено неведомыми «монархистами-легитимистами». Я – *не монархист*, и никогда им не был. К сожалению, я оказал поддержку некомпетентным организаторам Присяги Вел.Кн.Владимиру Кирилловичу, в могу только раскаиваться. Монархическая вакханалия, развязанная т.н. «кирилловцами», кои именovali себя как раз легитимистами, напрочь дискредитировала саму тему. (М.б. так и задумывалось?) Волна заседаний «сборников» с различными претендентами на Царство, как и разъезды неприличной троицы неизвестного происхождения, свели на нет саму тему реставрации монархии, ибо даже простому совковому работяге было очевидно: *самозванцы*

понаехали. Приезды Майкла Кентского пугали кремлядь, но он оставался «наследником» только для узкого слоя. Один ранне перестроечный остро слов очень точно определил: **«Демократия отличается от демократизации, как канал от канализации».** Мы видели сплошные нечистоты из советской канализации, а не реальные демократические институты. Против демократии в обычном смысле слова, В.Сурков произвел некую «суверенную демократию», коя может толковаться только в одном значении: восстановление тоталитаризма советского типа. Путинизм в довесок к ельцинской «демократии», облек себя в одежды «национализма» и даже «великодержавности». Неужели, се – дезориентация Кремля? На мой взгляд, - нет. Се – планомерная работа при применении различных трендов для поддержания своей власти, в ответ на требования масс, коих продолжают побаиваться. 20 лет в Кремле либерально-национально-великодержавный **симулякр.** На сегодняшний день идеи почти исчерпаны, в запасе осталась «мораль» (борьба с богохульством, к примеру) при помощи Советской Церкви и «царь», при установлении коего кто-то из Кремля станет Премьер-Министром пожизненно. Но последние идеи очень ограничены и смешны, они не вызывают поддержки в самых разнообразных стратах населения. Следовательно, в обозримом будущем начнется еще большее паническое настроение и нагнетание ужаса: **если мы уйдем – Россия погибнет.** Поверят ли лжи постсоветские массы? Маловероятно. Я – не антикапиталист и рыдания по поводу эксплуатации – не для меня. Меня очень приятно удивило, что на политическом горизонте вновь, после десятилетнего молчания, появились анархисты. Глобальные изменения диктуют общее движение к индивидуализму, следовательно, к анархизму. Вероятно, переходным этапом будет анархо-синдикализм, но для нас интересен вариант **национал-синдикализма,** вероятно, самый перспективный в обозримом будущем. Страна, где не решен национальный во-

прос, все равно ищет национальный ответ, коий может быть дан не сразу, а поэтапно переживая ту или иную фазу.

Так кто же я такой сам для себя? Исследовав свой внутренний мир, я прихожу с банальной идеей: я – *теократ*, т.е. сторонник проведения Божественной воли в земной политике. А сие может принимать совершенно разнообразные формы, соответствуя тому или иному цивилизационному периоду. Все политические идеи матрично заложены в мета-исторической жизни Церкви, ныне мы видим секулярные производные разных моделей, известных с допотопных времен. Для Церкви самое опасное – окостенение, т.е. искусственная жизнь в выдуманном мире. Церковный плюрализм необходим для того, чтобы внутри было многообразие, ибо люди – не одинаковы. Тот же тоталитаризм – всего лишь мобилизационная модель в экстремальных условиях, но он не может быть общественной константой. Мы помним: *где Дух – там свобода*. Что требуется кроме *свободы*? Конечно, *достоинство*. А если оно нет? Если большинство особей деградировало до обезьяньего состояния? Что же может помочь? Только *десоветизация*, постепенное, но радикальное, исправление исторического вектора русского народа, даже при его численном сокращении. Вот оно: десоветизация – ключ к пониманию своего политического пути. Здесь может быть всё, что ведет к желанной цели, здесь – пункт консолидации всех антикремлевских сил сейчас, как то было 20 лет назад, и что не было исполнено. В общей борьбе смотрят не на мысли, а на реальные дела.

Возвращусь вновь к собственной персоне. Итак, я – нерусский, не нацист, не неонацист, не националист, не великодержавник, не монархист, не «либеральный демократ», не левый а priori. Я – либерал (экономический, но не культурный), легитимист, национал-синдикалист, сепаратист, «пещерный» антикоммунист, теократ. Проще говоря, я – Архиерей Катакомбной Церкви ИПХ, русскоязычный остзеец, русской а не советской культуры, чья Родина – не Советский Союз, а та

подпольная Русь, кою не смогли полностью уничтожить, где не признавали советское и пост-советское гражданство, где говорили прежде и повторяют Кремлю ныне: *ваши горести – наши радости*. Прошу любить и жаловать; можете ненавидеть и гнать. Для христианина и то, и другое – в норме жизни. Посему я и благословляю всякое дело и слово против слуг антихриста, засевших в Кремле.

(<https://ambrose-s.livejournal.com/49586.html>)

Три коммента на сей пост по-своему заняты; приведём их:

critic14 (25 февраля 2013, 21:30:46 UTC)

Так, сначала Яшин. Первый пошел.

Теперь Сиверс. Второй пошел.

Третий кто? Что там Бычков у себя накопает?

Бред какой.

anton21 (25 февраля 2013, 10:58:36 UTC)

Мне очень понятен А.Розенберг – со всеми его идеями, движениями и т.д. Он хотел стать немецким немцем, но не мог в силу естественных причин. Он полностью был в русском ментальном поле, но не видел, где Русь его юности. Но он до спазм не переваривал советчину (не только по анти-семитской теме), подводя для нее расовый базис, как более понятный европейской мысли. Немецкий нацизм – явление более русское, чем немецкое.

- всё верно, сам дух Розенберга.

Khebeb (25 февраля 2013, 15:06:48 UTC)

При том, что Розенберг - отнюдь не остзеец, а питерский немец. Эрих Голлербах сразу вспомнился, сын царскосельского булочника, но со схожим мирозерцанием.

P.S.: Об А.В.Розенберге вл. А. было написано нарочитое религиозно-философское эссе. См.: Архиепископ Амвросий Готфский ИПХ. ЧЕЛОВЕК ИЗ МИФА (Судьба Варяга в XX веке) // Вопросы Норманизма. Вып. 2.

На фото: хиротесия во Певца бр. Димитрия Ревякина (гр. «Калинов Мост»). Крайний справа – Сергей Яшин

Звание певца, или, по уставу церковному, «канонарха», т.е. возглашателя гласа октоиха, прокимнов и прочего, было также, как и звание чтеца, известно еще в Ветхозаветной Церкви. Ветхозаветные псалмопевцы (1 Пар. 9, 33), священнопевцы, певцы и певицы (1 Пар. 23, 5; 1 Езд. 2, 42; 65; 2 Езд. 5, 27, 41) разделялись на два клироса (Неем. 12, 31—47), между которыми был начальник хваления и молитвы (Неем. 11, 17, 12, 46). В Новом Завете звание певца освятил Сам Господь и апостолы, которые после тайной вечери «воспевши пошли на гору Елеонскую» (Мф. 26, 30). В первые времена существования Церкви Христовой пение разрешалось всем присутствующим при Богослужении. В 364 году Лаодикийский собор 15 правилом постановил, чтобы только певцы, «состо-

ящие в клире, на амвон входящие и по книге поющие, пели в церкви». В 10 правиле Карфагенского собора указывается епископу при поставлении певца произносить: «Что поешь устами, в то веруй сердцем, а во что веруешь сердцем, исполняй на деле». Певцы, или псалмисты, в древности составляли низшую степень чтецов.

Дм. Ревякин, как показали дальнейшие события, оказался недостоин полученного высокого «дара». Его нынешние «уста» выпевают всяческую хрень, а уж что «лежит на сердце» у экс-брата Димитрия, страшно вато и помыслить... Как говорится: «бывает»... В конце концов, и Июда был допущен на «Тайную Вечерю» Спасову, что отнюдь не «пошло ему на пользу»... «Священство Православной Церкви должно быть светло, как Солнце, по качествам души своей и по жизни своей, и по высочайшему небесному, священноначальствующему и тайнодействующему сану своему» (Св. Праведный Иоанн Кронштадтский). Задача Иерарха (в нашем случае – вл. А.) – дать шанс «стать как Солнце» тем, в ком усматриваются подобные потенции... А уж кто и как воспользуется (или не воспользуется) сим «шансом», - се другая «история»...

Архиепископ Амвросий Готфский ИПХ

HYPERBOREIA (Пространство инобытия)

Разсуждения о пространстве (космос) неизбежно подталкивают нас к рассмотрению самого большого пространства на земле, сохраняющего завидное единство на протяжении времени. Имеется в виду Россия – в первую очередь *историческая*, а впоследствии вся пост-советская общность. Россия несёт в себе одно противоречие, кое может показаться странным только на первый взгляд. Она – несомненно очень древняя страна, покоившаяся на самых архаических основах, причем с хтоническим содержанием. Одновременно, она почему-то воспринимается довольно-таки юной и только только начинающей жить. Наиболее интересны свидетельства иностранцев на сей счет. Например, Виконт Эжен-Мельхиор де Вогюэ, проживший в Российской империи и знавший её, пишет в своем «Русском Романе»: «Русская земля — такая же юная, безудержная и туманная, как душа и речь её детей, — не знает тех занимательных историй, какими богаты земли старые; она выражает всё в одной жалобной песне, которая сродни боли, музыке, морю». Конечно, она знала всякие занимательные истории, но не очень-то открывала их. А противоречие между старостью и юностью снимается только в контексте вечности, коему Русь явно причастна. Такой известный русофоб – точнее, ставший русофобом из-за разочарования – как маркиз Астольф Де Кюстин оставил интересное замечание: «Здесь забываешь о колдовстве красок, о благочестивом сумраке ночей, здесь перестаешь верить в существование тех счастливых стран, где солнце светит в полную силу и творит чудеса» («Россия в 1839 году»). По-видимому и он ощутил *вечность*.

На земном шаре существуют три страны, кои превосходят все остальные своими особенными характеристиками. Се – США, Китай и Россия. США обладает самой большой экономикой в мире, Китай – самым большим количеством населения в мире (впрочем, м.б. уже не Китай а Индия), Россия – самой большой территорией в мире. Такова данность, коя может нравиться или не нравиться, но кою следует рассматривать не столько в политических действиях, сколько в цивилизационных линиях. Речь пойдёт именно о России, т.к. она обладает самой большой в мире территорией, коя есть – единое пространство даже в государственном смысле. Причем оно, одновременно, однокультурное, при всех вариативностях. Более того, оно имеет некие глубочайшие импульсы, отторгающие её к архаике, что необходимо учитывать при рассмотрении вопроса.

Россия занимает 1/9 всей мировой суши, что остается уникальным явлением, не только банально географическим, но... экзистенциальным. Причем, 2/3 сего пространства – вечная мерзлота, т.е. практически непригодные условия для жизни, а в остальном – большинство зон для рискованного земледелия. Т.е. сам климат – абсолютно объективный фактор – уже осуществлённый в оном. Такое необычное гиперпространство не м.б. опознаваемо наряду с исторической формацией, в своём осуществлении. Россию иногда принято сравнивать с империей Чингизхана. Более того, производить её наследницей от монгольской империи, ибо сие образование – строго континентальное и практически совпадает с очертаниями России. На сем зиждется идеология как евразийства, так и некоторых либеральных исторических школ. Но империя Чингизхана – явление очень краткое, хотя и имеет соответствующие исторические ответвления. И в свою очередь – по правопреемству – оно претендует на продолжение империи Аттилы. Россию можно называть правопреемником Орды лишь отчасти, - сие артикулируется не просто

разгромом Ханств Казанского, Астраханского и Сибирского, но и включением сих наименований в титулатуру Государя. Точно также, как Британская монархия становится Империей в силу принятия венца Великих Моголов. Да, Британская или Испанская Империи (причём антагонисты между собой) конкурировали с Российской империей, но те государства обладали *заморскими* территориями. В том просматривается принципиальное отличие исторической России: она – именно континентальная держава, с непрерывающейся территорией, когда покрывается всё пространство – и совершенно дикое, и окультуренное. Суть России объективно такова, что, в силу своего положения и столь громадного (по мировым меркам) масштаба, само ее пространство претендует не только на статус *особой цивилизации*, но особого “*міра*”, т.е. своеобразного **космоса**, в категориях общепланетарных пересечений. Удивительно, но такая невероятная величина прикогда не придавала России *величия*, даже если о сем утверждали пропагандисты. В силу скрытых причин, ещё по свидетельству великого иностранца, Россия всегда будет делать для себя в политике только хуже. Самоуничтожение, самоунижение, идиотизм, преклонение пред западными партнерами? М.б. из-за самой вторичности, или деятельности Романовых, особенно про-западного Петра I? – **Думается, что – нет.** Представляется, что вышеуказанные качества есть обыкновенный параметр своей макросистемы, расположенной на столь значительном пространстве. Любое ухудшение вообще характерно для данного пространства, - ибо само сие пространство – примордиальное хаотическое – сопротивляется всем человеческим структурам. Оттого становится непонятным внешнему наблюдателю, как же существует сие государство – даже не государство а общность, и не распадается, хотя постоянно пребывает почти в хаотическом состоянии. Ответ дал человек, всю жизнь проживший в России, хотя и не русский по происхождению, - фельдмаршал Христофор Антонович

фон Миних: “Россия управляется непосредственно Господом Богом. Иначе невозможно представить, как это государство до сих пор существует”.

Безмысленно изучать формации государств, расположенных на сей территории, так же нерелевантны разсуждения о самом народе, там проживающем. Сама изчисленная и нанесённая на все географические карты территория не конгруэнтна пространству, кое в отличие от предлагаемой умозрительной плоскости – фрактально. Оно имеет много входов и выходов, она наполнена сакральными символами, оно тайно содержит в себе некие мировые точки, кои важны отнюдь не только для русских.

П.Я. Чаадаев заметил, что «русская мысль имеет характер географический». Из глубины веков от летописи Нестора и до работ современных отечественных географов, историков, экономистов, социологов и т.д. в российской науке предпринимаются попытки осмысления территориального объёма нашей «земли».

Территорию нельзя отождествлять с государством, кое на ней располагается. Не равно оно и пространству, ибо территория есть понятие метрическое (т.е. как-то измеренное и зафиксированное, м.б. конвенционально). Пространство же не обладает чёткими границами, имеет свои изгибы, не совпадает с устоявшимися представлениями. Оно географично отчасти.

Территория – органическое тело государства, вся его история и политическая система немыслима вне данной категории и невозможна вне её. Превышение территориального объёма, как и лишение какой-либо его части в равной степени представляют угрозу для государства.

В современной географии понятие «территория» есть частный случай более общего понятия – «географическое пространство», кое является фундаментальной категорией, описывающей всю совокупность явлений и процессов, в

коих протекает жизнь земной природы, людей и человеческого общества. Мы употребляем выражения «информационное пространство», «культурное пространство», «политическое пространство» и т.п., не задумываясь о том, что все они составляют предметную область географической науки — такую же, как и выражение «пространство России».

Кремлевскими идеологами высказывалась мысль, что само пространство России, как и его частные случаи, требует такой же суверенизации, как и институты российской государственности, ибо мы должны воспринимать пространство России как ценность, требующую такой же защиты, как и границы страны. Мысль верная по сути, но плоская, потому что опять таки этатистская. Пространство плохо подчиняется территории и тем паче конструкциям на оном, т.е. государству. Оно живёт по своим естественным законам. Вторгаясь в оные, властители рискуют получить катастрофы — как природные, так и ментальные.

Чем было вызвано столь масштабное и динамичное расширение границ России и что получала она от обладания таким обширным и разноликим пространством? Приобретала ли страна вследствие этого больше выгод или же неудобств, становилась ли она от этого защищённей и устойчивей или наоборот — уязвимей и нестабильней, приносило ли приращение пространства облегчение государству и народу или напротив придавливало их тяжёлой ношей, умножало их проблемы и затраты? Подобные вопросы занимали многие светлые отечественные умы, искавшие первопричины безпрецедентного территориального роста и связанных с ним особых тягот и испытаний, выпавших на долю России, её отсталости от вырвавшегося вперёд Запада. Один из самых проницательных отечественных мыслителей философ Иван Ильин полагал, что пространство изначально было для русского народа тяжким фатальным обременением, избежать коего было совершенно невозможно. Он сформулировал три

главных бремени российской земли. Первое бремя он видел в необъятности «непокорного, разбегающегося» пространства — «шестая часть суши в едином великом куске; три с половиною Китая; сорок четыре германских империи». Вторым бременем он называл природу. «Этот океан суши, оторванный от вольного моря, которое зовёт и манит, но само не даёт и нам ничего не дарит... Эта гладь повсюдная, безгорная; и лишь на краю света маячат Карпаты и Кавказ, Урал и Саяны, не ограждая нас ни от бури, ни от врага. Эта почва, — скудная там, где леса дают оборону и благодатная там, где голая степь открыта для набега. Эти богатства, сокрытые в глубине и не дающиеся человеку до тех пор, пока он не создаст замирение и безопасность. Эти губительные засухи, эти ранние заморозки, эти бесконечные болота на севере, эти безлесные степи и сыпучие пески на юге: царство ледяного ветра и палящего зноя...». И третье бремя по И. Ильину состояло в обилии и разнообразии племён, населявших безкрайние суровые пространства. «Сто семьдесят миллионов людей, то сосредоточенных, то рассеянных в степях, то затерянных в лесах и болотах; до ста восьмидесяти различных племён и наречий; и до самого двадцатого века — целая треть не славян и около одной шестой нехристианских исповеданий»¹. И спрашивается, зачем все эти тяготы и лишения, что заставляло страну идти на такие жертвы и испытания? У И. Ильина нет этому рационального объяснения. По его мнению, «обременение пространством» происходило как бы независимо от воли страны, с неотвратимостью неумолимого рока: «Не мы “взяли” это пространство — равнинное, открытое, незащищенное: оно само навязалось нам, оно заставило нас овладевать им, из века в век Россия имела только два пути: или стереться и не быть, или замирить свои необозримые окраины оружием и государственною властью...». Россия сделала свой исторический выбор: она не стерлась и сбылась, её судьбой стало

¹ Ильин И.А. О России. Три речи. 1926–1933. София: За Россию, 1934.

покорение и удержание огромного пространства. Эту мысль вполне разделял и другой выдающийся российский философ Н.А. Бердяев, утверждавший: «Географическое положение России было таково, что русский народ принужден был к образованию огромного государства»².

Как бы то ни было, вынужденное и с огромными издержками достигнутое «пространственное величие» страны стало краеугольным камнем российской истории, важнейшей основой российской идентичности. Однако поражающие воображение отличительные черты обретённого на длинном и трудном историческом пути уникального российского пространства – размер, природные условия и многонациональность населения – оказались на определённом этапе вопреки простой логике «чем больше, тем лучше» вовсе не безусловными преимуществами, выступающими предметом подчас неумеренной национальной гордости. Например, Н.А. Бердяев сокрушался, что «государственное овладение необъятными русскими пространствами сопровождалось страшной централизацией, подчинением всей жизни государственному интересу и подавлением свободных личных и общественных сил. ... Необъятные пространства России тяжёлым гнѐтом легли на душу русского народа. В психологию его вошли и безграничность русского государства, и безграничность русских полей. Русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безгранность не освобождает, а порабощает ее»³. Ему вторит наш современник – писатель Л.И. Бородин, коий также полагает, что «вместе с пространствами» ментальность русского человека приобрела немало отрицательных черт: неусидчивость, торопливость и «российскую лень», выразившуюся в том, что «можно махнуть рукой на незаконченное, уйти прочь и в другом месте всё попробовать заново...

2 Бердяев Н.А. Судьба России (Опыты по психологии войны и национальности): сборник статей 1914–1917. М., 2007. Стр.62

3 Цит.соч., 63 с.

»⁴. Осознание сих пространственно обусловленных проблем во всём их глубинном значении пришло не сразу, но всё же началось уже довольно давно. Причём не только отдельными проницательными мыслителями, но и правителями страны. К примеру, Император Николай I, говоря о специфике российского государственного управления, подытожил, имея в виду сразу всё – и климат, и связность территорий: «Расстояния – наше проклятие»⁵. В то же время некоторые из видных русских политических деятелей позапрошлого века, например канцлер А.М. Горчаков, предупреждали, что для России «расширение территории есть расширение слабости»⁶, и что экономическое и социально-политическое развитие пошло бы стране в индустриальный век гораздо более на пользу, чем приращение пространства. Но, как заметил искушённый политический деятель США Генри Киссинджер, историческая инерция настойчиво подталкивала Россию в сторону всё новых завоеваний с сопутствующими им внешнеполитическими конфликтами, тогда как её социально-политическая структура становилась весьма неустойчивой. На взгляд Киссинджера, стремление России обезопасить себя превратилось со временем в экспансию как самоцель. Пространственный экспансионизм, по его мнению, не только более не умножал мощь России, но, напротив, способствовал её упадку, ибо финансово-политические потери России намного превышали ожидавшиеся выгоды⁷. Последствия данных потерь имели отдалённое и сильное воздействие. Современные историки усматривают именно в территориальной экспансии и огромных пространствах с низкой плотностью населения причину долгосрочного закрепления в России экстенсивного типа

4 Бородин Л. Над Волгой // Москва. 1993. № 5, стр.8

5 Кюстин А. Россия в 1839 году. М., 2007, стр.122

6 Рыбас С.Ю. Заговор верхов, или Тотальный переворот. М. : Молодая гвардия, 2016, стр. 86

7 Киссинджер Г. Дипломатия. М. : АСТ, 2019, стр.136

национальной экономики, в коей решающую роль играли не производительность труда и технические инновации (как в Западной Европе), а эксплуатация неограниченных природных ресурсов – земли, леса, дичи, рыбы, мехов, а потом и нефти, и газа. Столетия такого типа экономического развития якобы и сформировали особый – неинновационный тип личности⁸. Таким образом, Россия вступила в XX в. с огромными территориями, плохими коммуникациями, изматывающей борьбой с холодным климатом, скудными почвами и урожаями, колоссальными расходами на оборону, сверхнапряжением населения и сверхцентрализацией власти⁹.

Долгое время в историко-политических описаниях России присутствовало утверждение о неизбежной агрессивности сего государства. Немного странно сие читать на фоне истории действительно держав-колониалистов. Впрочем, никто не протестовал пред РИ, когда та противостояла державам и приобрела колонии, о коих ныне все преспокойно забыли, т.к. вовсе не держалась за них, будучи связанной внутренним необъятным пространством. В строго историческом понимании Россия реализовалась, в смысле экспансии, именно в чисто цивилизаторском значении. Имелись исторические противники как Орда и Речь Посполитая, но и оные в конечном счёте были ликвидированы. Россия расширилась довольно-таки грандиозно уже на Американском континенте, и не только в Аляске, но и южнее – в Орегоне и Калифорнии! (Вот – крайняя точка растяжения пространства (структурированное государством), после чего РИ поступает верно по чисто логистическим причинам.) Принцип расширения РИ становится понятен, когда мы проверим её границы. А оные оказываются **естественными преградами**,

8 Усков Н.Ф. Неизвестная Россия. История, которая вас удивит. М. : 2017, стр.64, 66, 67, 316

9 Рыбас С., Рыбас Е. Заметки о Февральской революции // Международная жизнь. 2017. Январь. С. 63–76.

т.е. РИ, как самое громадное суверенное пространство, способное существовать само в себе, прекращало своё расширение не столько по политическим (или военным), сколько географическим причинам. Реки, моря, горы, т.е. естественные преграды отчёркивают её пространство, внутри коего представлены собственная история и цивилизационные образцы. Также само движение (и сопутствующие ему тенденции) — явно архаического свойства, восходящее к самым истокам Руси. Борьба за выход к морю — к Балтийскому и Чёрному — есть всё тот древний «путь из варяг в греки». Т.е. подлинная суть транзита в России не изменилась, даже если менее заметна при новейших декорациях.

Вышеозначенное распространение, однако, не меняло русского характера, в коем содержится до сего дня удивительное противоречие. Русские распространились по всему миру, но при том не любят никуда ездить, предпочитая оставаться у себя дома! Ещё в средневековье о сем писал Рафаэл Барберини в «Путешествии в Московию»: «Русские — не охотники посещать чужие края, как будто не могут расстаться со своим гнездом». Похоже, что здесь унаследованы древнескандинавские черты тех же викингов, испытывавших данное противоречие.

Русь обладает своими сакральными точками, большинство из коих профанированы, заброшены, неопознаны, а то и уничтожены. На поверхности их очень немного, и все под напластованиями эпох деградации. Политическая мифология Москвы как «Третьего Рима», а потом и РИ, сделала своё дело, но не смогла отменить тайных точек, на коих утверждается самые сакральные пересечения пространства. Если обратить взор на Урал, то оный — те самые Рифейские горы, данные по имени **Рифата**,¹⁰ сына Гомера, внука Яфета, и они

10 **Рифа́т** (др.-евр. רִיפָּאֵת) — согласно Библии, второй сын Гомера, внук Иафета; брат Аскеназа и Фогармы (Быт. 10:3; 1 Пар. 1:6). Вполне отождествим с Липоксаем скифского мифа, зафиксированного Геродо-

содержат священные места. То же самое касается многих мест в Сибири, переполненных самыми архаическими мегалитами, ориентированными на последние времена. Никогда не стоит забывать, что античные историки неопределённо локализовывали таинственную Гиперборею. Зачастую она у них находилась за Рифейскими горами, кои, правда, на картах располагались не вертикально, а горизонтально. То, что Русь есть та самая **Гиперборея**, уже стало общим местом в разсуждениях. В сем никто не сомневался в Западной Европе в Средневековье, а такой значительный персонаж русской истории и духовного делания как преп. Максим Грек прямо признаётся в письме некоему Макробию: *«Тот кто был элладцем, сегодня стал гиперборейцем»*.

Особым коррелятом всего пространства оостанется во веки веков... **Архипелаг ГУЛАГ**. Никто никогда даже не забывал сей ужас на земле. Се – не естественный хтонический ужас, но ужас рукотворный, т.е. конструирование поистине ада на земле. Пространство омертвлено таким образом. Но внутри оно обнаруживается кровь мучеников, что немало важно. Вот – следы новых сакральных мест на всем пространстве, достойные прочтения, почтения, изучения и почитания. Так возстанавливается сама исчезнувшая жизнь. Если доминирует пространство смерти – точнее, смертной жизни, - то сие не значит, что очищение невозможно. Сему придется быть, хотя обычным обитателям или прогрессивному человечеству такая логика может казаться дикой, глупой или неактуальной. Изменение невидимой структуры в осквернённом пространстве – подъёмная задача, хотя и очень трудоёмкая к исполнению. Впрочем не будет преувеличением сказать,

том (Геродот. История IV 5-7): «(6) Так вот, от Липоксаиса, как говорят, произошло скифское племя, называемое авхатами, от среднего брата — племя катиаров и траспиев, а от младшего из братьев — царя — племя паралатов. Все племена вместе называются скелотами, то есть царскими. Эллина же зовут их скифами». Само имя Липоксай стараются перевести как «Царь-Гора».

что таких сакральных точек мало. Их требуется привести в надлежащий вид и *запустить в действие*, приставив верных **служителей**.

Большинство очень быстро забыли а кровью закрепленными человеческими жертвами (ГУЛАГ). РФ продолжила практику, и она смогла самоутверждаться по многим причинам. ЧКистский Ренессанс даже после некоего колебания кое-каких идеологом и опять возстановил кровавые жертвы уже. Само пространство РФ посему ныне очень искажено. Искривления не только там, конечно: во всем мире видимые изгибы ненормальности, умерщвляющие души. Но м.б. Россия отличается, то явно и у неё заметно нечто на экстерьерном плане, и не только.

Удивительный факт: заметно, что все стремятся в Америку, за исполнением «американской мечты». Но её не существует отныне. Из России все бегут, куда глаза глядят. Но иностранцы... любят Россию! При том что нынешняя РФ отвратительна, хотя и привлекательна внешне.

Историческое бытие России является почти исчезнувшим, войдя в антагонизм только после бойни и переворота. Что для будущего? Интересы сих государств могут не совпадать – чисто политически или экзистенциально. Но чисто цивилизационно данные общности тяготеют к одному глобальному пространству – **Северу**. И сие оказывается важно в исторической перспективе.

Несомненно, что существуют страны, города, годами осваивавшие данное пространство. Но, в данном случае, речь идёт о *безграничном* пространстве. И если Трампу удастся исполнить его невообразимую программу с Гренландией и Канадой, то мир, в прямом смысле, получит новую возможность пред глобальным вызовом всеобщей фрагментации, накануне мирового кризиса и, собственно, цивилизационного коллапса.

А жителям России придётся... мучаться от условий жизни и климата, неорганизованности, расстояний и т.п. Возможно,

сие станет ведущим фактором, дабы следовать природному характеру. Посему характер русских, как *искателей правды*, заведомо идиотичен? К тому же, опыт принятия заведомой лжи, как правды, стал очень болезненным на своём пути и сильно повредил коллективное сознание. Оттого вовсе не удивительно высказывание: «Русский патриотизм может заключаться в одной ненависти к России... Любовь к России, заключающаяся в желании жить в России, есть химера, недостойная возвышенного человека. Россию можно любить как блядь, которую любишь со всеми её недостатками, проказами, но нельзя любить как жену, потому что в любви к жене должна быть примесь уважения, а настоящую Россию уважать нельзя.» Князь П. Вяземский («Старая записная книжка», Л., 1929, с.337). Примордиальный Север объял не только северное полушарие земли, но имеются и особые географические конфигурации. Так в Западной Европе оно – не только Скандинавия, но и Британские острова, вплоть до Азорских. А на Дальнем Востоке – Япония, Корея – по гряде до самой Австралии. В самой Америке её продолжение прослеживается в мексиканском полуострове Калифорния. Зафиксированные очертания не обязательно совпадают с измерениями, но соответствуют *сущностному* пространству, - на всех направлениях, во всех своих частях.

Логика европоцентризма базируется, скорее всего, на архайке Бронзового века. В нём ещё нет **Римства** в прямом смысле слова: там перемещение сакральных центров яфетидов (на фоне поистине мировой войны между Египтом и Хеттами). Метаисторически становится понятным впоследствии, что имел место быть исход из Трои в Рим, и обратно – с созданием Нового Рима. Всё сие – в протяжённой парадигме – телассократий Крита и Финикии, что под эгидой Древнего Египта. Но неперменным сакральным содержанием будет (и останется) существование Иеросалима – крайней точки мистического квадрата после-потопного человечества.

Некогда пришлось услышать фразу: «Эгрегор России сильно ослаб». Говорил оккультист, но смысл был понятен. Он констатировал общее состояние, выражаясь привычными ему словами. Что же такое **эгрегор**?

Эгре́гор (от др.-греч. ἐγρήγορος «бодрствующий») — понятие, термин и концепция в оккультизме и эзотерике, означающее нефизическую сущность, групповое биополе. В научной среде считается маргинальной антинаучной теорией. Сторонники данной теории предполагают, что более или менее крупные человеческие сообщества способны вырабатывать собственное энергетическое поле под влиянием устремления к одной цели (эгрегор творческой школы, эгрегор государства, эгрегор религии и пр.). Участники сообщества могут испытывать чувства сопричастности («подключение» к объединяющему их эгрегору) и повышать личный энергетический потенциал.

Древнегреческим словом иногда обозначали ангелоподобных духов. Оно взято из Книги Еноха, где в греческом переводе так осмыслен ивритский термин «страж», относящийся к ангелам (преимущественно падшим). Иными словами, в переложении с библейского на научно-оккультный язык, так именуются ангелы-хранители неких народов и государств, упоминаемые ещё у пророка Даниила. Вне всякого сомнения, что такие ангелы обязательно придавали некие особенные черты той общности, кою «наблюдали», что на квазинаучном языке можно назвать биополем.

Понятие используется в оккультизме (эгрегор как сущность, взаимодействующая с человеческой психикой; за счёт существования одновременно, по оккультной терминологии, в астральном и ментальном планах, он способен влиять на логические операции с эмоциями и чувствами людей); также термин используется в рамках псевдонаучной концепции биоэнергоинформатики («эгрегор» — энергоинформационная структура в тонком мире, связанная с определёнными

состояниями людей, идеями, желаниями, стремлениями); и в ДЭИР (взаимодействия человека и эгрегора). Явление эгрегора рассматривается также в работах Жака Шабо^[15].

В эзотерических учениях принято считать, что эгрегоры (как совокупная энергия группы людей объединённых одной идеей, обладающая определённым волевым зарядом и дающая чувства сопричастности) способны повышать энергетический потенциал человека, оказывать помощь, направлять. Одни авторы видят в эгрегорах пользу и защиту, другие с осторожностью относятся к открытому взаимодействию с ними или противостоянию им.

Но ряд авторов связывают понятие «эгрегор» с понятием «ноосфера»¹¹. Вот с данной концепцией вполне можно согласиться и нам.

Одним из самых выдающихся русских эзотериков являлся Даниил Андреев. Он также оставил разсуждения о «Небесной России» в своём фундаментальном труде «Роза Мира»: «...эмблематический образ: многохрамный розово-белый город на высоком берегу над синей речной излучиной. Как и остальные затомины, Небесная Россия, или Святая Россия, связана с географией трехмерного слоя, приблизительно совпадая с очертаниями нашей страны. Некоторым нашим городам соответствуют её великие средоточия; (между ними - области просветлённо-прекрасной природы, моря светящихся эфиров - это души стихий, - сияющих красками, непредставимыми для нас, омывают там сооружения, которые отдалённо можно было бы уподобить громадам лазурных и белых гор...) Крупнейшее из средоточий - Небесный Кремль, надстоящий над Москвою. Нездешним золотом и нездешней белизной блещут его святилища. А над мета-Петербургом, высоко в облаках того мира, высит-

11 Позаченюк Е. А. Информационная составляющая ноосферы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И Вернадского. География. Геология. 2017. Т. 3 (69). № 3-1. С. 205—217

ся грандиозное белое изваяние мчащегося всадника: это - не чьё-либо изображение, а эмблема, выражающая направленность метаисторического пути. Меньшие средоточия рассеяны по всему затомису, среди них - и метакультурные вершины других наций, составляющих вместе с русской единый сверхнарод. Общая численность обитателей Небесной России мне неизвестна, но я знаю, что около полумиллиона просветлённых находится теперь в Небесном Кремле. Демиург Яросвет проявляется в небе и воздухе этого мира так, как если бы прозрачный океан могущества проходил от одного небосклона до другого и заливал бы сердца. Это могущество сосредоточивается в храмах Демиурга, образ его очерчивается, голос его становится внятным, и возникает общение между ним и просветлёнными - общение, придающее им силу и высшую мудрость.

Так же проявляет себя и другая, схожая с демиургом иерархия - великие духи-народоводители отдельных наций, входящих в состав нашей метакультуры. Среди них есть и более древние, чем Яросвет, есть и юный народоводитель Украины. Но ни Навны - Идеальной соборной Души народа русского, ни её сестёр - соборных Душ других народов всё ещё нет здесь: пленённые в глыбах государственности, в цитадели великодержавного демона, уицраора, в подземном мире российского античеловечества, они достигают Небесной России лишь отдалёнными звучаниями, ослабленными отблесками. ... новые пришельцы являются в Небесной России в особых святилищах, имея при этом облик не младенцев, а уже детей. Состояние вновь прибывших схоже именно с состоянием детства; смена же возрастов заменяется возрастанием просветлённости и духовной силы. Нет ни зачатия, ни рождения. Не родители, а восприимчики подготавливают условия, необходимые для просветлённой души, восходящей сюда из Готимны. В обликах некоторых братьев Синклита можно было бы угадать черты, знакомые нам во времена их жизни

в Энрофе: теперь эти черты светозарны, ослепительны; они светятся духовной славой, истончены и облегчены. Производимая преображенным телом, их одежда светится сама. Для них невозбранно движение по всем четырём направлениям пространства; оно отдалённо напоминает парение птиц, но превосходит его лёгкостью, свободой и быстротой...”

Интересно, что написано сие в СССР, в эпоху сталинизма, когда никакой реальности на земле уже не существовало. Но всё свести к фантазиям помешавшегося эзотерика тоже не стоит. Можно не принимать его визионерский опыт – и тем паче саму фразеологию, но уже погибшая Россия – даже в более концентрированном виде Святая Русь – продолжает существовать. Сие предельно чётко изъяснил еще до революции Вяч.Иванов: «Поиски Руси невидимой, сокровенного на Руси Божьего Града, церкви неявленной, либо слагаемой изобранными незримыми строителями из незримого им самим камня на Святой Горе, либо таимой в недрах земных, на дне ли светлого озера, в серединных ли дебрях, на окраинах ли русской земли, не то за Араратом, не то за другими высокими горами, — эти поиски издавна на Руси деялись и деются, и многих странников взманили на дальние пути, других же на труднейшее звали, не пространственное, но духовное паломничество. Так, Святая Русь, становясь предметом умного зренья, как в бытийственной тайне сущая, являлась созерцателям этой тайны чистым заданием, всецело противоположным наличному, данному состоянию русского мира»¹². Поиск Святой Руси среди отвратительных руин, оставленных Совдепией, означает пробуждение всего живого, сокровенного и подлинного, что сохранилось вопреки общему умерщвлению и деформации. Святая Русь – есть не только сумма всех христианских святынь, топографически осязаемых. (Не станем обманываться: хотя большинство исторических церков-

12 Вяч. Иванов. Живое предание / Вяч. Иванов. Соч.: В 4 т. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 341

ных точек верны, немало храмов было установлено в угоду личности или сообщества – т.е. вне мистического **пространства**.) Святая Русь не умерла в советский период, но породила множество мучеников, чья кровь до сего дня вопиет в небесам об отмщении. Места их мученичества – *святые* места, требующие обязательного поклонения. Посему вся сетка Архипелага ГУЛАГа – есть подлинная нео-матрица для Святой Руси. Места поклонения и почитания, в пространственном смысле, влекутся из прошлого, но обращены в будущее. Сего нельзя забывать, ибо оное присутствует на земле, но в божественном измерении: для нашей экзистенции. Сие есть почти невидимое напоминание о том, что находится постоянно почти возле каждого. Но Святая Русь обымет и самые архаические пласты, наследуемые с после-потопных времен. Северный удел потомков Яфета плотно покрыт сакральными точками, ныне заброшенными или закрытыми от профанов. Их географическое положение строго соответствует астрономическим проекциям и должно вновь приобрести свой прежний смысл. На тонком уровне сие ощущается всеми, на вульгарном восприятии – не более, как экология. Здесь ищут в себе сокрытую святость, отчего и люди данного пространства живут в постоянном напряжении, находятся в перманентном поиске Святой Руси – внутри исторической России, Совдепии или РФ. Их поиски не могут увенчаться успехом, потому что в материальном смысле сие – распределено в тайных артефактах и местах, соединённых в матрицу, коя и поддерживает *живую* жизнь. Даже более того, подаёт жизнь вовне сего гигантского пространства. Сие интуитивно привлекает (или, наоборот, отталкивает) иностранцев.

Русь – есть тот самый Север, о коем становится более понятно. В Книге Еноха имеется одна деталь, проецируемая на предмет нашего разсуждения, от осознания коей кое-что будет понятно: «И взяли меня оттоле мужи те, и вознесли меня на **север** неба, и показали мне там место, страшное весьма.

Всякое мучение и терзание на месте том, и нет там света, но огонь мрачный, возгорающийся непрестанно на месте том, и река огненная, заливающая все места те, студёный лёд, и узилища, и ангелы лютые и немилосердные, носящие оружие и мучающие без милости.

И сказал я: – Сколь страшно место сие!

И отвечали ко мне мужи те: – Сие место, Енох, уготовано нечистивым, творящим безбожные дела на земле, что учиняют чародейства и волхования, и похваляются делами своими, и крадут душу человечью потайно, и сокрушают ярмо, и богатеют, обиду присваивая чужое добро, и попускают алчущего умереть от глада, дабы самим пресыщаться, и могши одеть нагих, пуще обнажают, и не познали Творца своего, но поклонились богам суетным, устроая кумиры и поклоняясь творению рук своих. И всем сим уготовано место сие в удел вечный». Т.е. се – очень страшный север, болезненное место, где люди должны быть очень духовно сильны, чтобы общаться в основном с падшими ангелами.

Необходимо хотя бы пунктиром пройти по характеру населения данного пространства – преимущественно русскому. Пьер Паскаль в своём «Русский дневнике» указывает деталь, многими иностранцами замеченную: «Русские добры к ближним. Ненависть им чужда. Они снисходительны к преступнику, поскольку он уже беззащитен. Они охотно предаются сентиментальной жалости, готовы отдать справедливость всем без разбору». Сохраняется ли сие донныне? В принципе – да, но изменения налицо. Любые утверждения следует проверять. И, даже если они не нравятся, признавать в случае точности. Не всегда всё можно исправить, но реально улучшить. Сам характер нации может непрерывно меняться как в лучшую, так и в худшую стороны. Основа же его останется неизменной. Кардинальные изменения происходят, когда повреждается *народная душа* (на языке психоанализа – «коллективное бессознательное»), и когда на биологическом

уровне одно замещается другим, т.е. с дополнением чуждого характера. Если сие сопряжено с ментальными изменениями, то вполне можно получить и новую формацию, обладающую новой идентичностью. Причём прежняя идентичность никуда не исчезла, пребывая в умалённом состоянии. Оные будут находиться в конфликте, пытаясь пробиться сквозь толщу чужеродности. Изменения характера оказывались менее заметны, чем изменения чисто антропологические. Не станет никаким преувеличением о удивительное – по своей симпатии – заявление кое обнаруживается в отношении русских у Адольфа Гитлера: «(...)Это были бы уже не люди, а животные, и было бы ошеломляюще, если сравнить нынешнее [советское] население с русскими, которых знают по Первой Мировой войне. В то время добродушные белокурые русские были преобладающей частью населения. Сегодня это прошло. При помощи дьявольских методов большевистский режим уничтожал бы таких русских все больше и больше или ссылал бы в Сибирь и планомерно переселял бы монголов из Азии в европейскую часть России, чтобы в расовом отношении уничтожить русский народ и превратить его в азиатов»¹³. Взгляд несколько однобокий, но характерный для многих наблюдателей, могущих воочию сравнивать бросающуюся в глаза различия.

В контексте, данной темы необходимо обратить внимание на рассуждения немецких философов о русских, - именно не поверхностных, а глубокий взгляд на саму феноменологию.

Например, будущее русской культуры Шпенглер связывал с религией, кою он называл «настоящее», или «Иоанново» христианство (2). То христианство, кое есть в Европе он не считает настоящим христианством. Европейское христианство

¹³ Адольф Гитлер в беседе с болгарским министром иностранных дел Иваном Поповым, 29 ноября 1941 г. Источник: Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP). 1918-1945. Serie D: 1937-1941. Band XIII, Dok. Nr.509

– псевдоморфоз, мимикрия под другие, более ранние религии. Современный философ, специалист по Шпенглеру Б.М. Парамонов пишет: «Когда вышел первый том “Заката Европы”, критики, в том числе Бердяев, недоуменно вопрошали: а где у Шпенглера христианство? Во втором томе он исчерпывающе объяснился: на Западе христианства, в сущности, не было, только заимствование ритуалов и текстов, был принят язык, на котором, однако, говорилось нечто другое. Христианство как одна из “магических” религий чуждо западному фаустовскому духу». По Шпенглеру в Европе было квази-христианство. Время настоящего христианства ещё не пришло. Шпенглер пишет: «Бросив взгляд в любую книгу по истории религии, мы узнаем, что христианство пережило две эпохи великого идейного движения: в 0-500 гг. на Востоке и в 1000-1500 гг. на Западе. Третья, им «одновременная», наступит в первой половине следующего тысячелетия в русском мире...». Третий расцвет христианства произойдёт именно в России и даст начало расцвету новой культуры. Люди европейской, или фаустовой культуры по своей природе индивидуалисты, носители его. Люди русской культуры – коллективисты. Ум в русской культуре – коллективный. Основой коллективного ума в общинах может быть лишь Священный Текст. Таким текстом станет четвёртое Евангелие, написанное апостолом Иоанном Богословом¹⁴. Шпенглер связывает будущее России именно с религией, а не политикой или реформами в социально-экономической сфере: «Будущее внутренней России лежит не в решении политических или социальных вопросов, а в рождении новой религии, третьей из богатых возможностей христианства». На сие особенно понятно, потому что своими словами философ подразумевает неповрежденную Тайную Церковь, продолжавшую существовать. И как раз в период написания его труда дававшей массу муче-

14 Не исключено, что Шпенглер сие воспринял от прочтения «Трёх Разговоров» Вл. Соловьева

ников и исповедников. Он высказывает своё окончательное мнение: «Подлинный русский — это ученик Достоевского, хотя он его и не читает. Он сам — часть Достоевского. Если бы большевики, которые усматривают в Христе ровню себе, просто социального революционера, не были так духовно узки, они узнали бы в Достоевском настоящего своего врага. То, что придало этой революции её размах, была не ненависть интеллигенции. То был народ, который без ненависти, лишь из стремления исцелиться от болезни, уничтожил западный мир руками его же подонков, а затем отправит следом и их самих — тою же дорогой; народ, тоскующий по своей собственной жизненной форме, по своей собственной религии, по своей собственной будущей истории. Христианство Толстого было недоразумением. Он говорил о Христе, а в виду имел Маркса. Христианство Достоевского принадлежит будущему тысячелетию...

...Глубинной Русью создается сегодня пока ещё не имеющая духовенства, построенная на Евангелии Иоанна третья разновидность христианства, которая бесконечно ближе к магической, чем фаустовская, и потому основывается на новой символике крещения... Занятая исключительно этим, Русь снова смирится с западной экономикой, как смирились с римской экономикой древние христиане, однако внутренне она в ней больше не участвует».

Очевидно что вовсе не чуждый России философ как Альфред Розенберг внимательно изучал труд Шпенглера. И когда он писал свой «Миф XX века», то, несомненно, полемизировал с маститым немецким мыслителем. Вот, например, что он говорит: «Из мучительного стремления подарить миру нечто самостоятельное возникло «всеобъемлющее человеколюбие» Достоевского, которое, видимо, означает то же самое, что и русская культура. Россия для него - это страна, которая сохранила в своей груди истинный образ Христа, чтобы однажды, когда народы Запада собьются с пути, вывести их на новую

спасительную дорогу. Страдающее, терпеливое человеколюбие является залогом грядущего «слова» России».

Удивительно, что указано у М.Хайдеггерв его “Чёрных традиях” о русском начале: «В сущности русского начала заключены сокровища ожидания скрытого Бога, которые превосходят [значение] всех сырьевых запасов. Но кто поднимет их на поверхность? т. е. освободит (так), чтобы высвечивалась их сущность...? Что должно произойти, чтобы таковое стало исторической возможностью?... Само бытие (Seyn) должно в первый раз одарить собою (sich verschenken) в своей сущности и к тому же это должно исторически преодолеть верховенство сущего (Seienden) над бытием, преодолеть метафизику в её сущности”. И надо заметить, что сей философ осмысляет более, как видно из его трудов: «Финальная форма марксизма имеет сущностное ничто с иудаизмом или даже с Россией; если где-либо ещё не показательный спиритуализм теплился, так в русском народе; большевизм – оригинально западный; он есть европейская возможность: необходимость масс, индустрии, технологии, поношение Христианства; но многое как господство причины, уравнивающей каждого, имеется, а следование Христианству, и как в конце концов оно – фундаментально еврейского происхождения (см мысль Ницше о рабском возмании с уважением нравственности), большевизм *de facto* **жидовский**; но тогда христианство также фундаментально большевистское!»¹⁵.

15 «The final form of Marxism [...] has essentially nothing to do with either Judaism or even with Russia; if somewhere a non-developed spiritualism is still slumbering, it is in the Russian people; Bolshevism is originally Western; it is a European possibility: the emergence of the masses, industry, technology, the extinction of Christianity; but inasmuch as the dominance of reason as an equalizing of everyone is but the consequence of Christianity and as the latter is fundamentally of Jewish origin (cf. Nietzsche's thought on the slave revolt with respect to morality), Bolshevism is in fact Jewish; but then Christianity is also fundamentally Bolshevik!» (Beiträge zur Philosophie (vom Ereignis) (1936–1938), GA 65 S. 54.) 1936

Данные разсуждения необходимо осмысливать не только русским, но русским надо услышать о себе самих. Пространство соответствует полю сознания, типу мышления.

«Русскому мышлению, также как русскому мироотношению вообще, вовсе не свойственна западно-европейская переоценка чисто-человеческого элемента, и мышление это, в контрасте с западно-европейским, стремится не столько к гносеологическим, сколько к онтологическим интересам. Но в этом своём обновлении оно отходит уже от типичного для античности чистого трансцендентизма, склоняясь к “воплощённому” космономическому миропониманию. Для такого миропонимания человек не заслоняет собой ни Бога, ни природы, — но ощущается в глубокой и закономерной связи с ними»¹⁶. Скорее русская простонародная психология объёмлет обе крайности — Ананке и Фортуны; она характеризуется резкими колебаниями и мгновенными переходами от веры в удачу к фаталистической покорности... Сие бросалось в глаза иностранцам, оставившим, например такое указание: «Русский стремительно переходит от одного настроения к другому: от отчаяния к безудержному веселью, от апатии к энергичной деятельности, от смирения к бунту, от возмущения к покорности» («Русский народ» Морис Бэринг).

В целом, с сим согласен сам Карл Густав Юнг. Юнг, опираясь на идею национальных архетипов, детально описал психологические портреты русских и европейцев. И как же они оказались непохожи! Русских, например, он отнёс к типу «интуитивно-этических интровертов», уделил их описанию целую главу и высветил самым неожиданным и ясным образом то, что часто называют «тайной русской души». Для него люди с «типично русским характером» часто воспитатели, двигатели культуры, мечтатели, склонные к мистике, фантазёры. Юнг обратил внимание и на то, что для русских очень

16 П. П. Перцов. Космономия. Часть I. Глава VII «Русское мышление. I–II: Западники». Л. 4

важна внутренняя (душевная, духовная) сторона жизни. Порою она даже важнее, чем материальные вещи. Не случайно в их жизни (и в языке) такую важную роль играет понятие «душа». В других языках «душа» – нечто эфемерное, что покидает тело после смерти. Для русских же оно нечто материальное, как нить, связующая каждого человека с остальными, его alter ego, носитель этического идеала. Она может болеть, даже если «денег куры не клюют», гореть, подсказывать, обливаться слезами, ей может быть тяжело или легко, она может петь по утрам, быть нараспашку и т.д. «Природа вложила в русского человека необыкновенную способность верить, испытующий ум и дар мыслительства, но всё это разбивается в прах о беспечность, лень и мечтательное легкомыслие...»

Ещё Адам Олеарий в своём знаменитом «Описании путешествия в Московию» отмечал: «Что касается до ума русских, то хотя они остроумны и хитры, но способности эти употребляются не на добрые и похвальные дела, а для достижения каких-нибудь личных выгод, пользы для себя и для удовлетворения своих желаний». И с ним полностью согласуются показания Джайлса Флетчера, утверждавшего с неким снобизмом: «Они обладают хорошими умственными способностями, не имея, однако, тех средств, какие есть у других народов для развития их дарований воспитанием и наукой» («О государстве Русском»). Значит, вопрос заключается не в интеллекте русских, а в некоем их мировосприятии, отличном от западного. Скорее даже не тождественному а просто отличному, ибо минует двести лет и французский политик Франсуа Адольф Леве-Веймар выдаст удивительную сентенцию: «В отношении интеллектуальном нас и Россию ничто не разделяет: она стучится в наши двери. Мысли наши летят к ней» («Об отношениях Франции с большими и малыми государствами Европы»). Но наиболее афористичным оказывается британский литератор Морис Бэринг, посвятивший России несколько книг, в одной из коих «Русский Народ», он

чётко пишет: «Гуманность русских имеет обратную сторону: готовность к всепрощению, часто встречающуюся моральную безхребетность» («Русский народ» Морис Бэринг). Здесь – скорее, нечто от Салтыкова-Щедрина, чем от хорошо известного во всем мире Достоевского. Другой британский литератор – Стивен Грэм, еще в юности прочитавший Достоевского, навсегда пленился сей стихией. И не просто пленился, он разглядел там нечто особое, что частно ускользало от многих путешественников: «Россия — это тёмная целина, неразгаданная таинственная почва... Всякое дерево, пускающее корень в эти недра, даёт пышный цвет» («Неведомая Россия»). Таинственная почва – самое верное определение гигантского пространства, даже загаженного и осквернённого и почти полностью деформированного революцией, о коей следует отметить особо.

Из вышеприведённых разсуждений следует, наконец, вспомнить о таком эпохальном событии, как русская революция 1917 года. Сегодня позволяют себе говорить о сем беспрецедентном событии в разных тонах – октябрьский *переворот* и прочая. Они ошибаются и ошибают других. Даже определение “Великая” – не вмещает всей грандиозности сей невероятной ре-эволюции.

«Махатма Ленин!» – почтительно обращались к Владимиру Ильичу обитатели Шамбалы и справедливо (здесь нет иронии), и очень маловероятно, что се – выдумка Рериха.

Ленин был не германский шпион, не масонская кукла, не Гагтунгр, а цена, заплаченная русскими за трансформацию империи, что вполне соответствует грядущему результату.

Целая нация, стремительно всплывавшая из всеобщего прошлого, была остановлена на границе настоящего и *целиком* переброшена в будущее. Те сто дней действительно потрясли мир, но он практически ничего не заметил.

Русские же начали вновь энергично приближаться к настоящему, но уже с противоположной стороны, приобретая при том уникальнейший опыт (под русскими разумею **этнос**

в полтора-два миллиона человек, растворённый в толще т.н. *россиян*). Опыт сей – негативный, но неизбежный.

Вообще достоин осмысления тот факт, что в мировой философии Россия представлена не своими выдающимися мыслителями, а именно философами-политиками, причём левыми. Не только Ленин и Троцкий, но весь анархизм базируется на идеях Кропоткина и Бакунина, что никак нельзя признать случайным. Такое специфическое правдоискательство, обретаемое в русском характере? – Не исключено, даже в преломлении того факта, что всё, вплоть до мелочей, копировалось с Французской революции. Все они были грамотными людьми, знавшими тексты не только друзей, но и врагов. Посему, более чем вероятно, что они знали пророческие слова Жозефа де Местра: «Если явится какой-нибудь университетский Пугачёв и станет во главе партии, если весь народ придёт в движение и <...> начнёт революцию на европейский манер, тогда я не нахожу слов, чтобы выразить все мои на сей счет опасения»¹⁷.

Так, если разсматривать Русь как пространство, а не государство или место жительства, не как чисто географическую территорию, то всё становится более или менее понятно. Се - **Пространство инобытия**. Вопрос стоит не на культурном или цивилизационном уровне, а чисто религиозном. Здесь такое обширное пространство, что его хватает на всех. (Правда, пригодного для жизни – минимум.) Но здесь неба не хватает на всех. Такое ощущение исторически постоянное, при том, что усилия к спасению колеблются от гипер-аскетизма до оргиастических форм. Гостеприимство русских исторически описано, при наличии вздорности или изворотливости, и даже неоправданном пренебрежении к иностранцам¹⁸. К

17 Де Местр Жозеф. Петербургские письма. 1803-1817. СПб.: ИНА-ПРЕСС, 1995. С. 173

18 «Осознавая превосходство цивилизации чуждых народов и завидуя ей, пребывая в ощущении ошибок цивилизации собственной, но не желая либо не умея исправить их, они стремятся скрыть свои недостатки под

иностранцам, остающимся иностранцами. Но те, кто попали в русскую стихию, из оной почти никогда не исходят, что указывает на особый характер феномена. Русские, не зная комфортабельной земной жизни, устремлены на небо, даже в советизированном дегенеративном виде. Когда некто говорит, что не отдадим наши ресурсы – се есть только полуправда, фразеологический оборот понятный западным людям. На самом деле, каждый уверен, что никто не должен посягать на большее: Брысь, се - наше Небо!

Почему? – Потому что «Россия — это ночь, где обновляются наши духовные силы», как утверждал Стивен Грэм в книге «Неведомая Россия».

Русские отличаются от соседей по планете обостренным чувством юмора и притупленным страхом смерти. Такой вывод можно сделать из описаний психоаналитиков. Тот же Карл Густав Юнг подметил очень верно: «Русский человек любит вспоминать, но не любит жить». Факт, что только русские прекрасно воспринимают и понимают английский *black humor*. Страх смерти притуплен непрерывным кошмаром ГУЛАГа. Само инобытие подразумевает подобное состояние.

Удивительное наблюдение оставил Яков Рейтенфельс, написавший в своём «Сказании светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии»: «В несчастье они всегда тверды духом, не поддаются скорби, а к счастью, которое служит самым верным средством для испытания душ, они относятся равнодушно; мало того, они, не впадая ни в чрезмерную печаль, ни в чрезмерную радость, постоянно, что бы ни случилось, утешают себя следующими словами: так Богу угодно, Он так устроит всё к лучшему».

Русскую метафизику можно легко описать, как... Мета-

видимостью презрения к чужестранцу, всячески его унижая» («Русская знать» Джордж Макартни). Британский политик описывал современную ему русскую знать, но, представляется, понял ее поведение поверхностно, хотя и не ошибался в целом.

физику вечного прозябания. В сем нет ничего уничижительного. Вот – та самая правда, о коей никто не хочет говорить слух. Именно отсюда проистекает знаменитое русская **молчаливость**. «Молчаливость русских совершенно особенная: они молчат, тогда как предмет их живо занимает», - с недоумением пишет мадам де Сталь в своей книге «Десять лет в изгнании». Сие подразумевает то, что даже при чудовищных богатствах прозябание остаётся неизменным.

Сие бросалось в глаза иностранцам, даже первоначально восторженным. Упомянутый уже маркиз де Кюстин откровенно определил, что «*в России разочаровываешься во всём*».

Считается, что русские любят свою Родину. Но культ Родины – явление новое, малоизвестное в толще народа, ныне пользующегося сими дефинициями с подачи властей. Катакомбный Епископ Варнава (Беляев) никогда не имел иллюзий насчёт того что есть родина, и как ему жить в очерченном судьбой пространстве: «**Родина может быть там, где принимают Христа и Его Правду, если Родина отвергла Его, то она уходит в «тень смертную»**». Сие сказано о большевиках. Но прежде имела место быть Смута, навсегда повредившая национальное сознание. Русские, как этнос, остаются доминирующими на пространстве, но и иные народности вполне чётко осознают, где проживают. У разных национальностей родина одна – Родина Бедствия. Можно называть сие «общей судьбой», но само бедствие есть экзистенциальное состояние.

Подлинное бытие осуществляется неизменно, ибо **всё внутри**. Всё происходит первоначально не на физическом плане. Надо уметь ждать и сражаться. Постоянно перемещаться, вообще не двигаясь. И Бог «отведёт глаза» преследователям. Только так можно изъяснить катакомбную жизнь в Совдепии. Многие вещи весьма банальны — например, самоусовершенствование — но от того они не становятся неверными. Не ста-

нем привлекать писания Святых отцов-аскетов, ибо язык их ныне понимает только грамотный человек. Но неожиданно обнаружилось кое что у... Карла Густава Юнга! Причём, то, что написал, поистине, выходит за рамки психологии, а приближается к богословскому и аскетическому осмыслению:

«Счастлив тот, кто может быть отшельником в своей пустыне. Он выживет. Не сила плоти, а сила любви, должна быть сломлена ради жизни, поскольку жизнь стоит превыше любви». Россию, при всём её обилии, вполне можно называть *пустыней*. Особенно сие будет справедливо по отношению к советскому и пост-советскому периоду. Но будем точны: в эпоху Великой Смуты было то же самое. Но самое поразительное иное: как пустыню данное пространство воспринимали великие русские подвижники, когда не имелось как бы и повода так её ощущать. Но «Северная Фиваида» - не миф, не фантом, а конкретный исторический факт. Значит, само сие пространство обладает чем-то таким, что преобразует человеческое одиночество: «Если мы войдём в это одиночество, тогда начнётся жизнь Бога. Если мы внутри себя, тогда пространство вокруг нас свободно, но заполнено Богом. ...Одиноки если мы внутри себя, но общинны в отношении того, что снаружи нас. Но если мы снаружи нас самих, то мы одиноки и эгоистичны в общинном. Наше я страдает от нужды если мы снаружи нас самих, и таким образом оно удовлетворяет свои нужды общинностью». Если понятно, о чём написал Юнг, то и сам катакомбный дискурс войдёт в сознание.

Перестройка была не только очередным проектом КПСС по оптимизации власти. То явилось выбросом энергии надежды на будущее. Очерания будущего проступали во всех деталях, - причём вне СССР тоже. Многие ждали, что мир развалится на три части по горизонтали, а он раскололся на две половины по вертикали. Сие привело в идеям о «конце истории», а впоследствии к сильнейшей диффузии и искривлению всего мирового пространства.

Ныне мы обретаем некое новое начало, с опором на сакральные точки. Говоря о Севере, нельзя его свести к чисто географичкой категории, порождённой картографией. Север обретается не на севере: *Север находится где-то сверху* .

Но что же будет с Россией? Что станется с сей страной, называемой РФ и презираемой с большим чувством страха? Россия – как сказочная птица Феникс, возродится из пепла. Когда? Когда превратится в пепел.

P.S.: *Вышепомещённый текст – се глава из готовящегося к печати объёмного религиозно-философского трактата «CATHARSIS: выход без входа», принадлежащего перу вл. А.*

священноерей Алексей Соловьёв

NORMANIN MUISTIINPANOT

***INTRO:** Бывший клирик Готфской епархии вл. А. – о. Алексей Соловьёв (возглавлявший общину ИПХ в Карелии), несмотря на то, что их «пути-дороженьки» с вл. А. давно «разошлись», также, на взгляд составителей «ВН», представляет собою специфический образчик «священника-нордманна». Не вдаваясь в ненужную здесь «критику», приводим ряд его «норманнских заметок»...*

ИДОЛ РОДИНА

(аполитичное)

Несмотря на общесемитскую ложь, будто любое изображение того, что на небе или на земле, является идолом, всё же бывают реальные идола, которым даже приносятся человеческие жертвы, в том числе детские. Одного такого идола мы рассмотрим, его имя — Родина. Это самый кровавый культ, потому что с его жрецами никто не сравнится по жестокости, бесчеловечности и количеству смертей в честь этого ложного божества. В принципе, с самого рождения, например в Мордоре, человек становится потенциальной жертвой идола. Родина для этого ведёт демографический учёт, чтобы знать, сколько в её распоряжении тел; она призывает рожать как можно больше детей, чтобы было из кого «призывать» на свой сатанинский пир смерти. Затем Родина контролирует воспитание (зомбирует патриотической пропагандой) через касту учителей, насильно делает своим «гражданином», а потом передает уже непосредственно на «посвящение» в армейское рабство. Став рабом, адепт культа клятвенно обязуется выполнять любой приказ жрецов в погонах. Так формируется тело для заклания идолу Родина,

и Родина время от времени начинает сжигать излишки на своём «тофете». В этом вся суть и смысл жизни «гражданина» и его так называемых «обучения» и «труда». Основная масса, конечно, не замечает всех этих посвящений, начинающих с роддома, не видит ритуализации своей жизнедеятельности и не подозревает о том, к чему их готовят всю жизнь. Родина делает всё, чтобы ослепить своих рабов и сделать их как можно более глупыми и наивными. Для этого работают система образования, СМИ, пресса, книжная индустрия, религия. Посредством этих инструментов оболванивания она постоянно нагло врёт людям. Демон пустил щупальца повсюду. Куда ни глянь, этот чёрт везде, его рога торчат отовсюду. Поэтому не стоит обольщаться насчёт «мирной жизни», эта «мирная жизнь» является всего лишь подготовкой к великому жертвоприношению, реализацию коего мы сегодня наблюдаем, это откормка перед кровавым ритуалом. Когда понадобится, Родина вытаскивает когтями обреченную овцу из блеющего стада и отправляет на скотобойню, если не сбежать вовремя из сего царства паразитства и лжи. Для этого и нужны паспорта, гимны, присяги, целование тряпок, почитание фетишей, труд и налоги, а также законы, в принятии которых холоп никогда не участвует, но почему-то должен всегда исполнять (как и признавать лидеров, которых не выбирал). Паспорт — клеймо раба, дающее ему право на существование, лишь немногие избегают участи быть активными или пассивными служителями истукана. Уродское лицо Родины-Матери искажено в гримасе злобы, её рот всегда открыт для пожирания её детей, над головами которых всегда занесена ритуальная секира, что совершенно не соответствует её статусу матери в каком-либо смысле. Родина нам не мать и даже не злая мачеха, это враждебное существо дьявольской природы. Единственный способ избавиться от неё — убить, или она убьет нас. В любом случае, перед лицом Бога мы не станем служить этому проклятому идолу.

СЛАВЯНСКОЕ РОДНОВЕРИЕ - ПОКЛОНЕНИЕ ОБЕЗЬЯНОЧЕЛОВЕКУ

Жертвы добровольные стали следствием жертв принудительных, которые забирают водяные “нимфы” или хозяева леса, потому что эти материальные или человеческие жертвы угодны им. Данное суеверие было основным побудительным мотивом для совершения человеческих жертвоприношений вообще и детских в частности “духам” природных стихий по всему миру. Фактически же за этими “духами” или “богами” скрывались различные виды реликтового гоминоида, обезьяночеловека – потомки древнейших археоантропов, существовавших параллельно с *homo sapiens*, конкурировавших с ним и доживших до современности. Именно эти существа естественной биологической природы хорошо известны в народных сказаниях как похитители, насильники и убийцы людей. Их боялись, их почитали, их старались задобрить или отпугнуть с помощью магических ритуалов и заклинаний. По сути, это и есть первая примитивная низшая форма религии – стадия, которую прошли практически все народы (но не все из них смогли в дальнейшем её перешагнуть). Следует особо подчеркнуть, что возрождение неоязычниками в России “былых традиций” славянского “родноверия” есть не что иное, как откат в глупейшее пещерное (воистину “троглодитское”!) мракобесие. Это поклонение обезьяне вместо Бога и Богочеловека! Георг Андреас Шлейзинг в своей книге “Древняя и современная религия московитов” (1698) описал действующий храм язычников и его идолы, один из которых был изображён как антропоморфное существо, покрытое густой шерстью с четырьмя рогами и козлиными ногами. В бессмысленном славянском культе звероловцев нет религии! Современное русское родноверие и его псевдо-

мифологическая подкладка основаны на сплошных выдумках и реконструкциях, созданных исключительно в безумных головах фантазёров-романтиков, но не имеющих никакой основы ни в этнографических, ни в народно-фольклорных, ни в исторических источниках. По сей причине читатель никогда не найдёт в неоязыческих книгах или на любительских веб-ресурсах, посвящённых “славянской религии”, ссылок на те или иные документальные свидетельства, восходящие к какой-нибудь хотя бы относительной давности. Измышления родноверов о славянских божествах – это новодел и фикция, даже близко не стоящие к серьёзной академической науке, инспирируются они в основном на почве истеричного агрессивного антихристианства или атеизма, укоренённого в представлении о богах как олицетворениях природных стихий или астральных символов.

НАШЕ РАСОВОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ

Человечество не только развивалось неравномерно, но его ветви имеют, очевидно, разное происхождение. Человек нордической расы создан по образу и подобию Бога, поэтому и унаследовал божественную красоту. Но некоторые люди похожи на жаб, козлов, крыс и обезьян, что свидетельствует об их ином, небожественном происхождении. Нашу расовую эстетику, врожденное чувство красоты не обмануть, потому что внешний вид человека является первой сигнальной системой, благодаря которой мы опознаём своих и чужих. Все уроды являются врагами нашей расы по своему происхождению от Сатаны. Арии Индии и Ирана считали, что низшие расы берут начало от демонов ракшасов или их породил Злой Дух. К тому же все эти бесолюди сексуально непривлекательны, и если кто-то испытывает влечение к ним, такие являются извращенцами или кретинами, ибо подобное тянет-

ся к подобному. Бог не создавал уродства, уродство — это искажение Сатаной божественных начал, следствие греха и падения. Трудно представить, что в Раю, по воскресении тел, будут темнокожие или скотоподобные люди со своими наследственными отрицательными мутациями. Нет — хотя мы и не станем полностью одинаковыми, но любые отклонения от эталонов красоты будут от преображенных тел удалены. Хотя спасение представителей низших рас возможно, однако на земном плане они не могут быть равны тем, кто не утратил образ и подобие Божие, поэтому для таких предусмотрено соответствующее положение в расовой иерархии — быть слугами ариохристиан нордической расы соответственно уставам древних ариев. Хотя низшие не подлежат крещению, они посредством служения ариям, получая заслуги за свои добродетели соответственно кармическим законам, могут надеяться на будущее повышение в расовой иерархии через перевоплощение в новых телах. Спасение возможно только через привитие к истинной лозе, без которой ветвь «сама собой не может приносить плода» (Ин. 15:4). Что касается обрезанных, этот народ полностью исключен из Божьего промысла — их ждёт или ад, или полное уничтожение их проклятых душ, поскольку эта смоковница уже никогда не принесет хорошего плода, по словам Христа, потому что засохла до корня (Мк. 11:14,21). Только хорошее расовое дерево приносит благие плоды, а худое расовое дерево должно быть сожжено в печах Божьего возмездия! (Мф. 7:19, 12:33). Не приносящие доброго плода расовые стволы следует вырубить и бросить в огонь. Это касается не только низших недочеловеческих рас, но и безбожников, не пребывающих во Христе (Ин. 15:6), а также всех, кто совершает преступления, несовместимые с нашей духовностью и достоинством человека. Принимайте ариохристианство, если не хотите попасть в ад вместе с неграми, жидами, уголовниками и безбожниками.

(Заимствовано из: <https://t.me/s/arischechristentum>)

РАЗГОВОР РУССКОГО С АГ

Проживающий в Австралии историк Олег Бэйда выложил интересные воспоминания одного неназванного левого кадета (позднее служил зондерфюрером на восточном фронте, см. комменты на ФБ) о встрече в 1929 г. с Гитлером. Возможно, это единственный зафиксированный на бумаге случай разговора русского человека с нацистским Вождём. Оригинал находится в Бахметьевском архиве Колумбийского университета.

Выдержки из воспоминаний одного русского эмигранта - одно из очень немногих сохранившихся свидетельств на русском языке о встрече с будущим диктатором. Расшифровка по рукописи, хранящейся в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (США).

В середине двадцатых годов немногие имели представление о том, что такое национал-социализм, и никто не интересовался национал-социализмом. Свидетельством тому служили унылые фигуры ранних национал-социалистов на Фридрихштрассе в Берлине. Их было всего 3—4 человека в национал-социалистической форме с гакенкрейцами. Стояли они группой как бы приклеенные к стене одного дома. [...] Вскоре группа начала раздавать листки с пропагандным текстом и с фотографией вождя, стоявшего на рисунке на каком-то холмике в походной форме с видом быка, который вот-вот ударит на вас рогами. Фотография и содержание вызывали смех. Одни говорили: «Сумасшедший», другие: «Авантюрист», третьи: «Дурацкие бредни», четвёртые: «Нелепые претензии». Говорилось о национал-социалистах вообще мало, и никогда ничего доброго. В успех движения Гитлера абсолютно никто не верил. Нелепое учение казалось постольку безвредным, что никаких претензий гитлеровской пропаган-

де не ставилось. Немецкие партии относились презрительно к самой мысли бороться с «сумасшедшим».

В 1926–1929 годах я много ездил по Германии и был отлично осведомлён о политических настроениях немецких масс. Я нигде не встречал просто симпатий к новорождённой партии, и когда случалось иногда заводить разговор на эту тему, у немцев не было на языке других выражений как «мёртворождённая партия», «смешной анекдот», «история одного сумасшедшего».

В начале 1929 года мне пришлось приехать по личным делам в Мюнхен. Один из друзей предложил мне:

-Хочешь, проведи несколько весёлых минут, посмотреть Гитлера? Он бросается на знатоков России. Я вам устрою свидание.

И в одной из пивных произошла наша встреча с будущим немецким властителем. Гитлер, не теряя минуты, сейчас же начал:

-Русский вопрос интересует меня столько же, сколько германский. Существование Германии не обеспечено и без конца угрожаемо, пока существует советский коммунизм. Думали ли вы, есть ли основания полагать, что русский коммунизм падёт сам собой? Возможны ли восстания? Я в них не верю. Другое дело, если будет иностранная помощь. Что представляет собою Красная армия? Правда ли, что она красная только снаружи? Я не даю никакой цены советскому командованию. Их стратеги меня смешат. Всё ли дело в евреях?...

Можно было думать, что мой собеседник годами собирал в один огромный мешок все возможные вопросы, касающиеся России и коммунистов и мучившие его, и что теперь он поспешно вытряхивал этот мешок. Я попросил его обождать с новыми вопросами, пока отвечу на первые. Сначала он замолчал и слушал, но вскоре не выдержал и задавал новые и новые вопросы, мешал их с собственными же ответами. Говоря, он широко жестикулировал, пряди его волос отбрасы-

вались то налево, то направо, верхняя губа с чаплинскими усами двигалась как-то узо [неразборчиво].

Я думал про себя:

-Ты, конечно, необычный тип. Такого бреда нет у немцев. Но мне кажется, что ты ненормальный и напрасно выходишь из себя. Вряд ли за тобой пойдут немцы. Ты, наверное, сорвёшься раньше, чем успеешь увлечь твоих фрицев. Только ужасающее безлюдье на верхах и политическое бездорожье могут повернуть к тебе массу, если будешь напорист.

Я мог без конца продолжать мои размышления, так как мне большей частью оставалось только слушать и наблюдать. Мой собеседник, спрашивая меня, сам же отвечал. В конце концов, я перестал понимать, зачем я ему был нужен и очень сомневался, чтобы он удержал что-нибудь из моих поневоле кратких ответов, когда он позволял мне вставить в беседу моё слово.

-Конечно, виновата ваша интеллигенция, ваши Карамазовы, романтики типа Керенского. Они собрали при первом окрике уличной сволочи... А вы думаете, у нас не то же самое?... Sechshundachtzig Professoren — Vaterland, du bist verloren. Эти франкфуртские профессора размножились, расплодились как мыши и отравляют Германию. Я так и жду, что выскочит какой-нибудь немецкий Ленин и разгонит эту свору мышей. Сейчас только несколько немцев видят, куда всё идёт. Это мои сотрудники. И во всей Германии есть только один человек, который способен раздавить гидру коммунизма и который это сделает, чего бы такая попытка ни стоила. Этот человек — я!

Два типа, наци, пришедшие с Гитлером и сидевшие с нами, в роли не то стражей, не то почётного эскорта вождя, вдруг сорвались с мест, вытянулись в струнку, протянули правые руки и, щёлкнув каблуками, гаркнули ни с того, ни с сего:

-[Нацистское приветствие]!

Впечатление было комичное. Я едва удержался, чтобы не приснуть, но этот театр вздёрнул спесь Гитлера. Он принял

это как должное и с гордостью обвёл глазами всю Bierstube, словно искал аудиторию, чтобы сказать:

-Вот каков я!

Потом опять понёсся со своей торопливой речью, как лихой конь скоком:

-Германия никогда не падёт в руки коммунистов, как это допустили русские, именовавшие себя патриотами. Какой смысл в слове «патриот»? Понимали ли русские? В момент начала нападения большевиков вы показали себя полными нигилистами, а народ — полными дикарями. Я не верю в русскую культуру. Ваш народ ещё очень далеко от цивилизации.

Я остановил Гитлера:

-Разрешите спросить, а кто ввёл в Россию коммунистов? Кто их направил в Петроград во время войны? Кто их ободрил и снабдил [неразборчиво] на пропаганду разложения?

Гитлер отмахнулся:

-Это была стратегическая ошибка немецкого командования, но вы не обязаны были подчиняться воле врага. Это и указывает на то, что в России не было ни патриотизма, ни здравого смысла.

Какой-то новый человек Гитлера вбежал в пивную, приблизился к фюреру и что-то подобострастно зашептал ему на ухо.

-Да, да, иду, сейчас.

Гитлер поднялся и бросил мне:

- Спасибо вам за интересную беседу. Я узнал много нового.

Я с удивлением смотрел на него. Всё «новое» было сказано им самим.

И, одёргивая перед уходом свой мундир, Гитлер добавил:

-Как приняли бы русские немцев, если бы те пришли спасти их от коммунизма?

Отвечаю:

-С распростёртыми объятиями. Но помощь должна быть чистосердечной, без желания сесть на место коммунистов,

без презрения к русскому народу, с немедленным проведением демократических выборов, где только коммунизм не должен быть допущен.

Гитлер:

- Демократических? Как у нас в Германии? Ха-ха-ха! Тут мы ещё больше расходимся. России нужен хороший опекун. Вы должны благодарить Бога, если найдёте такого опекуна. Но мне надо идти. Как-нибудь ещё встретимся.

Но больше ни Гитлер, ни я сам не искали новой встречи.

<https://www.facebook.com/ozsterling/posts/pfbid03273zPrM-goSMhfjnwcdzBQM5p24Jaei8ExEf3hUfkKBCZeGoqTxJ-ty9QVPqSHkDTcl>

«НОРМАННСКАЯ ТЕОРИЯ» НА СЛУЖБЕ У ФАШИСТОВ

Из научных теорий нередко политики выводят весьма опасные вещи и используют их для обоснования собственных неприглядных целей. Один и ярчайших примеров тут - печально известная «норманнская теория», примерам использования которой в политической пропаганде нет числа. Остановимся на одном примере - использовании её вождями фашистской Германии для обоснования своих агрессивных планов в отношении нашей страны и русского народа.

В «Майн кампф» Гитлер писал: «организация русского государственного образования не была результатом государственно-политических способностей славянства в России; напротив, это дивный пример того, как германский элемент проявляет в низшей расе свое умение создавать государство». Поэтому, по мнению фюрера, «сама судьба как бы хочет указать нам путь своим перстом: вручив участь России большевикам, она лишила русский народ того разума, который породил и до сих пор поддерживал его государственное существование».

Эти идеи «развил» Гиммлер: «Этот низкопробный людской сброд, славяне, сегодня столь же не способны поддерживать порядок, как не были способны много столетий назад, когда эти люди призывали варягов, когда они приглашали Рюриков».

Как указал в 1961 г. немецкий историк А. Андерле, «норманнской теорией» руководствовались официальные учреждения фашистской Германии при определении своей политики на захваченных территориях нашей страны. Учёный отметил, что в инструкции «12 заповедей поведения немцев на Востоке и обращения их с русскими», которая выдавалась в секретном порядке «сельским управляющим» и предназначалась в качестве руководства к действию при ограблении

советского населения, настойчиво повторялась перифраза из русской летописи: «...Наша страна велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите и владейте нами!». Этим же «сельским управляющим» за три недели до нападения на СССР внушалось, что «русские всегда хотят оставаться массой, которой управляют. В этом смысле они воспримут и немецкое вторжение. Ибо это будет осуществлением их желания: «Приходите и владейте нами». Поэтому у русских не должно создаваться впечатления, что вы в чем-то колеблетесь. Вы должны быть людьми дела, которые без лишних слов, без долгих разговоров и без философствования четко и твердо выполняют то, что необходимо. Тогда русские будут вам услужливо подчиняться» (Андерле А. Из истории идеологической подготовки гитлеровской агрессии против СССР // Вопросы истории. 1961. № 6. С. 91).

А.Андерле

ИЗ ИСТОРИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ГИТЛЕРОВСКОЙ АГРЕССИИ ПРОТИВ СССР

Вероломное нападение немецких фашистов на Советский Союз 22 июня 1941 г. явилось продолжением той преступной политики империалистических, милитаристских кругов Германии, которая проводилась ими с момента военного поражения в первой мировой войне. Именно эти круги виновны в развязывании второй мировой войны, причинившей народам Советского Союза, Европы и самой Германии неизмеримые страдания и повлекшей за собой неисчислимые жертвы. Преступная фашистская агрессия пробудила к освободительной борьбе могучие силы свободолюбивых народов, нанеших сокрушительное поражение германским империалистам и их сообщникам. Решающую роль в разгроме фашистских агрессоров сыграл Советский Союз. «В поражениях германского империализма, - отмечал В. Ульбрихт, - прежде всего проявляется основная закономерность гибели капиталистической системы и победы нового над старым, социализма над капи-

тализмом. Это значит: кто противится общественному прогрессу, тот неизбежно потерпит поражение» (1). Это было не только военное поражение; потерпела банкротство и реакционная, членоконенавистническая идеология немецких империалистов.

Война против Советского Союза готовилась международным империализмом задолго до 1941 года. Она замышлялась империалистами с момента возникновения Советского государства как классовая война, направленная против Страны Советов. В интервенции, преследовавшей цель уничтожения первого государства рабочих и крестьян, принимали участие также и германские империалисты. В годы, последовавшие за победой Великой Октябрьской социалистической революции, их войска установили жестокий оккупационный режим на Украине, в Прибалтике и некоторых других частях Советской России. В то же время германские милитаристы вели борьбу и против немецкого рабочего класса, который высказывал чувства горячей симпатии к советскому народу. Монополисты Германии при поддержке империалистических кругов Англии, Франции и США уже в тот период пытались играть роль «защитного вала против большевизма». Так, германский военный уполномоченный по северным странам писал из Стокгольма 18 декабря 1918 г. в главную квартиру генерального штаба действующей армии: «Мы весьма заинтересованы в том, чтобы самим расправиться с русской Красной Армией в прибалтийских провинциях, в противном случае наши восточные провинции будут находиться под непосредственной угрозой, и большевистский яд, которого у нас и без того достаточно, будет проникать все глубже в Германию» (2).

В тот день, когда в Берлине были зверски убиты вожди немецкого пролетариата Карл Либмнехт и Роза Люксембург, в Эссене при дворе бывшего кайзера собрался «избранный» круг промышленников; Кирддорф, Крупп, Стиннес, Фёглер и другие монополисты предоставили тогда 500 млн. марок на

финансирование контрреволюционных организаций, в первую очередь «Антибольшевистской лиги» и пресловутого «Добровольческого корпуса» (3).

Характерна докладная записка, переданная имперским министром обороны Гесслером в апреле 1920 г. министерству иностранных дел для последующего вручения странам Антанты. В ней говорилось: «Если эта волна (речь идет о революционных событиях в России. - А. А.) не найдет в лице Германии защитного вала, то она увлечет за собой и Германию, а затем захлестнет всю Европу.., Союзные правительства защищены против этой опасности отнюдь не своими собственными границами, а восточной границей Германии и германской империей, которая должна быть готовой к самостоятельному отпору большевизму» (4).

Внешнеполитические замыслы крупной германской буржуазии были так охарактеризованы II конгрессом Коммунистического Интернационала (1920 г.): «Политика всех германских правительств и правительственных партий после разгрома Гогенцоллерна состояла в стремлении установить общую с правящими классами Антанты почву ненависти против большевизма, то есть против пролетарской революции.

В то время, как англо-французский Шейлок все свирепее душит германский народ, немецкая буржуазия без различия партий просит своего врага ослабить петлю ровно настолько, чтобы дать ей возможность собственными руками задушить авангард немецкого пролетариата...

Авансцену заняли новые богачи: военные поставщики, низкопробные спекулянты, выскочки, международные авантюристы, контрабандисты, уголовные субъекты в бриллиантах, разнузданная сволочь, жадная к роскоши, готовая на последние зверства против пролетарской революции...» (5).

Реакционные, милитаристские силы создавали контрреволюционные террористические группы. Последние использовали германским империализмом против Советской

власти. Они явились основой, на которой создавались первые фашистские террористические организации. В Мюнхене собирались в те годы такие лица, как Альфред Розенберг, Макс Эрвин фон Шейбнер-Рихтер, барон фон Мантейфель-Кацданген, герцог фон Лейхтенберг и др., которые под вывеской «Германо-русского общества» организовывали клеветнические кампании против Советского Союза. К ним присоединились прибалтийские белогвардейцы, обанкротившиеся участники антисоветской интервенции и другие, в том числе украинский гетман Скоропадский и генерал Бискупский. В этом хоре громко звучали голоса реакционного публициста Арнольда Рехберга и генерала Макса Гофмана, усердно призывавших к организации «крестового похода против большевизма»⁶. Идеологи германского империализма - Пауль Рорбах, Мартин Шпанн (7) и иже с ними - призывали к походу на Восток (8).

Годы Веймарской республики явились для германского империализма временем собирания сил. Немецкие монополисты выступали тогда с псевдомиролюбивыми заявлениями, стараясь «доказать», что внешняя политика Штреземана не преследовала якобы никаких иных целей, кроме мирных. На деле же они и их ставленники - Гинденбург, Лютер, Штреземан и др. - выжидали подходящего момента, чтобы организовать «восточный поход». Когда же в 1927 г. международный империализм активно выступил против СССР, подстрекая к антисоветской войне, милитаристские и фашистские силы в Германии развернули террор внутри страны против рабочего класса и усилили подрывную работу, направленную против Советского Союза. Большое значение германские империалисты придавали идеологической подготовке войны. Особенно гнусную роль сыграли при этом правые лидеры социал-демократов, пытавшиеся внушить рабочим, что Советский Союз якобы угрожает миру, не считаясь с «миротворческой деятельностью» Лиги Наций. Тактика правых руководителей социал-демократии заключалась в том, чтобы усыпить со-

знание рабочего класса Германии лживыми уверениями, что опасность войны существует-де лишь в «воображении коммунистов». При этом они преследовали цель в случае развязывания империалистами войны свалить всю ответственность за нее на СССР.

В антисоветской пропаганде германские империалисты отводили немалое место и фальсификации документов. В секретной докладной записке полиции «О положении среди русской эмиграции» (от 24 октября 1927 г.) имперскому комиссариату по охране общественного порядка констатировалось, что в Берлине имеется несколько белогвардейских эмигрантских групп, занимающихся фабрикацией фальшивых, так называемых «советских документов». «Эти фальсификаторы документов и материалов, - говорилось в записке, - которые якобы поступают из Советского Союза, умеют преподнести свой товар. Они обращаются к таким господам, которые, не имея никакого представления о Советском Союзе, все же заинтересованы сыграть определенную политическую роль. Используя поддельные документы и материалы, немецкая сторона зачастую составляет статьи, содержащие таинственные намеки на то, что они написаны на основании ценных данных, и препровождает их затем в печать» (9).

Единственной силой в Германии, решительно и целеустремленно боровшейся против антибольшевизма, антисоветской политики германских и иностранных империалистов, против фашизма, за установление дружественных отношений с Советским Союзом, была Коммунистическая партия Германии и руководимые ею трудящиеся массы. КПГ боролась за создание широкого фронта пролетарской солидарности с первым в истории рабоче-крестьянским государством, разоблачала клеветнические вымыслы реакционной буржуазии и социал-демократических правых лидеров о Советском Союзе. Коммунистическая партия Германии пропагандировала среди немецких трудящихся достижения и грандиозные перспективы социалистического строительства в СССР.

Значительную роль сыграла также разъяснительная работа, проводившаяся рабочими делегациями, побывавшими в Советском Союзе.

30 января 1933 г. в Германии была установлена кровавая диктатура фашистской партии, которую Эрнст Тельман еще в 1930 г. охарактеризовал как «самое опасное и самое подлое орудие германского финансового капитала». Далее он отмечал: «Эта партия по различным поводам маскировалась революционными фразами, но за словами «нация» и «социализм» скрывается зверская морда капиталистов-эксплуататоров» (10).

За спиной гитлеровцев стояли крупнейшие германские монополисты. Эти господа в цилиндрах и фраках, создавшие 15 июля 1933 г. «Генеральный совет немецкого хозяйства», открыто содействовали вооружению фашистской Германии. Наиболее влиятельными среди них были пушечный король Крупп фон Болен унд Гальбах, промышленный магнат Фриц Тиссен, генеральный директор объединения металлургических заводов Альберт Фоглер, владелец электроконцерна Карл Фридрих фон Сименс, крупный банкир Курт фон Шредер. Другие члены этого совета также являлись банкирами, судовладельцами, крупными промышленниками и аграриями (11).

Третий рейх начал свою кровавую историю с террора против коммунистов и всех демократически настроенных лиц; прогрессивные периодические издания были запрещены, буржуазная печать «унифицирована»; всячески разжигались шовинистические настроения. Убийство, террор и судебный произвол были освящены законом. Антибольшевизм стал официальной государственной идеологией. Книжонка Адольфа Гитлера «Моя борьба» наряду с «Мифами XX столетия» Альфреда Розенберга была возведена в ранг библии (12).

Еще на VI конгрессе Коммунистического Интернационала в 1928 г. фашистская диктатура была определена как «метод непосредственной диктатуры [буржуазии], идеологически

прикрываемой «общенациональной идеей» и представительством «профессий», как метод, который с помощью «своеобразной социальной демагогии (антисемитизм, частичные вылазки против ростовщического капитала, возмущение парламентской «говорильней»)...)» планомерно использует недовольство масс мелкой буржуазии, интеллигенции и др. Характерными чертами фашизма VI конгресс Коминтерна назвал «комбинацию социальной демагогии, коррупции и активного белого террора наряду с крайней империалистической агрессивностью в сфере внешней политики» (13).

В докладе на VII конгрессе Коминтерна Георгий Димитров говорил: «Фашизм у власти есть... открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала... Гитлеровский фашизм - это не только буржуазный национализм. Это звериный шовинизм. Это правительственная система политического бандитизма, система провокаций и попыток в отношении рабочего класса и революционных элементов крестьянства, мелкой буржуазии и интеллигенции. Это средневековое варварство и зверство. Это необузданная агрессия в отношении других народов и стран.

Германский фашизм выступает как ударный кулак международной контрреволюции, как главный поджигатель империалистической войны, как зачинщик крестового похода против Советского Союза, великого отечества трудящихся всего мира» (14).

На Брюссельской конференции КПГ в программе борьбы против фашизма и войны были учтены выводы конгрессов Коммунистического Интернационала (15). Коммунисты неустанно разоблачали сущность агрессивной внешней политики фашистской Германии и разъясняли народным массам подлинно миролюбивую внешнюю политику Советского Союза.

В Обращении о создании Народного фронта (декабрь 1936 г.), подписанном коммунистами, антифашистски на-

строенными социал-демократами, выдающимися учеными и деятелями искусств, говорилось: «Гитлеру нужна война для сохранения своего господства и для достижения империалистических целей своих заказчиков. А нашей, новой Германии нужен мир для упрочения свободы и для социального и экономического строительства. Германия станет великой, сильной державой мира и откажется от политики вмешательства в дела других стран. Она положит конец безудержной клевете на Советский Союз...» (16). Героической, полной жертв была борьба коммунистов и всех честных людей Германии против гитлеровского курса на войну и агрессию (17).

Германские фашисты на секретных правительственных совещаниях обсуждали агрессивные замыслы, которые впоследствии нашли свое оформление в военных планах германского империализма («Ost», «Barbarossa-Oldenburg», «Grime Marre» и др.).

На международной экономической и финансовой конференции в Лондоне (июнь 1933 г.) представитель Германии Гугенберг потребовал предоставления «лишенному территории» немецкому народу новых земель на Востоке (18). Фактически это был призыв к крестовому походу против Советского Союза. Подобные призывы находили отклик у правящих кругов западных держав. Когда в ноябре 1937 г. состоялись переговоры между Гитлером и лордом Галифаксом в Оберзальцберге, английский дипломат одобрительно отозвался о фюрере, который, по его словам, совершил большое дело не только в самой Германии и в результате «уничтожения коммунизма» в своей стране преградил ему путь в Западную Европу; поэтому Германию по праву можно рассматривать как западную крепость против большевизма (19). Во время переговоров Галифакс открыто поощрял экспансионистские, реваншистские притязания фашистской Германии. В частности, он говорил, что англичане - это народ, мыслящий трезво, и что они, может быть, более, чем кто-либо другой, убеждены в необходимости исправления ошибок Версальского дик-

тата: английская сторона не считает, что status quo должен быть сохранен во что бы то ни стало (20). Это была политика поощрения агрессора, натравливания фашистской Германии на СССР.

Из общего комплекса мероприятий гитлеровцев по подготовке к войне следует выделить идеологическую «обработку» населения. Фашисты преследовали цель, продолжая проводившуюся и ранее политику подстрекательства к войне, превратить Германию в военный лагерь, посеять среди немецкого населения милитаристские настроения, запугать всех противников войны как внутри страны, так и за ее пределами, завербовать союзников в других капиталистических странах, активно использовать там «пятую колонну», распространять по-прежнему ложь и клевету о Советском Союзе и тем самым вводить в заблуждение широкие круги демократической общественности.

Усилилась клеветническая кампания против Советского Союза и демократических сил в самой Германии. Установление фашистской диктатуры ознаменовалось пламенем костров, на которых предавались сожжению труды замечательных представителей немецкого народа, основоположников марксизма Карла Маркса и Фридриха Энгельса, произведения великих гуманистов: Г. Гейне, Генриха и Томаса Манна, Б. Брехта, Л. Фейхтвангера, Л. Франка, Ф. Вольфа, И. Р. Бехера, В. Бределя, О. М. Графа. Около 2 тысяч ученых, в том числе Альберт Эйнштейн, были изгнаны из университетов и научных учреждений и вынуждены эмигрировать.

Реваншистские, экспансионистские планы немецкие империалисты пытались оправдать теориями о «недостаточном жизненном пространстве», о немцах как о «господствующей расе» и т. п. Весь гигантский государственный аппарат, печать, радио были подчинены задаче пропаганды войны и насилия. На Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников один из идеологов гитлеризма, Ганс Фрицше, говорил: «В течение 1933 - 1945 гг. задачей «Отдела герман-

ской печати» являлось наблюдение за всей прессой страны и снабжение ее инструктивными установками. В связи с этим упомянутый отдел стал действенным инструментом в руках германского государственного управления. Под контролем находилось более 2300 ежедневных газет. Цель контроля после 1933 г. заключалась в том, чтобы существенно изменить условия, в которых находилась пресса до захвата власти, то есть подчинить ее новому порядку... Таким образом, в соответствии с политическим положением на данный момент вся германская пресса через «Отдел германской печати» превратилась в орудие министерства пропаганды и была подчинена политическим целям правительства» (21).

Фашистская пропаганда, антигуманизм, травля всего передового ввергли страну с высокоразвитой культурой и великими историческими традициями во мрак, превратили ее, как сказал В. Пик на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала, в «очаг варварства и войны» (22). В немалой степени этому содействовали распространявшиеся изо дня в день гитлеровскими борзописцами ложные сведения о Советском Союзе; тем самым преследовалась цель отравить сознание немецкого народа, попытаться оправдать репрессии, проводимые по отношению к коммунистам и всем честным людям. Систематически искажалась и фальсифицировалась история СССР. Появился целый поток антисоветской литературы. Большую часть ее выпустило издательство «Нибелунгенферлаг» в Берлине, специально созданное для форсирования антисоветской кампании. Там же выходил в свет информационный бюллетень «Антикоминтерн». Писания подобного рода издавались массовыми тиражами.

Поклоняясь девизу “чем хлестче ложь, тем скорее ей поверят”, гитлеровцы прибегали к любым уловкам, чтобы представить в искаженном виде развитие советской науки и культуры. Не случайно пресмыкавшиеся перед Гитлером псевдоученые эксплуатировали выдвинутую еще в XVIII в. норманскую теорию, чтобы “доказать” неспособность славян

создать самостоятельные государства, развить свою культуру на национальном фундаменте. Этой “теорией” руководствовались официальные учреждения Третьего рейха. Так, в § 8 инструкции “12 заповедей поведения немцев на Востоке и обращения их с русскими”, врученной в секретном порядке “сельским управляющим” и предназначавшейся в качестве руководства к действию при ограблении советского населения, настойчиво повторялась перифраза из русской летописи: “...Наша страна велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите и владейте нами!”. За три недели до нападения Германии на СССР упомянутые “сельские управляющие” получили следующее напутствие: “Русские всегда хотят оставаться массой, которой управляют. В этом смысле они воспримут и немецкое вторжение. Ибо это будет осуществлением их желания: “Приходите и владейте нами”. Поэтому у русских не должно создаваться впечатления, что вы в чем-то колеблетесь. Вы должны быть людьми дела, которые без лишних слов, без долгих разговоров и без философствования четко и твердо выполняют то, что необходимо. Тогда русские будут вам услужливо подчиняться. Не подходите с немецкой меркой и привычками, забудьте все немецкое, кроме самой Германии...” (23).

Существовала целая группа идеологов, которая снабжала фашистов “научными” аргументами для обоснования их аннексионистских планов. Мы имеем в виду представителей реакционной буржуазной историографии, в особенности пресловутого течения “*Ostforschung*”, возродившегося ныне в ФРГ. А те буржуазные историки, которые не шли в ногу с фашизмом или же не подходили по “расовым” признакам, были изгнаны из научных учреждений. Ганс Ротфельс, нынешний президент западногерманского общества историков, а в те времена апологет гитлеровского рейха, в своей работе “Восток, пруссачество и мысли об империи” писал: “...Именно общность великой задачи и поголовное участие немецкого народа в ее решении характеризуют более, чем что-либо иное,

сплоченность фронта от Ревеля до Бухареста; тот мост, которым являются на северо-востоке бывшие земли Тевтонского ордена, на юго-востоке составляет германская Австрия; Балтика и дунайские земли являются как в историческом аспекте, так и в настоящее время флангами той же самой основной диспозиции” (24). В наши дни Ротфельс выставляет напоказ свою “демократическую” позицию, так как, несмотря на заслуги перед фашистами, он, подобно многим другим, был уволен со службы по “расовым” причинам. Большинство же нынешних боннских крикунов открыто защищало линию Гитлера, Розенберга и Геббельса до самого их издыхания, да и теперь по-прежнему ратует за нее. Собранные в документальном сборнике “Третья империя и ее мыслители” тексты высказываний различных “ученых” дают возможность весьма полно охарактеризовать их воззрения. Речь может идти о прямом “сожигательстве мыслителей и убийц”. Мы имеем в виду А. Боймлера и Ф. Кригга, Г. Берве и Р. Виттермана, не говоря уж об известном профашистском историке-философе Эрихе Ротаккере. На XI Международном конгрессе исторических наук в Стокгольме в 1960 г. этому мракобесу было предоставлено первое слово для доклада в методологической секции на тему “Влияние философии истории на современные исторические науки” (25). Ротаккер давно подвизался на поприще расистской пропаганды, и вот сейчас он утверждает то же самое, что и прежде, ссылаясь на свою книгу издания 1934 г., в которой говорилось о необходимости искусственного отбора в обществе для создания “чистых” экземпляров человеческого рода.

В первые годы после прихода Гитлера к власти фашистам и их пособникам в высших учебных заведениях не удалось сразу подчинить все общественные науки своему влиянию. Об этом свидетельствует, например, ознакомление с диссертациями по истории, написанными в 1933 - 1935 годах. Некоторые авторы, трактуя проблематику “по-старому”, ограничивались лишь фразами в “новом стиле” во введении и

заклучении к своим работам. Но вскоре положение в корне изменилось, поскольку реакционные немецкие историки с готовностью перешли на службу к гитлеровцам. Так, активный поборник идеи немецкого “культуртрегерства на Востоке”, теперешний старейшина западногерманского “Ostforschung” Герман Аубин писал в 1936 г. имперскому министру по делам науки, воспитания и народного образования: “...Необходимо сделать Силезию вновь тем, чем она была на протяжении всей истории, - воротами для проникновения германского духа на юго-восток. Со времен средневековья здесь терялся нами один форпост за другим; сейчас мы стоим на последней позиции. Ее можно будет удержать лишь в том случае, если мы не будем ограничиваться только защитой и действиями внутри страны, но, превратив выдвинутый в качестве основного требования Третьей империи лозунг о “народной политике” на Востоке в задачу в области развития культуры, перейдем к осуществлению достаточно оправдавшей себя ранее политики нашего духовного превосходства” (26). Как выглядела эта восхвалявшаяся Аубином “народная политика” на Востоке и каков ее конец на практике, уже известно. Некоторые проповедники агрессивной войны окончили свои дни на виселице. Но гибель многих миллионов людей из Советского Союза, Польши и других стран, ставших жертвой агрессивной политики, не позволяет забывать, что еще не один десяток империалистов и милитаристов, оставшихся безнаказанными, благополучно пребывает в боннском государстве, вынашивая новые планы агрессии и войны. Приход фашизма к власти означал для Аубина осуществление его мечты. Лихорадочное воссоздание вермахта, кровавая авантюра в Испании приводили его в состояние восторга. В речи, которую Аубин держал 29 ноября 1936 г. перед “Силезским обществом отечественной культуры”, этот прислужник германского монополистического капитала, захлебываясь от радости в связи с предстоящим введением “всеобщей воинской повинности” в Германии, взывал к молодежи и пытался

пробудить в ней “беззаветную любовь к оружию”. Два года спустя после аннексии Судетской области Аубин патетически выражал свою благодарность фюреру: “С сердцем, исполненным благодарности, взираем мы на великую Германию, управляемую Адольфом Гитлером...” (27). Когда в 1940 г. генерал-губернатор Польши, военный преступник Ганс Франк, открывал в Кракове “Institut für deutsche Ostforschung” (28), который должен был стать “идеологической крепостью немецкой нации на Востоке”, среди присутствовавших наряду с Г. Аубином находились и прочие матадоры нынешнего “Ostforschung”: О. Косман, Т. Оберлендер, П. Г. Серафин, Г. Штадтмюллер, М. Лауберт и другие. Постоянными почетными сотрудниками этого “научного” центра по воспеванию грабежа и убийств являлись также В. Кун, Г. Вольфрум, Г. Лудат, Г. Шленгер (29). Все упомянутые выше лица, равно как и другие фашистские “исследователи Востока” (например, Г. фон Раух (30), В. Маркерт), вновь подвизаются теперь на поприще исторической науки в Западной Германии. И омерзительные книжонки Ганса Шемма, Адольфа Эрта или Отто Кригга и приукрашенная “научная” продукция Эриха Ротаккера, Германа Аубина, Георга фон Рауха и Вернера Маркерта имели в основе одну и ту же концепцию и служили одной и той же цели. Все, что было в буржуазной идеологии реакционного, все, что в свое время было изобретено теоретиками расизма, антисемитизма и “немецкими культуртрегерами”, нашло свое выражение в официальной и официозной пропаганде времен Третьей империи.

В то время как фашистская пропаганда пыталась внушить немецким рабочим, что они стоят выше французских, английских или русских рабочих и что было бы жаль видеть их, представителей “народа-господина”, в роли “кули”, монополии готовились вступить во владение территориями на Востоке. В ноябре 1940 г. Герман Геринг информировал шефа Восточного бюро генерала Томаса о намечавшейся на ближайшие месяцы “Восточной операции”. В рамках этой

организации идеологическая деятельность тесно смыкалась с экономической. На основе полученных сверху указаний данное ведомство приступило к составлению подробных сведений о советской оборонной промышленности, ее размещении и (взаимосвязях; изучению мощности отдельных крупных оборонных центров и их взаимозависимости; определению пропускной способности путей сообщения и энергосети в Советском Союзе; исследованию сырьевых запасов в СССР; составлению данных о предприятиях, не имевших оборонного значения. Была создана картотека важнейших предприятий Советского Союза, а также специальный словарь для технических служащих “оккупированной территории”. В начале января 1941 г. был сформирован “Рабочий штаб России”. В результате интенсивной подготовительной деятельности он собрал большой фактический материал, который должен был послужить делу “управления Россией в будущем” (31). 20 апреля 1941 г. Гитлер назначил одного из своих сообщников, Альфреда Розенберга, “уполномоченным по централизованной обработке проблем восточноевропейской территории” (32). Последний еще 2 апреля 1941 г. изложил фюреру в секретной докладной записке цели и методы будущей германской оккупации территории Советского Союза: “...Из России нами выделяются следующие национальные или географические единицы: а) Великороссия с центром в Москве; б) Белоруссия со столицей в Минске или Смоленске; в) Эстония, Латвия и Литва; г) Украина и Крым с центром в Киеве; д) Донская область с центром в Ростове; е) Кавказ; ж) русская Средняя Азия или русский Туркестан” (33). Далее в записке говорилось, что Великороссия - центральная область, обладающая и по сей день большой ударной силой; в связи с этим ее ослабление должно составлять важную политическую цель при наступлении на СССР. В дальнейшем “московитская Россия должна быть использована как район ссылки, куда будут направляться нежелательные элементы” (34). Советским республикам Эстонии,

Латвии и Литве была уготована роль “германской колонии будущего с ассимиляцией наиболее подходящих в расовом отношении элементов”. Поднимался также вопрос о заселении этой территории датчанами, норвежцами, голландцами, а после “победоносного” окончания войны и англичанами, “чтобы спустя одно или два поколения присоединить эту область как новую онемеченную землю к основной территории страны” (35). По поводу Украины в докладной Розенберга отмечалось: “Политической задачей для Украины является... отдельно или в сочетании с Донской областью и Кавказом (в виде Черноморского объединения) держать Москву под постоянной угрозой и создать прочные гарантии со стороны Востока для Великогерманской территории. Что касается экономической стороны, то задача заключается в создании мощной сырьевой и дополнительной продовольственной базы для Великогерманской империи...” (36).

Розенберг немедленно приступил к укомплектованию специальных организаций и составлению бесчисленного множества разработанных до мельчайших подробностей соответствующих директив. Приведем названия некоторых из них: “О создании и задачах организации по централизованной обработке материалов восточноевропейской территории” (29 апреля 1941 г.) (37); “Инструкция рейхскомиссару Украины” (7 мая 1941 г.) (38); “Инструкция рейхскомиссару в “Остланде” (8 мая 1941 г.) (39); “Общая инструкция для всех рейхскомиссаров на оккупированной территории” (8 мая 1941 г.) (40); “Документальная запись беседы у Функа [присутствовали Розенберг, Мейер, Шикеданц, Ландфрид и др.] по вопросу о характере валюты на предназначенной к оккупации территории” (28 мая 1941 г.) (41) и др. Из перечисленных выше инструкций обращает на себя внимание “Общая инструкция для всех рейхскомиссаров на оккупированной территории”, где говорится о политической цели военных действий против Советского Союза. Германия должна остерегаться “восстановления Российской империи в каком бы то ни было

виде”. Вся история “борьбы разных народов против Москвы и Петербурга” должна быть проверена “в смысле ее приемлемости в настоящее время”. Воздавая хвалу фашистским “исследователям Востока”, Розенберг констатировал: “...Данная огромная территория в соответствии с ее историческими и этническими данными должна быть поделена на рейхскомиссариаты. Каждый комиссариат имеет свою, отличную от другого, политическую цель” (42).

Сохранилась также документальная запись секретного совещания Гитлера с Розенбергом, Ламмерсом, Кейтелем и Герингом от 16 июля 1941 года. Участник этого совещания записал содержание речи Гитлера: “Важно, чтобы наши цели не стали известны всему миру; в этом нет никакой необходимости; главное, чтобы мы сами знали, чего мы хотим. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы ненужными декларациями воздвигать препятствия на нашем пути. Такие заявления неуместны, ибо мы можем сделать все, что в нашей власти, а того, что находится вне нашей власти, мы все равно не сделаем. Мотивировка наших шагов перед лицом всего мира должна определяться тактическими соображениями. Мы должны действовать таким же образом, как в случаях с Норвегией, Данией, Голландией и Бельгией. Там мы не обмолвились ни словом о наших намерениях; так же мы будем поступать и впредь. Мы будем утверждать, что были вынуждены к захвату территории с тем, чтобы навести там порядок и обеспечить ее сохранность, что в интересах населения мы будем заботиться о его спокойствии, о питании, средствах сообщения и т. д. и т. п... Все необходимые мероприятия - расстрелы, выселение и т. д. - мы все равно проведем и будем проводить, несмотря ни на что. Мы не намерены наживать себе преждевременно ненужных врагов. Мы действуем таким образом, будто намерены использовать свой мандат. Но нам должно быть ясно, что из этих областей мы не уйдем. В соответствии с этим должно: 1. Ничего не предпринимать для окончательного урегулирования, а готовить все ис-

подволю; 2. Мы подчеркиваем, что мы являемся носителями свободы. В деталях; Крым должен быть очищен от туземцев и заселен немцами. Староавстрийская Галиция также станет имперской областью..." (43). Как подчеркивал Гитлер, все сводилось к тому, чтобы "умело разделить огромный пирог так, чтобы иметь возможность, во-первых, владеть им; во-вторых, управлять; в третьих, эксплуатировать". О создании какой-либо другой державы западнее Урала не могло быть и речи, "даже если бы пришлось вести войну хоть сотню лет". Должен оставаться неизменным "железный принцип: никогда не должно быть дозволено, чтобы кто-то, кроме немца, обладал оружием" (44).

Как же оцениваются эти злодейские планы современными "остфоршерами"? Один из них, Георг фон Раух, критикует фашистов не за содеянные ими преступления, а за то, что, по его мнению, эти преступные действия осуществлялись недостаточно умело: "Перед германской политикой на Востоке открывались огромные возможности, поскольку она отлично владела принципами психологического ведения войны", - говорится в "Истории большевистской России", изданной недавно фон Раухом. "Можно было начать первый ход с освобождения окраинных народов; можно было придать борьбе характер крестового похода против большевизма, как этого хотел в 1919 г. маршал Фош. А может быть, путем поддержки антибольшевистского режима с фашистским нюансом или беззастенчивой политики "разделяй и властвуй" следовало расчленить Россию на отдельные национальные государства" (45).

Но планам германских империалистов не суждено было осуществиться. Они потерпели полное крушение, а их "защитники" разбились о силы антифашистского движения, руководимого Советским Союзом. Немецкие агрессоры встретили героическое сопротивление народов, боровшихся за национальную независимость, за демократию, за то, чтобы никогда больше не было войны. Вторая мировая война, раз-

вязанная германскими империалистами, завершилась безоговорочной капитуляцией гитлеровского государства. Народы мира осудили преступные деяния, совершенные гитлеровцами в ходе войны, а вместе с ними и идеологическую подготовку к войне, злокозненные действия тех, кто гнусным словом готовил гнусное дело. Подстрекательство к войне есть идеологическая агрессия. Оно является не только подготовкой преступления, но и прямым преступлением против законов мирного сосуществования народов на земном шаре. История осудила гитлеризм, а вместе с ним и тех, кто содействовал временному торжеству идеологии мракобесия, и подтвердила, что никаким врагам прогресса и демократии никогда не удастся восторжествовать, что силы мира и социализма несокрушимы, что за ними будущее.

Примечания:

1 W. Ulbricht. Zur Eroffnung der ersten sozialistischen Militarakademie in der ueschichte Deutschlands. "Militarwesen", Sonderheft, Februar 1959, S. 15.

2 Deutsches Zentralarchiv (DZA) Potsdam. Akten der Reichskanzlei, N 2508/3, fol. 137, цит. по: **К. Obermann. Zur Zusammenarbeit der deutschen und amerikani schen Imperialisten im Kampf gegen die Sowjetmacht und die revolutionise Bewegung in Deutschland** (в кн. "Die Oktoberrevolution und Deutschland". Berlin. 1958, S. 387). Генерал Генри Т. Аллен, главнокомандующий оккупационной армии США в Германии после первой мировой войны, так писал о планах империалистов США: "Самым подходящим государством, которое с успехом сможет отразить большевизм, является Германия... Расширение Германии на русские территории на долгое время заняло бы немцев, и тем самым разрядилось бы напряжение по отношению к Западной Европе" (Н. Т. Allen. *Mem Rheinland-Tagebuch*. Berlin. 1923, S. 51; цит. по: А. Norden. *So werden Kriege gemacht! Uber Hintergrunde und Technik der Aggression*. Berlin. 1950, S. 48).

3 См. А. Norden. Lehren deutscher Geschichte. Zur politischen Rolle des Finanz-Kapitals und der Junker. Berlin. 1947, S. 63.

4 DZA Potsdam. Reichsministerium des Innern, N 12028, Bl 266; цит. по G. Rosenfeld. Sowjetrußland und Deutschland 1917 - 1922. Berlin. 1960, S. 229.

5 «II конгресс Коминтерна». Июль - август 1920. М. 1934, стр. 550 - 551.

6 См. К. Heiden. Adolf Hitler. Zurich. 1936.

7 См. «Suddeutsche Monatshefte», Februar 1924. Die Ukraine und Deutschlands Zukunft (редакционная статья); М. Spann. Die deutsche Sendung im Mitteleuropaischen Raum. Там же, стр. 159 - 164; Р. Rohrbach. Die Ukraine als europaisches Problem. Там же, стр. 177 - 181.

8 См. Ф. И. Нотович. Германо-фашистский Drang nach Osten в послемюнхенский период. “Труды” по новой и новейшей истории. Т. I. М. -Л. 1948, стр. 237 - 285.

9 DZA Potsdam, N 511. Reichskommissariat fur Oberwachung der offentlichen Ordnung, Bl. 82 - 85.

10 Эрнст Тельман. Избранные речи и статьи. Т. II. 1928 - 1930. М. 1958, стр. 360.

11 См. W. Pieck. Reden und Aufsaize. Auswahl aus den Jahren 1908 - 1950. Bd. I. Berlin. 1950, S. 150 - 151; см. также О. Winzer. Zwolf Jahre Kampf gegen Faschismus und Krieg. Berlin. 1955, S. 47 - 48.

12 См. Е. В. Тарле. “Восточное пространство и фашистская геополитика “Против фашистской фальсификации истории”. Сборник статей. М. -Л. 1939, стр. 263; см. также W. S. Churchill. Der zweite Weltkrieg. Erster Band: Der Sturm zieht auf Erstes Buch. Bern. 1948, S. 78; К. Schilling. Judentum und Antisemitismus. «Geschichte in Wissenschaft und Unterricht». Stuttgart. 1960. Hf. 10, S. 611.

13 “VI конгресс Коминтерна”. Стенографический отчет. Вып. 6. М. -Л. 1929, стр. 18.

14 Г. Димитров. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего

класса, против фашизма. Доклад и заключительное слово. "VII Всемирный конгресс Коммунистического Интернационала". Л. 1935, стр. 8.

15 См. W. Pieck. Referat und Schlußwort auf der Brüsseler Parteikonferenz der Kommunistischen Partei Deutschlands. Oktober 1935. Berlin. 1960.

16 О. Winzer. Указ. соч., стр. 115.

17 См. W. Ulbricht. Zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung., Bd. II. Berlin. 1953, S. 172 - 202, 213 - 219, 220 - 225; см. также G. Nitzsche, K. H. Biernat. Beispiele des Kampfes der Kommunistischen Partei Deutschlands gegen die faschistische Kriegsvorbereitung (1933 - 1939). «Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung», I. Jg. 1959, Hf. 3, S. 495 - 514; W. Basler. Der Gedanke des proletarischen Internationalismus gegenüber der Sowjetunion in der illegalen antifaschistischen Publizistik 1933 - 1939. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle - Wittenberg», Jg. IX, 1960, Hf. 3. S. 273 - 278.

18 См. "История дипломатии". Т. III. М. -Л. 1945, стр. 475.

19 См. "Документы " материалы кануна второй мировой войны". Т. I Ноябрь 1937 - 1938 гг. (Из Архива МИД Германии). М. 1948, стр. 16.

20 Там же, стр. 21.

21 IMG, Bd. XXXII, S. 311 - 312.

22 W. Pieck, G. Dimitroff, P. Togliatti. Die Offensive des Faschismus und die Aufgaben der Kommunisten im Kampf für die Volksfront gegen Krieg und Faschismus Referate auf dem VII. Kongress der Kommunistischen Internationale (1935). Berlin. 1957, S. 87.

23 IMG, Bd. XXXIX. Dokument 089-USSR, «Kreislandwirtschaftsführermappe», vom 1.6.1941, S. 370.

24 H. Rothfels. Ostraum, Preussentum und Reichsgedanke. Leipzig. 1935, S. X; цит. по: F. Hoffmann und R. Wagner. Ober den XL Internationalen Historiker-Kongress in Stockholm. «Einheit». 15. Jahrgang. 1960, Hf. 20, S. 1609.

25 CM W. Berthold. Über «Die Wirkung der Geschichtsphilosophie...» von Erich Rothacker. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft». VIII. Jg. 1960, Hf. 6, S. 1289 - 1309; E. Hoffmann und R. Wagner. Ober den XI. Internationalen Historiker-Kongress in Stockholm. Там же, стр. 1605 - 1607.

26 DZA Potsdam, Reichsminister für Wissenschaft, Erziehung und Volksbildung, N 1728, Bl. 86 - 93.

27 F. H. Gentzen, F. Wolfgramm. «Ostforscher» -. «Ostforschung». Taschenbuch Geschichte. Bd. 7. Berlin. 1960, S. 38.

28 Cp. G. Voigt. Das «Institut für deutsche Ostarbeit in Krakau. «September 1939». Berlin. 1959, S. 109 - 123.

29 Cp. F. H. Gentzen, E. Wolfgramm. Указ. соч., S. 36.

30 Cp. A. Anderle, S. Quilitzsch- Georg von Rauch - ein Ideologe des faschistischen «Oranges nach Osten» und Verfechter der antisowjetischen NATO-Politik. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», VIII. Jg. 1960, Hf. 7, S 1525 - 1550

31 IMG, Bd. III, S. 388 - 389.

32 Там же, стр. 396.

33 Там же. Т. XXVI, док. 1017-PS, стр. 548 - 549

34 Там же, стр. 549.

35 Там же, стр. 550.

36 Там же, стр. 551.

37 Там же, док. 1024-PS, стр. 560 - 566.

38 Там же, док. 1028-PS, стр. 567 - 573.

39 Там же, док. 1029-PS, стр. 573 - 576.

40 Там же, док. 1030-PS, стр. 576 - 580.

41 Там же, док. 1031-PS, стр. 580 - 581.

42 Там же, док. 1030-PS, стр. 577 - 578.

43 Там же, т. XXXVIII, док. 221-L, стр. 87.

44 Там же, стр. 88.

45 Q. von Rauch. Geschichte des bolschewistischen Rußland. Wiesbaden. 1955, S. 420.

(Источник: Вопросы истории, № 6, Июнь 1961, С. 85-95)

УСОЛЮБИЕ (ОПЫТ АПОЛОГИИ)

*«В бороде вся Сила, брат... А ещё – в усах»
(блж. старец Парфений Уродивый)*

*«Усы, б.. и хвост – вот мои «документы»!»
Коть Матроскинъ)*

О таком феномене отечественной Традиции как «брадолюбие» писано предостаточно... В какой-то мере весь т.наз. «Раскол» на Руси «держался» не столько на двуперстии, сколько на «бороде»... Ни в малой мере не будучи сторонниками «брадобрития» (напротив!), мы zde желали б краткословно затронуть вопрос сакрального значения и прочей «растительности» на главе человеческой: власов и усов... Поистине, они ничуть не менее значимы и сакральны, нежели брада... Сие имеет выразительные прообразы в Нордическом Прото-Христианстве: «Длинные волосы и борода у нордических народов рассматривались как атрибут Свободы и Чести, статуса и связи с божественным. Бритая голова считалась клеймом раба, а обритая борода – тяжёлым оскорблением. Историк Степан Гедеонов в труде «Варяги и Русь» (1876) отмечал, что язычники клялись волосами и бородой, а Один и Тор в преданиях именовались Длиннобородым и Рыжебородым. Подражание богам было важной Традицией. Эллины носили бороды, следуя примеру Зевса и Сераписа, а скандинавы чтили своих богов: Один (Харбард – «Длинная борода»), Тор и Фрейр изображались бородатыми. Традиция отражена в многочисленных прозвищах: Торвальд Синяя Борода, Харальд Рыжебородый, Торгейр Борода по Пояс и другие. Борода была столь важна, что её отсутствие могло считаться позором. В «Саге о Ньяле» (Brennu-Njáls saga) Герой страдает от насмешек из-за отсутствия бороды, а в «Пряде об

Аудуне с Западных Фьордов» (Auðunar þáttir vestfirzka) бритая голова подчёркивает его бедственное положение)... Вот так-с...

Касаемо власов приведём реплику видного представителя «эзотерического подполья» Руси, предпочитающего подписываться яко «Сергий Молоховъ»: «Вообще, я чё скажу: покраска волос – это предательство собственной идентичности, а кризис идентичности – это основа доминирующей в Кали-Югу парадигмы. В воинственные Средние века один цвет или состояние власов могли стать гордостью их носителя. «Длинноволосые короли», как называли Меровингов, великий конунг Харальд Прекрасноволосый, Император Фридрих Барбаросса. Сколько смысла, сколько величия находил человек Традиции в своих волосах. Господь наградил тебя рыжиной, медью, золотом или белыми, как снег, власами – это – твоё знамя, кое ты горда должен нести всю жизнь. И именно покраска волос символизирует окончательное предательство современным вырожденком постмодерна своих корней, своей идентичности. Сословия, расы, народа, родных и близких. При Сакральной Империи покраска волос будет приравнена к государственной измене, я вам это гарантирую» (<https://t.me/s/guerillaesoterique>).

Добавим нечто и о сакралитете «усов». Предоставим слово Сальватору Дали, не только обладателю выдающихся усов, но и явно понимавшему, «что за ними стоит». В своём сборнике афоризмов «Дневник Гения» дон Сальвадор помещает ряд усолобивых максим: «Пока все разглядывают мои усы, я, укрывшись за ними, делаю своё дело»; «Мои усы радостны и полны оптимизма, Они сродни усам Веласкеса и являют собой полную противоположность усам Ницше»; «Форма усов исторически обусловлена. У Гитлера не могло быть никаких других усов – только эта свастика под носом» etc.

Крайне любытытный пост (в контексте нашей темы) поместил тг-канал «Эстетика Византии». Оказывается, св. Император Иустиниан Великий (наверное, один из самых

«крутых» Византийских самодержцев: ему удалось (хотя и на краткое время) объединить в единое имперское тело Западную и Восточную части священной Римской империи) скорее всего, тоже был «усачом» и «бородачом»: «ЮСТИНИАН НОСИЛ БОРОДУ?! Ночью вспоминал про памятник Юстиниану Великому в Алуште, который воочию наблюдал в 2023 году. Было бы излишне говорить, что изображение совершенно непохоже на привычный нам образ императора из базилики Сан-Витале в Равенне. Оно очень схоже с описанием внешности василевса, оставленным Прокопием Кесарийским. Ещё большее возмущение у нас может вызвать борода, как же так: римский император носит бороду?! Однако рассказал о наружности Юстиниана и другой его современник - Иоанн Малала. Он дал следующую характеристику: «Был он невысокого роста, широкогрудый, с красивым носом, белым цветом лица, вьющимися волосами. Был он круглолиц, красив, несмотря на то, что у него не было волос на лбу, цветущий на вид, хотя борода и голова его поседели». Отсюда мы выясняем, что даже в зрелом возрасте Юстиниан носил бороду, ибо к власти он пришёл в 45 лет. И тут Юстиниан не сильно выделяется на фоне других римских монархов (даже Константин Великий в своё время ходил с бородой). Таким образом, мы можем сделать вывод, что памятник в Алуште соответствует описанию внешности императора, данного Малалой. За исключением, разве что, формы лица и возраста» (зри: https://t.me/s/imperium_romanorum).

Вооружившись сим традиционным знанием, окинем взглядом т.наз. «элитку» современного мира... Нехай выскажется «философ, политолог, лидер движения «Суть времени», режиссёр театра «На досках» Сергей Ервандович Кургинян: Вся эта демократическая мерзость в Европе - это постмодернистский, уже античеловеческий субстрат, вызывающий всяческое отвращение. Он вызывает отвращение своей мертвотой. Брюссель - это символ: ты видишь там людей,

а они все как мёртвые, особенно чиновники. Он вызывает отвращение своей перверсивностью и патологиями разного рода (моральными и так далее), вызывает отвращение своей античеловечностью, доходящей уже до антропологических пределов; конечно, русофобией; всеми своими заявлениями о конце Человека, конце проекта Гуманизм. Когда смотришь на консерваторов, то видишь приличные лица, какие-то достаточно приличные установки, попытку возврата к человечески нормальному, апелляции к чему-то, отдающему, как мы любим говорить, традиционными ценностями. Поэтому человеческие симпатии на стороне консерваторов. А на стороне кого они должны быть?!» (t.me>s/radonezh_radio).

И сказано-то вроде «правильно», но стоит глянуть на самого Ервандыча: скоблёная морда, плешивый кумпол, фасад и замазки унтерменша... хм, ежели и не анти-, то недочеловеческий субстрат налицо... И вся прочая путиноидная «элита», ратующая за «традиционные ценности», вся в «ту же масть». Начиная от Пахана: плешив, плюгав, безус, безбраден, по замазкам – какая-то паршивенькая смесь вертухая (ни разу ни «сталин-берия-гулаг») и мелкого уркагана (ни на «честного фрайера», ни на «вора-в-законе» никак не тянущая) и т.п. и т.д. Что характерно: паскудное «нутро» у путиноидов вполне соответствует отвратному «фасаду»... За «семейные ценности» и рекордное деторождение топит «нацлидер», официально находящийся в разводе, чьё «семейное положение», количество жён и детей и т.п. составляет гостайну... Ну и прочие обитатели «властной вертикали» вполне себе под стать Пахану: обращает на себя внимание повышенное число «голубей», обсевших означенную «вертикаль», кои «все как один» тоже за «духовные скрепы», «традиционные ценности» и всё такое прочее... Некоторым исключением (в плане бороды) тут выглядит маг-философ Дуга-Леший. Это, действительно, «маг», прочитавший не только «Мойдодыра», но и «Старика Хоттабыча» (значимые советские пособия по

оперативной магии), и понимающий, что «в бороде – сила»... Но в случае «мага», ставшего «разноцветным» (в том смысле, что явлен во «Властелине Колец») благоприменима герметическая максима: «по браде Авраам, а по делам Хам»... Перефразируя ещё одного ПГМ-«философа»: «судя по отсутствию «свастики-под-носом», кирдык вам скоро, товарищи-мазурики»...

о.Р.Б.

Фауст Патронов

ФИЛОСОФ-НОРДМАНН

Касаемо русского философа Ивана Ильина его «оппоненты» частенько использовали *argumentum ad hominem*, апеллируя к его «немецкому происхождению», якобы тем самым ставящим под сомнение его экзальтированную «русскость». Всякие «порочащие за немецкость» И.И. суждения любознательный читатель легко отыщет в Сети, мы же приведём тут оценку Евгении Герцык (двоюродной сестры супруги Ивана Ильина), талантливой поэтессы и переводчицы Серебряного века, благорасположенной к Ильину, и тем не менее акцентирующей «его немецкую русскость»... Во фрагменте воспоминаний, касающемся Ивана Ильина, г-жа Герцык пишет, среди прочего: “Всегда вдвоём — и Кант. Позднее — Гегель, процеженный сквозь Гуссерля. И так не год, не два”. Возможно, именно потому, что Ильин был еще и “учёным гегельянцем”, Ленин не допустил его расстрелять, хотя после революции тот и оказался в гуще антисоветской политики. “И как бывает порой с русскими немцами (Ильин по матери — немецких кровей), у него была ревнивая любовь к русской стихии — неразделённая любовь”. Была в Ильине — уже и в двадцать лет — “священная безуминка”, в течение всей жизни закипавшая порой в интеллектуальную желчь, злость; полемическое равновесие — не его добродетель. “Знакомство с Фрейдом, — вспоминает Е.Г., — было для него откровением: он поехалё. Но не отомкнуть и фрейдовскому ключу замкнутое на семь поворотов”. Впрочем, интеллектуальные стычки, выходившие за границы приличий, — приметное свойство того бурного и мутного предреволюционного времени вообще, серебряный век наш был не без червоточины. Так повздорил Ильин, к примеру, с Андреем Белым: “на разрыв аорты”, — а всего-то из-за музыки Метнера. Белый и сам не

сахар, тоже особым равновесием не отличался, но на каждого “безумца” найдётся другой, покруче (как на Стриндберга — Ницше), и — писал Белый об Ильине — “этот талантливый философ казался клиническим типом <...> ему место было в психиатрической клинике <...> наше знакомство определялось отнюдь не словами, а тем, как молчали мы, исподлобья метая взгляды друг в друга”. Ильин однажды замечательно точно определил распространённый приём полемики: “инсинуировать пакость сердца своего предмету своего недоброжелательства”. У самого Ильина сердце было чистым до детскости, беззащитности. Но неосознанно и он приписывал некоторые собственные качества своим оппонентам. Так про маститого юриста и кадета Кокошкина Ильин писал, что тот “понимал политику как мечтатель и доктринёр”. Речь идёт о либерализме Кокошкина, но ведь и мечтательность, и доктринёрство, и утопизм могут быть и с другим идеологическим знаком, и в этом плане Ильин сам заплатил им щедрую дань. И — верил в Белого если не Царя, то Вождя, способного вытащить Россию из коммунистической бездны, настолько, что, когда скоропостижно скончался барон Врангель (действительно крупнейший, очевидно, наш политический деятель после Столыпина), умолял не хоронить его до появления трупных пятен — в надежде на летаргию. “Иван Ильин — тип германца”, — резюмирует Герцык. Ницшеанская вера Ильина в вождя, водителя и спасителя человеков, не сразу отшатнула его — от Гитлера. “Как Вы могли, русский человек, пойти к Гитлеру?” — вопрошал Роман Гуль Ильина в конце 40-х годов, порывая с ним. Передёрг, конечно, но... Оказавшись после ленинской тирании в послевоенной Германии, социально и культурно разлагавшейся на глазах и могшей в любую минуту стать добычей для коммунистов, Ильин увидел в национал-социализме панацею от красной угрозы. Гуль недобросовестно упрекает его за это уже после Второй мировой войны, «Холокоста» и т.п. Задним умом все умны. А в начале казалось, что “фашизм мог и не создавать

тоталитарного строя: он мог удовлетвориться авторитарной диктатурой, достаточно крепкой для того, чтобы: а) искоренить большевизм и коммунизм и б) предоставить религии, печати, науке, искусству, хозяйству и некоммунистическим партиям свободу суждения и творчества в меру их политической лояльности”. В 1934 году — через двенадцать лет после высылки из советской России — Иван Ильин писал из Берлина в Париж Ивану Шмелёву про “страшное сознание своего одиночества, своей ненужности, своей чёрной ненужности для чудесной нашей родины <...>. Конечно, Честь и Верность мои со мною, и я знаю, хорошо знаю те часы, в которые я их предпочел всяческому личному устройению. Но Господи Боже мой! Что за страшное время выпало нам на долю, что негодьям, законченным лжецам и безстыдникам пути открыты, а нам — поток унижений”. Ещё актуальнее звучит и ответ Шмелёва: “В наше время нет или почти нет великого творчества, огня, опаляющего душу, служения словом <...>. Измельчали, опошлились, оторговились, опохабились, обазарились, обрыночнились...”. Не раз в переписке их сквозь сетования на ненужность и одиночество сквозит упование на востребованность в “грядущей России”. Сбылось ли оно? Отчасти да: книги Шмелёва продаются в приходах даже за церковными ящиками, а у Ильина вышло многотомное собрание сочинений, которое ещё будет пополняться и дальше. Но и — нет, ибо их влияние настолько же несопоставимо с тем, на которое они уповали в изгнании, насколько современная Россия отлична от той “грядущей”, о которой они мечтали... Мы использовали в предыдущем изложении содержательную рецензию Ю.Кублановского на сборник РХГИ «Иван Ильин: pro et contra» (СПб., 2004) из «Нового мира» (зри подр.: <https://nm1925.ru/articles/2004/200408/pro-et-contra-ivana-neistovogo-3010/>).

Что сказать на сие? «Тип германца», или лучше сказать, «тип Норманна», в Ив. Ильине, действительно, являл себя. И это отнюдь «не плохо». В конце концов, кто как не Норманны

и «создали Русь»? Мы бы взяли на себя смелость утверждать, что *настоящий Русский и невозможен без какой-то доли норманнской Крови и Духа...*

Полезно сопоставить те суждения, что выше были приведены о духовно-расовом типаже Ильина, с суждениями о Норманнах, донесёнными до нас средневековыми авторами. Сопоставление, скажем прямо, преполнейшее. Итак...

Собор в Меце 1 мая 888 года в разгар военных действий викингов на Сене и Рейне постановил включить в текст Богослужения слова: *A furore Normannorum libera nos, o Domine!* – «И от жестокости норманнов избави нас, Господи!»... Классические имиджмейкеры, какими по сути являлись ранние хронисты нормандского завоевания на юге Италии (Готфрид Малатерра, Вильгельм Апулийский, Абат Монте-Кассинский), не склонны приписывать успех нормандцев их превосходству в живой силе или техническим преимуществам, а скорее ряду психологических особенностей. Нормандцы составляли лишь небольшой островок северян среди целого моря ломбардцев, греков и мусульман, но они превосходили их в моральном отношении. Во-первых, им была присуща необычайная энергия (*strenuitas*). Этот мотив особенно явственно прослеживается в трудах Малатерры, который пишет о невероятной энергии представителей клана Огвилей, стоявших во главе нормандской кампании; о том, как «мощно управлялись с оружием» предводители нормандцев; о людях, «снискавших славу благодаря своей храбрости»; об обращениях военачальников к своим воинам перед битвой, в которых звучали призывы «помнить о прославленной мощи наших предков и нашей расы, которую мы сохранили до наших дней». Под пером пронормандских летописцев появление нормандцев знаменовало совершенно новую силу на исторической арене. Оно означало приход народа, который, среди прочего, выделялся своим военным мастерством, «народа Галлии, более мощного на поле брани, нежели любой другой

народ», как пишет об этом Вильгельм Апулийский. Во время сицилийской кампании 1040 года, когда нормандцы служили в наемных частях византийского войска, самые храбрые из мусульман Мессины обратили в бегство греческий контингент: «Затем пришел черёд наших воинов. Мессинцы еще не испытывали на себе нашей отваги и поначалу бились свирепо, но когда осознали, что враг силен как никогда, то отступили перед натиском этой новой, воинственной расы». Эта «новая раса» изменила правила ведения войны и связанные с ней ожидания. Отчасти эти перемены означали нарастание жестокости, грубости и кровожадности, ибо необузданная жестокость была таким же важным атрибутом воинской доблести, как сила и доблесть... Один инцидент, демонстрирующий нарочитую жестокость нормандских вождей, произошел во время спора между нормандцами и греками по поводу награбленной добычи. В лагерь явился греческий посланник. Стоявший поблизости нормандец потрепал его коня по голове. Потом вдруг, «чтобы греческому посланнику было, что поведать грекам о нормандцах по возвращении, голым кулаком нанес удар коню в шею, одним ударом свалив его наземь почти бездыханным». Такое дерзкое и леденящее душу своей жестокостью увечье коня посланника должно было довести до сознания греков одну мысль: нормандцы не колеблясь проливают кровь. Ещё один пример произошел в 1068 году, тогда граф Роджер разбил мусульман в небольшом отдалении от города. Мусульмане взяли с собой почтовых голубей, которые теперь попали в руки нормандцев. Роджер повелел пустить голубей лететь назад в Палермо, где женщины и дети ожидали известий. Голуби принесли им весть о победе нормандцев, причем записки были начертаны кровью убитых мусульман (Роман Будков, «Записки о Средневековье»).

Спроецируем вышесказанное на психотип Ив. Ильина и «сделаем выводы»... Примерно такие, кои сделал современный Ильина, гениальный поэт-нормдманн Николай Гумилёв:

Николай Гумилев

НА СЕВЕРНОМ МОРЕ

О, да, мы из расы
Завоевателей древних,
Вносящих над Северным морем
Широкий крашеный парус
И прыгавших с длинных стругов
На плоский берег нормандский —
В пределы старинных княжеств
Пожары вносить и смерть.
Уже не одно столетье
Вот так мы бродим по миру,
Мы бродим и трубим в трубы,
Мы бродим и бьем в барабаны:
— Не нужны ли крепкие руки,
Не нужно ли твердое сердце,
И красная кровь не нужна ли
Республике иль королю?
— Эй, мальчик, неси нам
Вина скорее,
Малаги, портвейну,
А главное — виски!
Ну, что там такое:
Подводная лодка,
Плавучая мина?
На это есть моряки! О, да, мы из расы
Завоевателей древних,
Которым вечно скитаться,
Срываться с высоких башен,
Тонуть в седых океанах
И буйной кровью своею
Поить ненасытных пьяниц —
Железо, сталь и свинец.

Но все-таки песни слагают
Поэты на разных наречьях,
И западных, и восточных;
Но все-таки молят монахи
В Мадриде и на Афоне,
Как свечи горя перед Богом,
Но все-таки женщины грезят —
О нас, и только о нас.

АЛЕКСАНДРЪ САЛТЫКОВЪ.
(Rus)

ДВѢ РОССІИ.

Національно-психологическіе
очерки.

Издательство Милавида
МЮНХЕНЪ.

Издательство Милавида · Мюнхень

подготавливается къ выпуску:

МИЛАВИДА

Художественный Журналъ-альманахъ
литературы, культуры, исторіи, философіи, критики
и библиографіи.

Четыре выпуска въ годъ.

Въ журналъ изъявили согласіе участвовать И. А. Бунинъ,
С. А. Горный, Г. Д. Гребеншиковъ, М. М. Ивановъ (композиторъ),
А. И. Купринъ, И. С. Лунашъ, М. К. Первухинъ, С. Черный
и др. писатели.

Въ научномъ и историко-философскомъ отдѣлѣ участвуютъ:
Профессоръ Кершенштейнеръ и приватъ-доценты д-ръ Н. Буб-
новъ (Гейдельбергъ) и д-ръ О. ф. Гильденштуббе (Мюнхень).

Въ ближайшихъ выпускахъ будутъ между прочимъ напечатаны:
„Царица морей“ (Очерки Венеціи) М. К. Первухина и его-же
„Вѣчный Городъ“ (Очерки Рима) и рядъ разсказовъ и
эскизовъ изъ итальянской жизни; также „Сибирскія
воспоминанія“ (1894—1904) генерала Барона Будберга
и его-же „Воспоминанія о войнѣ“ (1914—1918).

Адресъ редакціи: München, St. Annaplatz 7.

Двѣ Россіи.

1.

Зима... Русская зима... Но день — не холодный; почти оттепель... Пологий скатъ холма... И на холмѣ — березки... А между березовыми передѣсками — занесенныя снѣгомъ поля... И народъ... много народа... Но его какъ-то не слышно... И въ сторонкѣ — церковка... И также въ сторонѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ будто-бы посреди народа, — Христось... Снѣжныя поля и березы тянутся въ гору, въ далекую необозримую даль... И все: и народъ, и березы, и церковка, и Христось — какъ-то ушли въ самихъ себя: они полны соверщанія и несказанной кротости... Да, чувствуется, что такими и должны быть, что такіе и есть — русскія березы, русская церковь, русскій народъ и русскій Христось... И все это — и народъ и березы и сама церковка и смиренный, таинственный Христось — молится Богу... И даже самъ воздухъ — грустный и ласковый — какъ будто молится Богу... Это — картина Нестерова: Святая Русь.

Эта картина — одно изъ поразительнѣйшихъ прозрѣній русской природы и русской жизни: на нее невозможно смотрѣть безъ какого-то особеннаго волненія и умиленія. Но спрашивается: всю-ли русскую жизнь, всю-ли русскую душу, весь-ли русскій міръ отражаетъ эта картина?

Нѣтъ! не весь...

2.

И потому уже Святая Русь Нестерова не отражаетъ всей Россіи, что, наряду со святою, есть и грѣшная и даже много-грѣшная Русь. Эта вторая Русь не менѣе грѣшна, чѣмъ свята первая. Эта вторая Русь есть разбойничья, дикая, грубая Русь былого казачества и современнаго массоваго безумія, Русь Пугачевщины и «иллюминацій» 1905 и 1917—18 годовъ. Эта вторая Русь есть Русь повальнаго грабежа и пьянства и гордаго, высоко держащаго голову, корыстолюбія и лихоим-

Салтыковъ, Двѣ Россіи.

1

ства. Это — Русь «византийской», до мозга костей, испорченности и всяческой неправды и разврата. И вмѣстѣ съ тѣмъ это есть Русь упрямой, безпросвѣтной «принципиальности», идущей до полной безпринципности: Русь массовыхъ казней Ивана Грознаго и «массоваго террора» Владиміра Ленина... Таковы многочисленные грѣхи Святой Руси.

Впрочемъ, дѣло не въ этой святости и не въ этой грѣховности. Праведникомъ можетъ быть человѣкъ, но, очевидно, цѣлый народъ не можетъ быть праведенъ. Но когда рѣчь идетъ о Россіи, то бросается въ глаза не только эта вообще присущая жизни — антитеза добра и зла, но и еще что-то иное, неизмѣримо болѣе глубокое и дѣйственное. Эту самую Русь, ея святую, молитвенную природу, которую такъ трогательно изобразилъ въ своей картинѣ Нестеровъ, эту Русь, этотъ край родной долготерпѣнья, а значить прежде всего — вѣрности своему долгу, раскрыли намъ въ такихъ-же проникновенныхъ, горящихъ образахъ и художники русскаго слова и, можетъ быть, проникновеннѣе всѣхъ — Достоевскій... Однако не кому другому, какъ именно Достоевскому, — принадлежать пророческія слова, что самымъ соблазнительнымъ правомъ для русскаго человѣка является — право на безчестіе.

До 1917—18 года мы только смутно догадывались о томъ, что означаютъ эти странныя, эти оскорбительныя слова. Но послѣ того какъ русскій народъ, растлѣвъ съ садическимъ сладострастіемъ свою ранѣе ничѣмъ не запятанную международную честь, нарушилъ данное слово и измѣнилъ союзникамъ, мы хорошо поняли истинный смыслъ ужасныхъ словъ сердцевода... Да, я знаю: мы можемъ объяснять, какъ случился съ Россіей этотъ поворотъ, этотъ грѣхъ. Мы можемъ сказать, что Брестскій миръ заключила не Россія, не русскій народъ, а большевики, т. е. кучка проходимцевъ; что они овладѣли довѣріемъ темной, невѣжественной массы обманомъ и льстивыми рѣчами; что навязавъ народу, противъ его воли, этотъ миръ, они удерживаютъ власть насиліемъ, убійствами и казнями. Мы можемъ, съ другой стороны, подчеркнуть, что несмотря на то, что Россія выбыла изъ общаго союзническаго строя, ея трехлѣтнее военное напряженіе сыграло огромнѣйшую роль въ подготовкѣ побѣды союзниковъ и даже болѣе того: что Россія буквально спасла Францію отъ полнаго разгрома въ началѣ войны... И еще многое, очень многое могли-бы мы сказать союзникамъ въ день расчета съ ними... Но плохо дѣло, когда въ вопросахъ чести приходится вступать въ объясненія. Плохо дѣло, когда въ вопросахъ чести что-нибудь начинаетъ становиться неяснымъ. Ибо вопросы чести тѣмъ и отличаются отъ всякихъ другихъ,

что они должны быть ясны для каждого — безо всякихъ объясненій. Фактъ остается фактомъ. Пусть Брестскій миръ заключили большевики, а не Россія, міровой скандалъ въ благородномъ семействѣ произошелъ въ Россіи и съ Россіей. Русскія пушки и русскія ружья перестали стрѣлять, вопреки торжественному, обложенному въ форму международнаго договора, обѣщанію Россіи... Трудно будетъ доказывать міру, что Россія тутъ ни при чемъ.¹⁾

И развѣ въ этомъ безчестіи, въ этомъ непониманіи чести 150 миллионнымъ одураченнымъ народомъ, — вопросъ только въ нарушеніи буквы и смысла торжественно-заключеннаго международнаго договора? Нѣтъ! въ русскомъ скандалѣ 1918 года есть даже нѣчто болѣе простого неисполненія добровольно принятыхъ на себя обязательствъ. Русская армія покинула союзниковъ въ трудную, тяжелую минуту. Она обнаружила этимъ отсутствіе рыцарства и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе сознанія христіанскаго долга... Или русскій, Нестеровскій, Христосъ не сказалъ, что положить душу за други своя есть долгъ христіанской любви?

3.

И эта трагедія произошла съ народомъ, который ранѣе, во всю свою исторію, отличался рыцарской щепетильностью въ вопросахъ національной и международной чести, съ великодушнымъ русскимъ народомъ. Вспомните Двѣнадцатый годъ, вспомните полныя мужественной рѣшимости слова и дѣла Александра I, оскорбленнаго за честь и достоинство Россіи... Президентъ Соединенныхъ Штатовъ объявилъ передъ тѣмъ, какъ Америка вступила въ міровую войну, что его страна не ищетъ въ этой войнѣ никакой матеріальной выгоды: Америка, по словамъ своего вождя, выступила исключительно потому, что считала долгомъ чести встать на сторонѣ союзниковъ. Значительная часть человѣчества привѣтствовала заявленіе

¹⁾ Не будучи отнюдь пацифистомъ, мы считаемъ истекшую войну величайшимъ несчастіемъ, когда-либо испытаннымъ человѣчествомъ; убѣждены мы и въ томъ, что потребность въ мирѣ достаточно назрѣла въ 1917—18 году, что войну давно слѣдоваго прекратить. Но прекратить ее было можно и должно дипломатическимъ дѣйствіемъ, въ предѣлахъ обще-признанныхъ принциповъ права (къ чему и стремились дальновидные и благомыслящіе люди различныхъ странъ), но отнюдь не одностороннимъ отказомъ одного изъ воюющихъ отъ принятыхъ на себя по договору обязательствъ. Такой отказъ былъ и остается измѣною, которая лежитъ на Россіи позорнѣйшимъ пятномъ. Практически-же эта, прикрывавшаяся пацифизмомъ, тактика измѣны лишь затянула войну и послужила одной изъ главнѣйшихъ причинъ того положенія неустойчиваго равновѣсія, въ которое повергнулъ европейскій миръ Версальскій мирный договоръ.

президента, услыхавъ въ немъ нѣкое новое слово... Но это новое американское слово было ничѣмъ инымъ, какъ старымъ, престарымъ русскимъ дѣломъ. Развѣ не во имя долга чести, развѣ не во имя принциповъ, которые она считала священными, велось Россіей громадное большинство ея войнъ? Россія только то и дѣлала, что воевала во имя идей и принциповъ. Развѣ не тотъ-же Александръ I, Агасмемнонъ Европы, освободилъ европейскій міръ отъ Наполеоновскаго имперіализма? Развѣ не во имя высокаго принципа національной свободы выступила Россія въ борьбу съ Турціей въ 1877 году? ... У насъ не разъ высказывалось мнѣніе, что и европейскіе походы 1813 и 1814 года и война за освобожденіе Болгаріи были политическими ошибками и что вести ихъ — было не въ интересахъ Россіи. Еще чаще высказывалось подобное мнѣніе и о венгерской кампаніи 1849 года. Но и эта кампанія, какъ ни относиться къ ней съ политической точки зрѣнія, была, во всякомъ, случаѣ, рыцарскимъ жестомъ со стороны императора Николая Павловича, за который ему заплатила такую черною неблагодарностью — Австрія... И эта самая Россія, рыцарская вѣрность которой склонна была порою переходить даже въ докихотство, вдругъ оскандалилась на весь міръ: она не только измѣнила своимъ союзникамъ въ великой войнѣ народовъ, но сдѣлала это — точно захлебываясь отъ восторга съ какимъ-то невѣроятнымъ озорствомъ и цинизмомъ. Да, точно всему міру хотѣла Россія показать, что она добивается права на безчестіе и горда этимъ правомъ. «Я знаю, что я подлець и горжусь тѣмъ, что я подлець», — говоритъ одинъ изъ героев Достоевскаго.

4.

Да развѣ одна измѣна союзникамъ? Развѣ не по всей линіи обнаружила Россія въ 1917—18 годахъ неопровержимыми историческими фактами и громко провозгласила — полный отказъ отъ принциповъ чести и даже элементарной честности? Вспомнимъ отказъ большевистскаго правительства платить по старымъ, заключеннымъ прежнимъ правительствомъ, но исползованнымъ несомнѣнно всѣмъ народомъ, т. е. націей, какъ цѣлымъ, — займамъ. Вспомнимъ экспроприацію принадлежащихъ частнымъ лицамъ процентныхъ бумагъ, золота и драгоценностей, находившихся на сохраненіи въ кладовыхъ банковъ. Вспомнимъ, наконецъ, лежащій на совѣсти далеко не однихъ только большевиковъ — всеобщій грабежъ земли и разрушеніе затраченныхъ въ нее поколѣніями тружениковъ — капиталовъ. Пусть эта программа прикрывалась принципами социализма — хотя въ отношеніи грабежа земли въ ней не только не было

никакого социализма, но было даже нѣчто совершенно противоположное ему. Социализмъ!... Но зрячимъ было ясно съ самаго начала, а скоро стало ясно и слѣпымъ, что именно принципа-то никакого и никакого идеала вовсе и не заключалось во всей этой программѣ ограбленія, а заключался въ ней наоборотъ отказъ отъ всѣхъ принциповъ и идеаловъ и прежде всего отъ выработанныхъ тысячелѣтіями — понятій и навыковъ чести и добросовѣстности. Такъ-то всего только и осталось отъ этой широковъщательной программы — вызывающее, садическое и проведенное въ невиданномъ еще никогда людьми масштабѣ — нарушение заповѣди: Не укради!... Съ такимъ-же озорствомъ и сладострастіемъ «права на безчестіе», съ какимъ — пусть большевики, но какъ ни какъ, а все-же русскіе люди — измѣнили въ 1917 году союзникамъ, бросились они тогда-же на банковскіе вклады и «сейфы» и еще ранѣе бросились другіе русскіе люди — и уже совсѣмъ не большевики — на совершенно имъ ненужныя, какъ показали ближайшіе-же года, помѣщичьи усадьбы и поля. Безъ этихъ усадебъ и полей, именно какъ усадебъ и полей помѣщичьихъ, народъ не можетъ жить: безъ частно-владѣльческаго хозяйства народъ умереть и уже умираетъ съ голоду. И не могъ онъ не понимать, какъ народъ смиренный и богобоязненный, какъ народъ христіанскій, что строить счастье своей жизни на ворованной землѣ, украденныхъ капиталахъ и не-платежѣ своихъ долговъ — есть чистѣйшее безуміе... Какая-же сила заставила его отринуть, вдругъ потерявъ рассудокъ и обратившись въ звѣря, всѣ устои, выработанные его тысячелѣтной жизнью, вообще выработанные жизнью всѣхъ человѣческихъ обществъ: вѣрность данному слову, право и государство, нравственный законъ и церковь — и начать разрушать. разрушать до безконечности, плоды своего собственного и чужого труда?

5.

Я остановился на печальныхъ событіяхъ 1917—18 года потому, что они вскрываютъ какую-то глубокую темную тайну русской природы, русскаго характера, русской души. Эту тайну видимо зналъ Достоевскій и часто думалъ о ней. Когда онъ говоритъ о томъ, что русскій народъ любитъ кощунствовать надъ тѣмъ, что у него есть самого драгоцѣннаго и самого святого въ жизни, онъ, въ сущности, говоритъ о той-же страшной тайнѣ нашего національнаго характера. Что-же это за тайна?

Да, что-же это за тайна и что такое, въ своей истинной сущности и глубочайшемъ внутреннемъ существѣ, — этотъ

національний характеръ, вѣчная загадка европейскаго міра, ставшая теперь загадкою и для насъ самихъ? Какова-же, наконецъ, истинная природа этой Святой Русь, то улыбающейся, трудолюбивой, терпѣливой, мягкой и добродушной, и вмѣстѣ съ тѣмъ серьезной и творческой, то праздною, ожесточенной и презрѣнной? То спокойной, покорной, и даже инертной и неподвижной, но вмѣстѣ съ тѣмъ полной самоотреченія и любви къ родинѣ, порою сгорающей отъ кипучей дѣятельности и достигающей великолѣпныхъ результатовъ подъ згидою патріархальной власти, то малодушной, трусливой, младенчески-безпечной и старчески-безсильной и легкомысленной и, кажется, лишенною всякаго чувства благородства, патріотизма и чести? То грезящей и наивной, и вмѣстѣ съ тѣмъ удалой, крѣпкой и сильной, упрямо идущей къ своей цѣли, храброй, дисциплинированной, переходящей Альпы съ Суворовымъ и мстящей за пожаръ Москвы сохраненіемъ Парижа въ 1814 году? ... И вдругъ та-же самая Русь дѣлается безпорядочной, разгульной и необузданной. Она поджигаетъ и уничтожаетъ свой собственный домъ, теряетъ всякую послѣдовательность въ мысляхъ и дѣйствіяхъ и становится неспособной и плоской, убійственно-бездарной, лишенной всякой идеи порядка, права или прогресса, ненавидящей всякую цивилизацію, всякое творчество, всякій трудъ и вмѣстѣ съ тѣмъ революціонною домовга костей и какъ-бы по самой своей природѣ. И та самая Русь, которая назвала себя святою, вдругъ дѣлается полною богохульства и настоящею бѣсноватою... Какой изъ этихъ двухъ образовъ истиненъ и какой ложенъ? ... Они истинны оба, ибо образы эти — два одинаково реальныхъ лица одного и того-же — двойственнаго — національнаго типа.

Да, это два лица одного и того-же народа. И эта двойственность проходить красною нитью чрезъ всю его природу и чрезъ всю его историческую судьбу. О чемъ грезилъ этотъ дѣтскій, несмотря на свою тысячелѣтнюю исторію, народъ, который, казалось, имѣлъ порою всѣ данныя, чтобы стать великой націей? Чего ожидала, какими предчувствіями жила эта страна безъ настоящей цивилизаціи, безъ настоящихъ традицій, даже безъ настоящихъ дорогъ и почти безъ памяти и которая создала однако одну изъ величайшихъ литературъ міра? Къ чему приготавлился этотъ странный анти-патріотическій народъ, эта нація, грезившая о правѣ на безчестіе, которая однако оказывала не разъ чудеса патріотизма и часто играла одну изъ благороднѣйшихъ ролей въ мірѣ? И какъ отгадать загадку этого народа, сдѣлавшаго изъ царя — Бога и вдругъ возненавидѣвшаго, оплевывающего и умертвившаго своего царя? ... и не только умертвившаго своего царя — смертнаго человѣка, но и свою живую любовь къ нему? Какъ отгадать загадку народа,

ставшаго одной изъ величайшихъ военныхъ державъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы по самой природѣ своей анти-милитаристскаго, пацифистскаго и социалистическаго? И наконецъ послѣдній вопросъ, самый рѣшительный: чѣмъ кончитъ, въ концѣ концовъ, этотъ народъ, въ общемъ, несомнѣнно, не бездарный, а, напротивъ, очень способный и давшій много доказательствъ искры Божіей и истиннаго гения, и вмѣстѣ съ тѣмъ безразсудный и тупоумный, какъ, кажется, не былъ никогда тупоумнѣе ни одинъ народъ міра?

6.

Два противоположныхъ теченія, два враждующихъ духа, двѣ совершенно различныя ментальности и психологии борются другъ съ другомъ въ народномъ характерѣ съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ Россія. Вся ея историческая судьба прошла подъ вѣдѣніемъ взаимнаго отталкиванія ея двухъ противоположныхъ полюсовъ: положительнаго и отрицательнаго. И это взаимное отталкиваніе, эта борьба продолжаются донинѣ и во всемъ русскомъ мірѣ и въ каждой отдѣльной русской душѣ. Какъ есть плюсь-электричество и минусъ-электричество, такъ есть и двѣ Россіи: плюсь-Россія и минусъ-Россія. Только этимъ и можно объяснить такіе парадоксы, что наиболѣе анархическій по природѣ своей, наименѣе дисциплинированный и наиболѣе чуждый самой идеѣ принужденія изъ европейскихъ народовъ сталъ, въ первой половинѣ XIX вѣка, — жандармомъ Европы. Такъ европейцы называли Россію во времена Николая I. Исключительно этою двойственностью русской души и широтою русскихъ крайностей объясняется и тотъ фактъ, что классическая страна непротівленія сумѣла выковать сильнѣйшій аппаратъ сосредоточенной власти. И какъ-же объяснить иначе, что страна, самый пейзажъ, самый воздухъ которой, кажется, дышетъ пассивностью и самоотреченіемъ, если не прямо «пораженчествомъ», стала крупною военною державой и вела втеченіе полутора вѣковъ активнѣйшую міровую политику?

Таковы основныя противѣчія русской исторіи и русской психологіи; такова необъятная широта діапазона русской души. Но углубляясь въ темную бездну этихъ противорѣчій, мы обнаруживаемъ въ ней присутствіе нѣкотораго свѣта. Въ сущности, русскія противорѣчія, до нѣкоторой степени, объясняютъ сами себя. Такъ, напримѣръ, потребность сосредоточенной власти, какъ кажется на первый взглядъ, совершенно непримиримая съ природнымъ анархизмомъ русскаго характера, въ сущности, вытекаетъ именно изъ этого анархизма. Если вдуматься въ этотъ вопросъ поглубже, то станетъ понятно,

что именно самый анархическій въ мірѣ народъ и долженъ былъ создать, въ борьбѣ со своимъ анаризмомъ, самую сильную, самую рѣзко-очерченную въ мірѣ власть. Точно такъ-же и милитаристскій уклонъ, по которому издревле развила свои стремленія Россія, былъ неизбежнымъ послѣдствіемъ крайняго пацифизма русской души. Этотъ пацифизмъ, это непротівленіе имѣли непосредственнымъ результатомъ — слабость, плохую сопротивляемость при столкновеніяхъ съ сосѣдями, что и заставляло, обратнымъ дѣйствіемъ, особенно заботиться о защитѣ и лучшей формѣ ея — нападеніи. И такъ-же — приведу еще одинъ русскій парадоксъ, уже изъ нашихъ дней — нѣтъ, въ сущности, противорѣчія между общеизвѣстнымъ фактомъ отсутствія трезвости въ Россіи и той непримиримой борьбой, въ которую она вступила на нашихъ глазахъ — не только съ пьянствомъ, но и съ умѣреннымъ даже потребленіемъ крѣпкихъ напитковъ. Между двумя этими фактами существуетъ прямая логическая связь: именно страна усиленнаго пьянства должна была вступить на путь усиленной трезвости.

7.

Такимъ образомъ русскія противорѣчія не только объясняютъ русскій національный характеръ и основныя черты русской исторіи, но, до извѣстной степени, объясняютъ сами себя. Эти-то противорѣчія и дали иностранцамъ поводъ называть Россію страню неограниченныхъ возможностей. И то, что Россія есть дѣйствительно страна неограниченныхъ возможностей, — мы доказывали нѣсколько разъ втеченіе нашей исторіи въ сторону плюсъ; а теперь, нашею революціей, мы, кажется, какъ никогда, постарались доказать эту-же истину въ сторону минусъ... Однако не слѣдуетъ думать, что подобныя противорѣчія составляютъ исключительную принадлежность лишь русской природы. Каждый національный характеръ имѣетъ немало подобнаго-же рода противорѣчивыхъ чертъ и контрастовъ. И если я старался возможно рельефнѣе представить русскія противорѣчія, то я сдѣлалъ это лишь потому, что нигдѣ крайности противорѣчій національнаго характера такъ не велики, какъ въ Россіи. Русскіе люди, писалъ еще въ XVII вѣкѣ Юрій Крижаничъ, любятъ ходить по краямъ пропастей. Присущія національному характеру другихъ народовъ противорѣчія, даже глубокія, какъ, напр., у нѣмцевъ, англичанъ и даже французовъ, все-же не нарушаютъ основного единства ихъ національнаго типа. Но тамъ, гдѣ въ національномъ характерѣ этихъ народовъ происходитъ борьба противоположностей, у насъ порою обнаруживается полный разрывъ. Оттого-то историческая эволюція европейскаго міра могла

совершаться и дѣйствительно совершалась по законамъ діалектическаго развитія: отъ тезиса чрезъ анти-тезисъ къ синтезу. У насъ-же... у насъ-же кто-то сказалъ, что всѣ русскія драмы неразрывно связаны съ пейзажемъ... И это глубоко вѣрно, такъ-же вѣрно, какъ и то, что синтезъ русской жизни очень часто оказывается невозможнымъ. Въ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, заключается этотъ таинственный синтезъ русской жизни и русской души? Въ мертвой неподвижности, въ Обломовщинѣ, въ религии терпѣнія, — или въ убійственныхъ прыжкахъ въ неизвѣстное во имя рационализма или Града Небеснаго? Въ не-дѣланіи, непротивленіи, — или въ кровавыхъ потѣхахъ большевиковъ или Ивана Грознаго? Въ Пугачевщинѣ или въ старцѣ Зосимѣ? Въ Самодержавіи или въ Революціи?... Ибо всѣ эти черты и силы — одинаково реальныя, одинаково абсолютныя, одинаково русскія, подлинно-русскія черты и силы, въ нѣкоторомъ смыслѣ столь-же древнія, какъ сама Россія. Таковъ русскій надломъ, русскій разрывъ во всѣхъ сферахъ жизни.

8.

Мнѣ кажется, что самый фактъ этого надлома и разрыва — отрицать невозможно. Невозможно отрицать, что нигдѣ противорѣчія національнаго характера такъ не рѣзки, какъ въ русской душѣ и въ русскомъ мірѣ. Невозможно отрицать, что русскіе люди любятъ ходить по краю пропасти. Что касается объясненія этого факта, то сводить его къ особенностямъ расы — значитъ не отвѣчать на вопросъ, а обходить его. Развѣ сама раса не является результатомъ географическихъ и историческихъ условій? Да и что такое русская раса? Что такое раса вообще? И если расы существуютъ не только въ нашемъ воображеніи, то въ Россіи, во всякомъ случаѣ, жили искони не одна, а нѣсколько расъ. Между тѣмъ рѣзкость заложенныхъ въ русскій міръ и въ русскую натуру противорѣчій обнаруживается у насъ въ большей или меньшей степени не только въ финскомъ Центрѣ, не только на славяно-литовскомъ Западѣ, но и въ крайне смѣшанномъ по своему расовому происхожденію — казачьемъ Югѣ, и на Востокѣ, и на Сѣверѣ. Эта черта русскаго національнаго характера даже переходитъ границы собственно-русскаго міра. Вспомнимъ знаменитый романъ Сенкевича — Безъ догмата и то, что говоритъ его герой, Плошовскій, объ *improductivité slave*. Развѣ не коренится эта *improductivité* на тѣхъ самыхъ чертахъ національнаго характера, которыя я выше старался раскрыть? Я протестую противъ термина *slave*; онъ только путаетъ вопросъ, ибо дѣло тутъ вовсе не въ «славянствѣ». Но,

хотя и совершенно другими словами, Сенкевичъ говоритъ, въ сущности, то-же самое, что только-что сказалъ и я... И такъ было всегда. Если вы прочтете описаніе скиѣскихъ народовъ у древнихъ писателей, то вы поразитесь множеству сходныхъ чертъ — внѣшнихъ и внутреннихъ — между нами и ими. И скиѣы болѣе чѣмъ два тысячелѣтія тому назадъ были, подобно намъ, одновременно и анархистами и жандармами Европы: жандармами и палачами. Вспомнимъ, что въ древне-греческой трагедіи роль палачей всегда принадлежитъ скиѣамъ. И такъ было, повидимому, и въ древне-греческой жизни. И вмѣстѣ съ тѣмъ скиѣы, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя ихъ племена, были, несмотря на свою дикость и грубость, народомъ добродушнаго и мягкаго характера. И, несмотря на свою *improductivité slave*, они не были чужды даже нѣкотораго литературнаго пониманія, и ихъ языкъ, повидимому, легко поддавался литературному развитію. Извѣстно, что Овидій, сосланный Августомъ въ Томи, на берегу Чернаго моря, устраивалъ тамъ литературныя чтенія и даже написалъ на гетскомъ языкѣ цѣлую поэму. Эта поэма имѣла у слушателей большой успѣхъ; намъ свидѣтельствуетъ объ этомъ самъ поэтъ:

Et longum getico murmur in ore fuit...¹⁾

9.

Я коснулся скиѣовъ не случайно. Къ стародавней скиѣской чертѣ рѣзкихъ противорѣчій національнаго характера и сводится, въ сущности, извѣстное противоположеніе Россіи и Европы. На тему этого контраста было говорено и писано столь много, что онъ сталъ общимъ мѣстомъ. Но мнѣ кажется, что обычныя разсужденія о контрастѣ между Россіей и Европой скользятъ больше по поверхности вопроса, не проникая въ его глубь. Вотъ почему мнѣ и пришлось остановиться такъ долго на русскихъ противорѣчійхъ. Главное-же въ чемъ, какъ мнѣ кажется, можно упрекнуть историковъ Россіи и психологовъ русской души, такъ это въ томъ, что они обратили слишкомъ мало вниманія на одинъ изъ центральнѣйшихъ, главнѣйшихъ фактовъ русской судьбы. Фактъ этотъ совершенно безспорный, ослѣпительно-ясный, даже рѣзкій, бросающійся въ глаза и въ полномъ смыслѣ этого слова — основной. Между тѣмъ, хотя всѣ знаютъ его, изъ него какъ будто не хотятъ вывести всѣхъ необходимыхъ послѣдствій, какъ будто не замѣчаютъ ихъ. Этотъ общеизвѣстный фактъ заключается въ томъ, что изъ всѣхъ странъ Европы только одна Россія не входила въ составъ

¹⁾ «И по гетскимъ устамъ пробѣжалъ продолжительный гулъ одобренія» (Pont., IV, 13, 19).

Римскаго міра. Італія, Франція, Англія, даже Германія (хотя послѣдняя — въ меньшей степени) — все это страны Римскаго міра. Россія-же есть Скиѳія, Сарматія, или дайте ей еще какое угодно иное имя, но она никогда не была страной Римскаго міра. Вотъ почему такъ странны рѣчи объ отсталости Россіи. Да какъ-же ей не быть отсталою — когда Італія, Франція и другія страны Запада имѣютъ подъ собою культуру Рима и Эллады, наслѣдницу тысячелѣтнихъ цивилизацій Египта и Востока, а Россія, въ нѣкоторомъ смыслѣ, только-что родилась въ кочевой кибиткѣ скиѳа. Вотъ самое простое, а вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе ясное, наиболѣе объективное и глубокое объясненіе того факта, что не только русская нація, но и сама русская душа не успѣла еще найти себя въ борьбѣ своихъ внутреннихъ противорѣчій. Она все еще бродитъ въ смертельной тоскѣ, по краю пропасти. И такъ какъ исторія Рима не кончилась, а продолжается новыми народами Европы, то Россія, возводя зданіе своей исторіи, всегда находилась, продолжаетъ находиться и, можетъ быть, останется вѣчно — въ исключительно невыгодномъ, роковомъ положеніи: ей приходится строить бевъ фундамента.

10.

Человѣческая культура едина, хотя формы ея могутъ быть различны. Но когда сталкиваются двѣ формы, то побѣждаетъ неизбѣжно та, которая совершеннѣе, которая сильнѣе. Но какой-же можетъ быть вопросъ, которая изъ двухъ культуръ сильнѣе: культура съ фундаментомъ или культура безъ фундамента? Вотъ почему у Россіи не можетъ быть двухъ путей, а есть только одинъ путь — европейскій. И на этотъ путь, какъ намъ свидѣтельствуетъ Овидій, она вступила еще во времена скиѳовъ; но только эта европеизація русскаго, скиѳскаго міра, — и главнымъ образомъ по географическимъ причинамъ, — происходила крайне медленно и несовершенно.

Но вопросъ не въ этомъ, не только въ этомъ. Спросимъ себя, прежде всего, что такое есть, въ самомъ своемъ существѣ, культура. Какъ показываетъ корень этого слова, культура, какъ и культъ, происходящіе оба отъ латинскаго глагола *colere*, означаютъ любовь: любовь, привязанность, почитаніе и прежде всего — любовь къ жизни.¹⁾

¹⁾ По поводу этихъ строкъ автору возражали, что если «культура» и происходитъ отъ *colere*, то не въ смыслѣ «любить», «почитать», а въ смыслѣ «воздѣлывать» (*colere agrum, agricola*). По существу противъ этого словопроизводства спорить нельзя, ибо культура, конечно, есть «воздѣлываніе» (и хлѣбной и, въ болѣе широкомъ смыслѣ, человѣческой нивы), т. е. усиліе и трудъ. Но исторически мои оппоненты, какъ мнѣ

А если любовь къ жизни, то и борьба за нее и за все то, чѣмъ красна и сильна жизнь, т. е. любовь къ свѣту и устроению. И значить — борьба съ мракомъ и Хаосомъ. Ибо Хаосъ есть смерть. Хаосъ и есть темный Сатурнъ античнаго міа, и это-то Хаосъ и пришелъ побѣдить Юпитеръ. Царство Сатурна имѣетъ также аспектъ первобытнаго человѣческаго счастья, земного рая; это есть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, царство естественныхъ законовъ природы, натуральнаго права Руссо. Но въ сущности и прежде всего царство Сатурна есть царство Хаоса, царство первобытной неустроенности и смерти. А устроение принесъ только Юпитеръ... И Эросъ Платона, и Логосъ Филона и христіанской религіозной философіи — суть то-же устроение, тѣ-же свѣтъ и порядокъ, побѣдившіе хаотическую тьму и смерть Сатурна.

Реальную задачу древне-восточныхъ цивилизацій, Эллады и Рима и составляла борьба съ этой хаотическою тьмою на исторической сценѣ Средиземнаго міра: Эллада и Римъ дали ему свѣтлое, Юпитеровское устроение. И по мѣрѣ этого устроения анархическія волны первобытнаго Хаоса все болѣе оттѣснялись въ периферію этого міра. За периферіей-же его, т. е. тамъ, гдѣ менѣе всего могло чувствоваться давленіе римскаго устроения и куда излученія римской культуры могли достигать лишь въ крайне ослабленномъ видѣ, волны первобытнаго Хаоса разлились въ широкое и глубокое море. Такъ-то областью древняго Хаоса неизбѣжно сталъ обширный Hinterland Чернаго и Балтійскаго морей, — страна древнихъ Гипербореевъ, Скиѣя, Сарматія, Россія...

кажется, все-таки неправы. Вопросъ сводится къ тому, какой изъ двухъ смысловъ глагола *colere* — первоначальный и какой — производный, что, въ свою очередь, зависитъ отъ разрѣшенія историческаго вопроса: родился ли «культъ» въ «культурѣ», или наоборотъ, «культура» родилась въ «культѣ»? Между тѣмъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что родоначальникомъ всей человѣческой культуры былъ именно — религіозный культъ. Добываніе огня, обработка металловъ, прирученіе животныхъ, разрыхленіе земли для посѣва, самый посѣвъ и послѣдующая жатва — были первоначально актами сакральнаго ритуала, не преслѣдовавшими никакой, узко-практической, хозяйственной цѣли. Хозяйственное-же значеніе всѣхъ этихъ актовъ, т. е. утилизація огневыхъ искръ, камня и металла, а также «изобрѣтеніе» скотоводства и земледѣлія, явились не болѣе, какъ акциденціями, послѣдующимъ утилитарнымъ произрастаніемъ на чисто религіозной почвѣ. Выжеизложенное даетъ отвѣтъ на вопросъ о томъ, какой смыслъ глагола *colere* является первоначальнымъ. Такимъ смысломъ является несомнѣнно — «почитать»; «воздѣлывать»-же является производнымъ смысломъ этого глагола. Но отъ «почитанія» неотдѣлима — любовь, или, лучше сказать, «почитаніе» является рудиментарной формой любви. Поэтому-то я и счелъ себя въ правѣ сказать, что культура есть любовь. Она является ею генетически и всегда остается ею субстанціально. Гдѣ оскудѣваетъ любовь, тамъ гибнетъ и культура. Но вмѣстѣ съ тѣмъ культура есть субстанціально — упорный трудъ.

11.

Что-же такое, въ самомъ дѣлѣ, первобытныя, анархическія крайности русскаго міра, русской души, порождающія и крайности имъ противоположныя, если это не есть идущій изъ глубины вѣковъ и даже тысячелѣтій — ропотъ первобытнаго анархическаго Хаоса?.. Непротивленіе, недѣланіе — вотъ наша подлинная, природная, исконная религія. Эта религія отнюдь не христіанская, ибо христіанство есть, во первыхъ, вовсе не равнодушіе и не не-дѣланіе, а, наоборотъ, дѣятельная любовь; во вторыхъ-же, христіанство направлено къ вѣчной жизни, а наша первобытная религія направлена къ вѣчной смерти, т. е. къ тому-же Хаосу, въ которомъ она родилась. Назвать эту первобытную религію язычествомъ — значило-бы незаслуженно оскорблять язычество. Ибо и въ древнемъ язычествѣ были большія положительныя и творческія цѣнности, о которыхъ и не снилось нашей мертвой религіи. На самомъ дѣлѣ она несравненно хуже язычества. Въ сущности, она есть не что иное, какъ нигилизмъ, ибо Хаосъ есть nihil, ничто... Пассивность, неподвижность, тупое, равнодушное, весьма отличное отъ христіанскаго, терпѣніе, отсутствіе желаній, отсутствіе любви — не только къ чуждому, отдаленному, высокому, святому, но даже къ близкому, своему и къ самимъ себѣ, вообще отсутствіе всякой любви къ чему-бы то ни было — вотъ наши подлиннѣйшія, глубочайшія, порою сокровенныя чувства. Да и можетъ-ли оно быть иначе? Вѣдь намъ нечего ждать и не на что надѣяться: всѣ наши чувства идутъ изъ того-же Хаоса... Склонность къ первичному, къ плоскому, къ незамысловатому — вотъ наши природныя вкусы. Боязнь вершинъ. Боязнь углубленій. Боязнь всего многограннаго, сложнаго. Склонность къ упрощенію и къ опрощенію. Склонность ко всему рудиментарному, механическому, отрывочному. Нелюбовь — къ органическому, къ цѣлостному. Нелюбовь къ силлогизму, какая-то боязнь его и беспомощность передъ нимъ — это отмѣтилъ еще Чаадаевъ. И поразительное отсутствіе любопытства, то отсутствіе любопытства и лѣнь мысли, которыя такъ обезкураживали Пушкина... И какъ результатъ всего предъидущаго — отсутствіе любви къ культуру, ибо, во 1-хъ, культура сложна, а мы любимъ простое, а, во 2-хъ, — культура есть любовь къ жизни, а мы, дѣти Хаоса, т. е. смерти, ея любить не можемъ.

Культура сложна и культура есть порядокъ, а мы — дѣти Хаоса, который есть беспорядокъ. Культура есть іерархія цѣнностей и неравенство, а мы любимъ равенство Хаоса и знать не хотимъ никакой іерархіи. Культура есть свѣтъ, а нашъ привыкшій къ темному Хаосу глазъ не выноситъ свѣта. Куль-

тура есть творчество и созиданіе, а мы, Хаосъ, способны только на разрушеніе. . . И вмѣстѣ съ тѣмъ культура есть красота, а насъ она оскорбляетъ, какъ всякое неравенство. Красота и есть настоящій свѣтъ жизни, а намъ она кажется грѣшной, и мы даже боимся ее. Боимся и ненавидимъ. Къ чему намъ красота? Что скажетъ она нашему уму и сердцу? Вѣдь мы привыкли глядѣть не на жизнь, которая прекрасна, а на смерть Хаоса, которая безобразна. . . Наконецъ культура есть истина. А мы не хотимъ, мы боимся ея вершинъ и ея возвышающаго обмана. Наша мысль не идетъ дальше низкихъ, сумеречныхъ хаотическихъ полу-истинъ. . . И культура кромѣ того есть всегда талантъ и Божій даръ, а мы не любимъ Бога и не выносимъ таланта. Мы не выносимъ ничего, что возвышается надъ плоскостью тупой и мертвой посредственности. Да и вообще мы не можемъ любить. Мы умѣемъ только ненавидѣть. Какъ-же можемъ мы постигнуть и усвоить культуру, которая есть любовь? . .

Мы не понимаемъ порядка ни въ сферѣ идей, ни въ сферѣ соціальной. Мы ненавидимъ всякую форму уже потому, что Хаосъ безформенъ. Всякая форма есть жизнь и красота, а мы не любимъ ни красоты, ни жизни. Мы не знаемъ мѣры ни въ чемъ: всякая мѣра намъ кажется принужденіемъ, всякій порядокъ — насиліемъ, всякая власть — произволомъ. Въ сущности, мы не понимаемъ ни власти, ни свободы: оттого-то душа души нашей есть своеволие. У насъ и на вершинахъ культуры всегда остается что-то первобытно-варварское; это и отмѣтили въ свое время французы, говоря: поскребите русскаго, — вы всегда найдете въ немъ татарина. . . И мы искренни, когда говоримъ, что даже для себя не желаемъ власти. Мы не только привыкли къ анархіи и любимъ ее, какъ фактическое состояніе, но, по свойствамъ нашего интеллекта и предрасположенію нашей души, мы всегда склонны возводить ее въ принципъ. Мы въ самомъ дѣлѣ — природные анархисты. Анархизмъ есть наша истинная религія и наша подлинная философія. И мы ненавидимъ всякую власть, всякое неравенство — пусть даже настойчиваго труда и истиннаго таланта. И въ сущности — мы презираемъ и самый трудъ, какъ презираемъ и славу и геройство. . . Не сказалъ-ли Достоевскій, что самое соблазнительное для насъ право есть право на безчестіе?

12.

Такова порою глубоко скрытая подъ вѣковымъ наносомъ государственной и соціальной культуры и дисциплины — материковая анархическая основа отдѣльной русской души. И таковы анархическія, какъ ни у какого другого народа въ

міръ, черты нашей исторіи. Вся исторія Кіевской Руси есть исторія борьбы со степью, т. е. съ анархическимъ Хаосомъ. И эта-же борьба составила главное содержаніе государственной работы и въ Москвѣ; тамъ анархія приняла имя казачества. Въ эпоху Смутнаго времени волны первобытнаго Хаоса прорываютъ возведенныя съ непомѣрнымъ трудомъ плотины и опрокидываютъ все уже многовѣковое политическое и социальное зданіе Россіи. . . Но Россія спасается — чудомъ своей исторіи, о которомъ я скажу дальше. И не только спасается, а втягивается постепенно въ культурную работу, начинаетъ постигать искусство государственнаго строительства, получаетъ вкусъ ко столь противнымъ ея природѣ — порядку, власти, славѣ, даже кумитивуруетъ красоту и геройство и въ хорошихъ рукахъ дѣлаетъ чудеса. Да, эти чудеса творчества совершаетъ, несмотря на свою *improductivité slave*, тотъ самый народъ, который, предоставленный самъ себѣ, умѣлъ только разрушать. Развѣ не доказывалъ онъ свой особый талантъ къ разрушенію нѣсколько разъ втеченіе своей исторіи и развѣ не подтвердилъ онъ еще разъ эту истину самымъ нагляднымъ, самымъ потрясающимъ образомъ въ наши дни? . . И вдругъ этотъ самый народъ становится дѣятельнымъ, дисциплинированнымъ, организованнымъ, на диво чуткимъ и гибкимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ начинаетъ упрямо итти, во всѣхъ сферахъ жизни, къ поставленнымъ передъ нимъ высокимъ, творческимъ цѣлямъ. . . Неужели русскій народъ совершилъ чудеса своей исторіи только изъ подъ палки? Неужели мы вообще можемъ работать только изъ подъ палки? Да, почти что такъ. Восемнадцатый вѣкъ, вѣкъ русскаго величія и русской славы, вѣкъ русской культуры и русскаго европеизма — открыла дубинка Петра Великаго. И странное дѣло: золотая пора русской литературы, эпоха Пушкина и Гоголя, была вмѣстѣ съ тѣмъ эпохою Николаевскихъ жандармовъ. Удивительный народъ! Поражительная судьба!

Но подъ этою поразительною судьбою анархическія волны первобытнаго Хаоса продолжали глухо роптать, невзирая на дубинку Петра Великаго и на Николаевскихъ жандармовъ. Каждый вѣкъ посылалъ громкіе отзвуки этого глубокаго ропота. Эхо Смутнаго Времени отозвалось въ Разинѣ и вновь повторилось въ Пугачевщинѣ, посреди блеска вѣка Екатерины. Даже въ прославленномъ Двѣнадцатомъ году, когда Россія поднялась къ самому апогею своей славы и спасала Европу, не все было у насъ благополучно въ этомъ отношеніи. И вмѣстѣ съ тѣмъ — не успѣла реформа Петра подготовить въ Россіи классъ просвѣщенныхъ людей, будущую русскую интеллигенцію, какъ въ этотъ, созданный по европейскому образу и подобию, верхній культурный слой — стали быстро просачиваться изъ

глубокой подпочвы тѣ-же старыя, вѣковѣчныя струи Хаоса и анархіи.

Въ томъ-то и дѣло, что анархія мысли и анархія чувства суть не въ меньшей степени отличительные признаки русской интеллигенціи, чѣмъ анархія внѣшняя, анархія быта и вѣковыхъ привычекъ, — представляетъ собою основную черту русскихъ народныхъ низовъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ религія и философія анархизма, въ народѣ на половину безсознательныя, очень часто являются также религіей и философіей и русской интеллигенціи. Не написаны-ли самыя сильныя книги теоретическаго анархизма самими блестящими представителями русской интеллигенціи и даже аристократіи — Толстымъ и Крапоткинымъ? Не было-ли отмѣчено подобными-же чертами не только анархіи, но и анархизма и не было-ли направлено прямо въ первобытный Хаосъ и одно изъ типичнѣйшихъ теченій русской интеллигентской мысли — народничество? Развѣ не возвращаетъ насъ къ первобытному Хаосу его программа чернаго пердѣла и всеобщаго поравненія? . . Не кто другой, какъ богатый русскій баринъ — Бакунинъ, проповѣдовалъ революцію en permanence, революцію, какъ цѣль. И не только проповѣдовалъ, но и самъ оказался чуть-ли не главнымъ героемъ нѣмецкой, Дрезденской, революціи 1848 года. Герценъ, тоже богатый русскій баринъ, былъ слишкомъ скептически и, можетъ быть, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя и безсознательно, слишкомъ славянофиломъ для жестовъ этаго рода. Однако и онъ часто сожалѣлъ, въ дни разочарованія, что не погибъ въ 1848 году на Парижской баррикадѣ. Какъ не вспомнить при этомъ Рудина и другихъ Тургеневскихъ героев! Какъ не вспомнить, наконецъ, испанское кантоналистское движеніе 1873 года! Во время этого движенія горсточка русскихъ интеллигентовъ стала во главѣ коммунистскаго правительства въ Картагенѣ. . . Вотъ истинные предшественники Ленина и Троцкаго! Вотъ какъ далеко — въ полуденную Испанію — забирались изстари русскіе интеллигенты только для того, чтобы продѣлывать «соціальную революцію!» . .

Такова исторія русской революціи. Она столь-же стара, какъ сама Россія, ибо она начинается въ ея первобытномъ Хаосѣ. Замѣьте: Хаосъ социалистиченъ и даже коммунистиченъ; въ немъ все — общее. Онъ не знаетъ національности и отечества: идеаль Интернаціонала свободно умѣщается въ немъ. Вотъ почему Россія всегда была социалистична по самой своей природѣ, хотя русскій социализмъ принималъ постоянно своеобразную окраску и весьма отличенъ отъ европейскаго: тѣмъ-то онъ и отличенъ отъ европейскаго, что онъ — первобытный Хаосъ. . . Тѣмъ не менѣе только-что приведенные примѣры Бакунина и Картагенскихъ коммунистовъ 1873 года показы-

вають, что русская революція есть революція всемірна. Она всемірна, она не может не быть всемірной не только потому, что она не знаетъ націи, но главнымъ образомъ потому, что она есть не что иное, какъ загнанный римскою культурою въ скиескія степи — древній Хаосъ... Нынѣ этотъ Хаосъ поднялся вновь на римскую, европейскую культуру, чтобы смести все, что встрѣтится на его пути. И эту всемірную Революцію, этого Звѣря русской хаотической бездны, можно было-бы назвать синтезомъ русской жизни и русской души, если-бы русская жизнь и русская душа не имѣли и иного, обратнаго первому, синтеза: Самодержавія. Ибо и Самодержавіе, въ томъ особомъ значеніи, какое оно получило въ русской психо- и идеологіи, — также отъ первобытнаго русскаго Хаоса.

13.

Словами отчаянія, вызванными этимъ Хаосомъ, и желаніемъ освободиться отъ него начинается политическая исторія Россіи. Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ: приходите и володѣйте нами — сказали новгородскія послы варягамъ, призывая ихъ на княженіе. Можетъ быть, дѣло происходило и не совсемъ такъ, какъ рассказываетъ лѣтописецъ. Но всѣ легенды заключаютъ въ себѣ долю истины. . . Почему, спрашивается, ни одинъ народъ, кромѣ русскаго, не создалъ легенды, подобной разсказу о призваніи варяговъ? Исторія всѣхъ другихъ государствъ начинается подвигами удалства и храбрости, пусть даже порою разбойничьими подвигами, войною, возстаніемъ, вообще какимъ нибудь активнымъ проявленіемъ силы; наша-же исторія начинается съ пассивной отдачи своей судьбы въ чужія руки, краснорѣчивѣйшимъ свидѣтельствомъ о собственной протраціи. Въ крылатыхъ словахъ записанной Несторомъ легенды мы находимъ уже какъ-бы провѣцію, эмбрионъ будущаго Самодержавія. . . И въ сущности — въ этой легендѣ разсказана вся исторія Россіи. . .

Да, вся исторія Россіи была сплошнымъ призваніемъ Варяговъ! Я не хочу, конечно, сказать, чтобы среди туземныхъ элементовъ Россіи не было вовсе положительныхъ, творческихъ силъ порядка и устроенія. Такія силы были, но ихъ всегда было немного. Если-бы ихъ не было вовсе, то мы, очевидно, не смогли-бы создать, одними иноземными силами, могущественную мировую Имперію и стать великимъ народомъ, все-же достигшимъ высокой степени культуры и благосостоянія. Но едва-ли не главную историческую черту этого народа составляетъ то, что его положительные, творческіе элементы

почти никогда не имѣли силы сами обнаружить себя. Роль оплодотворителя дремлющихъ положительныхъ силъ русскаго народа, роль деміурга-устроителя Россіи почти всегда играла у насъ сила, пришедшая извнѣ. Такимъ-то образомъ и получается впечатлѣніе, что у насъ не-національно все то, что я называю выше плюсь-Россіей и, наоборотъ, національно — минусъ-Россія, т. е. не-дѣланіе, непротивленіе, всѣ центробѣжныя силы и элементы разложенія, однимъ словомъ — первобытный Хаосъ.

14.

И хотя, повторяю, положительные, творческіе элементы были и въ этомъ Хаосѣ, впечатлѣніе это имѣть подъ собою несомнѣнную реальную почву. Плюсь-Россія въ самомъ дѣлѣ никогда не имѣла силы обнаружить себя, и основныя начала государственной дисциплины и соціальной іерархіи и субординации, и вмѣстѣ съ ними главнѣйшіе творческіе импульсы — замѣтьте: все не-русскія слова — мы всегда получали извнѣ. Между тѣмъ, безъ воедѣйствія этихъ, чуждыхъ русской первобытно-анархической природѣ, началъ — Россія не только не могла-бы стать міровой Имперіей, но не стала-бы, вѣроятно, — даже темной, средневѣковой Московіей. И безъ ихъ воедѣйствія русскій народъ, конечно, никогда-бы не нашелъ самъ себя и не сталъ-бы великимъ народомъ. Безъ помощи творческихъ и устроительныхъ началъ, внесенныхъ въ страну извнѣ, русскій народъ, по выраженію одного изъ знаменитѣйшихъ памятниковъ нашей древней литературы, вѣроятно, растекся-бы мыслию по древу.

Такимъ-то образомъ борьба между + Россіей и — Россіей (а къ этой боѣрбѣ и сводится вся русская исторія) получила значеніе борьбы иноземныхъ элементовъ — идей, учреждений, психологій и навыковъ — съ туземными, русскими. Началось съ варяжскихъ вліяній и продолжалось византійскими. Потомъ наступила полоса вліяній татарскихъ, затѣмъ, въ XVII вѣкѣ, польскихъ и шведскихъ. Къ нимъ присоединяются далѣе, въ XVIII вѣкѣ, нѣмецкія, голландскія, англійскія и французскія. Не все было въ этихъ вліяніяхъ хорошо. Были въ нихъ черты трагическія, въ родѣ Бироновщины, и комическія, въ родѣ французскаго-нижегородскаго языка, на которомъ говорила Грибоѣдовская Москва. Но ясно одно: то, что безъ этихъ элементовъ чужеземнаго Россія не могла-бы дышать и никогда-бы не достигла тѣхъ соціально-политическихъ и культурныхъ результатовъ, которыхъ она достигла въ XIX вѣкѣ... Борьба иноземныхъ элементовъ съ туземными была порою жестокой и безпощадной, но въ общемъ она творила чудеса. Спасеніе

иноземнымъ и есть то чудо русской исторіи, на которое я намекнулъ, говоря о Смутномъ времени и которое составляетъ основное содержаніе вообще всей нашей исторической судьбы. Поразительна быстрота, съ которою расцвѣла древняя Кіевская Русь. Давъ ей свое имя, Рюриковичи сумѣли втеченіе полутора вѣковъ сообщить ей видимость національной фязіономіи и сдѣлать ее одной изъ сильныхъ европейскихъ державъ. Мы называемъ эту Русь — вѣчевою. Но въ высшей степени вѣроятно, что тамъ, гдѣ вѣче не развилось, какъ, напр. въ Новгородѣ, въ настоящую торговую республику, оно начало обмирать уже при Рюрикѣ. Его окончательное исчезновеніе замедлялъ удѣльный распорядокъ. Но когда удѣлы были уничтожены и княжеская власть сосредоточилась въ Москвѣ, то сами собою забылись и вѣчевыя преданія... Какія причины обусловили упадокъ Кіевской Руси, столь-же быстрый, какъ и ея возвышеніе? Указываютъ на экономическія причины этого упадка: перемѣщеніе міровыхъ торговыхъ путей. Но, кажется, непослѣдней причиной заката Кіевского величія послужило просто-на-просто то обстоятельство, что Рюриковичи быстро обрусѣли. Государства и народы губятъ чаще всего не грѣхи совершенія, а грѣхи упущенія. И грѣхомъ послѣднихъ кіевскихъ Рюриковичей было то, что они проглядыли грозившую со стороны степи опасность. Объ этомъ непритивленіи, не-дѣланіи, объ этомъ отсутствіи живого государственнаго инстинкта — краснорѣчивѣйшимъ образомъ свидѣтельствуетъ намъ Слово о полку Игоревѣ. Въ этомъ высоко-поэтическомъ литературномъ памятникѣ, бесспорно, много патріотизма. Но, наряду съ нимъ, въ немъ уже звучать и сильныя ноты пацифизма: Рюриковичи обрусѣли, и имъ надоѣло воевать... Въ частности, они этимъ самымъ и компрометировали тотъ Днѣпровскій путь, отъ котораго въ значительной степени зависѣло благосостояніе Кіевской державы: этотъ путь сталъ неблагополученъ отъ степныхъ хищниковъ, и торговля отхлынула отъ него.

Рюриковичи обрусѣли, да не совсѣмъ. Сохранилось извѣстіе, что Иванъ Грозный хвастался, подъ пьяную руку, тѣмъ, что онъ изъ нѣмцевъ: вотъ насколько еще были живы память о происхожденіи нашей первой династіи и ея древнія традиции на самомъ канунѣ ея конца. Эту маленькую черточку XVI вѣка можно сблизить со случаемъ Ермолова, въ XIX вѣкѣ. Какъ извѣстно, даровитый генералъ, будучи недоволенъ своей карьерой, говорилъ, что хотѣлъ-бы быть произведеннымъ въ нѣмцы... Это все, разумѣется, анекдоты. Но анекдоты эти весьма типичны. Они показываютъ, насколько всегда была велика въ Россіи роль иноземнаго воздѣйствія и вліянія и иноземнаго престижа. И если провести черту отъ Ивана Гроз-

наго къ Ермолову, то эта черта окажется восходящей линіей иновѣрныхъ вліяній въ гооударственномъ строительствѣ и социальномъ укладѣ Россіи. Вспомнимъ также, что эта линія была вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сказать восходящею кривою русской славы, русской культуры и русскаго могущества.

15.

А вотъ уже не анекдотъ, а крупный историческій фактъ, также, кажется, единственный въ своемъ родѣ. Этотъ фактъ — Московская Нѣмецкая слобода и ея политическая и социально-экономическая роль въ Московскомъ государствѣ.¹⁾ Нѣмецкая слобода была не только государствомъ въ государствѣ: она была его опорой, однимъ изъ необходимѣйшихъ колесъ его административнаго механизма, порою единственной его надеждой. И кончилось тѣмъ, что это маленькое государство поглотило большое. Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе, которое составилъ себѣ о такъ называемой реформѣ Петра Великаго — одинъ изъ лучшихъ его историковъ. Но каково-бы ни было мнѣніе отдѣльныхъ историковъ о той или другой сторонѣ этой реформы, мы всѣ знаемъ съ дѣтства, что Петръ въ Европу прорубилъ окно. И мы знаемъ также, что Новая Россія, весь ея социальный и политическій укладъ и культурный обликъ, начиная съ могучаго аппарата царской власти и кончая Пушкинымъ, есть дѣло рукъ Петровыхъ. Петръ былъ вторымъ Рюрикомъ Россіи: онъ снова оваряжилъ ее.

И только вновь оваряжившись, мы стали тѣмъ, чѣмъ были еще вчера, т. е. житницей Европы и сильной и уважаемой всѣми міровой державой, съ установившимся политическимъ и социальнымъ укладомъ, съ традиціями, съ просвѣщеніемъ, съ финансами, съ бурнымъ экономическимъ развитіемъ, съ несравненной арміей, съ великолѣпнѣйшей литературой, не уступающей другимъ великимъ національнымъ литературамъ, и съ чудеснымъ даровитымъ народомъ, который уже начинала признавать себѣ равнымъ и начинала уже любить — Европа. И только вновь оваряжившись, объевропеившись, ощутили мы сами въ себѣ русскій патриотизмъ, русское національное чувство и вмѣстѣ съ нимъ силу и волю на творчество, на подвигъ,

¹⁾ Нѣмецкая, на языкѣ нашихъ предковъ, не значило: населенная нѣмцами, въ современномъ значеніи этого слова. Въ старину въ Россіи называли нѣмцемъ всякаго не-русскаго. И хотя въ Нѣмецкой слободѣ было немало и нѣмцевъ (въ современномъ смыслѣ), это была, въ полномъ смыслѣ слова, международная иностранная колонія военныхъ, купцовъ, ремесленниковъ и вообще, какъ-бы мы теперь сказали, интеллигентовъ. Въ эту колонию входили представители всѣхъ европейскихъ народовъ: англичане, французы, голландцы, итальянцы, шведы, швейцарцы и др.

на героизмъ. И даже русскій языкъ, тотъ благородный языкъ, на которомъ писалъ Пушкинъ и который такъ трогательно завѣщалъ намъ беречь — Тургеневъ, родился у насъ лишь послѣ того, какъ насъ оваряжили Петръ и Екатерина. Чудо русской исторіи — спасеніе иноземнымъ — вновь повторилось на трехъ-четырехъ поколѣніяхъ, выросшихъ отъ Петра до Николая I. Да, только вновь оваряжившись, Россія побѣдила — казалось, что побѣдила — свой анархическій Хаосъ. Но даже если она не побѣдила вполне свой природный анархизмъ, она и другихъ заставила о немъ забыть и сама забыла о немъ: забыла такъ основательно, что не только Европа, но и мы сами стали считать себя стражемъ порядка, жандармомъ Европы. Анархистъ Европы — въ роли ея жандарма: это-ли не поразительнѣйшее изъ вѣдѣній! И какъ долго поддавались этой иллюзіи и мы сами и Европа!.. Но во второй половинѣ XIX вѣка мы снова начали быстро русѣть. И вотъ, предъ лицомъ изумленного міра, въ жандармѣ вновь проснулся анархистъ.

16.

Онъ проснулся теперь вновь послѣ глубокаго трехсотлѣтняго сна, и, хотя, въ сущности, онъ никогда не переставалъ бурлить и во снѣ, намъ надо вернуться къ XVII вѣку, чтобы увидеть прообразъ его теперешняго пробужденія. И вмѣстѣ съ тѣмъ XVII вѣкъ, его острый революціонный кризисъ Смутаго времени, обнаруживаетъ особенно рельефно, особенно наглядно и ярко, основное чудо русской исторіи — спасеніе иноземнымъ. Вотъ двѣ причины, почему, говоря о современныхъ русскихъ событіяхъ, пельзя не коснуться, хотя-бы вкратцѣ, и событий Смутаго времени... Русскіе революціонные дѣятели склонны смотрѣть на теперешнюю нашу революцію сквозь призму событий Великой французской революціи. Но надо-ли доказывать, что все сходство между этими двумя историческими движеніями ограничивается нѣсколькими чистовиѣшними чертами второстепеннаго значенія? Надо-ли доказывать, что принципы, которыми вдохновлялась Русская революція, и цѣли, къ которымъ она направлена, не только не одинаковы съ принципами и цѣлями Французской революціи, но прямо имъ противоположны?¹⁾

¹⁾ Это обнаруживается особенно рѣзко въ отношеніи обѣихъ Революцій къ собственности. Послѣдняя является краеугольнымъ камнемъ Французской революціи, ея главнѣйшею дѣйственной силой и результатомъ. Напротивъ, Русская революція направлена на полное ея отрицаніе. Въ связи съ этимъ глубочайшимъ различіемъ реальнаго дѣйствія обѣихъ Революцій находится и другое, заключающееся въ области ихъ общихъ идей. Такъ вся полнота активной творческой силы Декларациі правъ была заключена

Напротивъ, аналогиі современнаго русскаго революціоннаго пароксизма съ кризисомъ Смутнаго времени, по истинѣ, поразительны. И такъ оно и должно было быть, ибо оба этихъ національныхъ кризиса вызвалъ тотъ-же самый, глубоко лежащій въ подпочвѣ русскаго мира — скиескій первобытный Хаосъ...

Война съ внѣшнимъ врагомъ, династическій кризисъ, гражданская война внутри страны, государственное банкротство, острый экономическій кризисъ, крестьянскія возстанія и «иллюминаціи» помѣщичьихъ усадебъ, голодъ въ городахъ, всеобщій грабежъ, партійный деспотизмъ и очевидная неспособность вождей, происки честолюбивыхъ интригановъ и бѣшенство неистовыхъ демагоговъ, разнузданность страстей городской черни и обезумѣвшаго сельскаго населенія — вся эта горестная драма національной агоніи 1917—18 годовъ есть точнѣйшее воспроизведеніе плачевной картины, которую представляла Россія въ 1606—1612 годахъ. И общая рамка, въ которой происходили событія этихъ давно забытыхъ годовъ, и главнѣйшія, дѣйствовавшія тогда, силы, и основныя видимыя цѣли, къ которымъ было направлено народное движеніе, и даже его главнѣйшіе лозунги были въ эпоху Смутнаго времени приблизительно тѣ-же, что и въ наши дни. Какъ и революціонный кризисъ нашихъ дней, великій кризисъ Смутнаго времени былъ въ началѣ чисто династическимъ, но вскорѣ сдѣлался политическимъ. Вызванный первоначально, какъ и въ наши дни, высшими классами общества, онъ быстро превратился, сообщившись народнымъ низамъ (опять таки — какъ и въ наши дни), — въ настоящую социальную революцію, направленную прежде всего противъ земельныхъ собственниковъ. И хотя это народное движеніе было, въ сущности, какъ и въ наши дни, не только противо-помѣщичьимъ, но и направленнымъ противъ всякаго общественнаго порядка, какъ таковаго, и хотя оно,

въ принципѣ политической и гражданской свободы. Равенство Французской революціи было не столько фундаментальной идеей социальнаго переустройства, сколько способомъ атаки, который казался полезнымъ для разрушенія историческихъ препонъ свободнаго развитія челоуѣка и его индивидуальной дѣятельности. Другими словами, равенство было во Французской революціи лишь средствомъ, а истинной цѣлью ея была свобода. Совершенно иначе сложилась идеологія и психологія Революціи русской и вообще всего русскаго либерализма. Дѣйствительной цѣлью ихъ всегда было равенство, полное и всеобщее равенство: пусть даже равенство голодной смерти, но лишь-бы равенство! А свобода, освобожденіе были для Русской революціи лишь однимъ изъ средствъ достиженія этой цѣли. Въ сущности, Русская революція никогда не принимала «свободу» за самостоятельную цѣль развитія. Она никогда не дорожила ею. Можно даже сказать, что Русская революція понимала свободу столько же мало, какъ и русская Реакція. Не доказала-ли она этого самымъ нагляднымъ, самымъ потрясающимъ образомъ въ наши дни?

какъ и въ наши дни, не имѣло, въ дѣйствительности, ничего общаго съ социализмомъ, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, все-же и Руси Смутнаго времени уже не была чужда нѣкоторая варварская идеологія социализма, приуроченная къ понятіямъ невѣжественной и жадной толпы. Отъ этой односторонней и плоской, какъ и сама страна, въ которой она родилась, революціонной идеологіи эпохи Болотникова и импровизированнаго Тушинскаго «царя», въ сущности, мало чѣмъ отличалась — расцвѣтшая на нашихъ глазахъ идеологія «революціонной демократіи» эпохи Керенскаго, импровизированнаго «Верховнаго главнокомандующаго» Россійскихъ вооруженныхъ силъ. . . Впрочемъ, среди дѣятелей Смутнаго времени вообще можно найти представителей всѣхъ нынѣ существующихъ въ Россіи партій: и развитую правую, и кадетовъ, и социалистовъ-революціонеровъ, не говоря уже о большевикахъ.¹⁾ Къ этимъ чертамъ поразительныхъ аналогій между Смутнымъ временемъ и Россіей нашихъ дней можно добавить, что борьба партій и социальная революція осложнялись и запутывались въ Россіи XVII вѣка, какъ и въ Россіи современной, пробужденіемъ мѣстныхъ партикуляризовъ и взрывомъ національнаго движенія среди инородческихъ группъ населенія, заключенныхъ въ предѣлы Московскаго государства. . .

Какъ и въ наши дни, все рушилось въ этомъ государствѣ триста лѣтъ тому назадъ, и казалось, что Россія погибла навсегда. Разрываемая на части страна, истощенная матеріально и нравственно приниженная, умирала медленною смертью, погружаясь въ свой первобытный Хаосъ. И чтобы спасти, ей приходилось съизнова начинать всю свою исторію. Но откуда могло прійти спасеніе? Кто могъ оказаться новымъ Рюрикомъ Россіи, предназначеннымъ судьбою Лоянгриномъ, могущимъ вдохнуть въ нее новую жизнь?

Историки доселѣ не разобрались еще, какъ слѣдуетъ, во всѣхъ перепетіяхъ этой великой Разрухи, этой самоубійственной драмы народа, ранѣ обнаруживавшаго много признаковъ жизненности и, казалось, бывшаго достойнымъ лучшей участи. Но несомнѣнно одно: то, что официальная вер-

¹⁾ Знаменитый трибунъ Прокопій Ляпуновъ представляетъ собою совершенный типъ современнаго кадета. Съ другой стороны въ тогдашнихъ казакахъ нельзя не увидать настоящихъ предшественниковъ теперешнихъ большевиковъ. Что касается социалистовъ-революціонеровъ, то ихъ историческій типъ былъ представленъ, въ эпоху Смутнаго времени, Болотниковымъ и другими, подобными ему, главарями крестьянской революціи. Вообще число современныхъ портретовъ, которые можно найти въ галереѣ дѣятелей этой отдаленной эпохи, очень велико. Такъ, напр., Федька Андроновъ, мелкій приказный, вершившій втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ всѣ дѣла въ Москвѣ, былъ живымъ прототипомъ Керенскаго.

сія событій этой трагической эпохи въ значительной степени затемняетъ ихъ, затемняетъ намѣренно — въ интересахъ новой династїи. Даже многіе документы эпохи были, по видимому, ретушированы, если и не прямо фальсифицированы, съ весьма опредѣленными цѣлями; и еще большее количество документовъ было, въ тѣхъ-же видахъ, истреблено. Многого мы, конечно, не узнаемъ никогда. Но даже и того, что мы знаемъ, достаточно, чтобы быть увѣреннымъ въ томъ, что патриотическая эпопея Гермогена, Минина и Пожарскаго, созданная лишь въ послѣдствїи, и главнымъ образомъ въ XIX вѣкѣ, не соответствуетъ исторической дѣйствительности: эта эпопея противорѣчитъ историческимъ фактамъ и сама по себѣ противорѣчива и неправдоподобна¹⁾. . . Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Романовы — и еще со временъ Ивана Грознаго — играли весьма большую роль въ завязкѣ, ходѣ и развязкѣ великой драмы Смутаго времени. Но вмѣстѣ съ тѣмъ является несомнѣннымъ, что рѣшительный моментъ кризиса предшествовалъ избранію на царство Михаила.

Какъ ни близка была природа кризиса Смутаго времени къ современному русскому революціонному кризису, какъ ни похожи другъ на друга, — и въ главномъ и въ подробностяхъ, и въ лицахъ и въ дѣйствїи — обѣ эти русскія революціи, въ одномъ отношенїи Россія XVII вѣка существенно отличалась

¹⁾ Патриархъ Гермогенъ былъ несомнѣнно человѣкомъ святой жизни и, по видимому, весьма образованнымъ для своего времени человѣкомъ. Но въ событїяхъ Смутаго времени онъ, въ сущности, не игралъ большой роли: онъ не руководилъ движеніемъ, а лишь слѣдовалъ за нимъ. Когда-же онъ выступалъ самостоятельно, его роль была, въ національномъ смыслѣ, большею частью вредна. По всему видно, что онъ не понималъ событїи и не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ положенїи Россїи. Оттого-то онъ и мѣнялъ такъ часто свои мнѣнія, легко поддаваясь любому вліянію и часто начиная служить тому самому, что онъ еще вчера проклиналъ. Въ знаменитомъ столкновенїи съ боярами былъ правъ (правъ политически), конечно, не онъ, а бояре. И надо отдать святителю справедливость: онъ созналъ свою ошибку и сталъ дѣятельнымъ сторонникомъ договорнаго избранїя, противъ котораго сначала такъ горячо выступалъ. Вообще можно вкратцѣ сказать, что п. Гермогенъ не былъ исторической личностью и что, поскольку онъ былъ личностью, онъ работалъ противъ исторїи, и исторїя не оправдала его. Но если роль Гермогена въ событїяхъ Смутаго времени второстепенна, то роль Пожарскаго въ этихъ событїяхъ слѣдуетъ называть прямо таки третьестепенной. Этотъ, съ точки зрѣнія московскаго боярскаго распорядка, homo novus (княжескій титулъ и происхождение отъ Юрия не имѣли сами по себѣ въ старой Москвѣ никакого значенїя) былъ, по видимому, очень хорошимъ хозяиномъ и богатымъ человѣкомъ; но въ смыслѣ политическомъ онъ представлялъ изъ себя весьма некрupную величину. Онъ былъ не что иное, какъ креатура болѣе вліятельныхъ круговъ, орудіе въ чужихъ рукахъ. И при томъ орудіе плохое: чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить бранное письмо, посланное ему однимъ изъ членовъ Семибоярщины (истинной вершительницы событїи) —

отъ современной: Московское государство обладало однимъ чрезвычайно важнымъ социальнымъ факторомъ, котораго нѣтъ въ современной Россіи, а именно — политической аристократіей. И это то-политическое сословіе, органомъ котораго въ Смутное время была извѣстная Семибоярщина, и спасло тогда Россію своею здоровою, обдуманною, творческою и рѣшительною политикою.

Слабость всѣхъ трехъ правительствъ, возникшихъ послѣ смерти Ѳеодора Ивановича (Годуновыхъ, названнаго Дмитрія и Шуйскаго) ясно показала трудность установленія новой національной династіи. Съ другой стороны положеніе стало въ 1609 и 1610 годахъ — катастрофическимъ. Цѣлыя области отложились отъ Москвы, а другія были заняты непріятелемъ; крестьянскія и казачьи шайки Вора, резиденція котораго часто бывала подъ самой столицей, завладѣли двумя третями государственной территоріи; армія польскаго короля, подъ начальствомъ знаменитаго Жолкѣвскаго, занимала Смоленскую землю; и кромѣ того отдѣльные отряды иноземцевъ — главнымъ образомъ поляковъ и шведовъ — опустошали по всѣмъ направленіямъ несчастную страну, ведя войну за собственный счетъ. Что касается лагеря Вора, то онъ представлялъ собою социальную революцію, сумѣвшую не только сорганизоваться — точь въ точь, какъ большевики въ развалѣ Керенщины — но и заключить фактически союзъ съ внѣшнимъ врагомъ (опять-таки точь въ точь какъ большевики въ 1918 году): какъ видно изъ этого бѣглаго очерка, картина Россіи лѣтомъ этого года была букввальнымъ повтореніемъ

въ Суздальскую вотчину, гдѣ онъ сидѣлъ въ полномъ бездѣйствіи, совершенно не оправдавъ оказаннаго ему довѣрія и не исполнивъ возложеннаго на него порученія... Пожарскій былъ произведенъ въ національные герои лишь много лѣтъ спустя по окончаніи Смутнаго времени и главнымъ образомъ въ XIX вѣкѣ. Никому и въ голову не приходило, по окончаніи великаго кризиса XVII вѣка, считать его спасителемъ Россіи. Онъ былъ однимъ изъ очень многихъ въ то время маленькихъ героевъ дня, вродѣ братьевъ Ляпуновыхъ или Ѳедьки Андропова, случайно выкинутыхъ на поверхность народной жизни волнами бурнаго революціоннаго кризиса. Подобно всѣмъ этимъ маленькимъ героямъ — исчезаетъ безслѣдно, по окончаніи этого кризиса, и Пожарскій: онъ не получаетъ отъ Романовыхъ даже боярства, фактъ, который былъ-бы совершенно необъяснимъ, если-бы Пожарскій дѣйствительно игралъ сколько-нибудь значительную роль въ прекращеніи Смуты и ихъ избраніи на царство. — Равнымъ образомъ относится болѣе къ области эпопеи и оперы, нежели исторіи, — и чрезвычайно раздута историками XIX вѣка роль Минина. Онъ не могъ играть въ событіяхъ скольконибудь крупной роли уже потому, что принадлежалъ къ классу, социально-политическое значеніе котораго въ Россіи XVII вѣка было крайне ничтожно. Къ тому-жѣ и роль Троицкой лавры, органомъ которой въ эпопеѣ Смутнаго времени является Мининъ, сама по себѣ крайне преувеличена старыми историками этой, во многомъ еще загадочной, эпохи.

того, что она собою представляла въ 1609 году... При такомъ положеніи было ясно, что единственное, что оставалось дѣлать, заключалось въ разъединеніи силъ угрожавшей государству коалиціи; надо было отдѣлить интересы поляковъ отъ интересовъ социальной революціи: это и сдѣлали бояре, придумавъ формулу договорнаго избранія Владислава.

17.

Учебники русской исторіи до сихъ поръ не знаютъ царя Владислава. Между тѣмъ такой царь былъ на Руси: онъ не только царствовалъ, но и управлялъ — въ лицѣ своего отца Сигизмунда — съ 1610 по 1612 годъ. Народъ ему присягнулъ. Церковь возносила за него молитвы. Монета чеканилась съ его изображеніемъ, и по его указу творилось правосудіе и вершились государственныя дѣла. Но главнѣйшимъ дѣломъ его царствованія было прежде всего то, что онъ спасъ свою новую родину отъ окончательнаго разрушенія и вызвалъ ее къ новой жизни... Результаты договорнаго избранія оказались немедленными и огромными: армія короля Сигизмунда и Жолкѣвскаго, а также и отдѣльные вольные польскіе отряды, включая и тѣ, которы были на службѣ у Вора, превратились изъ враговъ въ друзей боярскаго правительства и всѣхъ группъ и элементовъ страны, начертавшихъ на своемъ знамени лозунгъ восстановленія порядка и возрожденія родины. И нѣсколькихъ мѣсяцевъ оказалось достаточно, чтобы ликвидировать большевистское царство Тушинцевъ, раѣе успѣвшее было завладѣть двумя третями государственной территоріи. Взабаламученное море народной жизни успокоится, разумѣется, не сразу: Революція, перейдя отъ наступленія къ оборонѣ, продлится еще нѣкоторое время, подъ знаменемъ Заруцкаго; не сразу потухнетъ и сепаратистское движеніе на окраинахъ. Но уже въ концѣ 1610 года было вполне ясно, что острый кризисъ Смутнаго времени, его наиболѣе тяжелый и важный пароксизмъ, миновалъ. Да, Смутное время Московскаго государства окончилось не въ 1613, а въ 1610 году, и взабаламученную Русь спасло и успокоило тогда не избраніе Михаила Романова, а избраніе Владислава. Разсмотрѣніе причинъ, почему это избраніе въ концѣ концовъ не утвердилось, — не входитъ въ нашу задачу: эти причины находятся внѣ предѣловъ русской исторіи; онѣ заключены въ исторіи Польши... Но каковы бы ни были эти причины, изъ предъидущаго ясно, что Романовы явились лишь тогда, когда острый кризисъ Смутнаго времени уже миновалъ, когда Россія была уже спасена... Замѣчу кстати, что въ 1610 году и сами Романовы были — владиславистами. Да и можно-ли было въ эту ката-

строфическую эпоху держаться иной ориентации? Мысль, что Россія может быть спасена лишь иноземною династіей, до такой степени носилась въ то время въ воздухѣ, что рѣшительно никто тогда не думалъ о возможности какой-либо національной кандидатуры.¹⁾ И избраніе Владислава не встрѣтило въ странѣ никакой сколько-нибудь серьезной оппозиціи. Правда, своеволие польской военщины порою раздражало народъ. Но слѣдуетъ особенно оттъннить и подчеркнуть тотъ фактъ, что даже Нижегородское ополченіе и вообще все то движеніе, которое впоследствии привело къ избранію Михаила, первоначально отнюдь не было направлено противъ Владислава. . . Такъ-то вторымъ Рюрикомъ Россіи, спасшимъ ее отъ напора волнъ ея первобытнаго Хаоса, вновь поднимавшагося на государство и его цивилизацію въ XVII вѣкѣ, явился царь Владиславъ; варягъ и въ прямомъ²⁾ и въ переносномъ значеніи этого слова.

И что это дѣйствительно такъ, что Россію спасъ отъ гибели въ началѣ XVII вѣка Владиславъ, а не Романовы, — видно уже изъ того, что Смутное время, въ сущности, продолжалось и при первыхъ Романовыхъ. Избраніе Владислава успѣло прекратить лишь его острый кризисъ. Но хроническая болѣзнь, главною причиною которой была органическая слобость всей соціальной структуры Московскаго государства, продолжалось и при Михаилѣ и при Алексѣѣ, вплоть до Петра: вся исторія XVII вѣка полна народными возстаніями, бунтами городской черни и стрѣleckими бунтами. И былъ даже моментъ когда новая соціальная революція — возстаніе Стеньки Разина — угрожала повтореніемъ Великой Разрухи 1606—1610 годовъ. Справиться съ этою Разрухою окончательно и додѣлать дѣло Владиславова сумѣлъ только Петръ. Но для этого ему самому пришлось, сбросивъ образъ ветхаго человѣка, стать новымъ Рюрикомъ и вновь оваряжить Русь. Такъ-то и вышло, что Россію спасъ отъ Смутаго времени — и въ тѣсномъ и въ широкомъ смыслѣ этого термина (въ началѣ и въ концѣ XVII вѣка) — необходимый, вѣчный и неизбѣжный русскій Варягъ, тотъ самый Варягъ, которымъ зажглась уже заря нашей исторіи и безъ котораго мы всегда гибли, какъ гибнемъ и теперь.

Не кто иной, какъ этотъ Варягъ, создалъ и укрѣпилъ русское государство; не кто иной, какъ онъ, выявилъ русское національное сознаніе, русское чувство и русскій патріотизмъ.

¹⁾ Немного ранѣ избранія Владислава возникалъ вопросъ о призваніи на Московскій престолъ шведскаго принца Карла-Филиппа; намѣчалась также кандидатура и другого шведскаго принца — Густава-Адольфа.

²⁾ Онъ былъ принцемъ шведскаго происхожденія.

Но стоило намъ, со середины XIX вѣка, отвлечься немного въ сторону отъ историческаго варяжскаго пути, какъ сразу стали меркнуть, сначала медленно, а потомъ все быстрѣе, — русская слава и русская культура, а вмѣстѣ съ ними и патриотизмъ русскаго народа и его творческій героическій порывъ. Такимъ-то образомъ въ началѣ XX вѣка у насъ снова поднялись волны первобытнаго Хаоса, и въ дисциплинированномъ, тихомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ работающемъ, энергичномъ народѣ, стражѣ Европы, проснулся вновь — анархистъ. И въ этомъ сказочномъ превращеніи виноваты не въ меньшей степени, чѣмъ русскій мечтательный либерализмъ, и нашъ такъ называемый консерватизмъ, т. е. славянофильство. Именно славянофильство, совершенно не понявшее русской исторіи, совершенно не понявшее, что наша культура, сила и слава суть произведенія варяжскаго, европейскаго, творческаго генія, заставило насъ, возгордясь этою силою и славою, отвернуться отъ варяговъ и возмечтать о «самобытности», о собственномъ, самостоятельномъ пути... Спору нѣтъ: русскіе люди первой половины XIX столѣтія, поколѣніе, бравшее Парижъ и считавшее въ своихъ младшихъ рядахъ Пушкина и Гоголя, имѣло полное право гордиться Россіей своего времени и, какъ тогда говорили, самымъ именемъ русскаго. Но ошибка славянофиловъ заключалась въ томъ, что, проглядѣвъ роль варяжества въ Россіи, они усмотрѣли источникъ русской силы и русской славы, русской правды и русской человѣчности — въ старомосковскомъ теремѣ и «хоровомъ», анархическомъ, началѣ русскаго народнаго духа. И ихъ грѣхомъ и преступленіемъ передъ родиной именно и было то, что они хотѣли ее возвратить и дѣйствительно возвратили въ этотъ теремъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ первобытный анархическій Хаосъ...

Исторія требуетъ вниманія и мститъ за пренебреженіе къ себѣ. Исторія есть благословеніе и она же есть, если угодно, — проклятіе; но въ обоихъ случаяхъ борьба съ нею есть борьба самоубійственная. И въ наши дни уже совершенно ясно, куда насъ привелъ провозглашенный славянофилами націоналистическій, а въ дѣйствительности совершенно анти-национальный (анти-национальный потому, что онъ былъ анти-историческимъ) путь. Этотъ путь декламации и мелодрамы именно и привелъ насъ туда, куда онъ неизбежно долженъ былъ насъ привести: къ національному самоубійству, къ большевикамъ. Но разница большевизма современнаго отъ большевизма Смутаго времени заключается въ томъ, что въ современныхъ условіяхъ большевистская опасность, т. е. отгѣсненный когда-то Римскою культурою въ Балтійско-Черноморскій Hinterland первоботтно-анархическій Хаосъ, грозитъ разрушить весь міръ.

Европейская культура переживаетъ нынѣ критическій, роковой часъ, предсказанный двѣнадцать лѣтъ тому назадъ Мережковскимъ. Вотъ что онъ писалъ въ 1907 году.

«Всей Европѣ, а не только какой-нибудь отдѣльной европейской націи, придется рано или поздно имѣть дѣло съ русской революціей или анархіей. Ибо невозможно теперь уже опредѣлить то, что происходитъ въ Россіи: есть-ли это только измѣненіе политической формы, или прыжокъ въ неизвѣстное, разрывъ со всѣми существующими политическими формами. . . Тѣмъ не менѣе ясно, что эта игра опасна не только для насъ, русскихъ, но и для васъ, европейцевъ. Вы слѣдите острымъ взоромъ и съ обезпокоеннымъ вниманіемъ за ходомъ русской революціи; но все-же со взоромъ, недостаточно острымъ, и со вниманіемъ, недостаточно обезпокоеннымъ: то, что происходитъ у насъ, страшнѣе, чѣмъ вы думаете. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что у насъ пожаръ. Но можно-ли быть увѣреннымъ въ томъ, что, горя, мы не подожжемъ, въ концѣ концовъ, и вашего дома?» . . . «Сила землетрясенія, отъ котораго разрушится тысячелѣтнее зданіе (Россія), будетъ такъ могущественна, говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ-же писатель, что всѣ старыя парламентскія лавочки повалятся отъ нея, какъ карточные домики. Ни одна изъ этихъ лавочекъ не удовлетворитъ русскую революцію. Но тогда что-же удовлетворитъ ее? И что будетъ потомъ? Это будетъ, очевидно, прыжокъ въ неизвѣстное . . . полетъ въ воздухъ кверху тормашками» . . .

И вотъ, пока въ Парижѣ разсуждаютъ о Лигѣ націй, о предотвращеніи будущихъ войнъ, о мирѣ сего міра, о желательности всеобщаго разоруженія и о другихъ прекрасныхъ вещахъ, можно серьезно призадуматься подъ вопросомъ, не приближается-ли съ быстротою курьерскаго поѣзда тотъ самый, предсказанный русскимъ писателемъ, моментъ, когда весь старый европейскій міръ «взлетитъ на воздухъ кверху тормашками.» Я вѣрю столь-же твердо въ силу и крѣпость этого міра, какъ и въ истину его старой культуры. Но я знаю, что капля воды долбитъ и самый крѣпкій камень, особенно, если ничего не дѣлается для его защиты. Что Русская революція есть революція всемірная, — въ этомъ, кажется, теперь уже нельзя сомнѣваться. Нельзя не видѣть и того, что Всемірная революція, по самой своей природѣ, есть самая агрессивная изъ революцій и не можетъ остановиться сама собою. Она не можетъ остановиться сама собою и потому, что она есть, въ сущности, старая, первородная сила Россіи, минусъ Россіи, ея первобытный Хаосъ, — сила, побѣжденная было европейской культурой, но теперь вновь ринувшаяся на нее. Стереть съ лица земли эту культуру, своего главнаго

врага, — въ этомъ и заключается весь дѣйственный смыслъ Русской Революціи. Такъ какъ-же можетъ она добровольно отказаться отъ этой главнѣйшей и, въ сущности, единственной своей задачи?... Пусть государственные люди Европы говорятъ о лигѣ націй и мирѣ сего міра. Но пусть они не забываютъ и о войнѣ, которую несетъ къ нимъ Всемирная Русская Революція. Ибо въ этой войнѣ вопросъ идетъ не только о новыхъ человѣческихъ жертвахъ, не только о новыхъ миллиардахъ народнаго достоянія: эта новая война поставитъ ребромъ вопросъ о самомъ существованіи европейской культуры. Чтобы видѣть это теперь совершенно ясно, — даже не надо быть пророкомъ, какимъ надо было быть Мережковскому въ 1907 году, чтобы предвидѣть событія нашихъ дней. Чтобы видѣть то, о чемъ я говорю, достаточно быть — только зрячимъ и не отвращать своего взора отъ надвигающихся, отъ уже начавшихся событій. Ибо случится одно изъ двухъ: или русская анархія, русскій первобытный Хаосъ двинется на Европу (развѣ онъ уже не двинулся на нее?) и смететъ съ лица земли европейскую культуру, или Европа, чтобы не погибнуть, сама должна идти въ Россію и тушить, пока не поздно, ея пожаръ. *Tertium non datur*: съ Хаосомъ не можетъ быть ни примиренія, ни компромисса; Русская Революція можетъ только или быть раздавлена европейскимъ культурнымъ міромъ или побѣдить и уничтожить весь этотъ старый міръ... Въ 1917—1918 году Россія измѣнила своимъ союзникамъ и опозорила себя этимъ поступкомъ на весь міръ. Но какъ назвать отношеніе союзниковъ и вообще всей Европы къ Россіи въ 1919 году? Это отношеніе нельзя назвать иначе, какъ двойной измѣной, ибо, представляя Россію ея собственной судьбѣ, Европа не только измѣняетъ Россіи, своему духовному дѣтищу, но въ концѣ концовъ измѣняетъ и своей великой, благородной культурѣ, т. е. самой себѣ. Неужели участники Всемирнаго Конгресса не понимаютъ, что они должны спасти Россію отъ ея Хаоса — вовсе не для прекрасныхъ глазъ Россіи, а въ цѣляхъ собственнаго сохраненія? А съ другой стороны: развѣ Европа не спасала Россію уже столько разъ втеченіе русской исторіи? Развѣ Варягамъ привыкать стать — спасать Россію?

19.

Когда объединялась Италія, то призывнымъ кличемъ этого объединенія былъ лозунгъ: *Italia farà da se*. Это означало: не надо иностраннаго вмѣшательства! Италія сама справится со своимъ національнымъ дѣломъ! Но я уже показалъ, что русское *farà da se* есть нѣчто невозможное. Это есть мечта, утопія и такъ сказать *contradictio in adjecto*. Мы всегда спасались

иноземнымъ и иноземцами. Какъ-же намъ обойтись безъ нихъ въ самый трудный, въ самый трагическій часъ нашей исторіи? Только тотъ, кто совершенно не знаетъ русской исторіи и не понимаетъ Россіи, можетъ думать, что возможно русское *façà da se*.

Но когда я говорю о спасеніи Россіи Европою, я имѣю въ виду вовсе не однихъ только большевиковъ. Я ставлю вопросъ гораздо шире и гораздо глубже. Дѣло не только въ томъ, — и даже, можетъ быть, вовсе не въ томъ — чтобы свергнуть большевиковъ. Что такое большевики? На это обычно отвѣчаютъ: кучка авантюристовъ и проходимцевъ, опирающаяся на штыки военно-плѣнныхъ и какихъ-то китайцевъ (замѣтите: опять иноземцы!). И это, въ извѣстномъ смыслѣ, справедливо. Но въ такомъ случаѣ можно сказать: страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ; развѣ большевики — только кучка авантюристовъ, то рано или поздно кто-нибудь да справится съ ними, даже несмотря на ихъ китайцевъ. Но такъ-ли уже это вѣрно, что они опираются на однихъ китайцевъ? Ахъ! если-бы они дѣйствительно были только кучкой проходимцевъ! Какъ легка была-бы въ такомъ случаѣ задача спасенія Россіи!.. Большевики сдѣлали несомнѣнно очень много зла... Но неизмѣримо сильнѣе зло сидящаго въ каждомъ изъ насъ застарѣлаго первобытнаго большевизма, который и послужилъ главною причиною успѣха большевиковъ. Большевики только сумѣли сдѣлать удачную для себя спекуляцію на эту исконную черту русской народной стихіи и нынѣ эксплуатируютъ ее. Надъ кѣмъ смѣетесь? Надъ самими собою смѣетесь! — можемъ мы сказать себѣ самими словами Гоголевскаго городничаго, передъ лицомъ большевистской опасности. Большевики и есть тотъ Ревизоръ, котораго долго ждала и наконецъ дождалась Россія. Они и есть *reductio ad absurdum* всей Русской Революціи... Повторяю: большевики опираются на латышей и китайцевъ; но въ гораздо большей мѣрѣ они опираются на проклятый максимализмъ русской души, на тотъ ея первобытный анархическій Хаосъ, о которомъ я столько уже говорилъ. ~~Этотъ Хаосъ, эта религія~~ нигилизма призвала ихъ къ власти, и она-же удерживаетъ ихъ у нея.

Поэтому-то мнѣ и кажется, что, свергнувъ большевиковъ, мы не попадемъ сразу въ царство небесное. Я думаю, что и власть всякой иной партіи окажется, въ теперешнихъ условіяхъ, немногимъ лучше — а, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, даже хуже — чѣмъ власть большевиковъ. Первобытный Хаосъ разлился теперь въ Россіи слишкомъ широко и потрясъ ее слишкомъ глубоко, чтобы мы могли спастись какими-бы то ни было партіями. Не доказали-ли всѣ русскія партіи — и буржуазныя и социалистическія — самымъ нагляднымъ образомъ, въ эпоху печальной памяти Временнаго пра-

вительства, свое скудоуміе и бездарность, свою полную политическую незрѣлость и отсутствіе государственнаго пониманія и государственнаго умѣнія? Партіи — это... Впрочемъ, зачѣмъ называть имена? Ихъ незачѣмъ называть, во первыхъ, потому, что они и безъ того извѣстны каждому, а, во вторыхъ, — лучше поскорѣе забыть имена этихъ ничтожнѣйшихъ людей, вообразившихъ себѣ, въ припадкѣ буйнаго помѣшательства, что они смогутъ «продѣлать русскую революцію». Въ одномъ можно быть увѣреннымъ: въ томъ, что эта Революція не создастъ ничего и никого, сколько-нибудь возвышающагося надъ уровнемъ полнаго ничтожества. Можно быть увѣреннымъ, что не людямъ Революціи, которые сумѣли только разрушить Россію, удастся ее воссоздать.

Нѣтъ, спасти Россію можетъ теперь, какъ это было уже столько разъ втеченіе ея исторіи, — только Варягъ... Поэтому-то и были и будутъ столь-же безсильны, какъ и партійныя попытки спасти Россію, попытки Корниловыхъ, Дутовыхъ, Калединыхъ и другихъ¹⁾, что за этими попытками не стояло и не стоитъ, не стоитъ, по крайней мѣрѣ, въ достаточной степени — Варяга: какъ и кадетскія попытки Ляпуновыхъ въ Смутное время, всякія такого рода попытки, основанныя на внутреннемъ національномъ соглашеніи, заранѣе осуждены на неудачу. Напротивъ, за Варягомъ, какъ это было уже столько разъ въ ея исторіи, пойдетъ охотно и дружно вся Россія. Намъ нужно вновь окунуться въ варяжскій духъ. Намъ необходимы, чтобы спастись, варяжское знамя, варяжскіе навыки, варяжскія идеи и чувства. Повторяю: дѣло не въ томъ, не только въ томъ, чтобы прогнать большевиковъ, а главнымъ образомъ въ томъ, чтобы организовать — политически и экономически, социальнo и культурно — Россію будущаго. Но сами мы этого сдѣлать не сможемъ никоимъ образомъ: вся наша нынѣшняя дѣйствительность и вся наша исторія служатъ намъ въ этомъ крѣпчайшимъ ручательствомъ. Организовать духовно и матеріально новую Россію смогутъ только творческій духъ европейской культуры и ея дисциплина. Ибо только этотъ творческій духъ и дисциплина и всепроникающія европейскую культуру чувство порядка и іерархія цѣнностей смогутъ побѣдить нигилизмъ нашей первобытной анархической религіи.

Раскрыть природу этой религіи въ ея историческомъ дѣйствіи и показать ея разрушительную силу въ двойственной русской психикѣ и было задачею этой замѣтки.

1919.

¹⁾ Когда писались эти строки, подъ этими «другими» разумѣлись Колчакъ и Деникинъ; звѣзда перваго изъ нихъ горѣла въ то время полнымъ блескомъ, а звѣзда втораго начинала восходить.

Юрій Самаринъ или Императоръ Николай I?

1.

Владиміръ Соловьевъ посвятилъ, за нѣсколько лѣтъ до своей кончины, небольшую статью маленькому эпизоду изъ прошлаго. Эпизодъ этотъ — бурное столкновение Государя Николая Павловича съ Юріемъ Самаринымъ. Самаринъ — тогда чиновникъ Остзейскаго края — вздумалъ было проводить въ предоставленной ему, сравнительно, весьма узкой, сферѣ дѣятельности, нѣкоторыя свои собственные идеи, идущія въ разрѣзъ со взглядами правительства. Слухъ объ этой дѣятельности молодого администратора дошелъ до Государя. Самаринъ былъ вызванъ въ Петербургъ. И тамъ, въ кабинетѣ Императора, ему пришлось выслушать, съ глаза на глазъ, горячую отвѣдь разгнѣваннаго Самодержца.

Что-жъ это были за особыя Самаринскія идеи, вызвавшія гнѣвъ Государя? Идеи эти были славянофильскими идеями. И «политика», которую пытался проводить Самаринъ въ скромной сферѣ своей дѣятельности, была уже той обрусительной политикой нѣмцеѣденія и искусственнаго пробужденія латышскаго націонализма, которая впослѣдствіи, черезъ нѣсколько десятилѣтій, стала официальной политикой русскаго правительства. . . Мы знаемъ объ этомъ эпизодѣ со словъ самого Самарина. Что касается Соловьева, то онъ освѣщаетъ вопросъ, столь рѣзко раздѣлившій подданнаго и Государя — главнымъ образомъ съ религіозной стороны. Соловьевъ подчеркиваетъ тѣ реплики Монарха, изъ которыхъ видно, что послѣдній осуждалъ начинанія Самарина, какъ начинанія антихристіанскія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно ясно, что не меньшую роль игралъ въ глазахъ царя и анти-государственный характеръ его идей и дѣятельности. Во всякомъ случаѣ, политическая и религіозная оцѣнка этихъ идей совпадаютъ вполне.

Государь Николай Павловичъ понималъ, что такое Россія. А Самаринъ, какъ и всѣ славянофилы, этого не понималъ. Государь стоялъ всѣцѣло на почвѣ Имперіи, а славянофилы,

въ своихъ узко-націоналистическихъ грѣсахъ о старомосковскомъ теремѣ, были, въ сущности, совершенно равнодушны къ ней. Даже болѣе того: они были ея врагами и исподволь раѣрушали ее — пусть на половину безсознательно. Они были врагами «Петербургскаго періода русской исторіи», а Имперія именно и была этимъ «періодомъ». Могли ли они при этихъ условіяхъ не раѣрушать ее?

2.

Съ только что разсказаннымъ Самаринскимъ эпизодомъ любопытно сопоставить другое свидѣтельство. Оно исходитъ отъ врага «Николаевскаго режима» и тогдашней Россіи и тѣмъ-то оно особенно и цѣнно для насъ. Свидѣтельство это — разсказъ француза Кюстина объ его разговорѣ съ Императоромъ на балу — какъ нельзя лучше подтверждаетъ, до какой степени Николай Павловичъ не былъ націоналистомъ. «Вы полагаете, что вы среди русскихъ, сказалъ Государь въ этомъ разговорѣ, указывая на окружающихъ. Вы ошибаетесь: вотъ это — нѣмецъ, это — полякъ, это — грузинъ, тамъ — финляндецъ, этотъ — татаринъ... И все это вмѣстѣ и есть Россія». И чистѣйшимъ выраженіемъ этой Россіи, т. е. Россіи имперской, и былъ столь несправедливо осужденный Николаевскій режимъ. Именно тѣмъ, что нашъ старый режимъ и вся тогдашняя, Петербургская, политика Россіи не были націоналистскими (въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они были прямо-таки анти-націоналистскими), они были національными въ истинномъ значеніи этого слова, т. е. создавали имперское объединеніе и возвеличивали Россію. Имперія была не только «дистанціей огромнаго размѣра», но и дивнымъ откровеніемъ національнаго творчества и чудомъ политическаго зодчества. Лишь она пробудила, объединила и организовала разрозненные, инертныя и отчасти даже прямо анархическія силы нашей первобытной этнической стихіи; лишь она зажгла въ сердцахъ русскую вѣру и выковала въ нихъ русскій патриотизмъ. Отнесенные судьбой къ сѣверному полярному кругу, въ пустыя холодныя равнины, суровые лѣса и безводныя степи, безъ южнаго солнца, безъ теплаго моря, безъ традицій античной цивилизаціи — имѣли ли мы, въ сущности, право раѣсчитывать стать тѣмъ, чѣмъ мы стали въ дѣйствительности, т. е. міровою державою, могущественной и просвѣщенной страной, житницей Европы и нужнымъ, необходимымъ членомъ общества великихъ народовъ? И все это сдѣлала Имперія и только она. Русская культура и русское великодержавіе — намъ надо отдать себѣ въ этомъ полный отчетъ — представляли изъ себя историческій парадоксъ. Но, благодаря Имперіи, парадоксъ этотъ реально су-

ществовалъ въ продолженіи болѣе чѣмъ ста лѣтъ... Во внутреннемъ же ея дѣйстви, сила притяженія Имперіи была столь велика, что она сумѣла не только нейтрализовать, но и привлечь къ себѣ даже еврейскій элементъ — такъ было въ Николаевскія времена.

3.

«Въ Россіи правительство было всегда впереди народа». О какомъ правительствѣ говорилъ Пушкинъ, когда онъ сказалъ эти слова? Разумѣется, о правительствѣ Имперіи. И прежде всего онъ, конечно, имѣлъ при этомъ въ виду правительство своего времени, т. е. правительство Императора Николая. Это правительство, какъ и самую Имперію, долго не понимали ни мы сами, ни Европа. Не понимаютъ и теперь. Въ широкихъ кругахъ стало чуть ли не трюизмомъ считать Имперію — реакціонной; а съ другой стороны, съ легкой руки славянофиловъ, въ нашей исторической наукѣ процвѣлъ, вопреки очевидности и фактамъ, взглядъ на дѣло ея создателя, т. е. Петра Великаго, какъ на дѣло революціонное. Между тѣмъ Имперія, какъ и само дѣло Петрово, не была ни ретроградна, ни революціонна. Она была на самомъ дѣлѣ консервативна въ лучшемъ значеніи этого слова и вмѣстѣ съ тѣмъ прогрессивна по самому своему существу. Да, Пушкинъ не ошибался: въ Россіи правительство дѣйствительно всега было впереди народа.

И разгадку ярко-прогрессивной роли Имперіи мы находимъ уже въ основной ея идеѣ, той творческой и организующей ея идеѣ, которая раскрывается въ выше отмѣченныхъ историческихъ чертахъ ея живого олицетворенія и символа — Государя Николая Павловича. Въ самомъ дѣлѣ, въ упомянутыхъ выше двухъ случаяхъ — равносѣ Государемъ Самарина и его разговорѣ съ Кюстиномъ — отразились подлиннѣйшія идеологія и психологія Императора, бывшія вмѣстѣ съ тѣмъ основными идеологіей и психологіей самой Имперіи. При этомъ эти идеологія и психологія имѣютъ двѣ стороны.

Нѣмецъ . . . финляндецъ . . . грузинъ . . . татаринъ... Это и есть Россія... Что означаютъ эти слова? Они означаютъ, во-первыхъ, что всѣ подданные русскаго Государя, безъ различія племени и вѣроисповѣданія, составляютъ единую имперскую семью; что въ Имперіи не можетъ быть подданныхъ перваго и втораго сорта; что она не можетъ дѣлать различія между родными своими сыновьями и пасынками, между туземцами и пришельцами; что всякая политика обрусѣнія или созданія конфессіональной іерархіи правоспособности гражданъ противорѣчитъ идеѣ импе-

рии по самому существу. Императоръ Николай I былъ до такой степени чуждъ идеѣ обрусѣнія и былъ настолько далекъ отъ мысли о посягательствахъ на права національностей, что даже послѣ польскаго матажа 1831 г. онъ ни въ чемъ не стѣснилъ свободы культурнаго развитія польской національности въ предѣлахъ Царства Польскаго, а также Литвы и Бѣлоруссiи; онъ уничтожилъ лишь по чисто практическимъ соображенiямъ особую Польскую армiю. Отношенiе его къ воставшимъ всего лучше видно изъ надписи на извѣстномъ памятникѣ въ Варшавѣ: Полякамъ, павшимъ за вѣрность своему Государю. Монархъ каралъ мятежниковъ, воставшихъ противъ его законной власти, но былъ дальше далекаго отъ мысли объ обрусѣнiи.

Но, на ряду съ мыслью о равноправiи всѣхъ подданныхъ Всероссiйскаго Императора и всѣхъ населяющихъ Имперiю національностей, наша старая имперская идея имѣла и другую сторону... Нѣмецъ... финляндецъ... грузинъ... татаринъ... Кромѣ этихъ, Имперiя заключала въ себѣ не одинъ десятокъ еще и иныхъ національностей и племенъ, вплоть до тунгузовъ и юкагировъ. Но совершенно очевидно, что, будучи для всѣхъ общей матерью, Имперiя строилась и была жива не этими тунгузами и юкагирами, и даже не грузинами и татарами. Кѣмъ же преимущественно строилась она? Кореннымъ русскимъ племенемъ? Нѣтъ! Превознесшая до небесъ русское имя и создавшая русскую славу и русское величiе старая Имперiя отвѣчала иначе, въ сокровеннѣйшей своей мысли, на этотъ вопросъ. Она считала себя призванной и дѣйствительно была призвана это племя оевропейтъ. Могла ли она при этомъ отправляться отъ коренныхъ его племенныхъ чертъ? Во многихъ отношенiяхъ она была прямымъ отрицанiемъ этихъ чертъ, борьбой съ ними. Во всякомъ случаѣ, ея работа была направлена скорѣе на разрушенiе, чѣмъ на обрусѣнiе. Да и вообще она была живымъ отрицанiемъ темнаго этнизма и ветхаго московскаго терема. Принадлежность къ русскому племени сама по себѣ не означала ничего. Мѣриломъ цѣнности подданнаго была лишь служба Имперiи. Поэтому служащiй грузинъ былъ всегда выше неслужащаго русскаго. Кромѣ того, паролемъ и лозунгомъ Имперiи было дѣло Петрово. Она смотрѣла на Западъ, а не на Востокъ. Поэтому-то лишь Западомъ могла она вдохновляться и лишь на Западѣ почерпать творческiя струи. Отсюда — вся направленная на Западъ политика стараго Имперскаго правительства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и огромная роль, выпавшая въ строительствѣ Имперской Россiи нашимъ западнымъ, населеннымъ нерусскимъ и во всякомъ случаѣ не великороссiйскимъ племеннымъ элементомъ, областямъ и прежде

всего тому самому Остаейскому, какъ тогда говорили, краю, въ которомъ выступилъ со своею айти-имперскою и, въ сущности, совершенно революціонной дѣятельностью молодой Самаринъ¹⁾.

4.

Наше старое Имперское правительство было европейскимъ правительствомъ азіатской страны. И поэтому это правительство всегда и было впереди народа. Такъ обстояло дѣло до самаго послѣдняго дня, т. е. вплоть до нашей алосчастной и бездарной революціи: изъ двухъ силъ, творившихъ на нашихъ глазахъ судьбу Россіи — правительства и пресловутой «общественности» — прогрессивною силою было, конечно, правительство, олицетворявшее Имперію. Эта истина уже теперь должна быть ясна для всякаго, кто хочетъ видѣть, и она будетъ становиться съ каждымъ днемъ еще яснѣе.

Но какъ ни истинна эта истина, нельзя не видѣть, что въ самой Имперіи, въ основныхъ ея идеяхъ и повседневной практикѣ, произошли, втеченіе послѣднихъ десятилѣтій, существенныя, коренныя измѣненія, искажившія въ концѣ концовъ ея подлинное лицо. Красивыя, благородныя линіи поздняго ренесанса и барокко и гордое величіе ампира смѣнились понемногу — впадающей въ намѣренный и, слѣдовательно, ложный архаизмъ пестрою, несообразною въ деталяхъ и въ общемъ тяжелою постройкою въ «теремномъ» стилѣ. И параллельно съ усиленіемъ въ имперской жизни начала «самобытности» стали понемногу изсякать въ ней прежнія дѣйствительно животворящія струи. Шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые года — вотъ первые этапы этого нисходящаго развитія, или, говоря проще, русскаго декаданса. Героическая эпоха Россіи окончилась. Русская слава поблекла и постарѣла, и перестала звенѣть русская побѣда. Наступили сумеречныя десятилѣтія. Самаринскія, славянофильскія идеи торжествовали по всей линіи. Онѣ-то и сдѣлали возможнымъ революціонный подкпопъ.

5.

Намъ необходимо дать себѣ полный и ясный отчетъ въ томъ, что Россію разрушила столько же прямая атака Революціи, сколько расслабляющее дѣйствіе Реакціи, столько же

¹⁾ Вполнѣ, въ сущности, аналогична съ ролью Балтійскихъ губерній была, въ общей экономіи нашей старой Имперіи, и роль губерній Польскихъ. Но вопросъ о значеніи польскаго элемента въ Имперіи, значительно сложнѣе и требуетъ для своего разсмотрѣнія особой статьи.

соціалістическій интернаціональ, сколько славянофильскій націонализмъ. Славянофильская реакція омертвила въ нѣсколько десятилѣтій всю живую ткань Имперіи и уничтожила ея когда-то огромную силу сопротивления. Она спутала и смѣшала, видоизмѣнивъ ихъ до неузнаваемости, всѣ основныя идеи, всю психологію старой Имперіи. Она привнесла къ этимъ идеямъ инныя, совершенно чуждыя и даже противорѣчащія природѣ Имперіи, идеи, и, измѣнивъ, въ концѣ концовъ, кореннымъ образомъ всю Имперскую политику, перепутала и ослабила до чрезвычайности ея внѣшнія и внутреннія позиціи... Только благодаря этому перерожденію нашей старой Имперіи, Революція смогла разыграть у насъ свою игру.

Западническая революція вела противъ Имперіи прямую атаку; славянофильская же реакція подтачивала медленно дѣйствующимъ ядомъ ея крѣпкій и здоровый организмъ. И такое согласное, ведшее, хотя и разными путями, къ одному и тому же результату — дѣйствіе двухъ враждующихъ силъ сумеречной Россіи далеко не случайно. Оно имѣетъ, напротивъ, очень глубокія причины, лежащія въ самой основѣ ихъ природы, въ ихъ внутреннемъ затаенномъ сродствѣ.

Въ высшей степени любопытно отношеніе Государя Николая Павловича къ первымъ¹⁾ славянофиламъ. До насъ дошло мнѣніе современника и къ тому же весьма умнаго и наблюдательнаго человѣка (Свербеева) — будто все славянофильское движеніе было вызвано правительствомъ, т. е. Императоромъ Николаемъ. Но достаточно вспомнить описанный въ этой вѣткѣ случай съ Самаринымъ, не говоря уже о всемъ томъ, что намъ извѣстно о взглядахъ и личности этого Государя изъ другихъ вполне достовѣрныхъ источниковъ, чтобы получить увѣренность въ томъ, что мнѣніе Свербеева не только преувеличено, но прямо невѣрно въ своей основѣ... Но понятно, почему современникамъ могло казаться, что славянофильство пользуется покровительствомъ правительства, если и не вызвано прямо имъ: многія стороны и проявленія этого движенія (монархизмъ, церковность, патріотизмъ) не могли не быть угодными Государю и не соответствовать видамъ правительства. И отчасти оно и было такъ. Но правильнѣе было бы сказать, что Монархъ лишь терпѣлъ существованіе секты,

¹⁾ Московскіе первые славянофилы, т. е. славянофилы 30—40-хъ годовъ, были по времени уже вторыми носителями этого имени. Первыми же хронологически его носителями были послѣдователи Шишкова (въ царствованіе Императора Александра I). Но такъ какъ, съ одной стороны, московское славянофильство 30-хъ годовъ возникло внѣ преемственной связи со школою Шишкова, а съ другой стороны — сама эта школа не оставила въ исторіи русской культуры замѣтнаго слѣда, то имя «славянофиловъ» закрѣпилось за славянофилами 30-хъ годовъ, т. е. за славянофилами изъ кружка братьевъ Станкевичей.

поскольку ожидалъ отъ нея, въ ея дѣйствіи на окружающую среду, исполненія своихъ собственныхъ намѣреній и предначертаній. Однако это не мѣшало ему относиться къ движенію съ большимъ подозрѣніемъ. По многому видно, что Императоръ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что и самый монархизмъ и церковность и патріотизмъ славянофиловъ — не были вполне тѣми монархизмомъ, патріотизмомъ и церковностью, какъ онъ ихъ самъ понималъ и чувствовалъ и какъ онъ хотѣлъ, чтобы ихъ понимали и чувствовали его подданные... Славянофилы никогда не пользовались особою милостью и находились подъ неусыпнымъ наблюденіемъ администраціи нисколько не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ ихъ враги — западники. Можно сказать, что Государь плохо разбирался въ принципиальныхъ различіяхъ, раздѣлявшихъ обѣ секты, и смѣшивалъ ихъ въ одно. И поступая такъ, — онъ вовсе не былъ неправъ. Напротивъ, относясь къ славянофиламъ съ такою же подозрительностью, какъ и къ западникамъ, онъ обнаружилъ не только въ высшей степени вѣрный государственный инстинктъ, но и глубокое пониманіе политическихъ идей и исторіи и прежде всего глубокое пониманіе своей Имперіи.

6.

Въ томъ и дѣло, что славянофильство и западничество, эти кровные и, казалось бы, непримиримые враги — родоначальники нашихъ Реакціи и Революціи — были родными, кровными братьями. Они были ими и не могли ими не быть, такъ какъ обѣ секты возникли изъ однихъ и тѣхъ же идей и настроеній въ одномъ и томъ же Московскомъ кружкѣ 30-годовъ¹⁾. Оттого то и наши Реакція и Революція оказались другъ другу сродни. Я назвалъ выше дѣятельность Самарина, славянофила и будто-бы консерватора, — революціонною. И ее по истинѣ нельзя назвать иначе, такъ какъ она ниспровергала священныя временемъ и традиціями основы имперской жизни. И именно какъ къ дѣятельности революціонной къ ней и отнесся Императоръ Николай I. И тоже можно сказать и о всей вообще русской Реакціи. Реакція хотѣла превратить инородцевъ изъ подданныхъ русскаго Государя въ подданныхъ русскаго народа. Она не говорила этого прямо, но этотъ постулатъ несомнѣнно заключался *implicite* въ ея программѣ. И этимъ, при внѣшнемъ монархизмѣ славянофиловъ, Реакція въ дѣйствительности извращала самую идею монархіи, а также и идею Всероссійской Имперіи. Такъ-то впоследствии, когда она уже попиталась славянофильскими идеями, — стала ре-

¹⁾ Въ упоминавшемся уже кружкѣ братьевъ Станкевичей.

волюціонною и дѣятельность самого правительства, съ его лозунгами «обрусѣнія», «Россіи для русскихъ»¹⁾ и явнымъ возвращеніемъ къ — правда, фантастическому, какъ и всѣ идеалы славянофильства — московскому Кремлю. Этотъ-то отказъ отъ старой Петербургской программы, т. е., въ сущности, отказъ отъ Имперіи, революционировалъ Россію не въ меньшей степени, чѣмъ бомба Желябова и «иллюминации» 1905 года.

Но въ той же мѣрѣ, какъ была революціонна наша Реакція, была реакціонна и даже ретроградна — сама Революція. Революція уже загнала Россію на нѣсколько вѣковъ назадъ. И можно ли этому удивляться, когда ея основной и наиболѣе дѣйственный лозунгъ — призывъ къ черному передѣлу — представляетъ изъ себя не что иное, какъ отказъ отъ самого принципа прогресса и возвратъ къ первобытному варварству и хаосу?.. Эти то черты — революціонность нашей Реакціи и реакціонность нашей Революціи — и указываютъ на ихъ глубокое органическое сродство. И этому, повторю, нельзя удивляться, такъ какъ и Желябовъ и братья Аксаковы произошли изъ одного и того же источника и вмѣстѣ связаны преемственно съ давно позабытыми ночными спорами и юношескими бесѣдами въ одной и той же старой барской квартирѣ въ Нащокинскомъ переулкѣ въ Москвѣ.

7.

Извѣстно, какъ въ свое время метался между западничествомъ и славянофильствомъ — Герценъ. Но въ наши дни споръ между ними можно признать окончательно разрѣшеннымъ и сказать, что изъ двухъ — Бакунина и Самарина — былъ правъ... Императоръ Николай. Да, намъ слѣдуетъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что и Самаринъ былъ не менѣе неправъ, чѣмъ былъ неправъ Бакунинъ. Теперь, накануне строительства новой Россіи, намъ особенно необходимо вполне выяснитъ, какой Россіи, какой Имперіи мы хотимъ. Ибо между старою, настоящею Имперіей Императоровъ Александра I и Николая I и Россіей послѣднихъ сумеречныхъ десятилѣтій была огромная разниа. Это были двѣ различныя, а вовсе не одна и та же государственность: совершенно различное было у нихъ содержаніе и даже различны были ихъ формы...

¹⁾ Девизомъ Имперской Россіи можетъ быть только: Россія для русскихъ — хорошее старинное слово, нами почти забытое. Историческое и метафизическое обоснованіе намѣченныхъ здѣсь мыслей читатель найдетъ въ послѣднихъ главахъ очерка Двѣ Россіи и Украинскіи вопросъ (см. ниже).

8.

Эти строки обращены не къ г. г. революціонерамъ, а къ русскимъ консерваторамъ. Революціонеровъ все равно ни въ чемъ не убѣдишь. Какъ показываетъ опытъ разныхъ «Парижскихъ совѣщаній» и революціонныхъ правительствъ Колчака, Деникина, Ліанозова и т. д., русскіе революціонеры, подобно Бурбонамъ, ничего не забыли и ничему не научились. Они безнадежны. На консерваторовъ же уже потому можно возложить болѣе надежды, что въ нихъ болѣе искренности и простоты. Но и консерваторы легко могутъ проиграть свое дѣло, т. е. дѣло Россіи, дѣло Имперіи, а потому обращаюсь къ нимъ и говорю: господа! пересмотрите, пока не поздно, свои тезисы и создайте цѣлостную, органическую, опирающуюся на жизнь и исторію, программу. Эта программа должна быть не націоналистскою, а имперскою, не русскою, а Россійскою. Но для того, чтобы создать такую органическую программу слѣдуетъ прежде всего уяснить себѣ возможно отчетливѣе — что такое была старая, настоящая Имперская Россія, которую отчасти вы сами проиграли въ игрѣ въ «самобытность» и «исконныя начала». Пусть и эта великая — не однимъ своимъ территориальнымъ размѣромъ — Имперія была, до извѣстной степени, иллюзіей — я сказалъ уже, что трудно создать европейское государство подъ полярнымъ кругомъ. Но эта иллюзія была такъ полна и реальна, что она претворялась въ жизнь. И уже во всякомъ случаѣ она была реальнѣе темныхъ закоулковъ, въ которые насъ завлекли славянофилы. Подымитесь же изъ низинъ темнаго этнизма на свѣтлыя высоты нашей былой Имперіи, а для этого прежде всего рѣшайте, съ кѣмъ вы хотите идти: съ Юріемъ Самаринымъ или съ Императоромъ Николаемъ I?

Имперія не знаетъ, не можетъ знать партій, ибо Имперія есть единеніе. И намъ нужна не партія, а единеніе. Но если и для единенія необходимо имя, какъ постоянное напоминаніе объ его цѣли, какъ вѣчно звучащее его пароль и лозунгъ, то трудно намъ придумать лучшее имя, чѣмъ: Всероссійскій Имперскій Союзъ.

1920.

*

De bello Samarico.

Предъидущая статья вызвала нѣсколько возраженій съ дружественной стороны. На эти возраженія авторъ отвѣтилъ въ рядѣ бѣглыхъ замѣтокъ. Такъ какъ эта полемика не лишена, въ виду новизны темы, и общаго интереса, то ниже помѣщаются нѣкоторыя изъ нихъ. Изъ этихъ отвѣтовъ видно и существо сдѣланныхъ возраженій.

*

*

*

Сумеречная Россія! Сумеречныя десятилѣтія! Надъ нами нынѣ нависла черная ночь. Но какъ называется то, что бываетъ передъ наступленіемъ темноты? Не сумерками-ли? Въ этомъ смыслѣ я и назвалъ «сумеречными» тѣ десятилѣтія, которыя насъ привели къ нынѣшней непроглядной ночи. Продолжая ретроспективно то же сравненіе, можно назвать Александро-Николаевскіе дни свѣтозарнымъ полднемъ, вѣкъ Екатерины — яснымъ утромъ, а эпоху Петра — зарею великой Имперской Россіи. Все это, разумѣется, *au figuré*. Но все это вмѣстѣ съ тѣмъ — вполне реальныя сравненія, раскрывающія наиболѣе важныя и характеристическіе признаки и такъ сказать живую душу перечисленныхъ эпохъ.

* * *

Обрусѣніе — разрусѣніе... Въ такой плоскости вопросъ, разумѣется, и не могъ ставиться въ Николаевскія времена. Тогда понятія не имѣли о какой-либо націоналистической агитаціи, и все проникала живая идея государственности. Въ порядкѣ дня былъ тогда не націонализмъ, а имперскій — другого тогда не знали — патріотизмъ. Этотъ патріотизмъ былъ направленъ къ крѣпости, силѣ и величію Россіи. И направлялись къ нимъ опытными, т. е. имперскимъ, Петербургскимъ путемъ, ставшимъ уже государственной традиціей. Это былъ старый Петровскій путь европеизаціи Россіи. Но практически, т. е. въ своемъ осуществленіи, онъ неизбѣжно велъ въ разрусѣнію, къ отказу отъ этнизма, даже къ борьбѣ съ нимъ и къ культивированію совершенно чуждыхъ и даже противоположныхъ природно-этническимъ — чертъ и цѣнностей. «Национальная фizioномія» вскормившей насъ Россіи, т. е. культъ Царя, арміи, всего героическаго, строгая іерархичность и дисциплина, какъ въ соціально-политической, такъ и въ чисто-духовной сферѣ, а съ другой стороны — возвышенное благородство литературы (Пушкинъ), культъ долга и чести и даже сама свѣтлая покорность трудолюбиваго и безпечно-веселаго въ своей работѣ народа, все это сложилось (это и было дѣломъ Имперіи) не только не въ согласіи съ наслѣдственными чертами нашей этнической среды, но прямо въ противорѣчьи съ ними, вопреки имъ... Неужели въ этого не замѣтили до сихъ поръ...

* * *

Наоборотъ: реформы Александра II только кажутся «европейскими». Европейскими были (и то не во всемъ) — только ихъ внѣшнія формы; но ихъ духъ и внутреннее содержаніе — а это самое главное — были далеко не европейскими. Вспомните, что говорили этому монарху старобрядцы: «въ твоей новизнѣ, государь, старина наша родная намъ слышится.» И это глубоко вѣрно... Изъ реформъ «освободительной эпохи» многія были необходимы, хотя осуществлены были онѣ всѣ крайне необходимо и неудачно. Въ результатѣ же и практически черезъ эти именно реформы вновь хлынули на русскую культуру и русскую государственность загнанныя двумя столѣтіями въ глубокую подпочву — волны первобытнаго этнизма... Что касается «не-русскости» нашей интеллигенціи, то ужъ извините: она истинно-русская и подлинно-русская до мозга костей и до послѣдняго шарика крови... Перечтите то, что я написалъ на эту тему въ Двухъ Россіяхъ и еще подробнѣе въ *La Russie révolutionnaire*.

* * *

И еще сопоставленіе. У насъ до послѣдняго времени не было парламента, а въ Европѣ такіе парламенты были повсемѣстно и уже давно. Между тѣмъ «парламентаризмъ», въ сущности, вовсе не типиченъ для Ев-

ропы, и, наоборотъ, очень типиченъ для насъ. Подробнѣе объ этомъ въ статьѣ Нѣчто о географіи.

Поэтому-то славянофильство, рядясь въ тогу «борьбы съ парламентаризмомъ», на самомъ дѣлѣ именно подготавливало его тѣмъ, что исподволь разрушало живую ткань нашей исторической (Имперской) государственности.

* * *

Да неужели все случилось только потому, что были «бѣками» — кадеты и социалисты? Нѣтъ! Исторія такъ просто не дѣлается! Кадеты — кадетами, и уничтожайте ихъ. Но поймите, что только потому и могли ихъ происки увѣнчаться успѣхомъ (февраль-мартовская революція), что было неправильно все развитіе нашей государственности втеченіе послѣднихъ десятилѣтій. Вы считаете бездоказательнымъ мое утвержденіе, что славянофильская Реакція омертвила въ нѣсколько десятилѣтій всю живую ткань Имперіи и уничтожила ея, когда-то бывшую огромной, силу сопротивленія. Не знаю, какихъ еще вамъ надо доказательствъ — теперь, когда мы разбросаны по всему міру, яко іудеи въ разсѣяніи. Развѣ не только потому мы теперь уподобились имъ, что бывшая ранѣе на диво крѣпкою — ткапь нашей Имперіи омертвѣла, что она потеряла свою прежнюю силу сопротивленія. Можно, конечно, ставить различные діагнозы нашей болѣзни. Но отрицать фактъ — просто смѣшно...

* * *

Но пусть-бы у насъ вовсе не произошло въ 1917 году революціи (она, конечно, до извѣстной степени, историческая акциденція) — а все-таки нельзя было-бы спорить противъ того, что наша государственность «сумеречныхъ» — какъ иначе назвать ихъ? — десятилѣтій была больна, что націоналистическая Реакція омертвила социальную и государственную ткань Россіи. Развѣ не подъ знакомъ славянофильской Реакціи происходила, втеченіе послѣднего полулѣтія, не только борьба съ Революціей, но и вся вообще государственная работа? А съ другой стороны: стала-ли бы дѣйствительно здоровая государственность втеченіе 40 лѣтъ толочась на мѣстѣ и возится съ земствомъ? — я думаю, что вы согласитесь съ тѣмъ, что я высказалъ по этому поводу въ статьѣ Мы и Они. А удачныя, втеченіе десятилѣтій, покушенія революціонеровъ? и не только удачныя покушенія но порою революція прямо диктовала правительству свою волю: вспомните его соглашеніе съ народолюбцами при Александрѣ II и бомбу Плеве, приведшую къ 17 октября. Революцію сдѣлала, безспорно, общественность. Но больна была и государственность, не умѣвшая эту шальную общественность обуздать. Да, нашъ «реактивъ» послѣднихъ десятилѣтій былъ дѣйствительно болѣзненнымъ режимомъ — хотя совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, въ какомъ его называла болѣзненнымъ Революція.

* * *

Вы говорите о «молчаливой, хозяйственной работѣ Александра III». Но я спрашиваю: почему эта большая — согласенъ съ этимъ — работа обнаружила лишь весьма малую долю того полезнаго дѣйствія, которое она могла-бы имѣть? И отвѣчаю: потому, что за всей этой благородною и усидчивою работою уже не было, въ сущности, живой души, т. е. старой имперской идеи, что эта идея была тогда уже помрачена. Эта работа не спасла, не могла уже насъ спасти отъ Революціи именно потому, что она происходила въ уже сумеречной Россіи... И въ этой Россіи были, разумѣется, и эпохи подъема и отдѣльные даже блестящіе проявленія и черты. Имперская Россія, разумѣется, не вся сразу пропала въ «суме-

речныя» десятилѣтія. Многія старыя традиціи оставались живы и при государѣ Николаѣ II — я объ этомъ прямо говорю въ статьѣ Мы и Они. По инерціи государственное творчество продолжалось. Но это отнюдь не доказываетъ, что государственный организмъ Россіи былъ въ эту эпоху здоровъ. Развѣ не совершается большинство отправлений и развѣ не бываетъ даже способенъ наращивать новыя клѣточки — и тяжело больной организмъ?

* * *

Лично я любилъ Имп. Александра III горячею отроческою и юношескою любовью. Но эпоха его — о ней-то исключительно, а вовсе не о его личности, я и говорю въ Самаринѣ — была скверная эпоха (не во всемъ скверная, конечно). Онъ, въ сущности, вовсе не былъ славянофиломъ. Я какъ сейчасъ помню — я былъ тогда юношей — рассказъ одного моего родственника, пріѣхавшаго къ намъ прямо съ выхода въ Кремлевскомъ дворцѣ: какъ лицо Государя нервно сжалось при словахъ привѣтствовавшаго его городского головы (извѣстнаго въ свое время Алексѣева) о желанной близости того момента, когда «крестъ снова засіяетъ на Св. Софіи» (въ Константинополѣ). Въ дѣйствительности-же политика Александра III шла, конечно, по линіи компромисса совершенно, въ сущности, несомѣстимыхъ другъ съ другомъ старо-имперскихъ и славянофильскихъ идей. Порою-же, особенно во внутренней политикѣ, онъ прямо вдавался въ «русскій стиль». Я думаю, что временами онъ отдавалъ себѣ отчетъ въ томъ, что путь этотъ — опасный путь. Но не всегда. И во многомъ политика его была не только ошибочна, но вела къ цѣлямъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, которыя были имъ самимъ поставлены. Таково знаменитое «поддержаніе дворянства» и подчеркиваніе его государственной роли. Ничто въ сильнѣйшей степени не сокрушило нашего дворянства и вообще не подточило нашей старой, имперской іерархіи цѣнностей, какъ именно это «поддержаніе» и превознесеніе роли нашего «первенствующаго сословія». Таковы-же и параллельное «поддержаніе крестьянства» и вся направленная на укрѣпленіе общины и сохраненіе рѣзко-обособленнаго характера крестьянства политика, приведшія къ абсурду «аграрнаго вопроса» и прямо подготовившія Революцію. А рядомъ со всѣмъ этимъ романтизмомъ — большой реализмъ. «Царь — миротворецъ.» Онъ видимо хорошо понималъ, что Россія не можетъ воевать, что она больна... Да, много противорѣчиваго и загадочнаго, много фатума было въ судьбѣ нашихъ сумеречныхъ десятилѣтій...

* * *

О роли польскаго элемента въ Имперіи. Роль эта имѣла безусловно нѣсколько аспектовъ. Вопросъ въ томъ, какой изъ нихъ — главнѣйшій. Я замѣтилъ уже въ Самаринѣ, что вопросъ этотъ сложенъ и требуетъ утонченнаго вниманія, т. е. разсмотрѣнія въ отдѣльной статьѣ. Мнѣніе мое заключается въ томъ, что польскій элементъ имѣлъ огромное значеніе въ социальной структурѣ Россіи, а, слѣдовательно, и въ консолидаціи Имперіи. И я сильно сомнѣваюсь, чтобы мы могли возсоздать ее безъ участія этого элемента.

Нѣчто о географіи.

Не дворянская это, батюшка, наука: на
то есть извозчики . . .

Госпожа Простакова (въ Недорослѣ
Фонвизина).

«У этого народа парламентаризмъ — въ крови», часто повторяетъ, говоря о Россіи, Валишевскій, историкъ Ивана Грознаго, Смутаго времени и первыхъ Романовыхъ, историкъ Петра и Екатерины. И въ извѣстномъ смыслѣ это глубоко вѣрно. Никто такъ не любитъ и самъ поговорить и послушать чужія мнѣнія, какъ русскій человѣкъ. Никто не вѣритъ, какъ онъ, въ силу аргумента, въ то, что «люди говорятъ». Діалектикъ по темпераменту, русскій отъ природы — политикъ и «общественный человѣкъ». Онъ охотнѣе подчиняется силѣ убѣжденія, чѣмъ убѣжденію силы — то, что онъ часто слушается лишь палки, нисколько не противорѣчитъ этому утвержденію. Онъ любитъ сназвать свое слово и въ томъ, что его касается, и въ томъ даже, что совершенно не касается его. И если въ существованіи парламентаризма въ нашей «крови» и можно было сомнѣваться въ прежнее время, то теперь, послѣ того какъ мы пережили 1917 годъ, въ этомъ, кажется, уже совершенно невозможно сомнѣваться. Не во имя-ли парламентаризма, — хотя и безо всякихъ шансовъ на успѣхъ, — затѣяли мы свою знаменитую революцію? А Совѣты? Что бы мы ни говорили, но и они задѣли несомнѣнно за какія-то весьма чуткія струны въ глубинѣ души нашихъ «народныхъ массъ». Развѣ совѣты не дали имъ — пусть варварскій, приспособленный къ строю первобытной страны — но все-же «парламентаризмъ»? И развѣ не во имя именно этого парламентаризма ополчился на большевиковъ, лѣтомъ 1920 года, радикальный Кронштадтъ (да одинъ-ли Кронштадтъ?), нашедшій, что большевистская Россія — недостаточно ~~больш~~ большевистская, что она «совѣтская» — лишь по имени? . .

И однако Россія, несмотря на свой «парламентаризмъ въ крови», всегда стремилась къ самодержавному строю, даже

болѣе того: была самодержавнѣйшей страною въ мірѣ. Она была самодержавнѣйшей страною въ мірѣ . . . и осталась самодержавнѣйшей въ мірѣ страною и при большевикахъ. Да, она вновь стала ею даже раньше прихода большевиковъ, ибо первое, что она сдѣлала, когда, казалось, добилаь наконецъ парламентаризма, было то, что она закрыла свой парламентъ, или, по крайней мѣрѣ, не захотѣла, или не сумѣла, его отстоять.

Возьмемъ теперь другой примѣръ. Не англичане-ли, казалось-бы, — самый «парламентарный» народъ на свѣтѣ? Не англійскій-ли парламентъ — старѣйшій въ мірѣ? Да и не въ одной-ли, въ сущности, только Англіи былъ дѣйствительно осуществленъ парламентскій строй? Между тѣмъ всякому, кто бывалъ въ Англіи, извѣстно, что средній, рядовой англичанинъ, англичанинъ-обыватель, интересуется политикой значительно меньше, чѣмъ французъ или нѣмецъ, не говоря уже объ итальянцахъ, грекахъ и тѣмъ болѣе о такихъ присяжниковъ «политикахъ», какими были всегда русскіе интеллигенты. Англичанинъ, какъ извѣстно, мало общителенъ и слишкомъ интересуется своими собственными дѣлами, чтобы удѣлять достаточно вниманія дѣлу общественному, особенно въ смыслѣ «большой» политики. Оттого-то онъ и «общественную дѣятельность» конструируетъ, въ своемъ сознаніи, строго профессионально. Нигдѣ политика не въ такой сильной степени, какъ въ Англіи, — дѣло специалистовъ. Вслѣдствіе этого получается, что нѣтъ страны, гдѣ масса была-бы такъ равнодушна къ политикѣ и такъ невѣжественна въ ней, какъ именно тамъ. У англійскаго народа нѣтъ ни капельки парламентаризма въ крови. Война могла внести въ этомъ отношеніи нѣкоторыя измѣненія, но всего вѣроятнѣе, что все снова постепенно придетъ въ этомъ отношеніи въ Англіи — въ первобытный видъ. Тамъ занимается и интересуется политикой лишь самый незначительный слой профессиональных политиковъ. Политическая Англія — это даже не десятки тысячъ, ето, въ сущности, всего нѣсколько сотъ человѣкъ. . .

2.

Оба приведенныя примѣры — Россіи и Англіи — показываютъ, что политическій строй страны часто противорѣчитъ характеру народа и многимъ основнымъ свойствамъ и предрасположеніямъ его души. Политическій строй вполне можетъ развиваться — вопреки этимъ свойствамъ и предрасположеніямъ: «парламентарный» англичанинъ, въ сущности, столь-же мало парламентаренъ, сколь мало «самодержавенъ» по своему темпераменту и психологіи — историческій самодержавецъ, русскій. Эта, на первый взглядъ, аномалія объясняется тѣмъ,

что государственный строй данной страны диктуется прежде всего и главным образом ея географіей. Всѣ-же остальные факторы, въ ихъ числѣ народный характеръ, имѣютъ въ этомъ отношеніи неизмѣримо меньшее значеніе. Такъ англійскій парламентаризмъ, самая возможность его возникновенія, объясняется главнымъ образомъ, если не исключительно, островнымъ положеніемъ Англіи: это-то положеніе и создавало всегда для Англіи, какъ націи, рѣзко очерченную солидарность интересовъ, а, наряду съ нею, и условія внѣшней безопасности — въ степени, неизвѣстной никакой другой европейской странѣ. Вытекающее-же изъ обоихъ этихъ факторовъ — отсутствіе необходимости въ приданіи государству военного характера, характера единоличнаго командованія, и явилось условіемъ органической эволюціи англійскаго парламентаризма. Что касается русскаго историческаго государственнаго строя, то онъ объясняется соединеннымъ дѣйствіемъ двухъ главнѣйшихъ факторовъ:

1. Государственное единство Россіи было обусловлено прежде всего географическимъ единствомъ ея территоріи (отсутствіе ясныхъ и твердыхъ границъ — прежде всего горныхъ хребтовъ — между отдѣльными частями этой территоріи); оттого-то Россія такъ рано могла объединиться, несмотря на огромность своей территоріи; оттого-то эпохи разъединенія продолжались въ русской исторіи сравнительно недолго; оттого-то образовавшееся на русской территоріи мѣстные центры притяженія (удѣлы древней Русси, впослѣдствіе Москва и Тверь, Московское государство и сѣверно-русскія республики (Новгородъ и Псковъ), наконецъ царство «всѣя Руси», Украина и Польша) неукоснительно вступали другъ съ другомъ въ безпощадную, впредь до политическаго уничтоженія противника, борьбу.

2. Но обширность этой территоріи и связанныя съ нею почвенныя, климатическія и всякаго иного рода различія всегда создавали крупныя противорѣчія интересовъ между отдѣльными ея частями¹⁾. Эти противорѣчія были настолько велики, что ихъ всегда было безсильно сгладить и примирить — внутреннее національное соглашеніе. Примирить и сгладить ихъ могла только внѣшняя сила (власть князей-Рюриковичей и впослѣдствіи Московскихъ царей и Петербургскихъ императоровъ), создавая у насъ своего рода Расет гомат. И по мѣрѣ того, какъ эта внѣшняя — внѣшняя во

¹⁾ Я подчеркиваю, что говорю не о социальныхъ и не о национальныхъ противорѣчіяхъ — эти противорѣчія искусственны и раздуты, если не прямо выдуманы, партіями — а о дѣйствительныхъ противорѣчіяхъ между интересами отдѣльныхъ областей бывшей Имперіи. Игнорировать эти противорѣчія — невозможно.

всѣхъ смыслахъ этого слова — сила органически выросла, по мѣрѣ того, какъ совершенствовался государственный аппаратъ и множились, крѣпли и росли традиции и престижъ этой внѣшней власти, не только сглаживались противорѣчія между интересами отдѣльных частей государственной территории, но ихъ невыгоды стали компенсироваться выгодами государственнаго единства. Это не значитъ, конечно, что противоположность интересовъ отдѣльныхъ областей совершенно исчезла (она-то и выступила сразу наружу, когда рухнула регулировавшая ее историческая власть). Но эта власть до того хорошо сумѣла, своимъ историческимъ дѣйствіемъ, скрыть противорѣчія интересовъ между отдѣльными областями Россіи, что даже зоркій глазъ Революціи не замѣтилъ ихъ. Революція кричала лишь о противорѣчійхъ социальныхъ и національныхъ. Между тѣмъ, поскольку тѣ и другія составляли не плодъ агитации, а реальное явленіе, это явленіе лишь отражало скрытыя въ немъ и болѣе глубокія противорѣчія — региональныя (областныя). Но ихъ-то и не могла, а отчасти и не захотѣла замѣтить — пусть и кричавшая объ «автономіяхъ» — но все-же Великороссійская, т. е. по самому своему существу унитаристская, Революція. Нечего уже говорить о томъ, что бывшее въ Россіи всегда невозможнымъ парламентское примиреніе этихъ противорѣчій (національное соглашеніе) — менѣе, чѣмъ когда-либо, возможно именно въ настоящіе дни всеобщаго развала.

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что отдѣленіе отъ Россіи ея окраинъ неизбежно встрѣтитъ сильнѣйшія препятствія въ самой географіи страны. Географическій факторъ и сейчасъ уже работаетъ и всегда будетъ работать противъ нѣсколькихъ Россій, т. е. противъ Великороссіи, Украйны, Литвы, Латвіи, Эстоніи и т. д., ибо географически есть только одна Россія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Украйны, Москвы, Литвы и т. д. нельзя создать обще-русскаго парламентаризма: изъ нихъ можно создать только Всероссійскую Имперію, т. е. соединство, основанное на началѣ не соглашенія, а авторитета.

3.

Въ нашу тяжелую годину всеобщей разрухи мы можемъ все-же черпать утѣшеніе у древнихъ писателей. Порою они освѣщаютъ лучами ослѣпительнаго свѣта самую животрепещущую дѣйствительность нашихъ дней. Такъ, напр., въ единствѣ территории Россіи отдавали себѣ полный отчетъ Плиніи Старшій и Птоломей, жившіе около двухъ тысячелѣтій тому назадъ: они знаютъ за Вислой и до Урала одну лишь Сарма-

тію (Скию). Такъ-то и намъ давно пора понять, что географическій факторъ — первостепенный и опредѣляющій. Отъ географіи не убѣжишь: отъ нея убѣжать еще труднѣе, чѣмъ отъ исторіи. Прежде, чѣмъ строить новую Россію, намъ надо поэтому понять свою географію. Она стоить политическихъ теорій, и вся бѣда нашихъ теорій и нашихъ партій (какъ лѣвыхъ, такъ и правыхъ) въ томъ и заключалась, что онѣ знаютъ не хотѣли нашей географіи. Такъ-то онѣ и очутились нѣкоторымъ образомъ въ роли Фонвизинской г-жи Простаковой.

Возстановимъ-ли мы единую Россію? Да, мы можемъ на это надѣяться, ибо въ этомъ вопросѣ за насъ — географія. Но она будетъ за насъ въ этомъ дѣлѣ лишь въ томъ случаѣ, если мы будемъ слѣдовать ей до конца, т. е. будемъ больше думать о созданіи авторитетной центральной власти (какъ создать ее — это другой вопросъ), чѣмъ о національномъ соглашеніи, въ частности о парламентаризмѣ. Въ этомъ можетъ быть и заключается непоследній смыслъ явленія большевиковъ, что они, вѣроятно, надолго вытравятъ изъ нашей крови тотъ парламентаризмъ, присутствіе котораго первый, кажется, обнаружилъ въ ней. — выше мною упомянутый историкъ Россіи.

Какъ-бы то ни было, но мы не сдѣлаемъ и шагу впередъ, пока отчетливо не сознаемъ, что вопросъ о созданіи будущей русской власти есть вопросъ прежде всего — географическаго порядка. И географическій смыслъ конструціи власти достаточно важенъ, чтобы пока не отыскивать другихъ. Съ тѣмъ, что конструція власти должна соответствовать географіи страны, — согласится всякій. Противъ географіи страны спорить нельзя; далѣе-же возможны уже споры, т. е. партійность, которая сгубила насъ. Мнѣ кажется, что русскія правыя партіи потому-то и проиграли въ до-революціонной Россіи свое дѣло, что, отстаивая свой политическій идеалъ, они часто старались доказать больше, чѣмъ слѣдовало. Между тѣмъ доказывать слишкомъ многое значить большею частью — не доказать ничего. Ибо многое спорное обезсиливаетъ и небольшое безспорное. И вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ навязывали государственной власти слишкомъ много задачъ, не исключая и такихъ, которыя находились въ прямомъ противорѣчьи съ географіей страны. Итакъ остановимся пока на географіи. Пусть неліцепріятное географическое пониманіе послужитъ первою вѣхою русской безпартійности, первымъ камнемъ зданія будущей Россіи.¹⁾

1920.

¹⁾ Изложенныя адѣсь мысли не должны дать повода къ одностороннему преувеличенію значенія географической точки зрѣнія въ вопросахъ культурнаго и социально-политическаго развитія. Такъ весь ходъ государственнаго развитія Россіи объясняется столько-же ея географіей, сколько и

„Борьба за Самодержицу.“

(Забытый эпизодъ изъ исторіи русской общественности.)

1.

Самодержавіе, въ смыслѣ абсолютизма, т.е. въ смыслѣ неограниченной власти русскихъ государей, сложилось и укрѣпилось у насъ не ранѣе XVIII вѣка, коего продуктомъ оно въ дѣйствительности и было. Оно было прежде всего результатомъ исторической обстановки, т. е. великодержавной роли, которую надѣлилъ наше отечество сильный и творческій режимъ Петра Великаго и его наслѣдниковъ. Но оно было вмѣстѣ съ тѣмъ и непосредственнымъ продуктомъ европейскихъ идей, занесенныхъ къ намъ многочисленными служилыми иноземцами, послѣдствіемъ зараженія русскаго общества ихъ политическою психологіей. Самодержавіе (въ вышеупомянутомъ новомъ смыслѣ этого слова), какъ и весь укладъ Петер-

противорѣчіями русской Psyche (см. статью Двѣ Россіи и особенно гл. 6). Говоря вообще, географія въ концѣ концовъ несомнѣнно побѣждаетъ во всѣхъ вопросахъ этого рода. Но это еще не значитъ, что возможность устраивать народную жизнь вопреки географіи страны — была-бы безусловно исключена. Случаи, когда народы — иногда цѣлыми вѣками — желаютъ не считаться, даже въ основныхъ заданіяхъ своей жизни, съ природными условіями страны, — далеко не рѣдки. Только имъ приходится дорого за эту невнимательность платить. Такъ-то приходилось и Россіи всегда очень дорого платить за свой «парламентаризмъ къ крови.» Примѣръ подобной-же невнимательности къ географіи страны представляетъ народно-хозяйственная жизнь той-же Россіи: весь комплексъ ея природныхъ условій предназначаетъ ее, особенно на Востокѣ, быть страшною крупнаго сельскаго хозяйства. Фактически-же она была, и особенно стала въ послѣднія десятилѣтія, страной мелкаго земледѣлія, что и служило одной изъ главнѣйшихъ причинъ ея отсталости и слабости... Во всякомъ случаѣ, территоріальный, географическій факторъ основной и опредѣляющій — не только въ жизни, но и въ самомъ образованіи народовъ. Такъ Франція и Англія представляютъ собою результатъ соединенія и взаимодѣйствія почти однихъ и тѣхъ же и во всякомъ случаѣ чрезвычайно близкихъ другъ къ другу этническимъ элементовъ. Въ обѣихъ этихъ странахъ есть и родственные другъ другу до-арійскіе и кельтійскіе и латинскіе и германскіе этнические начала. Между тѣмъ изъ этихъ родственныхъ элементовъ получились — въ Англіи и Франціи — два совершенно различныхъ народа.

бургской Россіи, было одною изъ ласточекъ, прилетѣвшихъ къ намъ въ прорубленное Петромъ Великимъ въ Европу окно.

Но помимо общаго воздѣйствія европейскаго духа на эволюцію нашего государственнаго строя въ XVIII вѣкѣ, нашъ самодержавный режимъ этого вѣка былъ и въ болѣе элементарномъ и буквальномъ смыслѣ — дѣломъ рукъ иноземцевъ. И было-бы странно, если-бы это было не такъ. Не вся-ли вообще русская государственность, начиная съ Рюрика, была — иноземнаго происхожденія и прививалась намъ руками иноземцевъ?¹⁾ Что касается XVIII вѣка, то мы имѣемъ здѣсь главнымъ образомъ въ виду острый кризисъ власти — первый по времени и, въ сущности, единственный отъ Смутаго времени вплоть до нашихъ дней, который имѣлъ мѣсто при воцареніи императрицы Анны Ивановны. Всѣмъ извѣстна такъ называемая «попытка верховниковъ», т.е. ихъ планъ установленія у насъ олигархическаго строя, выразившійся въ составленіи особыхъ «кондицій», которыя эта государыня должна была подписать и дѣйствительно подписала при своемъ избраніи. Но гораздо менѣе извѣстно происходившее въ тоже время въ болѣе широкихъ кругахъ общества «движеніе», вызванное, правда, интригою верховниковъ, но преслѣдовавшее иную, а именно явно конституціонную и даже, въ нѣкоторомъ родѣ, «конституціонно-демократическую», цѣль. Между тѣмъ это «движеніе» является однимъ изъ любопытнѣйшихъ и наиболѣе драматическихъ эпизодовъ нашей исторіи. Въ немъ отражаются, какъ въ фокусѣ, всѣ искони дѣйствовавшія въ ней силы, не говоря уже о томъ, что эпизодъ этотъ наложилъ какъ нельзя болѣе яркій отпечатокъ на все царствованіе Анны Ивановны. Правда, оно до сихъ поръ не удостоилось особаго вниманія историковъ; тѣмъ не менѣе политическое и культурно-соціальное значеніе этого царствованія, а, слѣдовательно, и занимающаго насъ эпизода, — огромно.

2.

Извѣстно, насколько поверхностнымъ и безпочвеннымъ было движеніе декабристовъ. Несмотря на то, что внѣшнія обстоятельства на рѣдкость благоприятствовали ихъ попыткѣ, она заранѣе была осуждена на полную неудачу. Только такіе наивные мечтатели, какими были большинство этихъ заговорщиковъ, могли серьезно носиться съ мыслью ниспроверженія у насъ абсолютной монархіи — въ эпоху наибольшей ея крѣпости и когда она была вдобавокъ ослѣнена блистательнымъ

¹⁾ Основная метафизика этого историческаго явленія уже была нами раскрыта въ очеркѣ Двѣ Россіи.

ореоломъ недавно окончившихся Наполеоновскихъ войнъ... Совѣмъ инымъ было положеніе въ началѣ 1730 года, въ моментъ, когда въ Россіи не было, въ сущности, никакого государственнаго строя, когда ново-избранная «кондиціонная» императрица еще только ожидалась въ Москву (изъ Курляндіи) и когда фактически правилъ имѣвшій весьма мало авторитета и раздираемый къ тому-же внутренними несогласіями — Верховный Тайный Совѣтъ. Въ этой обстановкѣ полной неопредѣленности, органической слабости всѣхъ государственныхъ установленій и крайней неразберихи, могла разсчитывать на удачу всякая рѣшительная попытка государственной реформы, особенно если принять во вниманіе всеобщее шатаніе умовъ въ вопросѣ о формѣ правленія. Это-то шатаніе умовъ, обнаружившееся въ занимающемъ наше вниманіе историческомъ эпизодѣ, и придаетъ ему особенный интересъ.

Официальная русская исторія разсказывала этотъ эпизодъ, до самого послѣдняго времени, приблизительно такъ: верховники, пользуясь междуцарствіемъ, вздумали ограничить власть избранной ими на престолъ Государыни, обусловивъ избраніе ея согласіемъ подписать «кондиціи», сущность которыхъ сводилась къ тому, что императрицѣ была оставлена лишь тѣнь Верховной власти, а вся ея полнота переходила фактически — къ Верховному Тайному Совѣту; но когда императрица пріѣхала въ Москву, и о замыслахъ верховниковъ узналъ «народъ», то онъ возмутился противъ ихъ крамольнаго проэкта и, обратившись непосредственно, въ лицѣ собравшихся въ Москвѣ представителей дворянства, къ Монархинѣ, побудилъ ее разорвать уже подписанныя «кондиціи» и объявить себя Самодержицей.

Въ этой версіи вполне вѣрно изображена только роль верховниковъ. Что касается «народа», т. е. представлявшего его въ XVIII вѣкѣ дворянства, то въ дѣйствительности дѣло происходило не совѣмъ такъ и даже совѣмъ не такъ, какъ только-что разсказано. Какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго, въ разсказѣ этомъ переданъ невѣрно — даже самый заключительный актъ драмы: собравшееся во дворцѣ дворянство просило императрицу, въ сущности, совѣмъ не о томъ, что послѣдняя совершила — въ отвѣтъ на обращенную къ ней просьбу. Но главное заключается въ томъ, что этому заключительному акту (уничтоженіе документа, заключавшаго пресловутыя «кондиціи») — предшествовалъ цѣлый рядъ другихъ. Событія развивались втеченіе пяти недѣль, отъ 18 января (кончина имп. Петра II) до 25 февраля. И дѣйствительный смыслъ этихъ событій далеко не совпадаетъ съ тѣмъ, который хочетъ намъ внушить вышеизложенная официальная ихъ версія.

Совершенно справедливо, что планъ верховниковъ, смутные толки о которомъ быстро распространились въ обществѣ, сразу-же встрѣтилъ въ немъ сильную оппозицію. Но оппозиція эта отнюдь не была направлена на восстановление «Самодержавія»: дворянство, представлявшее въ эту эпоху все «общество», желало, напротивъ, чтобы оно также было приобщено къ власти, чтобы власть не принадлежала — однимъ только верховникамъ. Въ этомъ смыслѣ мы и назвали выше господствовавшія въ то время въ московскихъ кругахъ тенденціи — «демократическими». Нужно сказать, что въ Москву съѣхалось въ зиму 1729—30 года чрезвычайно много представителей провинціального дворянства, что несомнѣнно содѣйствовало остротѣ и такъ сказать особенной яркости всего политическаго кризиса. И вмѣстѣ съ тѣмъ кризисъ этотъ обнаруживаетъ, что въ эту эпоху термины «Самодержецъ» и «Самодержавіе» стали пониматься уже въ смыслѣ абсолютизма. И именно этого-то абсолютизма и не хотѣли собравшіеся въ Москвѣ круги.

3.

Достаточно самого бѣглаго ознакомленія съ конституционными проектами 1730 года, чтобы убѣдиться, что смыслъ всего движенія тогдашней «общественности» заключался въ расширеніи проекта верховниковъ. Что касается интенсивности самого движенія, то ее обнаруживаетъ большое количество чутъ ли не ежедневно появлявшихся тогда новыхъ проектовъ. Собранное въ Москвѣ дворянство буквально ошалѣло отъ охватившаго его конституціоннаго зуда. Втеченіе пяти дней отъ 5 до 10 февраля въ Верховный Тайный Совѣтъ было представлено 8 такихъ проектовъ, но въ городѣ ихъ циркулировало гораздо большее число. Двѣнадцать изъ нихъ дошло до насъ. Они подписаны лицами, принадлежавшими ко всѣмъ разрядамъ дворянства. Чрезъ всю эту литературу проходитъ красною нитью мысль о необходимости ограниченія абсолютизма, — но не олигархіей верховниковъ, а «общенародіемъ», что означало на языкѣ эпохи — совокупность всего дворянства, включая и «худородныхъ». Общій духъ проектовъ былъ весьма «демократиченъ». Предполагалось сдѣлать выборными всѣхъ чиновниковъ. Зимой 1730 года въ Москвѣ открыто говорили о парламентаризмѣ и даже о республикѣ. Любителями конституціонныхъ реформъ наводились, напр., справки о «Женевской конституціи» (Мардефельдъ, Берлинскій секретный архивъ).

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что, несмотря на весь этотъ внѣшній лоскъ европеизма и бывшія на устахъ кадетовъ того времени — внѣшне-прогрессивныя формулы, все общественное движеніе 1730 года было глубоко-этническимъ и, въ сущ-

ности, ретрограднымъ движеніемъ. Чтобы понять его истинную природу, не надо упускать изъ виду, что оно родилось — въ узко-националистической реакціи царствованія ими. Петра II. «Попытка верховниковъ» сыграла для конституціоннаго движенія 1730 года лишь роль дрожжей, отъ которыхъ поднялось тѣсто. Но причины движенія лежатъ гораздо глубже: онѣ заключались въ самой природѣ нашей анархической и центробѣжной, по самому своему существу, «общественности». И вмѣстѣ съ тѣмъ движеніе это было продуктомъ реакціи темнаго этнизма и старо-московской оппозиціи — реформъ Петра.

Я не разъ уже отмѣчалъ, что разница между славянофильствомъ и западничествомъ, этими, казалось-бы, непримиримыми врагами, а въ дѣйствительности кровными братьями, была, въ сущности, не такъ глубока. И было-бы странно, если-бы это было не такъ, ибо оба они — отъ одной и той-же анархической русской общественности. Интересъ историческаго эпизода, занимающаго насъ въ настоящее время, заключается отчасти именно въ томъ, что онъ показываетъ, какъ славянофильство и западничество, столь часто переливавшіяся незамѣтно одно изъ другого въ послѣдствіи (Герценъ), уже сливались — еще, такъ сказать, не родившись. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ эпизодъ показываетъ, какъ легко принимали у насъ чисто этническія, материковыя, стихійныя теченія, и теченія къ тому-же глубоко реакціонныя и ретроградныя, — внѣшнюю форму чего-то весьма, казалось-бы, прогрессивнаго и слѣдующаго европейскимъ образцамъ: не символически-ли и не симптоматически-ли въ высшей степени — эта «Женевская конституція», долженствовавшая свести на нѣтъ дѣло Петра Великаго?

4.

Реакція темнаго этнизма и старо-московская оппозиція реформъ Петра тотчасъ-же подняли голову, какъ только не стало Гиганта. При Петрѣ II онѣ достигли уже того, что Петербургъ былъ заброшенъ, и нельзя сомнѣваться, что по внѣшности либерально-прогрессивныя и европейскія поползновенія 1730 года, увѣнчавшася они тогда успѣхомъ, не преминули бы вновь загнать Россію и въ иномъ смыслѣ въ старо-московскій тупикъ. Смыслъ царствованія имп. Анны Ивановны въ томъ и заключается, что оно отстояло въ Россіи Европу, что оно укрѣпило наше отечество на единственно-возможномъ Петровскомъ, Петербургскомъ, пути. Въ моментъ, рисковавшій стать трагическимъ, это именно оклеветанное царствованіе (мы имѣемъ въ виду легенду «Бироновщины», созданную значительно повдѣе и не выдерживающую строгой исторической критики) обнаружило истину, ставшую въ послѣдствіи tradi-

ціонной, а именно, что «въ Россіи правительство (т. е. Самодержавная Верховная власть) было всегда впереди народа» (Пушкинъ).

Кто-же отстоялъ, или, вѣрнѣе, создалъ (такъ какъ въ январѣ 1730 у насъ фактически не было никакого государственнаго строя) — русскій Императорскій абсолютизмъ? Кто вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть «борьбы за Самодержицу»? Кто совершилъ дѣйство 25 февраля? Его главными дѣятелями были: Остерманъ, Левенвольде, Корфъ, Альбрехтъ (нѣмцы) и Кантемиръ (молдаванинъ), а изъ русскихъ, по крайнѣй мѣрѣ, болѣе видныхъ, — лишь Сем. Андр. Салтыковъ и Ѳеофанъ Прокоповичъ (да и то послѣдній былъ малороссъ). Корфъ, Левенвольде и Кантемиръ воздѣйствовали на умы и подготавливали общественное мнѣніе; главными исполнителями были Салтыковъ и Альбрехтъ, а тайною пружиною всего дѣла — Остерманъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что, несмотря на сильную агитацію, имѣвшую на своей сторонѣ святительскій авторитетъ Прокоповича, въ челобитной, поданной императрицѣ отъ дворянства 25 февраля, ни слова не говорилось о возстановленіи Самодержавія: напротивъ, хотя челобитная эта и была направлена противъ «кондицій» верховниковъ, въ ней было вмѣстѣ съ тѣмъ высказано пожеланіе, чтобы дворянству было разрѣшено созвать совѣщаніе для выработки основъ будущей формы правленія. Таково было настроеніе еще утромъ 25 февраля. Но Остерманъ лучше разсчиталъ соотношеніе находившихся въ дѣйствиіи силъ, чѣмъ глава тогдашней нашей «общественности» кн. Черкасскій, подавшій Аннѣ Ивановнѣ вышеизложенную петицію. Втеченіе нѣсколькихъ часовъ, въ которые собственно и происходила, среди собраннаго во дворцѣ дворянства, при громкихъ патріотическихъ возгласахъ гвардейцевъ, такъ называемая «борьба за Самодержицу», — положеніе рѣзко измѣнилось. Въ результатъ этого измѣненія императрица и разорвала «кондиціи». Такъ-то этотъ волевой жестъ Монархини получилъ значеніе символическаго акта, которымъ дѣйствительно у насъ было установлено Самодержавіе, въ смыслѣ неограниченной власти Монарха.

Весь этотъ эпизодъ показываетъ, насколько еще была слаба въ сознаніи русскаго общества того времени психо- и идеологія Самодержавія, въ смыслѣ абсолютизма. И этотъ очеркъ былъ бы неполонъ, если-бы мы не коснулись и другой стороны вопроса, т. е. того фактора, который всегда представлялъ въ Россіи — наиболѣе творческую и организующую изъ всѣхъ дѣйствовавшихъ въ ея исторіи силъ и, какъ это ни звучитъ парадоксально, не только создалъ русскую побѣду, русскую культуру и русское великодержавіе, но и зажегъ въ сердцахъ русскую вѣру и выковалъ нашъ чудесный патріотизмъ XVIII и пер-

вой половины XIX вѣка и даже болѣе того: впервые возвысиль насъ до націи, далъ намъ впервые національное лицо. Эпизодъ 1730 года какъ нельзя лучше показываетъ, въ частности, творческую роль европейскаго духа, вошедшаго въ тѣло Россіи въ лицѣ нашихъ служилыхъ иноземцевъ, — въ созданіи главнаго предусловія нашего великодержавія и нашего національнаго бытія, т. е. въ утвержденіи Императорскаго абсолютизма, а, слѣдовательно, и въ выработкѣ монархической, въ смыслѣ абсолютной власти, психологіи послѣдующихъ поколѣній. Само собою разумѣется, что иноземная генеалогія нашего государственнаго строя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣзко-монархической психологіи русскаго общества Петербургской эпохи, доказывается не эпизодами, подобными вышеизложенному. Тѣмъ не менѣе эпизодъ этотъ является многоговорящимъ символомъ историческаго, начавшагося еще со временъ Рюрика, воздѣйствія иноземныхъ вліяній и элементовъ на нашъ государственный строй. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ лишній разъ показываетъ, что въ Россіи монархія и Европа — синонимы.

5.

И потому-то такъ и важенъ въ нашей исторіи этотъ эпизодъ, что онъ представлялъ собою весьма критическій моментъ, если и не рожденія, то, во всякомъ случаѣ, опасной болѣзни роста нашего Самодержавія. Въ свѣтѣ вышенамѣченной исторической перспективы этотъ эпизодъ долженъ выступить особенно выпукло и ярко, какъ одинъ изъ характернѣйшихъ — всего нашего прошлаго. Это былъ, дѣйствительно, одинъ изъ самыхъ драматическихъ и рѣшительныхъ, одинъ изъ самыхъ ответственныхъ моментовъ нашей исторіи. Въ немъ рѣзко столкнулись двѣ основныя силы, борьба которыхъ другъ съ другомъ искони творила нашу историческую судьбу: сила этнической хаотической бездны, представляемая нашей разрушительною и анархическою «общественностью», и сила европейско-христіанскаго творческаго устроенія, выразителемъ котораго былъ нашъ Самодержавный режимъ Императорской эпохи. Было бы очевиднымъ преувеличеніемъ сказать, что наша собственная этническая стихія была безусловно лишена всякихъ творческихъ и организующихъ элементовъ. Такіе импульсы и элементы у насъ несомнѣнно были даже въ весьма отдаленные періоды нашей исторіи, ибо, не будь ихъ совершенно, изъ Руси не могло-бы создаться не только великой міровой державы, но даже и темной Московіи XV—XVII столѣтій. Но дѣло въ томъ, что наша этническая стихія заключала въ себѣ чрезвычайно мало такихъ элементовъ порядка и устроенія, и элементы эти были у насъ всегда крайне слабы и

разрозненны. Съ особенною наглядностью эта историческая черта выступила и въ кризисѣ 1730 года, который несомнѣнно имѣлъ-бы совершенно иной исходъ, и, слѣдовательно, совершенно иначе сложилась-бы послѣдующая судьба нашей государственности и нашей культуры, не дѣйствуя столь далеко-видно и рѣшительно сомкнутая фаланга Остермановъ, Левенвольде, Корфовъ и Кантемировъ, къ которымъ присоединилось, какъ мы уже отмѣтили, весьма немного русскихъ именъ. Нелзя забывать, что и гвардія, удѣльный вѣсь которой разрѣшилъ, въ концѣ концовъ, втянувшійся кризисъ государственности, была въ то время еще полу-иноземнымъ учрежденіемъ — не только по духу, но и по личному составу: еще въ срединѣ XVIII вѣка было много полковъ, въ которыхъ иноземцы составляли до 70% всего офицерскаго состава, при чемъ немало иноземцевъ было и среди нижнихъ чиновъ. И какъ ни обидно это для нашего этническаго самолюбія (для нашего національнаго, въ истинномъ значеніи этого слова, самолюбія это не можетъ быть обидно, ибо наше отечество не Московская Русь, а Всероссійская Имперія), эпизодъ, который мы вспомнили въ настоящемъ очеркѣ, показываетъ намъ, что русскій имперскій и императорскій патріотизмъ выковался не князьями Черкасскими (политическими предками нынѣшнихъ князей Львовыхъ), а представителями западно-европейской психологіи и ментальности — Остерманами и Альбрехтами.

И какъ не отмѣтить, въ заключеніе, бросающагося въ глаза паралелизма между событіями 1730 года и нашими днями. Какъ и тогда, такъ и теперь вѣковѣчная русская Революція, будучи по существу силою анархической и глубоко ретроградной, склонна была принимать видъ чего-то стремящегося къ идеальнымъ и прогрессивнымъ цѣлямъ (тогда: власть — «общенародію»; теперь: вся земля — всему народу и т. п.). Какъ и тогда, такъ и теперь эта, отмѣченная самими типическими этническими, подлинно русскими чертами, Революція принимала фальшивый тонъ европеизма и охотно рядилась въ западныя формы («Женевская конституція» въ 1730 году и «отвѣтственное министерство» въ 1916-мъ). Даже болѣе того: оба революціонныя движенія коренились, въ сущности и въ конечномъ итогѣ, на одной и той-же узко-націоналистической основѣ (старо-московская реакція эпохи Петра II, а съ другой стороны: развѣ мало націонализма, даже квасного патріотизма и милитаристическаго шовинизма въ пресловутомъ, «интернаціонализмѣ» большевиковъ?). А немного ранѣе: глубоко ретроградная, приведшая къ революции и большевизму, т. е. къ первобытному варварству — безъисходно-сѣрая и безнадежно-провинціальная Государственная Дума! А между тѣмъ близорукому глазу долгое время могло казаться, что ея

дѣятельность была направлена на весьма прогрессивныя цѣли. И не прикрывалась-ли, какъ и въ 1730 году, эта разрушительная дѣятельность, запечатлѣнная всѣми типическими недостатками именно русской общественности, именно нашей этнической стихіи, такая «русская» душою, — что ни на есть, казалось-бы, самыми европейскими формами «партій», «запросовъ», «бюджетныхъ преній», «большихъ дней», включительно до специально-думскаго жаргона всякихъ «кулуаровъ», «сеньорень-конвентовъ» и т. д.? Но всѣ эти и имъ подобныя аналогіи между событіями воцаренія имп. Анны Ивановны и дѣйствительностью нашего недавняго прошлаго можно продолжить и мыслить ихъ и въ нѣсколько иной плоскости. Въ самомъ дѣлѣ: подобно тому какъ націоналистическая реакція кратковременнаго царствованія имп. Петра II привела къ «кондиціямъ» и конституціоннымъ проэктамъ 1730 года, такъ и впослѣдствіи, на нашихъ уже глазахъ, подобная-же націоналистическая (славянофильская) реакція послѣднихъ «сумеречныхъ» десятилѣтій привела насъ сначала къ 17 октября 1905 года, а потомъ и къ нынѣшней революціи.

И въ конечномъ итогѣ:

Съ какой стороны ни взять, наша «общественность» — какъ западническая, такъ и славянофильская, какъ революціонно-космополитическая, такъ и реакціонно-націоналистическая — всегда была стихіей анархической и глубоко антигосударственной. Таковою она была на зарѣ нашей исторіи (что можетъ быть въ этомъ отношеніи показательнѣе эпизода «привзанія Варяговъ»?) и таковою-же она осталась до нашихъ дней. Но отсюда неизбѣженъ одинъ выводъ, который еще не сдѣланъ, вѣрнѣе, еще не сознанъ вполне отчетливо именно тѣми, которымъ слѣдовало-бы раньше всѣхъ его сознать, а именно людьми порядка, партіями государственности. Вся наша исторія была сплошнымъ «привзаніемъ Варяговъ», и въ настоящее время, когда въ корнѣ разрушена наша государственность, тѣмъ страннѣе ожидать, чтобы мы могли создать что-либо творческое и положительное изъ самихъ себя, т. е. изъ той-же «общественности», которая всегда только умѣла разрушать. Русская государственность была борьбою противъ этой общественности не случайно. Въ этой борьбѣ заключался ея главнѣйшій смыслъ. По самому существу этихъ во всемъ противоположныхъ другъ другу стихій — онѣ должны были быть и дѣйствительно всегда были кровными врагами.

1921.

Генеалогія русскаго Самодержавія и балансъ славянофильства.

1.

Эпизодъ «борьбы за Самодержицу» при воцареніи имп. Анны Ивановны затрогиваетъ довольно близко вопросъ о генеалогіи и идеологіи русскаго Самодержавія. Какъ извѣстно, въ немъ хотѣли видѣть исключительную и чуть-ли не одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ и принадлежностей «русскаго народнаго духа». Спѣшимъ отмѣтить сейчасъ-же, что, если и не въ смыслѣ славянофиловъ, наше «Самодержавіе» дѣйствительно всегда было, какъ оно продолжаетъ быть и въ наши дни, — историческою необходимостью, вызываемою главнымъ образомъ потребностью Россіи въ сильной сосредоточенной власти. Эта потребность ясно обнаруживалась уже въ эпоху Рюрика, а кризисъ Смутнаго времени показалъ ее еще яснѣе, не говоря уже о великой Разрухѣ нашихъ дней. Слѣдуетъ замѣтить, что потребность эта отнюдь не находится въ противорѣчій съ основнымъ анархизмомъ нашей этнической стихіи. Напротивъ, потребность въ особенно рѣзкомъ очертаніи власти какъ разъ и вытекаетъ изъ этого анархизма. Она находится съ нимъ въ такой-же логической связи, какъ, напр., рѣзко очерченное стремленіе къ трезвости, не остановившееся у насъ въ 1914 году даже передъ столь радикальною мѣрою, какъ абсолютное воспрещеніе умѣренного даже употребленія крѣпкихъ напитковъ, — со всеобщимъ у насъ распространеніемъ пьянства, съ тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что пьянство есть нашъ историческій порокъ... Но даже если не настаивать на этой и ей подобныхъ аналогіяхъ, которыхъ можно было-бы привести множество, намъ все-же представляется несомнѣнной — такъ сказать метафизическая необходимость Самодержавія для Россіи, съ самой вари ея исторіи. Оно всегда было ея мечтою, постоянно привлекавшимъ ее видѣніемъ, неотступно стоявшимъ передъ нею предметомъ стремленій, не говоря уже о томъ, что оно было для нея настоятельной практическою необходимостью

каждаго дня. Но все-же этотъ потенціалъ нашей исторіи былъ ея скрытымъ потенціаломъ.

Вспомнимъ ходъ конституціонной эволюціи древней Руси и Москвы, какъ онъ былъ установленъ работами Ключевского. Знаменитый историкъ показалъ, какъ власть удѣльныхъ князей надъ порядкомъ въ ихъ удѣлахъ и ихъ безсиліе (въ виду «права отъѣзда») предъ личностью подданныхъ постепенно и незамѣтно превратилась въ Москвѣ — въ почти неограниченную фактически власть Великаго Князя надъ личностью подданныхъ и ихъ столь-же полное безсиліе предъ утвержденнымъ въ странѣ порядкомъ вещей. Такъ-то «Самодержавіе» даже, напр., Ивана Грознаго было въ дѣйствительности лишь болѣзненной конвульсией рождающагося абсолютизма. Съ точки зрѣнія Ключевского правленіе этого царя представляло не отрицаніе, а, напротивъ, полное подтвержденіе — «боярскаго режима». Что касается первыхъ Романовыхъ, то ихъ власть была такъ слаба — доходя, напр., при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ до капитуляціи передъ городскою чернью — что говорить объ абсолютизмѣ въ эту эпоху нашей исторіи уже совершенно не приходится. Въ дѣйствительности, до Петра и Екатерины, можно даже сказать: до Александра I и Николая I — Самодержавія, въ смыслѣ неограниченной власти русскихъ государей, строго говоря, вовсе и не было: реальную историческую формулу этой нашей національной, но отнюдь, не «племенной» мечты многихъ вѣковъ, этаго, будто-бы «византійскаго», по своему происхожденію, установленія — далъ лишь нашъ имперскій режимъ XVIII и первой половины XIX вѣка, т. е. дѣйствовавшій черезъ него духъ монархической Европы. Да, могущественный «царизмъ», бывшій важнѣйшимъ факторомъ величія и благосостоянія новой Россіи, этотъ съ одной стороны столь прославляемый, а съ другой — столь-же ненавистный царизмъ, всегда вызывавшій жестокое сопротивленіе со стороны нашей хаотической бездны и всякаго рода разрушительныхъ и центробѣжныхъ стремленій нашей анархической «общественности», былъ, подобно многимъ другимъ организующимъ силамъ новой Россіи, костью отъ кости и плотью отъ плоти — старой Европы. Поэтому-то ему, этому будто-бы азіатскому установленію, такъ легко и было сдѣлаться орудіемъ и проводникомъ европеизма: европейской организаціи, европейскихъ нравовъ, европейскихъ идей. И поэтому-то, какъ сказалъ Пушкинъ, правительство и было въ Россіи всегда впереди народа.

2.

Наше будто-бы специфически-русское, «самобытное», Самодержавіе, нашъ будто-бы византійско-московскій царизмъ

(эти двѣ характеристики вѣчно путаются у славянофиловъ и перемѣшиваются одна съ другой) — былъ, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ европейскимъ просвѣщеннымъ абсолютизмомъ. И какъ разъ въ ту-же эпоху, когда онъ расцвѣлъ въ большинствѣ странъ Европы (XVIII вѣкъ), и у насъ окончательно консолидировалась и окрѣпла, и вмѣстѣ съ тѣмъ глубоко прониклась просвѣтительными и прогрессивными стремлениями, — царская власть. Но сходство, или, вѣрнѣе, полное тожество и самой конструкции власти и ея функций и вообще историческаго дѣйствія въ Россіи и въ большинствѣ европейскихъ странъ — не ограничивается одною лишь эпохою «просвѣщеннаго абсолютизма». На самомъ дѣлѣ вся эволюція нашей государственности была, въ основныхъ своихъ чертахъ, вполне аналогична съ эволюціей центральной власти въ странахъ западной Европы: русская государственная власть, какъ она сложилась въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка, была такимъ-же продуктомъ зачаточной «монархіи» Рюрика, какъ и ново-европейская монархія постепенно развилась изъ феодально-коммунальнаго строя эпохи Каролинговъ и Капетинговъ. Разница лишь въ томъ, что, въ то время какъ европейскія страны продѣлали эту эволюцію самостоятельно, въ Россіи, въ виду органической слабости и неустойчивости ея совидѣтельныхъ элементовъ, она могла совершиться лишь подъ сильнымъ воздѣйствіемъ европейскихъ вліяній. Къ этой исторической — присоединяется и иная, весьма существенная, разница: въ Россіи, въ виду огромности ея территоріи и первобытнаго анархизма ея этнической стихіи, потребность въ рѣзко-очерченной, могущественной центральной власти всегда чувствовалась въ неизмѣримо большей степени, чѣмъ въ западно-европейскихъ странахъ, съ ихъ куда менѣе обширную территорію, съ ихъ природнымъ консерватизмомъ, съ ихъ хорошо дисциплинированную «общественностью» и тысячелѣтними традиціями и инстинктами древнихъ цивилизацій¹⁾. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ странъ, какъ, напр., въ Англіи (въ виду ея островнаго положенія), а также въ такихъ, скорѣе коммерческихъ, чѣмъ государственныхъ, образованіяхъ, какъ Нидерланды, Нѣмецкіе «вольные города» и Итальянскіе городскія республики, потребность въ рѣзкомъ очертаніи единоличной власти чувствовалась еще слабѣе. Поэтому-то тамъ и могли уже весьма рано выработаться олигархически-аристократическія и даже демократическія учрежденія (сенатское управленіе и парламентаризмъ).

Но за сдѣланными оговорками государственная эволюція великихъ странъ Европы была вполне аналогична съ эволю-

¹⁾ Мы касались уже болѣе подробно этой темы въ очеркахъ Двѣ Россіи и Мы и Онѣ.

щей государственной власти въ Россіи, и самое существо и характеръ верховной власти европейскихъ сувереновъ ничѣмъ не отличались отъ таковыхъ-же — русскихъ государей. Что касается эпохи «просвѣщеннаго абсолютизма», то власть нашихъ государей, наслѣдниковъ Петра Великаго, была ни менѣе ни болѣе абсолютной, чѣмъ державство современныхъ имъ европейскихъ властителей, и совершенно одинакова съ его природою была и ея природа. ореоль религіознаго освященія былъ присущъ политической власти европейскихъ сувереновъ ничуть не въ меньшей степени, чѣмъ власти московскихъ царей. Напротивъ, именно «нѣмецкій режимъ» наслѣдниковъ Петра создалъ у насъ ту психологическую атмосферу напряженнаго патріотизма, при которой стало всеобщимъ закономъ повиноваться царю — не только за страхъ, но и за совѣсть.

Эту-то особенность политической психологіи своей эпохи, т. е. начала XIX вѣка, и отнесли наши славянофилы, создавая свою теорію самобытнаго русскаго Самодержавія, — къ далекому прошлому XV—XVII столѣтій. Кромѣ этой ошибки во времени, они совершили и другую, а именно ошибку въ мѣстѣ: они приняли за исконно-русскій и, такъ сказать, специфически-русскій — чисто-европейскій, по своему происхожденію, продуктъ. Такъ-то и создалась противорѣчащая всѣмъ извѣстнымъ фактамъ — теорія самобытнаго русскаго Самодержавія, а вмѣстѣ съ нею получили у насъ право гражданства и другія, смежныя съ нею, теоріи и формулы, въ родѣ теоріи «средостѣнія» и формулы «Царь и народъ», принесшія въ историческомъ своемъ дѣйствіи, величайшій вредъ и Россіи и самому, прославленному ими, Самодержавію.

3.

Слѣдуетъ отмѣтить, что исторически и самый титулъ «Самодержца», послужившій основою, на которой была впоследствии выткана теорія Самодержавія, первоначально вовсе и не выражалъ идеи абсолютности, неограниченности власти русскихъ государей: этотъ титулъ означалъ лишь суверенность, независимость ихъ власти отъ иноземнаго державства, т. е. въ немъ была заключена мысль о политической независимости Россіи, идея ея бытія, какъ независимаго отъ иностранной власти государства: такъ и въ наши дни король Эллиновъ имѣетъ титулъ *αὐτοκράτωρ*, хотя онъ отнюдь не является «самодержавнымъ» (въ смыслѣ абсолютности его власти) государемъ. Въ самомъ дѣлѣ, московскіе Великіе Князья приняли титулъ Самодержца, начиная съ Ивана III, провозгласившаго, какъ извѣстно, независимость Москвы отъ Золотой Орды. Правда, къ этому основному смыслу титула примѣшивался съ

самого начала и другой, а именно — идея единства Русской земли (всея Руси Самодержецъ). Въ этомъ послѣднемъ отношеніи титулъ Самодержца: во 1-хъ, отмѣчалъ — фактически существовавшее, начиная съ Ивана III, положеніе вещей (уничтоженіе удѣловъ); во 2-хъ же, онъ служилъ готовою программой дальнѣйшаго объединенія (Восточной Россіи съ западной, т. е. Малороссіей и Бѣлороссіей). Но во всякомъ случаѣ — это всего лучше подтверждается перепиской Ивана Грознаго съ Курбскимъ — Самодержавіе московскихъ государей не только не было фактически абсолютизмомъ, но и не понималось ни ими самими, ни ихъ подданными, какъ таковой.

Въ вышеуказанномъ двойномъ значеніи русской независимости и русскаго единства, установившемся въ Москвѣ, «Самодержавіе» русскихъ государей перешло и въ Петербургъ. Традиционный титулъ пользовался всеобщимъ престижемъ, но, крѣпко держась за него, ни подданные, ни сами государи не придавали ему никакого специфическаго значенія, въ смыслѣ характеристики особой природы національной Верховной власти. Вдобавокъ, Россія вѣками уже была независимымъ и, въ извѣстномъ смыслѣ, объединеннымъ государствомъ, что отчасти и объясняетъ, почему старое значеніе титула понемногу забылось. Новое же не успѣло еще установиться. Такъ-то и создалось положеніе, при которомъ «Самодержавіе» стало освященной временемъ формулой безъ особаго реальнаго содержанія. Лишь въ Правдѣ воли Монаршей Теофана Прокоповича, произведеніи, насквозь пропитанномъ западнымъ духомъ и появившемся какъ разъ въ эпоху, когда и на Западѣ расцвѣла идеологія просвѣщеннаго абсолютизма, — встрѣчаемся мы съ первымъ серьезнымъ опытомъ идеологіи русскаго Самодержавія и его конструкціи, какъ абсолютной власти. И лишь въ разсказанномъ уже мною эпизодѣ «борьбы за Самодержицу» при воцареніи Анны Ивановны идеологія русскаго Самодержавія, какъ власти абсолютной, проявилась въ первый разъ во внѣ. Лучше сказать, въ этомъ эпизодѣ, какъ и во всемъ кризисѣ, сопровождавшемъ избраніе имп. Анны, обнаружилось, насколько еще слаба была въ сознаніи русскаго общества того времени, несмотря на все величіе недавняго въ ту пору дѣла Петра Великаго, концепція неограниченной власти русскихъ государей.

Но эпизоды, подобные тому, который сопровождалъ воцареніе Анны Ивановны, какъ ни были они характерны, именно и были эпизодами, какъ и идеологія Теофановъ оставалась идеологіей, т. е. достояніемъ весьма малочисленныхъ, въ общемъ, круговъ. Русскіе государи и государственные люди Петербургскаго періода имѣли мало склонности къ разработкѣ политическихъ теорій. Они совершили большее и лучшее: они возвели свою страну въ положеніе величайшей міровой дер-

жавы; они укрѣпили всѣ политическія и соціальныя основы ея бытія; они создали великолѣпнѣйшую русскую армію XVIII и первой половины XIX вѣка. Но вмѣстѣ съ тѣмъ русскіе государи Петербургскаго періода неукоснительно укрѣпляли главнѣйшее орудіе своихъ побѣдъ и достижений — неограниченную царскую власть. Въ XVIII вѣкѣ эта власть стала таковою фактически. Ея неограниченность была — всѣмъ извѣстною реальностью. Такое положеніе вещей вытекало изъ исторической обстановки и въ свою очередь создавало ее, т. е. создавало бытіе благоденствующей великодержавной страны. И хотя это положеніе удовлетворяло всѣхъ, или, можетъ быть, именно потому, что оно удовлетворяло всѣхъ, — о природѣ царской власти мало говорили въ то время. И сама Власть не любила подчеркивать своего абсолютнаго характера, не говоря уже о томъ, что ей совершенно была чужда идеологія Самодержавія, какъ особой самобытно-русской и специфически-русской формы правленія. Напротивъ, Александръ I, бывшій, можетъ-быть, самымъ самодержавнымъ въ дѣйствительности — изъ всего ряда нашихъ петербургскихъ Самодержцевъ, былъ не только самымъ европейскимъ изъ нихъ по духу, но даже любилъ порою принимать тонъ конституціоннаго Монарха. Это обстоятельство отнюдь не помѣшало пышному у насъ расцвѣту, какъ разъ при этомъ государѣ, того культа идеи царя и апофеоза его особы, которые являются особо характерными для русскаго патріотизма нашей «Великой эпохи» и вошли въ нашу великодержавную традицію. Что касается обрусѣнія европейскихъ идеи и практики Самодержавія, въ смыслѣ неограниченной власти нашихъ Монарховъ, то оно началось значительно позднѣе. И, въ сущности, оно совершилось только при имп. Александрѣ III и даже, можетъ быть, только при Государѣ Николаѣ II: въ томъ-то и дѣло, что русскій «царизмъ» сталъ въ наши дни совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

4.

Независимо отъ вышеизложенныхъ историческихъ фактовъ, въ глубокомъ внутреннемъ сродствѣ нашего «Самодержавія» съ европейскимъ и, въ частности, нѣмецкимъ «абсолютизмомъ» можно убѣдиться совершенно наглядно изъ одного примѣра, взятаго изъ нашихъ дней. Я хочу обратить вниманіе читателя на слѣдующее: стоило только померкнуть монархіи въ Германіи, какъ сейчасъ же заговорили о «византизмѣ» этой монархіи, причемъ имѣлись, очевидно, въ виду дѣйствительно бывшія ей до конца присущими — слѣды абсолютизма (такъ называемый «кайзеризмъ»). Но спрашивается: не есть-ли этотъ, обращенный

къ германской Имперской власти, упрекъ въ «византизмѣ» — лучшее психологическое доказательство ея внутреннего сродства съ монархіей Русской? Не считалась-ли всегда классическою страной этого «византизма» — именно Россія? Да, «кайзеризмъ» и «царизмъ» представляли собою въ самомъ дѣлѣ не только два близкихъ другъ другу явленія, но, въ сущности, они были однимъ и тѣмъ-же явленіемъ. И именно этотъ-то фактъ разоблачается, лучше всякихъ разсужденій, приложеннымъ къ первому — крылатымъ словомъ: «византизмъ».

Но слѣдуетъ помнить, что если не желаешь исказить до неузнаваемости историческихъ явленій, то слѣдуетъ обращаться осторожно съ историческими терминами, которые къ этимъ явленіямъ прилагаются. Никому, въ самомъ дѣлѣ, изъ характеризовавшихъ, въ европейской прессѣ, Германскую монархію имп. Вильгельма II, какъ «византизмъ», не приходило въ голову — выводить эту монархію генетически изъ Византіи. «Византизмъ» новой Германской Имперіи былъ, въ устахъ произносившихъ этотъ терминъ, лишь метафорой, оборотомъ рѣчи, имѣвшими въ виду болѣе яркую характеристику нѣкоторыхъ ея чертъ. . . Но въ томъ-то и дѣло, что «византийская» теорія русскаго Самодержавія имѣетъ именно такое метафорическое происхожденіе. Поэтому-то она и не имѣетъ, въ качествѣ научной теоріи, никакой цѣны — хотя «византизмъ» и можетъ быть яркимъ и даже удачнымъ выраженіемъ для характеристики, какъ «кайзеризма», такъ и «царизма».

Какъ-бы то ни было, но въ разбираемомъ случаѣ «византизмъ» Германской монархіи какъ разъ подтверждаетъ европейцамъ монархію Русской. Обѣ онѣ представляли собою — пусть нѣсколько видоизмѣненный и осложненный фактомъ представительныхъ собраній — ново-европейскій абсолютизмъ. При этомъ Германская монархія, т. е. нѣмецкія королевства эпохи просвѣщеннаго абсолютизма, послужила прототипомъ для Русской. Во всякомъ случаѣ, исторически Самодержавіе, въ томъ видѣ, какъ оно у насъ сложилось въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка, не только было орудіемъ европеизма и проводникомъ европейскаго духа; но оно само сложилось подъ сильными европейскими вліяніями. Въ Россіи монархія и Европа всегда были синонимами, и наше «самобытное» Самодержавіе было, въ сущности, не чѣмъ другимъ, какъ продуктомъ «нѣмецкаго режима» наслѣдниковъ Петра Великаго. Оно было такимъ-же порожденіемъ этого режима, какъ его порожденіями были: русское социальное устройство и русскіе военные успѣхи, вообще русская побѣда и великодержавная роль Россіи въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, а также и главное орудіе этой побѣды — русскій, или, вѣрнѣе, Россійскій, имперскій патріотизмъ.

Но русскій Императорскій режимъ сталъ въ наши дни совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ еще полвѣка тому назадъ. И извратило, ослабило его, подмѣнивъ его внутреннюю сущность и живую природу, — не что иное, какъ именно славянофильскія теченія, взявшія верхъ во второй половинѣ XIX вѣка. Въ концѣ его славянофильство стало нашимъ официальнымъ вѣроисповѣданіемъ, чуть-ли не повседневнымъ, обычнымъ лицомъ официальной Россіи. Во всякомъ случаѣ, недалеко было до этого. И тутъ-то постепенно и произошелъ, вмѣстѣ съ измѣненіемъ направленія и самаго стиля государственной политики, подмѣнъ старой Петровской имперской идеи, а вмѣстѣ съ нею — и всего характера нашей исторической Власти. Россія обернулась лицомъ отъ Запада къ Востоку, отъ духа старой Европы, преемника античной и христіанской цивилизации, — къ «самобытности». И только теперь, и такъ сказать на нашихъ глазахъ, нашъ Императорскій абсолютизмъ превратился, параллельно съ этимъ движеніемъ отъ Запада къ Востоку, — въ «царизмъ», т. е. въ особое, будто бы вытекающее изъ «народнаго духа», установленіе, въ специфическую «истинно-русскую» форму власти, чѣмъ онъ раньше не былъ никогда.

Идеологія «самобытнаго» русскаго Самодержавія тѣмъ-то и была вредна, что она отвратила взоры Россіи отъ дѣйствительнаго источника ея величія и могущества, даже болѣе того, — ея органической жизни: европейскаго творческаго и организующаго генія. Этимъ самымъ она искривила, извратила всю перспективу нашей исторической судьбы и вмѣстѣ съ тѣмъ поставила Россію въ чрезвычайно фальшивое положеніе, какъ относительно себя самой, такъ и въ отношеніи ко всему Западному міру. Россія — нація, Россія — великая держава и Россія — цивилизація — неотдѣлимы отъ Европы. Какъ нація, какъ государственность и какъ культура, мы всегда были частью Европы. Въ этомъ отношеніи мы всегда были и донинѣ остаемся ея дѣтьми, ея законными сыновьями. Одинаковы съ европейскими не только всѣ основы нашего культурно-національнаго бытія, но и все наше историческое развитіе проходило какъ разъ черезъ тѣ самые этапы (и приблизительно одновременно), какъ и эволюція западно-европейскихъ странъ. Итакъ, если наше національное развитіе совершалось по обще-европейскому историческому закону, то въ чемъ, спрашивается, заключалась и заключается доселѣ равнина между Западомъ и нами? Такая основная черта отличія, и притомъ отличія огромнаго, — дѣйствительно существуетъ. Она заключается въ природѣ основного этническаго субстрата, на которомъ возведена наша культурная и національная надстройка. Мы были всегда едино-

сущны Европѣ, какъ нація и какъ культура — такъ было и до Петра, но это стало еще яснѣе послѣ Петра. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы были всегда ей чужды и поднесъ остаемся ей чуждыми — какъ этническая стихія. На Западѣ эта стихія представляетъ наслѣдіе Римскаго міра, т. е. многихъ тысячелѣтій древне-восточныхъ и античной культуръ. Унасъ же ... унасъ никогда не было Римскаго міра, и Россія «еще только вчера родилась въ кочевой кибиткѣ скиѣ».

6.

Такимъ-то образомъ и становится яснымъ, что «самобытность», обоготворенная славянофилами, есть не что иное, какъ наша скиская бездна, ужасъ которой и заставилъ насъ нѣкогда обратиться къ варягамъ. Въ этой безднѣ — всѣ центробѣжныя стремленія, всѣ деворганизующія силы, всѣ народныя безумства, вся «первобытность» нашей исторіи. И плоть отъ плоти и кровь отъ крови этого этническаго хаоса — есть наша проклятая Богомъ «общественность». Идеологи «самобытнаго» Самодержавія отправлялись несомнѣнно отъ мысли вовлечить царскую власть. Но они пошли невѣрнымъ путемъ и попали въ заколдованный кругъ. Самодержавіе только то и дѣлало, — и въ этомъ-то и заключался дѣйственный смыслъ его бытія — что боролось съ нашей темной этнической стихіей. Между тѣмъ по «самобытной» теоріи выходило, что именно отъ ея духа — оно родилось. Такъ-то въ идеологіи «самобытнаго» Самодержавія уже заключался *implicite* отказъ отъ Петербургской программы, т. е. отъ борьбы съ этнизмомъ, и, значить, его прославленіе. Начавъ съ Самодержавіемъ — «за здравіе», славянофилы въ дѣйствительности свели его дѣло — «за упокой». Ибо *entweder — oder*: нельзя прославлять одновременно и Самодержавіе и темную этническую бездну, которая всегда противостояла ему. Неумолимая логика жизни вывела изъ всего этого — увѣ! не только словеснаго — спора свое единственно возможное заключеніе: торжество славянофильской Реакціи привело къ усиленію «общественности», и, провозгласивъ «самобытность» первымъ членомъ своего символа вѣры, мы пришли туда, куда неизбѣжно должны были прійти, идя по этому пути: къ Революціи, къ большевикамъ, къ разрушенію Имперіи и націи, къ потерѣ своего христіанскаго лица и чуть-ли не всего своего духовнаго и матеріальнаго капитала.

7.

Изъ предыдущаго уже видно, что славянофильская идеологія, обоготворивъ «самобытность», въ сущности, выталкивала

Россію изъ общества цивилизованныхъ націй. И здѣсь-то, т. е. въ области маждународныхъ отношеній, и сказалась скорѣе всего вся пагубность этого лжеученія. Именно славянофильство создало намъ въ Европѣ столько враговъ. Теорія «самобытнаго» Самодержавія была несомнѣнно агрессивна по отношенію къ Европѣ, и она оказалась чрезвычайно на руку всему тому на Западѣ, что было настроено недоброжелательно къ намъ. Всѣ эти враждебные Россіи элементы и силы не преминули съ жадностью наброситься на славянофильскіе лозунги и, подхвативъ ихъ, использовать всю теорію для своихъ собственныхъ цѣлей. Такъ-то создалась въ Европѣ, въ repandant славянофильской, — теорія «азиатскаго», «варварскаго» русскаго «царизма», и нетрудно видѣть, что она дѣйствительно была логическимъ выводомъ изъ первой. Теорія: царизмъ — азиатскій режимъ и связанные съ нею многочисленные предразсудки, столь же мало обоснованные, какъ и породившія ихъ славянофильскія тенденціи, были явленіемъ новымъ, и раньше даже самаго слова «царизмъ» не существовало ни на одномъ изъ европейскихъ языковъ. И невыгоды новой «азиатской» теоріи намъ приходилось чувствовать, въ отношеніяхъ съ западными державами, на каждомъ шагѣ. Вспомнимъ Берлинскій конгрессъ, вспомнимъ колеблющееся, кисло-сладкое, а то и прямо враждебное, отношеніе къ Россіи всего міра (за исключеніемъ официальной Германіи) во время русско-японской войны. И сравнимъ это всеобщее недоброжелательство съ тѣмъ отношеніемъ, которое Россія встрѣчала въ Европѣ въ болѣе раннюю эпоху, напр., во времена Вѣнскаго конгресса. Несомнѣнно въ этомъ измѣненіи игралъ большую роль и происшедшій, въ послѣднія десятилѣтія, въ нашей внѣшней политикѣ — и опять таки подъ вліяніемъ славянофильской программы — сдвигъ (Восточный вопросъ, «панславизмъ»). Но неизмѣримо большее значеніе имѣла въ этомъ отношеніи самая психологическая атмосфера, среди которой приходилось дѣйствовать русской дипломатіи: Россія, именно официальная Россія, была кореннымъ образомъ опорочена, въ глазахъ Европы, предразсудкомъ «азиатскаго» режима, и это чрезвычайно затрудняло, стѣсняло всю нашу внѣшнюю политику. Созданію подобной атмосферы недоброжелательства несомнѣнно содѣйствовала и западническая Революція — вспомнимъ хотя-бы извѣстную поѣздку нашихъ кадетовъ въ Парижъ (1906 г.), имѣвшую цѣлью помѣшать закладывавшемуся тогда займу. Но развѣ не находила и эта попытка, какъ и все вообще революціонное дѣйствіе нашей «общественности», прочнѣйшую опору въ славянофильской Реакціи? Впрочемъ, я не разъ уже замѣчалъ, что наши Реакція и Революція вели, хотя и разными путями, къ одному и тому-же результату — ослабленію Россіи... Какъ-бы то ни было, но рус-

ской дипломатин приходилось работать въ тяжелой обстановкѣ, и не только въ странахъ, съ которыми у насъ происходило соперничество, но и среди союзниковъ, ибо Россія послѣднихъ десятилѣтій была, въ глазахъ Европы, немного «большимъ человѣкомъ» (какъ когда-то Турція), въ виду своего «авіатскаго режима». Объ этомъ не говорили, на это иногда только намекали, наружно, совершенно неискренне, прославляя Россію и ея Власть, но подразумевали это — всегда. И до чего сильно было повсюду распространено это несправедливое и совершенно необоснованное предубѣжденіе, въ этомъ мы могли убѣдиться въ мартовскіе дни 1917 года, когда пала наша историческая власть, и весь міръ поспѣшилъ тотчасъ-же признать самозванное и не имѣвшее никакихъ шансовъ удержаться — печальной памяти «Временное Правительство.»

Да, Европа не хотѣла русскаго царизма. Она его не понимала; она была предубѣждена и вооружена противъ него. Она была предубѣждена какъ разъ противъ той силы, которая иво всѣхъ дѣйствовавшихъ въ Россіи силъ — была ей наиболѣе сродни. Правда, столь-же антипатиченъ и непонятенъ, какъ и «царизмъ», — былъ ей и нашъ революціонный нигилизмъ. Но она совершенно не постигала, что единственный способъ уберечь и насъ и весь міръ отъ послѣдняго — заключается въ поддержаніи перваго . . . И именно славянофильскія тенденціи чрезвычайно затемнили для Запада ту истину, что всѣ творческія цѣнности жизни: нація, просвѣщеніе, культура, героическій порывъ, нравственное чувство, народный трудъ — были у насъ тѣснѣйшимъ образомъ связаны, какъ съ идеей, такъ и съ самымъ матеріальнымъ фактомъ существованія царя. И такъ какъ основной задачей Революціи было доказывать, что какъ разъ въ послѣднемъ заключалось главное препятствіе къ осуществленію вышеназванныхъ творческихъ цѣнностей, то Европа очутилась, въ борьбѣ двухъ силъ нашей «общественности», — какъ между двухъ огней. Удивительно-ли, что она не могла понять сущности этой борьбы, когда мы сами такъ долго ее не понимали, да и понимаемъ-ли еще — даже сейчасъ? Безспорно, и у насъ есть къ современной Европѣ — свой длинный счетъ. Когданибудь сочтемся. И тѣмъ скорѣе, чѣмъ скорѣе поймемъ, что вина въ этомъ европейскомъ недоразумѣніи съ «царизмомъ» падаетъ въ весьма значительной степени на наши славянофильскія тенденціи послѣднихъ десятилѣтій. Эти тенденціи и весь комплексъ славянофильскихъ идей вообще чрезвычайно ослабляли дѣйствіе Россіи въ международной сферѣ и уменьшали ея удѣльный вѣсъ. . . Теперь Россія разрушена и выкинута изъ мірового баланса. Что съ нею не считаются теперь, это вполне понятно и логично, хотя и можетъ поражать умы. Но не еще-ли поразительнѣе, что мы начали уже превращаться въ «больного человѣка»,

чуть-чуть не въ какую то страну второго сорта — еще будучи одною изъ первыхъ міровыхъ державъ, съ огромною арміей, съ сильнымъ флотомъ, со вполне налаженнымъ аппаратомъ власти, съ правильно устроенными финансами и блестящимъ экономическимъ будущимъ?

8.

Одинъ изъ геніальнѣйшихъ и наиболѣе чуткихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе православныхъ, русскихъ писателей, дописался однажды до такой фразы: Богъ есть собирательный геній народа. Этотъ случай показываетъ, насколько осторожно слѣдуетъ обращаться съ понятіемъ Божества и какъ легко впасть въ злоупотребленіе терминомъ «народъ», особенно въ русскомъ языкѣ, гдѣ это слово имѣетъ много значеній и притомъ крайне расплывчатыхъ и неопредѣленныхъ. Въ виду этого мнѣ и хотѣлось-бы, въ заключеніе, указать на нѣкоторую опасность любой идеологии, отправляющейся отъ началъ «народа», «народности», «племени», «самобытности» и т. д. Дѣло въ томъ, что мы не успѣли еще выработать своего русскаго слова для означенія «націи» — фактъ далеко не случайный, какъ не случайно и то, что и самое слово «нація» у насъ далеко еще не обрусѣло. Поэтому, насколько это понятіе вообще присуще нашей ментальности, намъ невольно приходится его выражать, если мы желаемъ употребить коренное русское реченіе, словомъ народъ. Опасность-же этого слова заключается отчасти и въ томъ, что «народное» чрезвычайно склонно пониматься, какъ простонародное, и такимъ образомъ отъ возвеличенія «народнаго» къ возвеличенію простонароднаго — одинъ шагъ. Въ эту-то діалектическо-психологическую ловушку и попали и ушли съ головой славянофилы.

... Ты — народъ, да не тотъ:

Править Русью призванъ только черный народъ!

То по старой системѣ — всякъ равенъ,

А по новой — лишь онъ полноправенъ...

Вотъ диктатура пролетаріата и торжество простонароднаго, провозглашенныя еще за 50 лѣтъ до Ленина и Троцкаго, и притомъ въ прямой филіаціи со славянофильскими идеями. И нынѣ править Русью, разумѣется, не «пролетаріатъ» и не «черный народъ». Но слѣдуетъ отличать идеологию большевизма отъ практики большевиковъ, особенно позднѣйшей ихъ практики. Я здѣсь говорю исключительно о первой. Я, конечно, не оспариваю, что народничество имѣло и западническую генеалогію — новое доказательство единосущности нашихъ Реакціи и Революціи. Но нельзя спорить и противъ

того, что, разъ мѣриломъ всего являются «тайники народного духа» и все не-простонародное есть «средостѣіе», эти «тайники» должны находиться именно у простонародья, и, значить, ему и книги въ руки. Итакъ отъ славянофильской идеологіи къ провозглашенію только что цитированныхъ стиховъ — путь совершенно прямой.

И какъ все это, вмѣстѣ взятое: и славянофильство и западничество и стихія «простонароднаго» — далеко отъ «націи» и всѣхъ связанныхъ съ нею творческихъ цѣнностей жизни. Бѣдности соціальной структуры — въ ней и заключался общій идеалъ славянофильства и западничества — должна неизбѣжно соответствовать и бѣдность національной культуры. И мы дѣйствительно видимъ, что и славянофильство и западничество — оба они отдаляли насъ отъ «націи», къ которой приближала насъ Имперія. Можно быть какого угодно мнѣнія о пользѣ или вредѣ, красотѣ или безобразіи «диктатуры пролетаріата». Но слѣдуетъ помнить, что «простонародное» никогда не составляетъ націи. Соціалисты въ этомъ отношеніи вполне послѣдовательно отвергаютъ ее. Пусть и у соціалистовъ пролетаріатъ играетъ роль какъ-бы мессіаническаго класса, долженствующаго спасти міръ. Но во всякомъ случаѣ, начало его спасительной миссіи — такъ, по крайней мѣрѣ, представляется дѣло по классической теоріи социализма — приурочивается къ эпохѣ вполне законченнаго культурно-экономическаго развитія челоѣчества, когда жатва такъ скавать уже поспѣетъ...

Но вернемся къ «простонародному». Оно не только не составляетъ націи, но вообще оно не можетъ создать ничего: ни государства, ни культуры, ни воли къ общему дѣйствию, ни даже языка. Простонародное — это: «мы — калуцкіе». Нація же, хотѣли-бы мы этого или не хотѣли и какъ это ни претитъ нашему «демократическому» чувству или предразсудку, и создается и живетъ не-простонароднымъ.¹⁾ Гдѣ же не-простонародное отсутствуетъ, или въ немъ недостаточно силы сцѣпленія и притяженія, или его вообще численно мало, тамъ нѣтъ и націи, тамъ всегда вялъ и немогущъ національный порывъ. Ибо нація

¹⁾ Въ тѣсной связи съ этою особенностью «націи» находятся ея наиболѣе яркіе, проникающіе все ея существо, признаки: градація и отборъ. Именно въ послѣднихъ заключается ея живая душа и настоящая суть. При этомъ градація мыслима въ понятіи и явленіи «націи» въ двухъ различныхъ направленіяхъ: во 1-хъ, въ отношеніи двухъ или нѣсколькихъ «націй» между собою: однѣ изъ нихъ могутъ быть въ большей степени «націями», другія — въ меньшей; но вмѣстѣ съ тѣмъ и въ предѣлахъ каждой отдѣльной націи возможны степени принадлежности къ ней. Соответственно съ этимъ, новѣйшій изслѣдователь историко-философскихъ основъ «націи» — Николай Бубновъ (Гейдельбергъ) и называетъ это понятіе — ярко-аристократическимъ (см. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, Band 51, Heft 1). Въ этой интереснѣйшей статьѣ

не только не есть простонародное, но она не есть даже — общенародное. Отдадимъ себѣ полный отчетъ въ томъ, что она, въ извѣстномъ смыслѣ, вообще не есть «народное». Она есть — нѣчто сверхъ-народное.

9.

Я уже намекалъ на то, что трудность въ опредѣленіи и разграниченіи націи и смежныхъ съ нею понятій «народа», «племени», «населенія» и т. п. заключается для насъ, русскихъ, отчасти въ самомъ нашемъ языкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, во французской, напр., ментальности «нація» совершенно сливается съ «государственностью», подобно тому какъ самыя слова *la nation* и *l'État* суть почти синонимы. Лучше сказать, эти слова характеризуютъ двѣ стороны — внутреннюю и внѣшнюю — одного и того же понятія: *la nation* есть душа и живая сила *État*, а *l'État* есть функція *nation*; другими словами — *la nation* есть организмъ, а *l'État* — механизмъ государства. Но намъ, за неимѣніемъ въ русскомъ языкѣ слова, соответствующаго французскому *nation*, приходится выражать это понятіе словомъ «народъ». Между тѣмъ у насъ «народъ» и «государство» не только не синонимы и не только не смежны и не дополняющія другъ друга понятія, но между ними часто бываетъ — и въ жизни и въ мышленіи — полный разрывъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и именно вслѣдствіе отсутствія въ нашемъ языкѣ собственнаго слова для обозначенія понятія «нація», кое-что изъ этого понятія перелилось въ слово народъ. Отсюда-то и получается двойственное и даже тройственное значеніе этого слова (и самаго понятія) въ русскомъ языкѣ. Оно выражаетъ и національную потенцію, национальное соединеніе (всегда съ большою натяжкой) и вмѣстѣ съ тѣмъ означаетъ: съ одной стороны русское племя, а съ другой — населеніе Россіи. Послѣднее значеніе и есть, конечно, — первоначальный смыслъ западно-европейскихъ *peuple*, *popolo*, *people*: всѣ эти реченія обозначаютъ то, что нарождается, что населяетъ данную страну, т. е. они представляютъ собою прежде всего — фیزیологическіе термины. «Нація» же есть нѣчто идеальное, нѣчто духовное. Но дѣло въ томъ, что въ западно-европейскихъ языкахъ, отчасти по общимъ причинамъ, лежащимъ въ самой природѣ

находимъ между прочимъ и слѣдующую цитату изъ Lagarde'a. Послѣдній является рѣшительнымъ сторонникомъ взгляда, что выраженіе «нація» имѣетъ въ виду не массу народа, но болѣе или менѣе крупную группу избранныхъ личностей, духовную аристократію. «Вопреки господствующему мнѣнію, говоритъ онъ, націи не состоятъ изъ миллионѣвъ; онѣ состоятъ изъ отдѣльныхъ людей, сознающихъ національныя задачи и именно поэтому способныхъ — ставъ впереди нулей, обратить ихъ въ дѣйствительную величину.»

западной ментальности (благодаря которым она и создала понятие и слово «нация»), отчасти-же вследствие самого факта, что крупные государства Европы суть государства одноплеменные, эти речения суть вмѣстѣ съ тѣмъ почти синонимы словъ *la nation, la nazione, the nation*. Въ западныхъ языкахъ замѣнять ихъ одно другимъ бываетъ большею частью довольно безопасно. Въ самомъ дѣлѣ, выраженія: население Франціи, французскій народъ и французская нація — означаютъ почти одно и тоже. У насъ-же, напротивъ, население Россіи означаетъ совсѣмъ не тоже, что русское племя. И вдобавокъ оба эти понятія вовсе не покрываются третьимъ: «русская нація». Это-то обстоятельство еще сильнѣе усугубляетъ выше мною отмѣченный разрывъ между нашими понятіями «народа» и «государства». И въ то время какъ, напр., во французской ментальности, какъ и въ самой практикѣ французской жизни, «національное» настолько сильно, что оно гнетъ этническое, племенное даже въ его законной области (это чувствуется даже нашъ языкъ — не смѣшно-ли, въ самомъ дѣлѣ, сказать: французское племя?), мы не только не создали своего собственнаго слова для выраженія идеи «націи», но, перенеся къ себѣ это слово изъ европейскихъ языковъ, не замедлили значительно исказить его смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, немного онаціоналивиъ, какъ я выше отмѣтилъ, наше слово «народъ», мы вмѣстѣ съ тѣмъ сильно онародили европейское понятіе «націи».

Все это, конечно, такъ сказать — «теорія». Но эта теорія имѣетъ огромнѣйшее практическое значеніе, такъ какъ языкъ имѣетъ большую власть надъ человѣкомъ. Она вообще показываетъ въ живомъ словѣ, что изъ «народа» націи построить нельзя, что она есть нѣчто сверхъ-народное. Она можетъ порою совпадать съ народнымъ — имѣя все-же отдѣльное отъ него бытіе; но она можетъ и вовсе съ нимъ не совпадать. Болѣе того: въ «націи» есть и элементы прямо анти-народные, если подѣ «народнымъ» разумѣть племенное. Нація прямо отрицаетъ племя, и переходъ къ ней возможенъ лишь послѣ отказа отъ него. . .¹⁾

¹⁾ Въ этомъ пунктѣ мы расходимся довольно существенно съ авторомъ выше цитированной философіи націи. Отличіе ея отъ «народа» опредѣляется г. Николаемъ Бубновымъ слѣдующимъ образомъ: «народъ есть общественное соединеніе, объединенное общими живыми формами, напр., языкомъ и общимъ складомъ жизни; такое соединеніе становится націей только въ томъ случаѣ, когда его члены воодушевлены кромѣ того общею волею, направленною на осуществленіе извѣстныхъ цѣнностей». Такимъ образомъ «нація» является съ этой точки зрѣнія тѣмъ-же народомъ + извѣстнаго рода X. Намъ-же представляется, напротивъ, что даже въ тѣхъ случаяхъ, когда «національное» совпадаетъ съ «народнымъ» (такіе случаи несомнѣнно есть), оно все-же имѣетъ отдѣльное и вполне назависимое отъ послѣдняго бытіе, т. е. что и въ этихъ случаяхъ

Но если все это и теорія, то въ чемъ-же, спрашивается, заключается подлинная русская реальная практика этой, соглашающейся, затянувшейся терминологіи? Кто создалъ, взлелѣвалъ и вскормилъ русскую націю? Кто вдохнулъ въ нее жизнь и кѣмъ она была жива, поскольку она вообще была — уже законченнымъ созданиємъ? Не ясно-ли, что нашу націю составляла не «Великороссія» и даже не «русское племя»? Не ясно-ли, что наша нація не только олицетворялась, но и была создана Имперіей и жила и дышала исключительно ею? что она была у насъ не чѣмъ инымъ, какъ ея синонимомъ? что Имперія и была нашей націей, что только она и давала намъ національное лицо? . . Впрочемъ, законъ рожденія нации данъ разъ навсегда въ образѣ совершеннѣйшемъ. *Civis Romanus sum* — націю рождаетъ не кровь, а право гражданства, или, что тоже, побѣда. Объ этой-то ПОБѢДѢ — духовной, культурной и политической — мы должны думать денно и нощно, если желаемъ возстановить Россію.

1921.

«народъ» является лишь кажущейся основой «нации». Съ другой стороны нашъ авторъ самъ приводитъ прекрасный примѣръ полного несовпаденія «народнаго» съ «національнымъ», указывая на Швейцарію, въ которой единое національное тѣло покоится на четырехъ разнонародныхъ основаніяхъ. И пусть примѣръ Швейцаріи не представляется намъ «исключеніемъ»! Не иначе происходило дѣло съ великими «націями» древности: Вавилономъ, Персіей, «эллинистической» націей Востока и самимъ Римомъ. Не иными были, въ болѣе позднее время, «націи» ислама, Священной Римской Имперіи и — почти на нашихъ глазахъ — иной Имперіи: Всероссійской. Насъ могутъ смущать въ этомъ отношеніи «національныя» государства современной Европы. Но, во первыхъ, всѣмъ этимъ государствамъ (кромя Франціи) съ исторической точки зрѣнія, — безъ году недѣля; во вторыхъ-же, сама ихъ «національная» (въ смыслѣ «народной») основа есть въ 9 случаяхъ изъ 10 — сплошное недоразумѣніе. Но даже и въ этихъ государствахъ, именно въ наиболѣе «національномъ» и, въ сущности, даже единственномъ дѣйствительно національномъ изъ нихъ — Франціи — «нація» рождается лишь послѣ отказа отъ «народной» основы: «французъ» начинается лишь тамъ, гдѣ кончается бретонецъ, баскъ или провансалецъ. Это-то и показываетъ, что «народъ» никогда не можетъ служить основой для «нации». . . Правда, въ Германіи можно быть пруссакомъ, баварцемъ, швабомъ, саксонцемъ и одновременно — нѣмцемъ. Но и это обстоятельство отнюдь не можетъ дать повода къ выведенію «нации» изъ «народа». Новонѣмецкая нація (Бисмарковская Имперія) была лишь въ процессѣ образованія, даже — лишь въ начальныхъ стадіяхъ этого, происходившаго интенсивно только въ Пруссіи, процесса. Поэтому-то «нѣмецъ» и есть, строго говоря, гораздо въ меньшей степени имя нации, чѣмъ просто собирательное имя для обозначенія нѣкоторыхъ европейскихъ — и населяющихъ вовсе не одну только Германію — племенъ. И отсутствіе конфликта между понятіями «нѣмца» и, напр., «баварца» служитъ аргументомъ не въ пользу, а, наоборотъ, противъ бытія Германіи, какъ «нации». Начало рожденія послѣдней именно и состоитъ въ конфликтѣ между «нѣмцемъ» и «баварцемъ» (какъ и во Франціи — между «французомъ» и «бретонцемъ») Но данный вопросъ осложняется въ Германіи еще и тѣмъ, что отдѣльные ея части — болѣе всего Пруссія — были, можетъ быть, даже остаются

Двѣ Россіи и Украинскій вопросъ.

А о Петрѣ не думайте: была-бы жива
Россія.

Изъ Полтавскаго приказа Императора
Петра Великаго.

1.

Вопросъ объ «украинскомъ» языкѣ возникъ, по чисто политическимъ причинамъ, еще во второй половинѣ XIX вѣка; онъ тлѣлъ втеченіе нѣсколькихъ десятилѣтъ, не угрожая рѣшительно никому и ничему — такъ «искусственно» было все это порожденіе графа Стадіона. И хотя нынѣ онъ столь-же неожиданно, сколь и бурно, разгорѣлся на нашихъ глазахъ — подъ громъ русской революціи, все-же можно рѣшительно утверждать, что въ этомъ вопросѣ не заключается никакой филологической загадки или проблемы. Изъ дальнѣйшаго будетъ видно, что я далеко не во всемъ и не всегда слѣдую взглядамъ нашихъ унитаристовъ. Но чтобы избѣжать упрека въ какомъ-либо «великорусскомъ» пристрастіи, я все-таки начну съ того, что переведу весь вопросъ на абсолютно-нейтральную почву... французской грамматики. Вотъ что мы читаемъ на стр. 4 грамматики Larive et Fleury (La troisième année):

въ извѣстной степени доселѣ — настоящими націями. Такимъ образомъ для созданія нѣмецкой «націи» необходимъ отказъ не только отъ «племени», но и отъ прежнихъ государственныхъ образованій... Во всякомъ случаѣ, если примѣръ новой Германіи что-нибудь и показываетъ въ интересующемъ насъ вопросѣ, то онъ именно и обнаруживаетъ самымъ яркимъ образомъ трудность возведенія націи на «народной» основѣ... Само собою разумѣется, что эти бѣглыя замѣчанія имѣютъ всего менѣе цѣлю — умалить въ какой-бы то ни было степени значеніе образцовой работы г. Бубнова, представляющей собою едва-ли не первую попытку систематической философіи націи. Наши замѣчанія преслѣдуютъ лишь цѣль — обратить на данную проблему особое вниманіе. Она несомнѣнно получить первенствующее и въ высшей степени актуальное значеніе въ будущемъ строителствѣ не только Россіи, но и всей Европы вообще. Поэтому-то мы и считали полезнымъ указать и на тѣ стороны вопроса, которая авторъ оставилъ — можетъ быть, намѣренно — въ тѣни.

On appelle langue le parler propre à une nation.

On appelle dialecte le parler d'un pays étendu, ne différant des parlers voisins que par des changements peu importants, qui n'empêchent pas qu'on ne se comprenne de dialecte à dialecte.

Remarque historique. — Un dialecte ne tombe à l'état de patois que quand un autre dialecte de la même langue devient tout à fait prépondérant par suite d'un grand développement littéraire provoqué habituellement par les circonstances politiques. C'est une erreur de considérer les dialectes comme des altérations d'une même langue. La langue littéraire d'une nation n'est qu'un de ses dialectes, qui est parvenu à acquérir la préséance sur tous les autres. Dès que cette langue littéraire s'est formée, dès qu'elle est née d'un dialecte, les autres dialectes congénères, déchoient et ne sont plus que des parlers locaux usités seulement dans la conversation, ou employés par les poètes et les écrivains provinciaux¹⁾.

И далѣе, говоря о превращеніи діалекта Ile de France во французскій языкъ, авторы грамматики прибавляютъ: ce dernier (т. е. діалектъ Ile de France) s'étant élevé à la dignité de langue littéraire de la France, les trois autres (т. е. le Bourguignon, le Picard et le Normand) sont devenus de simples patois²⁾.

Все это писано задолго до нашей революціи, писано тогда, когда и самого «украинскаго» вопроса еще не возникало въ сколько нибудь серьезной формѣ. И все это можетъ быть цѣликомъ отнесено — точка въ точку, буква въ букву, черточка въ черточку — и къ «украинскому языку». Онъ не есть даже діалектъ: онъ просто patois.

¹⁾ Языкомъ называютъ говоръ, свойственный цѣлой націи.

Діалектомъ (нарѣчіемъ) называютъ говоръ, распространенный въ какой-либо обширной области и лишь незначительно отличающійся отъ сосѣднихъ говоровъ, такъ что говорящіе на разныхъ діалектахъ понимаютъ другъ друга.

Историческое замѣчаніе. Въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ нѣсколькихъ родственныхъ діалектовъ получаетъ явное преобладаніе вслѣдствіе значительнаго литературнаго развитія, вызываемаго обыкновенно политическими обстоятельствами, всѣ остальные діалекты того-же языка обращаются въ patois (просторѣчіе). Діалекты вовсе не суть измѣненныя формы одного и того-же языка. Литературный языкъ націи есть лишь одинъ изъ ея діалектовъ, достигшій первенства между всѣми остальными. Лишь только этотъ литературный языкъ сформировался, лишь только онъ родился изъ какого нибудь діалекта, остальные родственные діалекты приходятъ въ упадокъ. Они сохраняютъ лишь значеніе мѣстныхъ говоровъ, которыми пользуются только въ разговорѣ и которые употребляютъ лишь провинціальныя писатели и поэты.

²⁾ Когда этотъ послѣдній (т. е. діалектъ Иль-де-Франса) возвысился до значенія литературнаго языка Франціи, три остальныхъ (т. е. бургундскій, пикардскій и норманскій діалекты) обратились въ простые patois (просторѣчіе).

Филологическій вопросъ объ «украинскомъ» языкѣ абсолютно и кристалически ясенъ. Но въ этомъ вопросѣ было (съ обѣихъ сторонъ) столько напутано, столько было привнесено въ него лишняго и ненужнаго, и самый споръ происходилъ въ атмосферѣ столь ложныхъ этнологическихъ, культурно-историческихъ и филологическихъ предпосылокъ и находился подъ властью столь многочисленныхъ предразсудковъ, столько было внесено въ него — главнымъ образомъ съ «украинской» стороны — натяжекъ, намѣренной темноты, умолчаній и прямыхъ фальсификацій, что мнѣ все-таки придется разсмотрѣть нѣкоторые основные элементы вопроса.

2.

Я начну съ самаго термина, который украинисты ставятъ краеугольнымъ камнемъ всей своей постройки: Украина, украинскій, украинцы. Этотъ терминъ былъ имъ внушенъ стремленіемъ возможно рѣзче, въ самомъ и мени, отдѣлить, обособить себя отъ остальной Россіи. Начальная, Стадіоновская, фаза «украинства» протекала, какъ извѣстно, подъ знакомъ «рутенизма» (Rutheni и Ruthenia — въ противоположность Russi и Russia). Но такъ какъ этотъ лозунгъ былъ явно недостаточенъ для цѣлей движенія¹⁾, то пришлось его замѣнить другимъ,

¹⁾ Обособленіе «Русиновъ» (Rutheni) и противопоставленіе имъ «Русскихъ» являются, съ точки зрѣнія русскаго языка, явной нелѣпостью. Частица *ин* является въ словѣ *рус-инъ* не чѣмъ инымъ, какъ суффиксомъ единственнаго числа (ед-инъ, одинъ = *unus*). Множественное число отъ *русинъ* будетъ не *русины*, а *рус-скіе* (или *Русь*). Последний терминъ употребляется и въ территориальномъ («Русская Земля») и въ собирательномъ смыслѣ: люди, живущіе въ этой землѣ. Таково словоупотребленіе всѣхъ нашихъ древнихъ памятниковъ. Встрѣчаются въ нихъ, для обозначенія «русскихъ», и другіе термины, напр., «Русичи»; но, во всякомъ случаѣ, не «русины». Всѣхъ этихъ тонкостей русскаго языка, конечно, не знали средневѣковые западно-европейскіе латинисты, создавшіе слово *Rutheni*. Они слышали имя «Русинъ» (въ единственномъ числѣ) и передали его фонетически довольно близко: *Ruthenus*. А отъ *Rhuthenus* нельзя было по латыни иначе образовать множественнаго числа, какъ *Rutheni*, тѣмъ болѣе, что во всей этой передачѣ они, въ сущности, воспользовались уже существовавшимъ въ латинскомъ языкѣ словомъ: имя *Rutheni* встрѣчается уже у Цезаря — для обозначенія одного изъ племенъ Галліи. А отъ названія *Rutheni* уже само собою образовалось *Ruthenia*, какъ имя занимаемой этимъ народомъ территоріи. Но вотъ что важно: ни названіе народа *Rutheni*, ни имя территоріи *Ruthenia* никогда не относились, въ средневѣковой латыни, исключительно къ южно-русскому народу и занимаемой имъ территоріи, т. е. къ тому что, «украинская» пропаганда выдѣляетъ нынѣ изъ остальной Россіи. Напротивъ, оба термина относятся въ памятникахъ ко всему русскому народу, ко всей Русской землѣ, т. е. одинаково къ сѣвернымъ и къ южнымъ (относимымъ нынѣшней пропагандой къ «Украинѣ») ея частямъ. Такъ папа Юлій III называетъ въ 1550 году Ивана Грознаго — *universorum Ruthenorum*

болѣе радикальнымъ: пришлось выдумать новую, несуществующую, страну — «Украину» и населить ее особымъ «украинскимъ народомъ», говорящимъ на особомъ, вполне равномъ съ русскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне отъ него отличнымъ, — «украинскомъ языкѣ».

Что же такое есть «Украина»?

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что это есть, въ первоначальномъ своемъ значеніи, не собственное, а нарицательное имя. Само по себѣ это не могло-бы еще служить — въ этомъ не даютъ себѣ яснаго отчета наши унитаристы¹⁾ — возраженіемъ противъ «украинскихъ» теорій. Многія названія отдѣльныхъ мѣстностей и цѣлыхъ странъ, а также племенъ и народовъ, — были первоначально нарицательными именами. Въ древности такіа, чисто нарицательныя, этимологіи названій странъ и народовъ, можно думать, даже преобладали. Онѣ вполне ясны въ такихъ, напр., наименованіяхъ, какъ Аркадія (страна медвѣдей), Антропофаги («людоѣды») и Гипербореи («живущіе за сѣвернымъ

imperator. Изъ этого видно, что Ruthen'ами были и обитатели центральной и восточной России — они то и были подданными Грознаго, а то, что нынѣ украиноманы называютъ «Украиной», не было даже подвластно ему. И силы этого аргумента нисколько не ослабляютъ то, что *universorum Ruthenorum* стало, въ извѣстную историческую эпоху, переживаніемъ (см. стр. 116) А съ другой стороны именемъ Rutheni назывались и жители сѣверо-западныхъ русскихъ областей: такъ титулъ Гедимина былъ — *rex Litvinorum et Ruthenorum multorum*. Выраженіе-же Ruthenia встрѣчается въ латинскихъ памятникахъ вообще крайне рѣдко. Слѣдуетъ также отмѣтить, что, наряду съ названіями Ruthenia и Rutheni, весьма часто встрѣчаются въ памятникахъ и выраженія: Russia, Russi, Ruzi и Rusci. Такъ мы узнаемъ изъ западныхъ хроникъ, что къ императору Отону I при- были *legati Hellenae* (христіанское имя княгини Ольги) *reginae Russorum*. Въ 1006 году нѣмецкій миссіонеръ Бруно былъ въ Кіевѣ у Св. князя Владимира. Онъ называетъ его, въ письмѣ къ императору Генриху II, — *senior Ruzorum*. Въ 1075 г. папа Григорій VII называетъ князя Изяслава — *rex Rusorum*. Всѣ названные русскіе государи правили именно изъ «Украины» — украинисты и считаютъ ихъ «украинскими» государами. Но цитированные документы показываютъ вполне ясно, что народъ, которымъ они правили, былъ не «рутенскимъ» (онъ, конечно, былъ и не украинскимъ), а русскимъ народомъ, т. е. что Rutheni и Russi суть исторически полныя синонимы. И то же можно сказать и объ имени территории. Вся русская территория, т. е. со включеніемъ и «Украины», называется въ западныхъ памятникахъ не только Ruthenia, но и Russia. Такъ была папы Гонорія III адресована *universis regibus Russiae*.

¹⁾ Данный, не особенно серьезный, унитаристскій аргументъ весьма усиливаютъ сами украинисты, усиливаютъ тѣмъ, что отвѣчаютъ на него явнымъ подлогомъ. Такъ, желая доказать во что-бы то ни стало особую «древность» своей терминологіи, они ссылаются на два мѣста Кіевской и Галичской лѣтописи, гдѣ, подъ 1187 и 1213 годами, слово «украина» употреблено будто-бы уже въ значеніи «собственного» имени. Но достаточно прочесть внимательно оба эти мѣста, чтобы видѣть, что слово «украина» является тамъ въ смыслѣ нарицательнаго имени (приграничная мѣстность), т. е. что эти два мѣста не только не подкрѣпляютъ, но прямо опровергаютъ «украинскую» теорію.

вѣтромъ»). Но онѣ несомнѣнны и въ цѣломъ рядѣ другихъ названій италійскихъ, балканскихъ, кельтскихъ, германскихъ и иныхъ племенъ. Подобныя «нарицательныя» этимологіи заходить и въ болѣе новое время (напр., Лангобарды = длиннородые). Даже имена нѣкоторыхъ современныхъ странъ и народовъ имѣютъ въ своей основѣ однородные-же этимологическіе факты. Такъ существуетъ — правда, не безспорная — теорія, по которой первоначальное значеніе имени Germanus есть — «истинный», «подлинный», «настоящій» (echt). Извѣстно также, что Франці дали ея имя — франки, что означаетъ — свободные.

Но случай «Украины» является сугубо квалифицированнымъ и, вѣроятно, единственнымъ въ своемъ родѣ случаемъ. Можно даже сказать, что самое это имя служить живымъ опроверженіемъ того тезиса, который какъ разъ этимъ именемъ хотятъ укрѣпить. Такъ прежде всего — и это значительно упрощаетъ нашу задачу — въ данномъ случаѣ, въ противоположность только что указаннымъ, не народъ далъ свое имя обитаемой имъ странѣ, а, наоборотъ (это вполне очевидно и не отрицается и самими «украинцами»), жители получили названіе отъ населяемой ими страны. Но что-же означаетъ это наименованіе страны?

Имя Украины сложное: оно состоитъ изъ предлога «у» (ad, apud, prope) и существительнаго край. Послѣднее вполне соответствуетъ нѣмецкому слову Rand или французскому bord, какъ въ смыслѣ, напр., «края тарелки» (der Rand eines Tellers), такъ и въ смыслѣ «края пропасти» (am Rande des Abgrundes). Такимъ образомъ слово «край» означаетъ, въ географическомъ смыслѣ, — мѣстность, непосредственно примыкающую къ пограничной, между двумя странами, линіи. Отсюда возникъ уже и второй, деривативный, смыслъ слова «край». Оно можетъ также означать и отдѣльный, примыкающій къ окружности, сегментъ страны и даже, въ болѣе общемъ смыслѣ, отдѣльную часть ея — безотносительно пограничной линіи.

Этимъ-то смысломъ слова «край» и пользуются украинисты, чтобы основать на немъ свою «отдѣльность» отъ Россіи. Но они забываютъ, во первыхъ, что и въ этомъ производномъ смыслѣ слова «край» — все же сохраняется моментъ противоположенія центру, т. е. мысль о томъ, что всякій «край» составляетъ лишь часть иного, высшаго, соединства. Таковъ-то и есть смыслъ выраженій: Сибирскій край, Кавказскій край, Туркестанскій край — всѣ эти названія предполагаютъ въ себѣ самихъ общее соединство — Россію. Но главное не въ этомъ, а въ томъ, что самое присутствіе въ сложномъ словѣ «Украина», какъ одного изъ составляющихъ, предлога «у» — прямо указываетъ на то, что другое составляющее («край») взято въ этомъ

сложномъ словѣ не въ производномъ, а въ первоначальномъ смыслѣ этого составляющаго, т. е. въ смыслѣ пограничной, при-
рубежной полосы. Если-бы «край» имѣло въ сложномъ словѣ
«Украина» производное значеніе, т. е. значеніе мѣстности вообще,
области (regio, Landschaft), то это сложное слово заклю-
чало бы въ себѣ просто тавтологію, а вовсе не ближайшее
опредѣленіе характеризуемаго имъ понятія: тогда приставка
предлога «у» была-бы совершенно излишней въ этомъ словѣ. Но
эта-то приставка и указываетъ, что «край» взято въ сложномъ
словѣ «Украина» не въ деривативномъ, а въ первоначальномъ
смыслѣ, не въ смыслѣ regio, а въ смыслѣ limes. «Украина»
значить: то, что находится у (близъ) пограничной линіи
или полосы (regio, quae limitem attingit vel prope
limitem est).

И дѣйствительно: названіе «Украина» вовсе не относилось,
въ древней Россіи, исключительно къ территоріи, служащей нынѣ
предметомъ мечтаній «украинцевъ» — какъ увидимъ далѣе, это
имя вовсе даже не относилось къ двумъ третямъ, по крайней
мѣрѣ, этой территоріи — но вообще къ цѣлому ряду при-
граничныхъ мѣстностей. Такъ въ новгородской лѣтописи от-
мѣчается, подъ 1517 годомъ, о Тульской украинѣ» (150 верстъ
къ югу отъ Москвы), раззоренной татарами. Древняя Русь знала
также Ливонскую и Воронежскую украинны. Вдоль юго-
западной границы тянулись Польская (отъ поле — къ сѣверу
отъ Новгорода-Сѣверска), Сѣверская и Бѣлгородская украин-
ны. Впослѣдствіи возникла (еще южнѣе) Слободская украинна —
въ нынѣшней Харьковской губерніи. Но были «украины» и на
Сѣверѣ, и на далекомъ Востокѣ: такъ была Псковская украинна,
и «украинными» были Сибирскіе города.

Можно вообще сказать, что старинное русское понятіе
«украина» вполне соотвѣтствуетъ старо-нѣмецкому понятію
«марка». И по тѣмъ-же причинамъ, почему это названіе пере-
стало примѣняться, въ Западной Европѣ, къ цѣлому ряду
прежнихъ «марокъ» и, напротивъ, сохранилось по отношенію
къ, напр., Бранденбургской маркѣ — забылось оно и въ рус-
скихъ восточныхъ, юго-восточныхъ и сѣверныхъ пограничныхъ
мѣстностяхъ и, напротивъ, уцѣлѣло на Юго-западѣ. Оно про-
пало на Востокѣ и на Сѣверѣ, также на Юго-востокѣ, просто
потому, что граница Московскаго государства чрезвычайно
быстро раздвигалась въ этихъ направленіяхъ, и всѣ находив-
шіяся тамъ «украины» быстро переставали быть таковыми.
Напротивъ, юго-западная граница существовала, не подвергаясь
существеннымъ измѣненіямъ, втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ.
Такъ-то вышеупомянутая Сѣверская украинна, тянувшаяся вдоль
этой границы, сдѣлалась постепенно «Украиной», т. е. украин-
ной *par excellence*, подобно тому, какъ и въ Германіи маркой *par*

excellence стала — Бранденбургская марка. Но подобно тому, какъ тянувшаяся вдоль Днѣпра по лѣвому его берегу Сѣверско-Черниговская земля была «украиной» по отношенію къ Московскому государству, такъ и тянувшаяся вдоль нея по противоположному, правому, берегу Днѣпра Кіевская земля была «украиной» государства Польско-Литовскаго, въ восточной (Литовской) части котораго — этого не надо забывать — господствовалъ тогда (XIV—XV вѣка) русскій языкъ. Такъ-то за всѣми этими смежными областями двухъ государствъ, бывшими окраинными для нихъ обоихъ, и укрѣпилось постепенно названіе Украйны. Вся эта область средняго Днѣпра (т. е. Сѣверская, Черниговская и Кіевская земля) получила постепенно смѣшанный приграничный характеръ чего-то полу-автономнаго, объекта, правъ на державное обладаніе коимъ были выражены смутно и неопредѣленно.

Я предоставляю читателю самому судить объ «отдѣльности» и «самобытности», самостоятельности, страны, которая себя называетъ «Пограничною страною», и народа, который себя называетъ «пограничнымъ». Самое имя «Украйна» указываетъ, что эта «страна» можетъ быть только частью чего-то большаго, чѣмъ она. И я вообще сомнѣваюсь, что гдѣ-бы то ни было въ Европѣ могъ возникнуть «народъ» съ именемъ Grenzler, Märker или Fronterains. Такъ-то самое имя «Украйны» служить лучшимъ опроверженіемъ теоріи украиномановъ, — по крайней мѣрѣ, въ нынѣ модной радикальной ея формѣ.

3.

Чтобы поддержать ее, украинистамъ приходится прибѣгать, какъ я уже замѣтилъ, къ цѣлому ряду натяжекъ, криво толкованій, созданію особой, рѣшительно ни на чемъ не основанной, терминологіи, вообще къ «игрѣ воображенія» и даже прямымъ подлогамъ. Но, строго говоря, такой подлогъ уже заключается и въ самой основѣ ихъ ученія, т. е. въ той эквилибристикѣ, которую они продѣлываютъ съ понятіемъ и терминомъ «Украйны». Подлогъ, который они совершаютъ съ этимъ терминомъ двойной: подлогъ во времени и подлогъ въ пространствѣ.

1. Я намѣтилъ уже вкратцѣ, какъ получилось, что имя «Украйны» постепенно прикрѣпилось къ одной изъ многочисленныхъ нашихъ украинъ, а именно Сѣверской. Но это произошло никакъ не ранѣе XIV вѣка. Что касается эпохи болѣе ранней, времени до нашествія татаръ, то Сѣверская и Черниговская земли уже потому не могли называться тогда Украиною, что онѣ тогда вовсе и не были «украинами». Напротивъ, онѣ были тогда центромъ Русской земли. И эта Земля

исключительно такъ тогда и называлась: Русская Земля. Такъ она называется въ лѣтописяхъ, такъ-же и въ былинахъ, такъ-же и во всѣхъ безъ исключенія иныхъ литературныхъ памятникахъ и государственныхъ актахъ той эпохи. Между тѣмъ украинисты совершенно произвольно называютъ «Украиной» — Кіевскую Русь эпохи даже св. Владиміра. Для нихъ этотъ князь и его потомки были не русскими, какъ они сами себя называли, а «украинскими» князьями, а ихъ государство — не русскимъ, какъ оно звалось и ими самими и всѣми ихъ сосѣдями, а «украинскимъ» государствомъ. Точно такъ-же и народъ тогдашней Кіевской земли, который и самъ себя называлъ и на всемъ свѣтѣ былъ извѣстенъ подъ именемъ русскаго народа¹⁾, украинисты совершенно произвольно передѣлываютъ въ «украинскій» народъ. . . . Вообще у украинистовъ нѣтъ сильнѣйшихъ враговъ, чѣмъ лѣтопись Нестора и другіе памятники древней русской — они называютъ ее, разумѣется, «украинской» — литературы. Вся эта литература есть сплошной антиципированный протестъ противъ украинизма.

2. Къ этому подлогу во времени присоединяется другой — въ пространствѣ. Украинисты относятъ къ своей «Украинѣ» ни болѣе и не менѣе, какъ всю южную Россію, съ присоединеніемъ Восточной Галиціи и Буковины. Изъ русскихъ губерній въ эту обширнѣйшую территорію входятъ: Херсонская (и часть Бессарабской), Подольская, Волынская (съ частью Гродненской), Кіевская, Черниговская, Полтавская, Харьковская, Курская (съ частью Воронежской), Екатеринославская и Таврическая и Донская и Кубанская области. Между тѣмъ огромное большинство этихъ губерній никогда не были и никогда не назывались Украиной. Украиной, въ тѣсномъ смыслѣ слова, — и то это не было ни официальнымъ, ни даже народнымъ названіемъ — назывались когда-то изъ всѣхъ перечисленныхъ губерній, какъ я только что объяснилъ, только двѣ: Черниговская и Полтавская.²⁾ Затѣмъ имя «Украина» относилось, въ болѣе широкомъ смыслѣ, и къ Кіевской губерніи. Прежнія Слободская,

¹⁾ См. примѣчаніе на стр. 77.

²⁾ «Украина» было полузабытымъ историческимъ терминомъ. Онъ вновь началъ входить въ употребленіе лишь въ XIX вѣкѣ, преимущественно въ литературѣ, въ качествѣ поэтическаго архаизма, который сталъ употребляться наряду съ общепринятымъ выраженіемъ Малороссія (Черниговская и Полтавская губерніи и официально назывались «Малороссійскими» вплоть до конца Имперіи). Что касается выраженій «украинецъ», «украинцы», то они почти не употреблялись до самаго 1917 года — ни въ качествѣ означенія человека, живущаго на «Украинѣ», ни тѣмъ менѣе въ смыслѣ имени особаго «украинскаго» народа. Вся эта новая терминологія почти не выходила изъ тѣсныхъ предѣловъ украинистскихъ круговъ. На «Украинѣ» былъ своего рода провинціализмъ, стоявшій въ оппозиціи къ имперскому централизму. Но даже люди, окрашенные въ цвѣта этого провинціализма, называли себя «малороссами», а не «украинцами».

Бѣлгородская и Воронежская «украины», находившіяся въ предѣлахъ нынѣшнихъ Харьковской, Курской и Воронежской губерній, инѣмъ не связаны исторически — а объ историческихъ правахъ у насъ здѣсь именно и идетъ рѣчь — съ Украиной Днѣпровской. Что касается остальныхъ вышеперечисленныхъ русскихъ губерній, а также Галиціи и Буковины, то ни одна изъ входящихъ въ эти территоріи мѣстностей вообще никогда не называлась Украиной.

4.

Я упомянулъ уже, что радикальный лозунгъ «Украина» былъ выбранъ главарями движенія потому, что первоначальный, болѣе нейтральный, лозунгъ «рутенизма» оказался явно недостаточнымъ (см. стр. 77) для ихъ цѣлей. Но если вдуматься въ судьбу «украинства» и скрытую его сущность, въ которой, можетъ-быть, не даютъ себѣ отчета и сами главари, то нельзя не прийти къ заключенію, что этотъ-то радикализмъ и губить всего болѣе самое движеніе. Онъ губить его тѣмъ, что ставитъ предъ нимъ совершенно недостижимыя цѣли и заставляетъ доказывать то, что совершенно невозможно доказать (да, въ сущности, и не нужно доказывать). Этотъ-то радикализмъ и заставляетъ прибѣгать къ такимъ методамъ борьбы, какъ явное кривотолкованіе и фальсификація, рассчитанныя лишь на глубокую неосвѣдомленность Западной Европы въ исторіи русскихъ судебъ и русскаго языка. Между тѣмъ — я сказалъ уже, что слѣдую далеко не во всемъ нашимъ ортодоксальнымъ унитаристамъ — и въ украинскомъ движеніи есть несомнѣнно нѣкое здоровое зерно, т. е. заключенныя въ этомъ движеніи мысль и чувство противоположенія юго-западной Россіи — Россіи сѣверо-восточной — имѣютъ и нѣкотораго рода объективное основаніе. Только обоснованіе это въ высшей степени перекривлено, и самый ростъ идеи происходилъ крайне неправильно. Самый посявъ былъ сдѣланъ равнодушными руками и подъ вліяніемъ совершенно постороннихъ соображеній: «украинство» возникло, какъ извѣстно, изъ условій внутренней австрійской политики середины XIX вѣка и было изобрѣтено, какъ противовѣсъ полякамъ. Но въ послѣдствіи оно становится, въ качествѣ средства ослабленія и раздробленія Россіи, — дѣтищемъ преимущественно германской политики, той политики наслѣдниковъ Бисмарка, которая привела Германію въ Версаль. Все это и заставляло украинистовъ доказывать гораздо больше, чѣмъ имъ было, собственно, нужно и, въ сущности, — даже совсѣмъ не то, что имъ было нужно доказывать. И это-же склонило, по условіямъ эпохи, весь вопросъ на лингвистическую почву, по крайнѣй мѣрѣ, дало лингвистической сторонѣ вопроса столь

преобладающее, несоответствующее объективному положению дѣла, значение.

И украинисты и унитаристы одинаково стоятъ на той точкѣ зрѣнія, что въ творческомъ процессѣ государство — нація творящимъ факторомъ является національность (при этомъ обѣ стороны сливаютъ и отождествляютъ этнический вопросъ съ лингвистическимъ), а государство есть лишь результатъ и органический продуктъ народной жизни. Между тѣмъ именно исторія русскаго языка и вообще русскихъ судьбъ показываетъ съ достаточной ясностью, что дѣло скорѣе происходитъ какъ разъ наоборотъ. Напомню приведенные выше слова авторовъ французской грамматики: *Un dialecte ne tombe à l'état de patois, que quand un autre dialecte de la même langue devient tout a fait prépondérant par suite d'un grand développement littéraire provoqué habituellement par les circonstances politiques*¹⁾. И буквально такъ происходило дѣло и въ Россіи. . . . Унитаристы безусловно правы въ томъ, что нѣтъ «украинскаго» языка, есть лишь единый русскій языкъ. Но они не даютъ себѣ яснаго отчета въ собственной позиціи, когда мотивируютъ свой тезисъ тѣмъ, что «и на Украинѣ тотъ-же языкъ, что и въ остальной Россіи.» Это утвержденіе заключаетъ въ себѣ двойную ошибку: во 1-хъ, украинскій народный говоръ, или, вѣрнѣе, украинскіе народные говоры (такъ какъ ихъ много) — вовсе не языки и даже не нарѣчія, а *patois*; во 2-хъ-же, эти говоры сильно отличаются, какъ отъ говоровъ другихъ мѣстностей Россіи, такъ и отъ русскаго литературнаго языка. Эта неясность мысли, эти скользящія, неувѣренныя въ себѣ, доводы и постоянное шатаніе унитаристовъ — коренятся на томъ, что они до сихъ поръ не сумѣли найти для себя твердой почвы. Они порою великолѣпно разбираются во многихъ подробностяхъ, но, въ сущности, не говорятъ главнаго. Такъ они почти не касаются вопроса: почему-же такъ вышло, что то нарѣчіе, изъ котораго образовался древне-русскій литературный языкъ (кіевское) обратилось въ *patois*, а новый литературный языкъ родился въ иномъ мѣстѣ и изъ иного нарѣчія?

Тѣ *circonstances politiques*, которыя обусловили зарожденіе новаго русскаго языка въ мѣстности весьма отдаленной отъ той, гдѣ образовался нашъ древній языкъ, могутъ быть кратко обозначены двумя словами: Московская побѣда. Исторія русскаго языка вполне аналогична въ основныхъ своихъ чертахъ, съ исторіей языка французскаго. Подобно тому какъ возвышеніе королевской власти во Франціи сдѣлало изъ діалекта той области, гдѣ было средоточіе этой власти (Иль-де-Франса) — французскій языкъ, такъ и московскій діалектъ

¹⁾ Переводъ этихъ строкъ помѣщенъ въ началѣ статьи.

сталъ русскимъ языкомъ вслѣдствіе факта «собиранія Русской Земли» — Москвою. Кіевская государственность начала хирѣть, главнымъ образомъ по экономическимъ причинамъ, еще до Татарскаго нашествія. Послѣднее-же еще въ большей степени сломило ея силы. Великое княжество стало терять одну за другою свои территории, и самъ Кіевъ изъ «стольнаго» обращается въ провинціальный городъ. Наряду съ этимъ стали чахнуть и древне-русскій, Кіевскій, по мѣсту его возникновенія, языкъ и излучавшаяся изъ Кіевского центра литература. Правда, образованіе новаго литературнаго языка встрѣчало въ Москвѣ, вслѣдствіе цѣлаго ряда причинъ, весьма крупныя затрудненія. Его созданіе стоило большихъ усилій и потребовало нѣсколько столѣтій. Тѣмъ не менѣе была одна чрезвычайная серьезная причина, которая облегчила въ высшей степени политическую и культурную, въ частности — лингвистическую, побѣду Москвы.

5.

Когда, въ XIV вѣкѣ, быстро стала возвышаться Москва, и вокругъ нея стали собираться восточно-русскія и отчасти сѣверно-русскія земли, то этотъ процессъ, въ сущности, вовсе не разрѣшалъ еще обще-русскаго вопроса не только въ культурномъ, но даже и въ чисто-политическомъ смыслѣ: онъ только подготовилъ почву для будущаго, и именно въ «Московскомъ» смыслѣ, его разрѣшенія. Въ дѣйствительности XIV—XVI вѣка были эпохою параллельнаго независимаго политическаго существованія двухъ Россій: восточной и западной. Ибо и Литовская государственность была втеченіе почти всего этого періода русской государственностью. По русски отправлялось на Литвѣ правосудіе, русской была ея культура, русскимъ былъ языкъ ея гражданскаго оборота, и по русски говорилъ ея образованный классъ. И такъ несомнѣнно и продолжалось-бы, если-бы въ Днѣпровскихъ областяхъ сохранился этотъ русскій высшій образованный классъ, хранитель національныхъ традицій и культуры. Правда, политическая, и впослѣдствіи религіозная, Унія Литовско-русскихъ земель съ Польшей ввела въ нихъ и польскія вліянія. Но результатъ послѣднихъ былъ втеченіе долгаго времени ничтоженъ — въ русскіхъ, по крайней мѣрѣ, частяхъ Польско-Литовскаго государства. Въ нихъ продолжалась русская національная жизнь, и онѣ долго сохраняли и свое древнее, русское, обличіе. Во всякомъ случаѣ, западно-русскій языкъ, прямой наслѣдникъ языка памятниковъ нашей древней русской писменности, существовалъ еще въ XVII вѣкѣ, и, вѣроятно, могъ-бы сохраняться и даже, въ извѣстномъ смыслѣ, развиваться втеченіе цѣлыхъ столѣтій.

Его судьбу рѣшила, и рѣшила окончательно и безповоротно, — катастрофа 1649 года. Крестьянское возстаніе огромнаго напрядія охватило въ этомъ году обширныя области древней Кіевской Руси, какъ вошедшія въ составъ Польско-литовскаго государства, такъ и смежныя съ ними «украинскія». Южно — и западно-русское дворянство было въ двухъ третяхъ уничтожено, сметено съ лица земли. Остатки его не имѣли уже силы бороться съ торжествующимъ полонизмомъ и были быстро и окончательно ополячены.¹⁾ Одновременно начинаетъ быстро вырождаться, разлагаться и прямо пропадать и западно-русскій языкъ, и тѣмъ самымъ вновь образовавшійся въ Москвѣ языкъ сталъ единственнымъ русскимъ литературнымъ — а это значитъ обще-русскимъ — языкомъ. И этимъ-же самымъ всѣ западно-русскіе и южно-русскіе народные говоры того времени обратились въ *patois*. Все это и есть точнѣйшее воспроизведеніе картины, начертанной въ вышеприведенныхъ нѣсколькихъ строкахъ французской грамматики *Larive et Fleury*.

Пусть это звучитъ «анти-демократично» и не въ духѣ нашего времени, но языкъ, культура и даже сама «нація», которой языкъ и культура служатъ лишь выраженіемъ, живутъ въ высшихъ, просвѣщенныхъ классахъ общества и ими-же создаются. Языкъ, нація, культура — все это есть нѣчто духовное, имѣющее мало дѣла съ физиологическимъ и этническимъ существованіемъ массъ. Огромнѣйшую роль не только въ распространеніи, но и въ самомъ созданіи «языка» играла всегда государственность — можно даже сказать, что языкъ есть одна изъ ея функцій. Но спрашивается: что-же есть государственность, какъ опять таки не воплощенная воля высшихъ, просвѣщенныхъ, «правлящихъ», классовъ общества? Народъ, уничтожающій эти классы, какъ это сдѣлало простонародье нашихъ юго-западныхъ областей въ XVII вѣкѣ, тѣмъ самымъ уничтожаетъ свою государственную независимость, свою культуру и свой языкъ. Такъ-то и погибли въ польскомъ морѣ древняя государственность, культура и языкъ нашихъ южныхъ и западныхъ областей.²⁾ И когда въ концѣ XVIII вѣка пала въ свою очередь политически, подъ ударами сосѣдей, и Польша, и въ нашихъ западныхъ и югозападныхъ окраинахъ вновь распространились русская культура и русскій языкъ, то эти культура и языкъ были функціями уже иной, московской, государственности, возникшей въ совершенно иныхъ условіяхъ и на совершенно иной почвѣ.

¹⁾ Какъ извѣстно, значительное число польскихъ дворянскихъ родовъ — чисто-русскіе по происхожденію.

²⁾ Такъ-то и закатъ провансальской письменности и культуры тѣсно связанъ съ демократизаціей южно-французскаго дворянства. Центръ образованности передвинулся на сѣверъ, гдѣ сохранилась аристократія.

6.

Изъ этого краткаго историческаго очерка видно вполне ясно, что весь «украинскій вопросъ» уже рѣшенъ еще въ XVII столѣтіи. Тотъ языкъ, права котораго защищаютъ украинисты въ действительности не существуетъ. Его надо еще создать. Они его и создаютъ — пока нельзя сказать что-бы особенно удачно. Можно считать вполне установленнымъ фактомъ, что этого новаго, возникшаго книжнымъ путемъ, языка не понимаютъ какъ разъ тѣ, для кого онъ предназначенъ, т. е. самъ «украинскій народъ», простонародье нашихъ южныхъ и юго-западныхъ губерній. Этотъ языкъ является для него своего рода языкомъ эсперанто — вѣдь и элементы языка эсперанто взяты изъ существующихъ или существовавшихъ языковъ. Во всякомъ случаѣ, простой народъ южныхъ губерній понимаетъ неизмѣримо лучше, чѣмъ это «украинское» эсперанто, — русскій языкъ. И можно сказать, что ничто въ сильнѣйшей степени не обнаружило банкротства «украинизма» какъ именно эфемериды Украинской Директоріи и Скоронадскаго. Какъ извѣстно, обѣ эти попытки, имѣвшія большой политическій смыслъ, какъ средства спасенія Россіи отъ большевизма, протекали подъ лозунгомъ «украинскаго языка». Но тутъ-то и обнаружилось, что никто этого языка не знаетъ. Каждый русскій чиновникъ, служившій въ Малороссіи, былъ, разумѣется, знакомъ съ народнымъ говоромъ той мѣстности, въ которой онъ служилъ. Но такъ какъ такихъ говоровъ очень много, то и выходило, что адресать какой нибудь официальной бумаги, присланной изъ другой губерніи, рѣшительно не понималъ ея содержанія. Въ Кіевскихъ-же канцеляріяхъ, средоточіи всей административной жизни новой «страны», происходило настоящее столпотвореніе вавилонское. Чиновники, собранные изъ разныхъ губерній, знали каждый — свой «украинскій языкъ», но не знали «языка» своихъ товарищей. Отсюда безконечные лингвистическіе споры, и кончилось, разумѣется, тѣмъ, что все говорили (да и писали) на русскомъ языкѣ. «Самостійная» попытка съ «украинскимъ» языкомъ оказалась не чѣмъ инымъ, какъ самой жалкой и смѣхотворной комедіей...

Таковы факты. Но я оговариваюсь, что далеко не слѣдую за унитаристами въ ихъ постоянныхъ насмѣшкахъ надъ «искусственностью», выдуманностью «украинскаго языка». Какъ будто-бы не было искусственно выработанныхъ языковъ! Какъ будто все языки, до извѣстной, по крайней мѣрѣ, степени, — не «искусственны»! Вспомнимъ средневѣковую латынь. Развѣ не была «искусственной» эта попытка — создать изъ элементовъ мертваго языка новый живой языкъ. Тѣмъ не менѣе она увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: средневѣковая латынь была пись-

меннымъ и устнымъ языкомъ многихъ поколѣній европейцевъ — на обширномъ пространствѣ отъ Толедо до Варшавы. И нѣтъ-ли даже нѣкоторой аналогии этой попытки въ только что мною упоминавшемся языкѣ эсперанто, который видимо распространяется, несмотря на сильную и во многихъ отношеніяхъ вполне понятную оппозицію? Но можно идти далѣе и утверждать, что даже многіе изъ вполне «живыхъ» и такъ сказать органическихъ языковъ были въ значительной степени продуктомъ вполне сознательныхъ усилій и работы, если и не индивидуальной воли, то все-же вполне опредѣленныхъ; не «анонимныхъ» и далеко не «широкихъ», какъ это имѣетъ мѣсто и въ «украинскомъ» движеніи, круговъ. Развѣ, напр., самъ латинскій языкъ, тотъ классическій языкъ Августовскаго Рима, который до сихъ поръ служить основой нашего образованія, не былъ также книжнымъ языкомъ и развѣ онъ не былъ созданъ въ значительной степени «искусственно» и при томъ весьма небольшой группой лицъ? Я думаю, что тоже можно сказать и о нѣкоторыхъ современныхъ языкахъ. Во всякомъ случаѣ, это можно сказать о томъ, выросшемъ на почвѣ московскаго діалекта, литературномъ языкѣ, который, за окончательной гибелью въ XVII столѣтіи древняго русскаго языка, былъ предназначенъ стать единственнымъ обще-русскимъ языкомъ.

7.

Но за этимъ языкомъ стояли русская (Московская, а впоследствии и Петербургская) государственность, русское великодержавіе, какъ и за латинскимъ — Римскія. Ничего этого не имѣетъ за собою новоукраинскій «эсперанто». Въ попыткѣ украинистовъ нѣтъ главнаго предусловія успѣха подобной попытки: за нею нѣтъ органически выросшей государственности, нѣтъ государственной индивидуальности и ея главнѣйшаго творца и орудія — политически-сильнаго просвѣщеннаго класса. Въ распоряженіи украинистовъ есть только отдѣльные элементы всего этого, и то только въ зародышѣ, въ видѣ первоначальнаго эскиза, изъ котораго неизвѣстно еще что получится и, всего вѣроятнѣе, не получится рѣшительно ничего. «Интеллигенція» можетъ взять на себя отдѣльныя функціи историческаго просвѣщеннаго класса, но она никогда не сможетъ замѣнить его, въ его творческой роли, вполне. Она можетъ еще поддержать существующее, но лишь съ величайшимъ трудомъ создаетъ, какъ это требуется въ дан-случаѣ, — новое. Вообще можно сказать, что интеллигенція, т. е. классъ ученыхъ, художниковъ, поэтовъ и вообще писателей, также юристовъ, чиновниковъ и высшихъ техниковъ,

можетъ продолжать существовать — и безъ аристократіи. Но ей чрезвычайно трудно возникнуть, въ качествѣ дѣйствительной силы, т. е. въ качествѣ многочисленнаго и дѣйствительно образованнаго класса, — безъ того, что называется политической, родовой или финансово-промышленной аристократіей. Вообще интеллигенціи трудно возникнуть безъ государственности, ибо не она создаетъ государственность, а наоборотъ, государственность ее . . . Вдобавокъ «украинская» интеллигенція — я имѣю въ виду Галицкую, такъ какъ въ предѣлахъ Россіи вообще не существуетъ никакой «украинской» интеллигенціи, а есть только русская — имѣетъ слишкомъ мало корней въ «широкихъ массахъ», а не этимъ ли лозунгомъ только она и жива? Эта интеллигенція есть слишкомъ поверхностный посѣвъ. Она слишкомъ мелка и въ довершеніи всего . . . слишкомъ мало-интеллигентна. Къ тому-же, она несетъ въ себѣ самой и во всей своей судьбѣ глубочайшее противорѣчіе. Она написала на своемъ знамени непримиримую борьбу съ Польшей, а между тѣмъ она сама насквозь проникнута духомъ полонизма. Да и сама борьба на два фронта — и съ Польшей и съ Россіей — ставитъ ее въ слишкомъ трудное и тяжелое положеніе.

Можно себѣ, конечно, представить такую картину, въ которой нашъ Юго-западный край окажется единственной областью между Ураломъ и бывшей австрійской границей, гдѣ болѣе или менѣе сохранится интеллигенція, да и вообще уцѣлѣетъ болѣе или менѣе прежній социальный строй. Потопъ русской Революціи несомнѣнно коснулся менѣе всего — именно этого края. Въ немъ менѣе всего пострадала организація народнаго труда, да и самъ по себѣ этотъ край — богатѣйшій въ Россіи. Все это, конечно, предусловія къ тому, что-бы государственный центръ перемѣстился — во второй разъ въ нашей исторіи — именно сюда. Болѣе того: у насъ уже теперь есть болѣе или менѣе объективныя данныя къ предположенію, что не только сохранилось, въ качествѣ крѣпкаго класса, юго-западное крестьянство — въ Центръ и на Востокъ ему, повидимому, суждено въ значительной степени вымереть — но что оно уже успѣло изъ себя выдѣлить обширные контингенты населенія, специализировавшіеся на ремеслахъ и мелкой индустріи; напротивъ, на Востокъ и въ Центръ погибло въ этотъ отношеніи и то небольшое, что было до Революціи.

Если теперь предположить, что вышенамѣченный процессъ социальной дифференціаціи еще усилится и, при продолжающемся оскуднѣніи въ Центръ и на Востокъ, въ Юго-западномъ краѣ постепенно возникнетъ, на обломкахъ стараго, новый просвѣщенный политическій классъ, то теоретически нѣтъ ничего невозможнаго, что, вмѣстѣ съ рожденіемъ новой государственности, возникнетъ

въ этихъ областяхъ и новой языкъ, можетъ быть, и отличный отъ языка Пушкина и Гоголя. Но, во первыхъ, все это можетъ быть лишь дѣломъ долгихъ лѣтъ, не одного, а многихъ поколѣній. Во вторыхъ же, этотъ новый языкъ будетъ, во всякомъ случаѣ, не «украинскимъ», а русскимъ языкомъ, т. е. на немъ будутъ говорить не только на Юго-западѣ, но и на обезглавленномъ и обезлюдѣвшемъ Востокѣ, который постепенно заляется, — такъ какъ природа не терпитъ пустоты — колонизаціей съ Юго-запада. И во всякомъ-же случаѣ этимъ новымъ (третьимъ по счету) русскимъ языкомъ — не окажется языкъ г. г. Грушевскихъ и Ко.

Не будемъ однако гадать. Незвѣстное — неизвѣстно, въ чемъ и заключается его великая мудрость, передъ которою необходимо склоняются самый острый умъ и самое чуткое предвѣдѣніе. Вспомнимъ однако, въ заключеніе, одинъ изъ удивительнѣйшихъ примѣровъ историческаго прозрѣнія. Я имѣю въ виду политическую дальноворкость, обнаруженную въ XIII вѣкѣ византіяцами. Это они назвали восточную, Суздальскую (ставшую впослѣдствіи Московскою), Россію — Великою Россіею (*Μεγάλη Ῥωσία*), въ противоположность Малой, Кіевской (*Μικρά Ῥωσία*), — въ эпоху, когда, казалось, еще ничто не обнаруживало грядущаго величія первой. Будемъ-же вѣрить, что византійское пророчество, столь блестяще оправдавшееся въ послѣдующіе вѣка, не потеряло еще и нынѣ своей магической силы.

8.

Если-бы украинисты говорили, обращаясь къ Москвѣ: мы — историческій центръ Русской Земли; мы — русскіе, а вы, москвиты, — «Украина», то исторически они были-бы во многихъ отношеніяхъ правы. Но они говорятъ, какъ извѣстно, совершенно обратное этимъ словамъ: они стремятся стряхнуть съ себя русское имя, то самое русское имя, которое составляетъ ихъ главнѣйшее богатство и въ которомъ заключена вся ихъ историческая судьба. Если-бы они понимали эту судьбу, то они должны были-бы называть «украинцами» не себя, а именно великороссовъ, и *opus probandi* — доказать, что они тоже русскіе — лежалъ бы на великороссахъ. Неправильной постановкой всего вопроса украинисты чрезвычайно облегчаютъ задачу своихъ противниковъ. Но по существу положеніе послѣднихъ не столь выигрышно, какъ это можетъ показаться на первый взглядъ.

Я отмѣтилъ уже, что южно-русское простонародье не понимаетъ «украинскаго» языка г. г. Грушевскихъ и Ко. Наоборотъ, русскій простолюдинъ можетъ пройти отъ Влади-

востока и до бывшей австрійской границы, можетъ быть, даже до Карпатъ, и онъ будетъ вездѣ безъ труда понять, несмотря на многіе провинціализмы, которыми онъ уснащаетъ свою рѣчь. Объясняется это тѣмъ, что у насъ успѣло уже образоваться около литературнаго, въ тѣсномъ смыслѣ слова, языка и языка образованныхъ классовъ и подъ непосредственнымъ ихъ вліяніемъ — нѣчто въ родѣ *linguae vulgatae*, на которой говорило простонародье Римскаго міра послѣ разрушенія Римской имперіи, или нѣчто въ родѣ *κοινῆ*, распространившейся повсемѣстно по всему Востоку въ эпоху діадоховъ: подобною-же *lingua vulgata* или *κοινῆ* и пользуется говорящій дома на своемъ провинціальномъ *patois* или діалектѣ русскій простолюдинъ — когда онъ переступаетъ границу своей губерніи, и эту-то *linguam vulgatam* и понимаютъ у насъ повсемѣстно. Въ этомъ отношеніи Россія, конечно, въ гораздо большей степени «едина», чѣмъ, напр., Германія, гдѣ померанецъ съ большимъ лишь трудомъ понимаетъ шваба или баварца, или даже чѣмъ Франція, гдѣ нормандецъ плохо понимаетъ провансальца, не говоря уже объ Италіи, гдѣ калабрійца или сицилійца совершенно не понимаютъ въ Ломбардіи или Пьемонтѣ. Фактъ универсальности не только русскаго литературнаго языка, но и его сколка и отраженія — нашей *linguae vulgatae* — есть центральнѣйшій фактъ нашей судьбы, и, конечно, огромнѣйшія послѣдствія этого факта будутъ всегда сказываться, не смотря на столь-же огромныя разрушенія Русской революціи.

Не слѣдуетъ однако излишне преувеличивать значеніе этого факта. Вѣдь понимать другъ друга далеко еще не значить — говорить на одномъ и томъ-же языкѣ. Вдобавокъ, наши унитаристы вообще не знакомы съ только что мною введеннымъ понятіемъ русской *linguae vulgatae*; они стремятся во что-бы то ни стало доказать то, что невозможно доказать и что, въ сущности, совершенно излишне, въ ихъ цѣляхъ, доказывать, а именно фактъ большого будто-бы сходства, «между русскимъ и украинскимъ языками». Ибо, если уставналивать черты сходства или различія — разумѣется, не между русскимъ и «украинскимъ» языками (послѣдняго какъ, мы видѣли, вовсе не существуетъ) — но между русскимъ языкомъ, поскольку онъ есть отраженіе великорусскихъ діалектовъ, и самыми этими діалектами съ одной стороны, и бѣло — и малороссійскими *patois* съ другой стороны, то, конечно, бросается въ глаза прежде всего глубокія и рѣзкія различія между сравнимаемыми лингвистическими комплексами. Я оговариваюсь, что имѣю при этомъ въ виду не мертвый остовъ, не костякъ, не скелетъ, вообще не анатомію обоихъ сравниваемыхъ комплексовъ — корни словъ въ большинствѣ случаевъ (однако не всегда) и очень часто даже письменное ихъ начертаніе у нихъ совершенно одинако-

вы.¹⁾ Но я имѣю здѣсь въ виду нѣчто неизмѣримо болѣе'глубокое, чѣмъ всѣ эти и другія анатомическія подробности, а именно живую фیزیономію языка. И вотъ эта-то фیزیономія южно — и западно-русскихъ *ratois* рѣзко отличается отъ таковой-же московскаго діалекта и русскаго языка. У малороссійскихъ *ratois* совершенно иной духъ, иное метафизическое содержаніе, чѣмъ у діалектовъ восточныхъ, что прежде всего обнаруживается въ фонетикѣ, рѣзко отличной отъ московской: тоже самое слово звучитъ иначе на Окѣ и на Волгѣ, чѣмъ на Днѣпрѣ. Все это ясно указываетъ не только на то, что возникшій на Днѣпрѣ этнический комплекс созданъ изъ иныхъ матеріаловъ, чѣмъ, напр., волжскій, но и на то, что Днѣпровская *Psyche* до сихъ поръ отлична отъ Волжской. Обще-русскій нивелирующий процессъ, особенно усилившійся въ XIX вѣкѣ, сдѣлалъ несомнѣнно большія завоеванія. Болѣе того: эти завоеванія несомнѣнно отразились-бы въ концѣ концовъ и на южныхъ *ratois*; они, вѣроятно, начали-бы со временнемъ перерождаться (въ обще -русскомъ направленіи) или просто исчезать. Но весь этотъ процессъ былъ только въ началѣ, и грянувшая Революція, вѣроятно остановила, его.

9.

Лингвистически — «украинскій» вопросъ, какъ я уже не разъ подчеркивалъ, вполне ясенъ: народныя украинскіе говоры суть не что иное, какъ *ratois* въ строго научномъ значеніи этого термина, а «языкъ» г. г. Грушевскихъ есть пока не болѣе, какъ «эсперанто». Но унитаристы сами ослабляютъ эту въ высшей степени твердую позицію: тѣмъ, что припутываютъ къ лингвистическому вопросу — этнический и обще-психологическій. Первый они большею частью отождествляютъ, сливаютъ съ лингвистическимъ, что объективно невѣрно, такъ какъ на двухъ сродныхъ языкахъ могутъ говорить довольно далекія другъ отъ друга по крови племена (напр., болгары и русскіе, финны и совершенно потерявшіе финскіе расовые признаки — венгерцы). Тѣмъ не менѣе, поскольку въ языкѣ можетъ выражаться этнологія, именно южно-русскія *ratois* являютъ до сихъ поръ разительное свидѣтельство того, что говорящее на нихъ населеніе отлично — этнически — отъ центральныхъ и восточныхъ, племенныхъ группъ русскаго міра. И это свидѣтельство сильнѣе какихъ-бы-то ни было данныхъ, добытыхъ архивными разы-

¹⁾ Если стоять на точкѣ зрѣнія исключительно корней словъ, то можно доказывать сходство и «одинаковость» русскаго языка и съ болгарскимъ и съ сербскимъ и съ польскимъ и съ другими славянскими языками: какъ извѣстно, большинство корней словъ всѣхъ этихъ языковъ — общіе съ русскимъ языкомъ.

сканіями, которыя можно-бы было привести. Впрочемъ, никакихъ серьезныхъ данныхъ въ этомъ смыслѣ и не приводится. Унитаристы легко опровергаютъ сепаратистскія потуги украинистовъ, основанныя на антропометрическихъ и краніологическихъ измѣреніяхъ. Но аргументъ, вытекающій изъ подобной «побѣды» унитаристовъ, не изъ сильныхъ. Краніологіей и антропометріей вообще нельзя ничего доказывать въ расовыхъ вопросахъ или, что тоже самое, можно доказывать, что угодно. Поэтому-то серьезная наука все болѣе и болѣе забываетъ эти, когда-то столь модныя, орудія своего арсенала.

Что касается этно-лингвистическаго контраста между областями Оки-Волги съ одной стороны и Днѣпра съ другой, то здѣсь дѣло не только въ финскомъ этническомъ субстратѣ населенія центральной Россіи — много тюркской крови есть и въ южно-русскомъ населеніи. И хотя славянскіе элементы несомнѣнно преобладаютъ на Юго-западѣ, развѣ мы знаемъ, что, въ сущности, представляли собою, на зарѣ нашей исторіи, эти «славянскіе» элементы? Нѣтъ! дѣло не только въ этомъ «финствѣ» и «славянствѣ», а въ чемъ-то еще болѣе глубокомъ, подпочвенномъ, материковомъ. Дѣло въ томъ, что сама почва — и въ буквальномъ и въ переносномъ смыслѣ — была и есть на Окѣ и Волгѣ — иная, чѣмъ на Днѣпрѣ. Это-то «что-то изъ почвы» и сказывается до сихъ поръ въ Днѣпровскихъ говорахъ, если ихъ сравнивать съ восточными и центральными... Авторъ весьма интересной, по собранному въ немъ матеріалу, книги — кн. Волконскій¹⁾ совершенно справедливо отмѣчаетъ, что въ наши дни можно было слышать украинскую пѣсню въ центральной Россіи, а волжскую — въ Малороссіи. Но что-же доказываетъ это? Только то, что у насъ происходилъ, какъ я уже замѣтилъ, объединяющій, нивелирующий процессъ большой силы и что этотъ процессъ достигъ уже весьма существенныхъ результатовъ. Но приводимый кн. Волконскимъ фактъ отнюдь не доказываетъ того, что Русче украинской народной пѣсни и Русче пѣсни волжской приблизились другъ къ другу, или, тѣмъ менѣе, слились одна съ другой. Нѣтъ! волжская и украинская пѣсня, пусть онѣ пѣлись въ одномъ и томъ-же домѣ и пусть даже ихъ звуки вылетали изъ одного и того-же горла, — были разными, очень разными пѣснями. И, прослушавъ ихъ, всякій понималъ — не разсужденіями, а живымъ непосредственнымъ ощущеніемъ — насколько различны народныя, этническія Русче, создавшія ихъ. Тоже въ архитектурѣ, въ нравахъ и обычаяхъ, во всемъ строѣ жизни, во всей ея психологіи. Развѣ можно себѣ представить Василія Блаженнаго въ

¹⁾ La vérité historique et la propagande ukrainophile, Rome, 1920.

Кіевъ? Или, напр., утопающія въ вишневыхъ садахъ малоросійскія бѣлыя мазанки — въ великорусскихъ деревняхъ, вовсе не имѣющихъ — и совсѣмъ не по «климатическимъ» только причинамъ — садовъ? И кн. Волконскій жестоко ошибается, когда онъ, напр., говоритъ, что Великорусская — она такъ и называется — сельская община и отсутствіе ея въ Малороссіи (и вообще на Западѣ Россіи) не связаны генетически съ двумя отдѣльными Рсуче нашихъ Юго-западныхъ и Сѣверо-восточныхъ областей: пусть община была введена въ Великороссіи искусственно, мѣрами правительства, но она нашла тамъ прочную опору въ самой народной Рсуче: только потому она могла тамъ распространиться повсемѣстно и стать однимъ изъ центральнѣйшихъ факторовъ великорусской жизни, предопредѣлившимъ въ большой степени всю ея судьбу. Вся наша нынѣшняя, по существу, именно великорусская, революція есть въ значительной степени лишь результатъ этого основного великорусскаго-же факта.

Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, въ какой сильной степени наши радикальные унитаристы — естественный коордлярій столь-же радикальныхъ украинистовъ — не любятъ доискиваться до болѣе глубокихъ причинъ многихъ явленій русской жизни: ослѣпленные яркимъ свѣтомъ несомнѣнно происходившаго у насъ органическаго объединяющаго процесса, они просто не замѣчаютъ явленій противоположнаго характера. Между тѣмъ явленія эти, т. е. органическая-же противоположность русскаго Западо-юга русскому Востоку-сѣверу, столь-же реальны и столь-же могучи, столь-же живучи, какъ и Всероссійскій объединяющій процессъ. Жизнь вообще и русская жизнь въ частности сложнѣе всякихъ трафаретовъ и не хочетъ улесться и въ нашъ унитаристскій трафаретъ.

Но бѣда этого трафарета и въ томъ, что онъ заставляетъ относиться къ явленіямъ поверхностно — замѣчая лишь внѣшнее, такъ сказать — лишь одинъ фасадъ постройки и не углубляясь въ сущность вещей. Я, напр., уже говорилъ о томъ, что житель-простолюдинъ любой русской губерніи можетъ пройти насквозь всю Россію, и вездѣ онъ всѣхъ пойметъ и самъ будетъ понятъ всѣми, чѣмъ можетъ похвастаться не всякій простолюдинъ-итальянецъ, нѣмецъ или даже французъ. Къ этому внѣшнему «доказательству» единства русскаго народа кн. Волконскій добавляетъ и нѣкоторыя другія. Такъ, напр., онъ приводитъ такой воображаемый разговоръ: «Кто такое, спрашиваете вы — говоритъ онъ — въ миланскомъ или руанскомъ ресторанѣ. И вамъ отвѣтаютъ: несомнѣнно — южанинъ. . . Въ Россіи-же невозможно съ перваго взгляда отличить малороссіянина отъ сѣверянина».

Всѣ подобнаго рода доводы крайне неубѣдительны. И если исключить тѣ случаи — они не такъ рѣдки — когда «хохла» (малороссіянина) можно отличить отъ жителя восточной или сѣверной Россіи съ перваго-же взгляда, то чего только нельзя доказать подобнымъ «методомъ»? Въ pendant воображаемому случаю кн. Волконскаго я могъ-бы привести одинъ реальный. Въ ресторанѣ, въ Германіи, обѣдало 5 человѣкъ: 3 русскихъ и 2 нѣмца. Къ одному изъ этихъ двухъ нѣмцевъ подходитъ знакомый, котораго тотъ спрашиваетъ, прежде чѣмъ знакомить его съ сотрапезниками: «опредѣли національность каждаго изъ моихъ друзей!» Подошедшій внимательно оглядываетъ обѣдающихъ и принимаетъ за нѣмцевъ троихъ русскихъ, а пятаго сотрапезника т. е. того, кто былъ дѣйствительно нѣмцемъ, называетъ русскимъ... Впрочемъ, не давно-ли доказано и какъ разъ въ наши дни блестяще подтверждено Шпенглеромъ, что нѣтъ въ Европѣ двухъ человѣкъ, которые не были бы другъ съ другомъ сродни?..

10.

Аргументъ единства физическаго русскаго типа — даже если-бы самый фактъ этого единства былъ безспоренъ, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, — является столь-же мало рѣшающимъ, какъ и ранѣе уже мною объясненный фактъ повсемѣстнаго, отъ Владивостока до Одессы, пониманія русскаго языка. Унитаристы отправляются въ данномъ вопросѣ отъ сравненія Россіи съ европейскими странами, напр., съ Италіей, — ибо сравненіе съ нею кажется имъ наиболѣе выгоднымъ для ихъ тезиса. Мнѣ-же, напротивъ, кажется, что сравненіе съ Италіей для него особенно невыгодно. Въ самомъ дѣлѣ, обособленность отдѣльныхъ областей Италіи обусловлена двумя главнѣйшими причинами, изъ которыхъ первая — чисто-географическая, вторая же — историческая. Неаполитанецъ, апуліецъ, житель Романьи и пьемонтанецъ дѣйствительно не понимаютъ другъ друга и пусть даже физически другъ съ другомъ не схожи. Но что-же изъ этого? Это объясняется тѣмъ, что они вѣками живутъ въ рѣзко другъ отъ друга обособленныхъ, отдѣленныхъ высокими и трудно переходимыми горными хребтами, долинахъ. Русскія-же природныя условія — обширная и однообразная равнина, безъ горныхъ хребтовъ и добавокъ съ огромными рѣками, прорѣзающими всю страну и соединяющими другъ съ другомъ самыя отдаленныя мѣстности, чего нѣтъ въ Италіи — въ высшей степени облегчали интегрирующий процессъ. Перехожу къ историческимъ причинамъ и спрашиваю: можно-ли требовать, чтобы страна, лишь вчера достигшая политическаго единства, этого необходимаго предусловія един-

ства языка, культуры, нравовъ и вообще однотипности, во всѣхъ смыслахъ, своего населенія, дошла въ нивелирующемъ процессѣ до той стадіи, на которой находится въ этомъ отношеніи другая страна, уже вѣками, какъ Россія, достигшая, въ вѣвѣстномъ смыслѣ, своего политическаго единства? Но пусть г. г. унитаристы не увлекаются сравненіями съ Италіею. Нельзя сомнѣваться, что съ желѣзными дорогами, съ развитіемъ промышленности и торговли, съ ростомъ и расширеніемъ функцій единого государства — смягчится и обособленность отдѣльныхъ мѣстностей Италіи и — конечно, не въ одно и не въ два поколѣнія — неаполитанецъ станетъ понимать жителя Ломбардіи, а житель Романьи — пьемонтанца.¹⁾

Не надо при этомъ упускать изъ виду и слѣдующаго. Болѣе яркая индивидуальность неаполитанца и жителя Умбріи или Ломбардіи, сравнительно съ индивидуальностями, скажемъ, полтавца и вятчанина, объясняется отчасти и тѣмъ, что въ первыхъ сохранился отпечатокъ цѣлаго ряда прошедшихъ и не во всемъ однородныхъ культуръ. Въ нихъ еще цѣло богатѣйшее, многихъ тысячелѣтій, наслѣдство минувшихъ поколѣній, и это-то наслѣдство и окрашиваетъ различно ихъ фizioноміи. Въ полтавцѣ-же и вятчанинѣ вовсе нѣтъ этихъ многотысячелѣтнихъ культуръ. Ихъ историческое наслѣдство сравнительно весьма легковѣсно. Это еще не дѣлаетъ ихъ похожими другъ на друга — напротивъ: они другъ на друга совсѣмъ не похожи. Но эта особенность, т. е. то, что за ними въ прошломъ нѣтъ сложнаго наслѣдія ряда чередовавшихся культуръ, сближаетъ ихъ въ томъ отношеніи, что оба они являются типами и характерами весьма неконстантными. Полтавецъ и вятчанинъ еще не успѣли выработать въ себѣ константности, т. е. закрѣпить въ себѣ въ опредѣленной и ясной, болѣе или менѣе рѣзкой, формѣ — своихъ индивидуальныхъ чертъ. И это-то крайне у насъ и облегчало интегрирующий національный процессъ.

¹⁾ Большую роль сыграетъ, несомнѣнно, въ этомъ отношеніи истекшая война, поставившая впервые лицомъ къ лицу, въ динамическомъ напряженіи, направленномъ на защиту общаго отечества, — представителей самыхъ другъ отъ друга отдаленныхъ мѣстностей политически уже пол-вѣка «объединенной», но во многихъ отношеніяхъ продолжавшей жить разъединенно, Италіи. Войны вообще являютъ крупнымъ языкообразующимъ факторомъ. Такъ извѣстно, что индустани, служащій до нашихъ дней международнымъ языкомъ для многочисленныхъ племенъ Индіи, возникъ въ лагерѣ Тамерлана. Такъ и французскій языкъ и даже сама французская нація, въ извѣстномъ смыслѣ, родились во время Крестовыхъ походовъ. Особенно важенъ былъ въ этомъ отношеніи Второй крестовый походъ: можно сказать, что французскій языкъ родился, въ извѣстномъ смыслѣ, подъ стѣнами Сентъ-Жанъ д'Акра и Іерусалима.

Но, во всякомъ случаѣ, изъ того, что неаполитанецъ не понимаетъ ломбардца, а вятчанинъ понимаетъ полтавца, еще далеко не слѣдуетъ, что послѣдніе другъ къ другу ближе по духу и крови, чѣмъ первые. По крови ломбардецъ и далеко отъ неаполитанца и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно близокъ къ нему. И буквально тоже можно сказать и о нашихъ вятчанинѣ и полтавцѣ. Что касается духа, то не имѣли-ли издревле всѣ области Италіи общій языкъ формъ? И Миланъ и Неаполь знали и романику и готику и барокко, не говоря уже о древнихъ эллино-римскихъ формахъ. Другими словами, въ Италіи такъ сказать вездѣ были и есть и «Софійскіе соборы» и «Василіи Блаженные». Въ Россіи-же, въ сущности, на Востокѣ «Софійскаго собора» не было никогда, а Василій Блаженный былъ только въ Москвѣ. Между тѣмъ общій языкъ формъ есть главное: онъ то и составляетъ одно изъ важнѣйшихъ предусловій рожденія націи. И пусть хохоль понимаетъ москаля, а калабріецъ не понимаетъ пьемонтца, первые, въ сущности, ближе другъ къ другу по духу, темпераменту и всѣмъ *Leitmotiv* 'амъ существованія, чѣмъ вторые.

11.

Ненормальное зарожденіе — въ политикѣ чужой страны — обусловило и все дальнѣйшее глубоко неправильное развитіе украинскаго вопроса и прежде всего отклонило, такъ сказать перекосило — его географическую ось. Говоря выше о центральномъ дѣйственномъ противоположеніи русской жизни, я не случайно употребилъ выраженія Востоко-Сѣверъ и Западо-Югъ, вмѣсто общепринятыхъ: Сѣверо-Востокъ и Юго-Западъ. Какъ противоположеніе русскаго Юга русскому Сѣверу, украинскій вопросъ вызванъ искусственно. Въ этомъ смыслѣ украинское движеніе не открываетъ никакихъ горизонтовъ и не заключаетъ въ себѣ никакихъ творческихъ струй. Можно даже сказать, что въ смыслѣ этого сѣверо-южнаго противоположенія украинскаго вопроса вообще не существуетъ. Но затаянная въ немъ проблема получаетъ, напротивъ, огромнѣйшее значеніе и дѣлается вполнѣ реальной, актуальной и чреватой очень крупными послѣдствіями, если мыслить въ немъ противоположеніе не Юга и Сѣвера, а Запада и Востока.¹⁾

¹⁾ Возможно, что въ послѣдней и окончательной своей сущности настоящее противоположеніе есть все-таки сѣверо-южное, а не какое-либо иное. Ариманъ (хаосъ) есть сѣверный духъ, а не восточный, и потусторонность представлялась древнему міру не въ образѣ Нила и Евфрата — развѣ не были ихъ наслѣдниками Алфей и Тибръ? — и даже не въ образѣ сказочнаго Гидаспа, а въ образѣ *Ultima Thule* и Гипербореевъ. И не такъ ли и въ новомъ мірѣ: Императорскій

Основное русское противоположеніе, психологическое противоположеніе Двухъ Россій, раскрытое мною въ другомъ мѣстѣ, можно мыслить и въ географической проэкціи. Но было-бы очень большой ошибкой и извращеніемъ высказываемыхъ здѣсь мыслей понимать ихъ слишкомъ схематически, въ данномъ случаѣ — прямолинейно топографически. Я указываю лишь на общій характеръ, лишь на основную тенденцію дѣйствующихъ на Востокъ и Западъ Россіи силъ и отнюдь не даю ихъ подробной формулы, не опредѣляю ихъ точнаго размѣра, особенно размѣра территориальнаго. Въ «украинствѣ» есть, безспорно, и восточно-русскіе элементы и струи, какъ были и элементы западные — въ Великороссіи (см. примѣчаніе на стр. 108). Такъ, въ частности, не слѣдуетъ забывать, что именно восточно-русскіе элементы, тѣ самые элементы хаоса и анархіи, которые въ свое время вызвали зарожденіе Великорусской общины и затѣмъ продолжали вѣками жить подъ тяжелымъ давленіемъ ея деспотическаго механизма, сказались и на Украинѣ въ катастрофѣ 1649 года, стершей въ конечномъ итогѣ съ лица земли нашу древнюю Киевскую образованность и ея языкъ. Тѣмъ не менѣе — и это-то и является въ данномъ случаѣ настоящей «тенденціей дѣйствующей силы» — основной *Leitmotiv* и истинная душа «украинства», то, что даетъ ему удѣльный вѣсъ и даетъ силу его творческимъ струямъ, то, чѣмъ оно интересно и живо, заключается въ его западныхъ, а не восточныхъ элементахъ. Я уже указалъ на нѣкоторые изъ нихъ. Малороссѣ, какъ и вообще земледѣльцы всей Западной Россіи, есть, въ противоположность общиннику-великороссу, — прирожденный собственникъ; въ этомъ отношеніи онъ гораздо болѣе похожъ на французскаго, нѣмецкаго или итальянскаго крестьянина, чѣмъ на болѣе къ нему близкихъ по крови волжанина или жителя береговъ Оки. И эта черта кладетъ особый отпечатокъ на весь строй его мысли и чувства. Но повторяю: это вовсе не специ-

Петербургъ свѣтлыхъ десятилѣтій, Петербургъ de la Grande époque былъ близокъ, совсѣмъ близокъ къ Берлину, и Вѣна была не далека отъ Парижа и даже Мадрита. Напротивъ, Фландрія, разумѣется, не во всѣхъ, а лишь въ нѣкоторыхъ ея элементахъ, безгранично далека — метафизически и психологически — отъ Провансальско-Пиренейскаго міра, хотя отстоитъ отъ него всего въ нѣсколькихъ стахъ километровъ и вѣками входитъ въ одну и ту-же, казалось-бы, культуру, даже въ одно и тоже національное тѣло. Но духъ Фландріи скорѣе сѣверный, норскій, скандинавскій. Что касается самой Скандинавіи, то въ ней есть, разумѣется, и «западные» элементы (въ Россіи она вообще всегда дѣйствовала въ качествѣ «Запада»), но все-же она по существу своего духа весьма отлична отъ Запада. Она есть именно «Скандинавія», т. е. Сѣверъ... Но я оставляю вопросъ объ этомъ большомъ, обще-европейскомъ, метафизическомъ и психологическомъ противоположеніи открытымъ и говорю только, что въ русской своей проэкціи оно есть противоположеніе западно-восточное.

фически-украинская, а вообще западно-русская черта, и притомъ западно-русская не въ этническомъ, а въ территориальномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ въ этомъ отношеніи являются одинаково «украинцами» не только бѣлорусъ, но и литовецъ и латышъ и эстонецъ и полякъ. Съ указанною чертою тѣсно связана другая. Малороссъ является, какъ и всѣ только-что перечисленные племена, типическимъ трудолюбивымъ земледѣльцемъ. Онъ дѣйствительно любитъ свою землю, чего отнюдь нельзя сказать, несмотря на него прославленную «жажду земли» про великоросса. Здѣсь не мѣсто разсматривать этотъ вопросъ. Скажу кратко, что несмотря на общераспространенное и рѣшительно ни на чемъ не основанное мнѣніе, великороссъ лишь по необходимости и чуть-ли не только изъ подпалки (крѣпостное право и принудительно введенное трехпольное хозяйство — въ немъ и родилась община) сталъ земледѣльцемъ. За послѣдніе сто лѣтъ, даже скорѣе за послѣдніе 50 лѣтъ, онъ распахалъ и опустошилъ огромное количество земель. Но въ сущности онъ не сдѣлался земледѣльцемъ и до сихъ поръ: голодъ былъ въ московской Руси хроническимъ явленіемъ огромнѣйшаго напряженія, и такъ это и осталось — въ Центрѣ и на Востокѣ — до нашихъ дней.¹⁾ Да, насколько малороссъ и вообще западно-русскій крестьянинъ являются прирожденными земледѣльцами, въ той-же степени великороссъ — прирожденный-же анти-земледѣлецъ. Уже одно то, что великороссъ смогъ такъ тѣсно сжиться, слиться съ общиною — пусть введенной и принудительно —, что онъ сумѣлъ развить ее въ цѣлую систему, показываетъ, что онъ, въ сущности, совѣтъ не земледѣлецъ²⁾.

¹⁾ Это, конечно, не исключаетъ даровитости великоросса, но только — не въ земледѣльческой сферѣ. Датскій путешественникъ Havel, посѣтившій Россію въ сороковыхъ годахъ XVIII вѣка, былъ пораженъ неспособностью русскихъ крестьянъ къ земледѣлію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вотъ что онъ говоритъ о нихъ: «Русскій — болѣе еврей, чѣмъ всѣ евреи, вмѣстѣ ваятые, въ томъ смыслѣ, что онъ болѣе всѣхъ людей на свѣтѣ обладаетъ коммерческимъ гениемъ. Дайте крестьянину два рубля; онъ сейчасъ-же откроетъ лавочку и въ нѣсколько дней удесятеритъ свой капиталъ». Несмотря на нѣсколько парадоксальную форму этой сентенціи, въ ней, конечно, больше правды, чѣмъ во всѣхъ тѣхъ сантиментальныхъ глупостяхъ, которыя писались о великорусскомъ крестьянинѣ за послѣдніе 50 лѣтъ. Острый взглядъ пытливаго иностранца разглядѣлъ вѣрно. Какъ купецъ, великороссъ не уступитъ еврею, и именно хищнической, ростовщической характеристикѣ всегда имѣло и земледѣліе великорусскихъ крестьянъ.

²⁾ Можно сказать, что анти-земледѣльческій, невземельный характеръ великорусскаго крестьянина отражаетъ весьма ярко — самъ нашъ языкъ. Русское слово «земледѣлецъ», соотвѣтствующее латинскому *agricola* и французскому *agriculteur*, есть, какъ и эти, послужившія ему образцами, имена, — сложное слово. И, какъ и большинство сложныхъ словъ, оно есть сочиненное, не родившееся органически, а потому и не яркое, книжное слово. Таково-же и однозначущее съ нимъ слово «хлѣбопа-

Я упомянулъ уже объ «утопающихъ въ вишневныхъ садахъ» бѣлыхъ малороссійскихъ мазанкахъ». Безспорно, вызываемому ихъ видомъ чувству «Gemütlichkeit» — замѣтьте, что этого слова вообще нѣтъ на русскомъ (т. е. великороссійскомъ) языкѣ — содѣйствуетъ въ большой степени и богатая, улыбающаяся и радостная украинская природа. Но, говоря вообще, природа Западной Россіи гораздо бѣднѣе и, въ огромномъ большинствѣ мѣстностей, — грустнѣе, угрюмѣе, безцвѣтнѣе природы Россіи восточной. Тѣмъ не менѣе весь строй и обиходъ народной жизни — народныя пѣсни и вѣрованія, нравы и обычаи, наконецъ самый home (этого слова также нѣтъ въ русскомъ языкѣ) западно-русскаго крестьянина и горожанина — въ неизмѣримо большей степени gemütlich, чѣмъ въ Центръ и на Востокъ. Въ общемъ можно сказать, что психологія западно-руса, также поляка и литовца, есть психологія уже давно свыкшихся съ осѣдлымъ бытомъ людей; психологія-же великоросса есть до сихъ поръ, въ основной своей сущности, — психологія бродячаго племени.

И въ великорусской душѣ звучать порою, внѣ всякаго сомнѣнія, струны своеобразной могущественной поэзіи. Но въ этой душѣ есть очень много кое-чего и совершенно иного, напр., ничѣмъ порою не смягчаемой грубости, которую хочется назвать «первобытною» — хотя мы въ настоящее время уже знаемъ, что грубость не есть вовсе отличительная черта первобытныхъ племенъ. Эти-то и имъ подобные черты грубости, жестокости, нравственной косности, равнодушія и порою прямо бездушія — и

шесть». Но въ высшей степени характерно, что русскій языкъ такъ и не выработалъ почвеннаго, жизненнаго, фізіономическаго имени для означенія человѣка земли, соответствующаго французскому paysan и итальянскому contadino, прямо указывающимъ на признакъ земельной осѣдлости (pays, contado), или хотя-бы нѣмецкому Bauer, отмѣчающему яркій земледѣльческій признакъ (= сѣвецъ). Русскій-же «paysan» называетъ себя крестьяниномъ, т. е. христіаниномъ, именемъ, не заключающимъ въ себѣ ни малѣйшаго намека на землю или земледѣліе: своего рода «гражданинъ вселенной»! Таковъ-же и эквивалентъ «крестьянина» — мужикъ. «Мужикъ» (мужъ, мужчина) просто значить человѣкъ, въ смыслѣ противоположенія женщинѣ (баба) и съ указаніемъ на неполноту свойствъ мужа: «мужикъ» есть нѣчто приближающееся къ «мужу», нѣчто похожее на «мужа», мужеобразное, но все-же не имѣющее всѣхъ свойствъ и чертъ мужества. Во всякомъ случаѣ, и въ словѣ «мужикъ», какъ и въ словѣ «крестьянинъ», ничто не указываетъ на землю или земледѣліе. Наоборотъ, то слово, которое, казалось бы, имѣло всѣ шансы стать у насъ эквивалентомъ Bauer'a и paysan'a (землякъ), получило совершенно иное, специфическое значеніе. Такъ отвѣчаетъ на вопросъ о характерѣ народа самъ его языкъ... Любопытно съ другой стороны и то, что употребляемая въ Малороссіи выраженія землеробъ, хлиборобъ, хотя они и суть, подобно «земледѣльцу» и «хлѣбопашцу», — сложныя, т. е. книжныя по происхожденію, слова, все-таки прочно укоренились въ психологіи малороссійскаго крестьянина, охотно называющаго себя этими именами.

мѣшаютъ часто добратъся до поэтической стороны великорусской души. Напротивъ, поэтическій уклонъ души малоросса сразу бросается въ глаза. Можно даже сказать, что малороссы — одно изъ самыхъ поэтическихъ племенъ въ Европѣ. Даже польскіе писатели, признающіе, что, вообще говоря, польская *Psyche* представляетъ собою амальгаму польской души съ душою малороссійской, соглашаются и съ тѣмъ, что именно въ послѣдней заключается источникъ поэтическихъ струй Польскаго міра. Болѣе яркаго доказательства присутствія особыхъ поэтическихъ силъ въ малороссійской душѣ — не возможно и требовать¹⁾. Мягкость, нѣжность, добродушіе, и, наряду съ ними, столь-же органическіе юморъ и хитреца (столь отличные отъ великорусскихъ «зубоскальства» и «смекалки»!) — вотъ основные черты малороссіянина, излучающіяся и среди всѣхъ вообще племенъ Западной Россіи. Въ связи съ поэтическимъ уклономъ всей западно-русской жизни находится и значительное развитіе фантазіи въ *Psyche* ея населенія. Можно сказать, что среди него еще и теперь творится эпосъ, не говоря уже о томъ, что наши западныя рѣки до сихъ поръ полны русалками, а въ лѣсахъ и въ наши еще дни «дивъ кличетъ, сидя верху древа». Напротивъ, ментальность, великоросса почти лишена фантазіи. Она часто у него столь-же бѣдна, какъ и его сѣрый, нищенскій бытъ. И потому это такъ, что его истинная религія, ощущаемая порою лишь ниже порога его сознанія, есть нигилизмъ. Наоборотъ, у малоросса, вообще у западно-руса (не въ племенномъ, а въ территоріальномъ смыслѣ, т. е. не только у славянъ) способность къ религіозному чувству, къ религіозной жизни — куда выше! Большинство святыхъ нашей церкви были западно-русы, и въ высшей степени вѣроятно, что, поскольку вообще можно было говорить о религіозности народа въ Центрѣ и на Востокѣ, эта религіозность была, во 1 хъ, весьма недавнимъ и, во вторыхъ, весьма поверхностнымъ явленіемъ и вообще проростаніемъ сверху, а не органическимъ продуктомъ народной жизни.

Въ связи со всѣмъ предъидущимъ восточно-русская *Psyche* получила — далеко не со вчерашняго дня — въ нѣкоторомъ родѣ рационалистическій уклонъ въ степени, совершенно неизвѣстной нашему Западу. Такъ-то и великороссійская грубость получаетъ порою «принципіальный», чуть-чуть что не «религіозный» характеръ: въ ней часто скрывается цѣлое «мировоззрѣніе». Съ другой стороны въ тѣсной связи съ вышеупомянутымъ рационализмомъ великорусской души находятся ея органическіе унитаризмъ и социализмъ. Вопросъ о великорусскомъ социализмѣ сложенъ. Онъ не исключаетъ столь-же

¹⁾ См. Stanislas Smolka, Les Ruthènes, p. 446 et passim.

крайнего и анархического великороссійскаго индивидуализма. Обѣ эти характеристическія и, казалось-бы, полярно противоположныя черты великороссійской Psyche взаимно обуславливаютъ другъ-друга. И въ самомъ дѣлѣ: не уживались-ли великолѣпно оба эти теченія въ общинѣ? и не была-ли — исторически — вызвана къ жизни и сама община именно анархическимъ индивидуализмомъ предъидущей эпохи (подсѣчно-займочное хозяйство)?¹⁾ Но во всякомъ случаѣ оба эти восточно-русскія

¹⁾ Вопросъ о «соціализмѣ» общины сложенъ не только потому, что въ ней совмѣщается немало совершенно различныхъ и даже противоположныхъ другъ другу силъ и теченій, но и потому, что въ самое понятіе социализма можетъ сплошь и рядомъ вливаться совершенно различное содержаніе, не исключая диаметрально противоположныхъ сущностей и чертъ, — смотря по тому, разумѣется-ли подъ нимъ идея первенства общаго интереса предъ частнымъ (въ этомъ и заключается его живой и творческій принципъ), или стремленіе къ «соціальной справедливости», неизбежной формой котораго является «классовая борьба», обращающая самый социализмъ въ силу разрушительную и ярко анти-соціальную (владычество класса). Что касается общины, то для того, чтобы нѣсколько выпрямить связанную съ нею и весьма запутанную перспективу и для того, что-бы понимать, въ какомъ смыслѣ въ ней заключенъ «соціализмъ», важно помнитъ слѣдующее:

1. Живая практика Великорусской общины отнюдь не исключала, а, наоборотъ, въ высшей степени содѣйствовала самой беззащитной и радикальной «капиталистической эксплуатаціи». Извѣстная Столыпинская фраза о «ставкѣ на сильныхъ» объясняется лишь глубокимъ непониманіемъ общинныхъ отношеній. «Сильнымъ» наша община отнюдь не была страшна, и съ этой точки зрѣнія все Столыпинское аграрное законодательство было скорѣе ставкою на слабыхъ, чѣмъ на сильныхъ.

2. Но представляя собою превосходную почву для развитія крайняго и въ обстановкѣ общинныхъ отношеній — неизбежно анархическаго и паразитнаго индивидуализма (замѣчено еще Бакунинымъ — въ извѣстномъ письмѣ къ Герцену), наша община послѣднихъ десятилѣтій представляла собою вмѣстѣ съ тѣмъ и рудиментарную и грубую форму социализма (идея душевого надѣла и практика т. назыв. «общихъ передѣловъ»). Но эта идея, т. е. идея о правѣ всякой «души», отъ рожденія до смерти, на землю, была нашей исторической Великороссійской общинѣ вполне чужда (какъ была чужда ей и практика «общихъ передѣловъ»). Общинная (душевая) теорія была у насъ выработана куда ранѣе таковой-же практики! Наша старая тягловая община XVII и XVIII столѣтій стала превращаться въ душевую лишь начиная со середины XIX вѣка, лучше сказать, въ концѣ его, и главнымъ образомъ — подъ влияніемъ славянофильскихъ идей. Славянофилы увидели въ старой, дореформенной общинѣ то, чего въ ней совершенно не было, т. е. осуществленіе идеи соціальной уравнительности. Увидали потому, что хотѣли найти въ русской общинѣ разрѣшеніе мучившаго уже тогда Европу соціальнаго вопроса. Отраженіемъ ихъ взглядовъ и явилась извѣстная книга Гакстгаузена, имѣвшая въ свою очередь огромнѣйшее вліяніе на послѣдующее (начиная съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія) превращеніе — бюрократическимъ путемъ — нашей тягловой общины въ общину душевую: порядки, которые описывалъ Гакстгаузенъ въ своей книгѣ, были въ его время (сороковые года) фантастическими — такихъ порядковъ въ русской общинѣ его времени вовсе не существовало; но въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка эти порядки (душевой

произрастанія, т. е. и соціалізмъ и крайній анархическій индивидуализмъ, одинаково противны духу умѣренного, нормального индивидуализма Западной Россіи. На столько же противенъ заключенному въ ней духу своей «особности», духу мѣстной, повѣтовой и краевой, автономіи — въ немъ-то и заключена

надѣлъ и общіе передѣлы) дѣйствительно стали живой реальностью. (Вопросъ о «тягловомъ» и «душевомъ» порядкѣ крестьянскаго надѣльнаго владѣнія рассмотрѣнъ подробно въ моей книгѣ: Голодная смерть подъ фирмою душевого надѣла, СПб. 1906).

3. Тѣмъ не менѣе народъ, какъ видно изъ предъидущаго, усвоилъ новые «душевые» порядки; т. е. пошелъ охотно по тому «соціалистическому», въ смыслѣ всеобщей уравнительности, уклону, на который толкнули его славянофилы. Взаимная связь между фактомъ Великороссійской бытовой общины (тягловой) и «соціалистическимъ» уклономъ русской деревенской жизни въ высшей степени сложна. Община послужила, внѣ всякаго сомнѣнія, весьма удобной формой для инфильтраціи этаго «соціализма» въ народную жизнь. Она легко приняла въ себя то содержаніе, которое хотѣли въ нее влить. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она, какъ соціально-экономическая форма, могла-бы столь-же легко принять въ себя и совершенно иное, противоположное «душевому», соціалистическому, содержаніе. Ея развитіе могло-бы столь-же свободно пойти и по совершенно иному пути. Поэтому въ развитіи нашего общиннаго «соціализма» (я здѣсь вездѣ разумю его въ смыслѣ идеи уравнительности) послѣднихъ десятилѣтій виновна не наша община сама по себѣ. Причина легкости практическаго усвоенія народомъ славянофильской «душевой» идеологіи заключалась прежде всего въ общихъ предрасположеніяхъ Великорусской Psyche, на что я и указалъ выше, возражая кн. Волконскому, а также въ особыхъ условіяхъ эпохи (усыханіе творческихъ источниковъ «націи» и «Имперіи» во второй половинѣ XIX вѣка). Но само собою разумѣется, что, укрупнившись въ общинѣ, «соціалистическія» струи душевого надѣла стали, въ свою очередь, служить могущественнымъ средствомъ къ еще сильнѣйшему сдвигу народной Psyche въ сторону рудиментарнаго и грубо понимаемаго соціализма (т. е. соціализма «уравнительности»). Но во всѣхъ этихъ весьма сложныхъ взаимодействіяхъ именно и выступаетъ особенно рѣзко коренная разница между восточной и западной Россіей: хотя тяжелый прессъ славянофильскихъ идей — онѣ въ данномъ случаѣ были и «народническими» — давилъ у насъ столько-же на Западѣ, какъ и въ Центрѣ и на Востокѣ, и «душевые» порядки были, на нашихъ глазахъ, распространены, путемъ судебна-административнаго толкованія и даже законодательства, на цѣлый рядъ формъ владѣнія, не имѣвшихъ по своему происхожденію ничего общаго съ общиною (напр., на «четвертное владѣніе», на владѣніе «малороссійскихъ казаковъ» и многія другія формы индивидуальнаго владѣнія), тѣмъ не менѣе западно-русская жизнь всегда оказывала этимъ стремленіямъ куда болѣе сильное, чѣмъ въ Центрѣ и на Востокѣ, сопротивленіе.

4. Въ общинѣ была заключена съ самаго начала (т. е. и въ «тягловой» общинѣ XVII и XVIII столѣтій) извѣстнаго рода идея «уравнительности». Но это была отнюдь не идея душевого надѣла. Тягловая община стремилась не къ соціальной, а къ хозяйственной уравнительности. Общинное распредѣленіе земли было, при неперемѣнномъ своемъ предположеніи — трехпольномъ хозяйствѣ, способомъ, чтобы каждый получалъ участіе «и въ плохомъ и въ хорошемъ». Цѣль заключалась вовсе не въ обезпеченіи всѣхъ землею, а въ хозяйственной ея эксплуатаціи, которой именно и препятствовало анархическое своеволие болѣе

живая опора «украинства» — унитаристскій духъ Московскаго центра.

У малоросса, бѣлоруса, литовца, поляка, также эстонца и латыша, есть своего рода ограниченность и нѣсколько отталкивающее упрямство, которыхъ нѣтъ въ великороссѣ. Вообще можно сказать, что классическое выраженіе «широкая

ранней эпохи. Въ этотъ-то анархическомъ своеволіи, т. е. въ подсѣчно-заимочномъ хозяйствѣ, и слѣдуетъ искать зародышъ нашей общины: это «соціалистическое» чудище выросло изъ яркаго анархическаго индивидуализма подсѣчно-заимочнаго хозяйства. Это хозяйство, доселѣ существующее кое-гдѣ на нашемъ крайнемъ Сѣверѣ, требовало огромнаго запаса земель, на которыхъ оно могло продовольствовать лишь крайне небольшое населеніе. Путешественники XVI—XVII вѣковъ единогласно свидѣлствуютъ, что обширныя пространства вокругъ Москвы представляли собою настоящую пустыню зарослей и вырубовъ, съ кое-гдѣ лишь, на большомъ другъ отъ друга разстояніи, разработанными небольшими клочками пашни. Эта яркая картина подсѣчнаго хозяйства отражалась и въ другомъ типическомъ явленіи Московской Руси: повальномъ бѣгствѣ населенія изъ такъ назыв. «Центрального Междурѣчья», т. е. изъ областей, расположенныхъ между Верхней Волгой и Окою. Народъ бѣжалъ отъ податной тяготы, т. е., въ конечномъ итогѣ, отъ неодоходоспособности земли и обусловленнаго ею голода, бывшаго въ Московскомъ государствѣ хроническимъ явленіемъ. Съ этими-то голодомъ и бѣгствомъ населенія и боролось Московское правительство, и со второй половины XVI вѣка эта борьба приняла рѣшительный характеръ. Задача была: увеличить доходоспособность земли, установивъ одновременно бдительный контроль надъ передвиженіемъ населенія. Для достиженія первой цѣли надо было прежде всего организовать и нормировать хозяйственную территорию — такъ вводится трехпольное хозяйство, долженствовавшее замѣнить анархическое хозяйство заимокъ. Уже сама по себѣ эта мѣра вела къ интеграціи полевыхъ участковъ, т. е. къ собиранію населенія изъ «заимокъ» и «починокъ» въ села и деревни — древнѣйшій періодъ нашей исторіи не зналъ ихъ: онъ зналъ только города. Но село и деревня были нужны и въ другомъ отношеніи: односельцы, связанные круговой порукой въ уплатѣ повинностей, вынуждены были сами сдѣлать другъ за другомъ, какъ бы кто не убѣжалъ. Но еще сильнѣйшую гарантію въ этомъ отношеніи представляло введенное на рубежѣ XVI и XVII столѣтій крѣпостное право, которое съ другой стороны само тѣснѣйшимъ образомъ связано съ переходомъ къ трехпольному хозяйству и образованіемъ деревень. Такъ-то постепенно и возникла тріединая принудительная организація трехпольнаго хозяйства, собиранія населенія въ деревни и помѣщичьей власти, представляющихъ собою не три отдѣльныя мѣры, а въ сущности лишь три аспекта одной и той же хозяйственной мѣры, и на почвѣ возникшихъ изъ нея отношеній и выросла община. Она неразрывно связана съ трехпольемъ и крѣпостнымъ правомъ. Лучше сказать, всѣ эти три явленія нашего прошлаго были тремя фасадами одного и того-же историческаго заданія. Введеніе общинно-крѣпостнаго трехполья — такъ пожалуй всего правильнѣе назвать занимающій насъ хозяйственно-соціальный комплексъ — было въ ту эпоху несомнѣннымъ прогрессомъ. Въ немъ выразился протестъ противъ анархическаго индивидуализма, приведшаго страну къ хозяйственному банкротству, и въ этомъ смыслѣ въ крѣпостной общинѣ заключался съ самаго начала нѣкотораго рода социализмъ, не социализмъ утопической уравнительности, не «коллективизмъ» — и производство и потребленіе всегда оставались въ русской общинѣ индивидуальными — но социализмъ, подчиняющій личное свое-

русская натура» мало примѣнимо къ западу отъ линіи Петербургъ-Херсонъ. Здѣсь вообще нѣтъ ни широкихъ волжскихъ горизонтовъ, ни раздолья Саратовскихъ и Самарскихъ степей. Но не эти-ли широкіе горизонты и заставляли часто Россію — расточать національные силы? А съ другой стороны: не имѣла-ли западно-русская ограниченность горизонтовъ и хотѣній ту хорошую сторону, что она концентрировала и берегала ихъ?

12.

Итакъ въ «Украинскомъ» вопросѣ скрыта совершенно иная, неизмѣримо болѣе широкая и болѣе глубокая національно-историческая проблема: вопросъ о субстанціальномъ и органическомъ противоположеніи всего вообще (не только «славянскаго») русскаго Запада — русскому Востоку. Основную ошибку перспективы, заключенную въ «украинскомъ» построеніи этой основной проблемы русской судьбы, нѣсколько

волеі общему интересу и требующій отъ личности жертвы во имя всеобщности, олицетворяемой государствомъ. Но хотя эта тріединая организациа и была проникнута «соціализмомъ общественнаго интереса» — ея цѣлью было дать странѣ недостававшій ей хлѣбъ — всетаки нельзя не замѣтить, что въ ней лежалъ съ самаго начала нѣкотораго рода — пусть весьма скрытый — зародышъ и «соціализма уравнительности». Душою организациа были идея и чувство общественной солидарности — и помѣщикъ былъ не въ меньшей степени «на службѣ» у государства, чѣмъ крестьянинъ. И живая точка приложенія этой солидарности — круговая порука — и должна была влить въ національный организмъ новую жизнь, замѣнивъ собою ранѣе господствовавшее въ ней столь-же «круговое», всеобщее, своеволие. Но принципы имѣютъ свою внутреннюю логику: круговая порука, т. е. равенство отвѣтственности, уже таила въ себѣ и иной принципъ: равенство возможностей. Такъ-то «хозяйственная», органически связанная съ трехпольемъ, уравнительность участія «и въ плохомъ и въ хорошемъ» легко могла перелиться, при наступленіи извѣстныхъ условій (онѣ и наступили въ XIX столѣтіи), — въ идею и чувство иной уравнительности, уравнительности социальной. Но и съ чисто-хозяйственной точки зрѣнія проведенная столь рѣзко въ организациа XVI—XVII столѣтій «общественная солидарность» таила въ себѣ большія опасности. Читатель уже замѣтилъ, вѣроятно, что картина этой организациа напоминаетъ весьма сильно картину сельскохозяйственной Россіи при большевикахъ. И довольно схожими были и результаты обѣихъ, столь радикально проведенныхъ, принудительныхъ «солидарностей»: большевистской и старо-московской. Московская общинно-крѣпостная организациа въ общемъ не достигла своихъ цѣлей: голодъ продолжалъ оставаться въ Московскомъ государствѣ хроническимъ явленіемъ. Онъ былъ въ ней явленіемъ настолько закоренѣлымъ, что не вполнѣ справилась съ нимъ даже Имперія. Продолжалъ въ Москвѣ по прежнему бѣжать и народъ. Разница между прошлымъ и нашими днями была лишь въ томъ, что на закатѣ Имперіи бѣгство его было узаконено, и правительство, въ лицѣ Крестьянскаго банка и Переселенческаго Управленія, явилось даже въ роли пособника этому бѣгству. Вся эта бѣгло начерченная картина лишній разъ показываетъ, до какой степени не земледѣлецъ — великороссъ.

смягчало то, что у насъ Востокъ дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ — не только въ климатическомъ — такъ сказать «сѣверенъ», а Западъ — «юженъ». Потому-то и я находилъ возможнымъ въ началѣ этого очерка, усвоивъ на нѣкоторое время «украинскую» терминологию и приблизившись въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ къ «украинской» точкѣ зрѣнія, говорить о сѣверо-южномъ или, по крайней мѣрѣ, югозападно — сѣверо-восточномъ противоположеніи. Тѣмъ не менѣе слѣдуетъ помнить — читатель вскорѣ увидить, какія крупныя послѣдствія связаны именно съ этою, единственно-правильною и единственно-реальною перспективою — что основное противоположеніе русской жизни, русской судьбы и русской души, въ смыслѣ «души Россіи», есть именно противоположеніе западно-восточное, а не какое-либо иное. «Хохоль» дѣйствительно во многомъ противоположенъ великороссу. Но этого мало; но важно и интересно не это! Важно, что именно тѣмъ, въ чемъ хохоль противоположенъ великороссу, онъ сходенъ со своими сосѣдами бѣлорусомъ, литовцемъ, полякомъ, также съ латышомъ и эстонцемъ. Не случайно, что именно эти этническія группы не захотѣли большевизма и что хохоль долго, пока хватало силъ, боролся противъ него. Но даже тогда, когда онъ вынужденъ былъ сложить оружіе, онъ сумѣлъ силою пассивнаго сопротивления, живымъ инстинктомъ широкихъ массъ населенія — до извѣстной степени смягчить и претворить, видоизмѣнить торжествующій большевизмъ. Послѣдній обернулся за Кіевомъ далеко не тѣмъ чудовищемъ, какимъ онъ родился и былъ вскормленъ въ Москвѣ. Да, линія Днѣпра есть для большевизма нѣкій мистическій предѣлъ.

И именно въ этомъ и заключается большое и дѣйственное значеніе маленькаго, ростомъ въ двѣ-три губерніи, «украинскаго» вопроса. Какъ вопросъ узко-украинскій, онъ не имѣтъ никакого смысла. Но онъ имѣтъ огромнѣйшій смыслъ, какъ вопросъ Всероссійскій, какъ вопросъ Двухъ Россій. Въ этой постановкѣ проблемы — вытекающія изъ нея послѣдствія неисчислимы и заключенныя въ ней правда и сила могутъ двигать горами.

Я спѣшу оговориться, что эта обширная проблема не исключаетъ еще и маленькой, домашней, «Украинской» проблемы. Но опять таки послѣдняя вовсе не есть національно-этническая проблема. «Украинскій», въ этомъ тѣсномъ смыслѣ, вопросъ есть вопросъ регіональный, т. е. территоріальный. Онъ имѣетъ въ виду не несуществующій «украинскій народъ», а вполне реальную и опредѣленную территорію и ея очень смѣшанное по характеру населеніе. Прежняя имперская связь не была одинаково выгодна для всѣхъ областей Имперіи, и въ этомъ смыслѣ маленький Украинскій вопросъ имѣетъ такое-же за-

конное право на существованіе, какъ и вопросы о судьбѣ Прибалтійскаго, Литовскаго, Бѣлорусскаго и иныхъ «краевъ», мыслимыхъ, какъ провинціальныя (не «національныя» — они для этого не имѣютъ главнѣйшаго предусловія) автономіи. Но эти мѣстные вопросы — вопросы, въ концѣ концовъ, практической политики — не должны затемнять скрытой въ «Украинскомъ», въ обширномъ смыслѣ этого слова, вопросъ — основной проблемы русскаго бытія: западно-восточнаго противоположенія Двухъ Россій.

13.

Изъ сдѣланной мною выше (см. гл. 11) сравнительной характеристики западно-русскаго и восточно-русскаго народа читатель уже усмотрѣлъ, что малороссъ и бѣлорусъ во многихъ отношеніяхъ психологически болѣе близки къ литовцу, поляку и латышу, чѣмъ къ своимъ «кровнымъ» родственникамъ — великороссамъ. Но моя характеристика говоритъ и объ иномъ. Изъ нея видно, что западно-русь является, такъ-же какъ и его сосѣди — литовецъ, полякъ и т. д., въ неизмѣримо болѣе степени «европейцемъ», чѣмъ великороссъ. Этимъ и объясняется крупная роль, которая выпала нашимъ западнымъ областямъ въ строительствѣ Имперіи, начиная съ Петра Великаго. Фактъ этотъ мало замѣченъ историками нашей культуры и государственности. Между тѣмъ онъ чрезвычайно показателенъ и краснорѣчивъ. Всѣмъ извѣстно, что Петръ и его наслѣдники повернули Россію лицомъ къ Западу и поставили краеугольнымъ камнемъ русскаго величія и русской культуры — западныя начала. Но дѣло въ томъ, что они при этомъ и въ самой Россіи опирались преимущественно на западныя ея области. И здѣсь была внутренняя логика. Эта политика велась не столько по заранее обдуманному плану, сколько вытекала изъ здороваго государственнаго инстинкта. Но она была необходимымъ pendant къ политикѣ Петербургскаго «окна въ Европу». Всѣмъ извѣстна крупная роль, которую играло въ строительствѣ Имперіи — «Имперія», въ моемъ мыслѣ, обрывается на рубежѣ царствованія Николая I и Александра II — Балтійское дворянство. Но не мало дали въ эту эпоху Россіи и «Украина» и вообще всѣ западно-русскія области — достаточно вспомнить имена Ягужинскаго, Потемкина, Разумовскихъ, Безбородко и Кочубеевъ, чтобы говорить только о наиболѣе крупныхъ дѣятеляхъ. А сколько стояло за ними второстепенныхъ! Но дѣло не только въ государственныхъ людяхъ, данныхъ Россіи ея западными областями. Вспомнимъ, что вскорѣ послѣ катастрофы 1649 года Кіевская образованность, въ лицѣ цѣлаго ряда наиболѣе блестящихъ ея представителей (Славинецкій, Лопатинскій, Яновскій, Явор-

скій, Прокоповичъ) переселилась въ Москву. Огромнѣйшее значеніе въ консолидаціи имперской жизни сыгралъ, наконецъ, самый фактъ инкорпорации въ предѣлы Имперіи — Прибалтійскихъ губерній, Литвы и малороссійскихъ и бѣлорусскихъ земель, отторгнутыхъ Екатериною II отъ Польши. Только при этой Государынѣ дѣйствительно завершилось сліяніе «двухъ Россій», существовавшихъ раздѣльно — начиная съ XIV вѣка. Возсоединенныя и вновь присоединенныя западныя области уже самымъ фактомъ нахожденія въ предѣлахъ Имперіи сильно наклонили ея ось въ сторону Запада и къ Западу-же направили равнодѣйствующую имперской жизни. Онѣ чрезвычайно сильно вліяли на всю имперскую психологію и этимъ путемъ на самую національную душу Россіи. Имперія по самому своему существу была борьбою — отчего не сказать правды? — съ темными, разрушительными началами, съ хаосомъ и анархіей Великорусскаго духа, съ этнизмомъ Москвы. И въ этой борьбѣ надежнѣйшимъ союзникомъ Имперіи были именно наши новыя западныя области. При этомъ особую цѣнность придавало ихъ помощи и содѣйствію то, что они дѣлали и самую борьбу двухъ міровъ — не особенно замѣтною: благодаря ихъ молчаливому содѣйствію, огромнѣйшіе результаты достигались какъ бы сами собою. Такъ вовсе не великороссійскія, не «истинно-русскія» чувства права, порядка, дисциплины, лоялизма и красоты, такъ — черты настойчивости, выдержки и Ломоносовской «благородной упрямки», такъ цѣлый рядъ болѣе культурныхъ привычекъ и склонностей — становились постепенно «истинно-русскими» чувствами, чертами и привычками уже потому, что вносившіе ихъ въ обиходъ русской жизни не-великороссы были съ точки зрѣнія Имперіи, не энавшей, по крайнѣй мѣрѣ, въ потенциалѣ и идеѣ, ни вѣроисповѣдныхъ, ни національныхъ различій, такими-же «русскими», какъ и великороссы и уже, конечно, не меньшими, а даже большими — въ этомъ и заключалась живая магія «реформы Петра» — имперскими патриотами, чѣмъ они. И пусть Петровскія цѣли и даже Петровскіе методы были уже и въ старой Москвѣ, но потому-то эти цѣли и достигались Москвою въ весьма неполной мѣрѣ, что ея положительныя теченія подавлялись противоположными. И въ результатѣ Москва приблизилась вплотную къ катастрофѣ, отъ которой ее спасъ только Петр¹⁾.

¹⁾ Здѣсь умѣстно пояснить подробнѣе, въ какомъ смыслѣ всѣ только что отмѣченныя положительныя теченія были и въ Великорусскомъ мірѣ и существовали и въ старой Москвѣ, т. е. еще до Петра. Ибо если-бы ихъ не было вовсе, то Москва не могла-бы, безъ всякаго сомнѣнія, сыграть своей роли «Собирателя Русской земли». Чтобы понять русскую судьбу, слѣдуетъ хорошо себѣ уяснить создавшееся въ Москвѣ чрезвычайно сложное — этнически и психологически — положеніе. Сущность его заклю-

Здѣсь, конечно, прежде всего дѣйствовалъ самый духъ его подвига: зараженіе Россіи Европой. Родившаяся въ пламени Петровскаго сдвига Имперія нашла — въ этомъ и заключается ея чудо — синтезъ русской души, т. е. разрѣшеніе русскаго западно-восточнаго противоположенія. Но въ совершеніи этого чуда ей въ весьма значительной степени помогли сильные творческіе токи, шедшіе изъ нашихъ новыхъ, нынѣ въ двухъ третяхъ утраченныхъ, западныхъ областей. Русская душа перерождалась и непосредственно подъ ихъ вліяніемъ: участіе ихъ въ общеперскаго жизни сливало токи западно-русской и восточно-русской души въ одинъ общеимперскій, Всероссійскій, потокъ. При этомъ

чалась въ томъ, что сама «Москва» была, какъ историческая и культурно-политическая сила, — какъ-бы островомъ въ морѣ окружающей ее этнической стихіи. Московскій духъ, какъ и въ послѣдствіи Петербургскій, — былъ противоположенъ духу этой стихіи, и Московская государственность, какъ и весь вообще Московскій укладъ, были, какъ и Петербургскіе, борьбою съ восточно-русскими хаосомъ и анархіей. Тѣмъ не менѣ послѣдніе и вообще вся окружающая Москву этническая стихія клали на нее свой отпечатокъ, и Московскіе духъ и организация оказались въ концѣ концовъ безсильными справиться съ ними (Смутное время, продолжавшееся и при первыхъ Романовыхъ и въ концѣ концовъ разрушившее старую государственность). Центральнымъ фактомъ, ярко характеризующимъ создавшееся въ Москвѣ положеніе, было то, что Москва XIV—XVII столѣтій, т. е. Москва, въ смыслѣ Московскаго правительсва и Московской аристократіи, вовсе и не была — этнически — великорусскою силою. Центральное историческое ядро Московской аристократіи составляла группа родовъ, прибывшихъ изъ Пруссіи (нынѣшней «Восточной Пруссіи») подъ давленіемъ Тевтонскаго Ордена. Къ этому ядру присоединились немного позднѣе покинувшіе свои удѣлы князья Рюриковичи, т. е. князья норманскаго (варяжскаго) происхожденія, и князья-Гедиминовичи (литовцы). Вокругъ этихъ трехъ основныхъ категорій — отъ нихъ происходятъ всѣ наиболѣе аристократическіе русскіе роды — и сгруппировались въ послѣдствіи прибывавшіе на службу къ Великому Князю выходцы изъ различныхъ странъ, преимущественно изъ Пруссіи и Швеціи, также изъ Польши, «цесарскихъ земель» (Германіи) и Венгріи, въ меньшемъ числѣ — татарскіе, ногайскіе и черкесскіе (кавказскіе) мурзы и князья. Изъ этого вполне ясно видно, что Московская аристократія — а она и опредѣляла въ данную эпоху характеръ, направленіе и духъ всей государственной политики — была сплошь иноземнаго и при томъ преимущественно западнаго происхожденія. Этотъ центральный фактъ нашей національной исторіи пытались опровергать, но безъ успѣха. Онъ можетъ быть вполне объективно установленъ. Правда, потомство всѣхъ этихъ выходцевъ изъ чужихъ земель постепенно русло — однако, судя по дошедшимъ до насъ фактамъ, не столь быстро и не столь полно, какъ это можно было-бы предполагать. Но еще важнѣе то, что начавшееся на самой зарѣ нашей исторіи движеніе съ Запада продолжалось и въ послѣдствіи. Такъ, рядомъ съ боярскою, политической, аристократіей возникла и быстро разрослась въ Москвѣ, получивъ въ ней первостепенное значеніе, — новая военная, торговая и ремесленная аристократія Нѣмецкой Слободы. Всѣ эти факты имѣютъ для насъ ту цѣнность, что они объясняютъ русскую исторію: безъ этихъ фактовъ ея вообще, какъ я уже замѣтилъ, нельзя было-бы понять, нельзя было-бы прежде всего понять, почему именно Москва, окруженная восточ-

роль доминанты играли именно западные его струи. Втечение всего XVIII вѣка — это началось еще съ Сѣверной войны, и символомъ этого движенія и было столь осмѣянное, потому что непонятое, Екаторининское («Потемкинское») путешествие по Днѣпру — Россія дышала преимущественно своими западными областями. Здѣсь покоилось — и съ буквальною, географическою, и въ переносномъ, духовномъ, смыслѣ — реальное основаніе Петербургской пирамиды. И это продолжалось до середины XIX вѣка, т. е. до конца «Имперіи». ¹⁾ Великокороссійскій черномель — въ XVIII и началѣ XIX вѣка три четверти его не были даже распаханы — получаетъ значеніе «типически-русской» мѣстности не ранѣе середины XIX вѣка, а «центр населенности» переходить туда лишь въ самомъ концѣ его. И лишь въ эту эпоху Центр и Востокъ дѣлаются центромъ и притягательной политикой, а западные области становятся «бракованными», каковы-то случайнымъ и постороннимъ, не-русскимъ привѣскомъ къ тѣлу Россіи. Этотъ сдвигъ на Востокъ центра тяжести Имперіи и параллельный съ нимъ сдвигъ русской государственной мысли были, въ сущности, не чѣмъ инымъ, какъ отказомъ отъ «Имперіи» и торжествомъ этнизма, торжествомъ Великорусского духа. И дѣйствительно какъ разъ съ этой эпохи (середина XIX в.) начинается сначала медленное, а затѣмъ все болѣе быстрое разрушеніе самого соціально-политическаго зданія Имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разложеніе ея идеи. Русская народная душа становится снова «великороссійской», т. е. революціонеркою. Но параллельно съ этимъ революціонируется — подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, славянофильскихъ идей — и сама

ной анархической стихіей, смогла сыграть творческую и организирующую, западную, роль, въ то время, какъ государственное творчество западной Россіи, куда болѣе предназначенной для этой роли характеромъ своей народной *Psyche*, но имѣвшей несчастье уничтожить свою аристократію, т. е. обезглавить себя, завершилось торжествомъ восточныхъ теченій, т. е. политическимъ банкротствомъ. Правда, волны великорусскихъ хаоса и анархіи подточили въ концѣ концовъ и многовѣковое зданіе государственности Московской — элементовъ порядка и устройства оказалось недостаточно и въ Москвѣ. Но все-таки она унаслѣдовала изъ прошлаго достаточно силы, чтобы, сбросивъ, въ явленіи Петра, образъ ветхаго чело-вѣка, возродиться къ новой жизни — въ образѣ Петербургской Имперіи.

¹⁾ Этотъ основной фактъ нашей «Имперіи» можетъ быть, вѣроятно, доказанъ и чисто статистическимъ путемъ. Но не имѣя подъ руками точныхъ данныхъ, я не настаиваю на этой сторонѣ дѣла. Однако по свѣдѣніямъ, собраннымъ Вокеродтомъ (*Russland unter Peter dem Grossen*), населеніе не-великорусскихъ областей составляло весьма замѣтную часть населенія Имперіи уже при ближайшихъ преемникахъ Петра. Если исполнить, что въ послѣдующія царствованія были присоединены часть Финляндіи (1743 г.), Курляндія, Бѣлоруссія (1772 г.), Крымъ (1783 г.), Литва и Юго-западный край (1793 г.), то къ концу XVIII вѣка % великорусскаго населенія долженъ былъ еще въ болѣе значительной степени уменьшиться въ общемъ составѣ населенія Имперіи.

имперская политика, лучше сказать — весь государственный строй: радикально перерождаются — его духъ, его внутреннее содержание, даже отчасти его формы и символы, и Россія поворачивается къ Европѣ спиной. И такимъ путемъ все приходитъ въ состояніе неустойчиваго равновѣсія, ликвидаціей котораго и явилась катастрофа 1917 года.

14.

«Украинизмъ» былъ изобрѣтенъ врагами Россіи — и при томъ врагами лишь по недоразумѣнію и изъ политической близорукости, за которую они теперь жестоко наказаны — какъ средство ослабленія и разрушенія Россіи. Между тѣмъ тотъ же украинизмъ, понятый какъ противоположеніе не несуществующаго «украинскаго народа», а всего вообще русскаго Запада — русскому Востоку, несетъ въ себѣ здоровое зерно спасенія, возсозданія и усиленія Россіи. Мы не можемъ оставаться «великороссами» — это достаточно показали событія послѣднихъ пяти, лучше сказать, пятидесяти лѣтъ. Этотъ уклонъ уже привелъ насъ къ полной гибели — равнѣ не есть полное не-бытіе, Нирвана — то, что происходитъ нынѣ за Днѣпромъ? Катастрофа, съ нами происшедшая, есть именно та катастрофа, которая грозила намъ въ XVII столѣтіи и отъ которой насъ тогда спасъ Петръ. И какъ тогда, такъ и теперь насъ можетъ спасти только западный духъ, ибо не чѣмъ инымъ, какъ оскудѣніемъ этого духа въ нашихъ душахъ и въ нашей жизни мы и погибли. Но «западный духъ» есть для насъ прежде всего западно-русскій духъ. Отсюда огромнѣйшая роль, которая выпадаетъ не только въ возсозданіи русской жизни, но и въ возсозданіи самой русской души — нашимъ, увы! отчасти уже «бывшимъ», западнымъ областямъ. Я не хочу касаться здѣсь политическаго, въ тѣсномъ смыслѣ, вопроса, какъ, когда и при какихъ условіяхъ возстановится нынѣ утраченная связь многихъ изъ этихъ областей съ Москвою и что это будетъ за связъ: «имперская», или какая нибудь иная? Всѣ эти техническіе юридическіе вопросы не столь важны, ибо живое содержаніе внесетъ въ эти юридическіе формы — сама жизнь. Какъ она сложится, этого я, конечно, не знаю. Но я знаю твердо, что безъ помощи нашихъ западныхъ областей — Россіи, т. е. Русской земли и Русскаго духа, не возстановить. Но я знаю не только это. Я знаю и то, что западныя области, ихъ духъ, ихъ культура, ихъ вѣковые навыки и психологія и, наконецъ, самые ихъ люди — получатъ, если и не преобладающее, то, во всякомъ случаѣ, очень большое значеніе въ будущей Россіи. Мнѣ вообще кажется, что русской столицей, центромъ національныхъ духа, культуры и власти, не смогутъ остаться ни Петербургъ, ни Москва.

Я вижу будущую русскую столицу даже не въ Кіевѣ, а, напр., гдѣ нибудь возлѣ Минска, можетъ быть еще дальше на Западѣ: иначе въ поры омертвѣлаго тѣла Россіи не пройдетъ западный духъ. И это есть именно то, что въ свое время сдѣлало необходимымъ — это былъ вовсе не «капризъ» Петра — перенесеніе столицы въ Петербургъ.

Но всѣхъ этихъ, открываемыхъ «украинскимъ» движеніемъ, горизонтовъ, конечно, не видятъ, не мугутъ видѣть наши унитаристы. Пойти путемъ, который я только что намѣтилъ, значило-бы съ ихъ точки зрѣнія, — «потерять Россію», чуть-ли не «измѣнить» ей. Съ моей-же точки зрѣнія это именно и значитъ — быть ея вѣрнымъ сыномъ и найти ее. Ибо духъ Россіи, духъ «Имперіи» на русскомъ Западѣ, а не на русскомъ Востокѣ.

15.

Я нашелъ у кн. Волконскаго одно чрезвычайно типичное мѣсто, которое даетъ мнѣ поводъ заключить этотъ очеркъ тѣмъ-же, чѣмъ я началъ его, т. е. небольшой филологической справкой. Противопоставляя два существующія въ современном русскомъ языкѣ имени для обозначенія нашей страны (Русь и Россія) и образованныя отъ нихъ прилагательныя (русскій и російскій) князь поясняетъ, что послѣднее употребляется нынѣ въ торжественныхъ формулахъ официального языка, а ранѣе употреблялось «въ напыщенномъ стилѣ XVIII вѣка». Затѣмъ онъ говоритъ: «въ слово Русь вкладывается чувство любви, горести и радости; въ словѣ російскій чувствуется присутствіе имперіалистской идеи; въ словѣ-же Россія звучитъ спокойное, дѣловое обозначеніе».

Какъ характеристика психологіи того поколѣнія, къ которому мы съ кн. Волконскимъ имѣемъ несчастье принадлежать, эта характеристика превосходна. Но вмѣстѣ съ тѣмъ князь сдѣлалъ, самъ того не подозрѣвая, въ только что цитированныхъ мною словахъ — великолѣпный анализъ всей нашей эпохи имперскаго разложенія и указалъ, самъ того не желая, на тѣ силы нашей жизни, которыя привели къ нему. Да, кн. Волконскій безусловно правъ, что большинство изъ насъ дѣйствительно думало и чувствовало такъ, какъ онъ говоритъ. Но потому-то мы и погибли, что думали и чувствовали такъ... И, во первыхъ, почтенный авторъ многаго не договариваетъ въ своей блестящей, несмотря на нѣкоторую ея сбивчивость, характеристикѣ. Такъ онъ забываетъ пояснить, что давно забытое старое имя Русь было введено въ обиходъ, въ качествѣ поэтическаго архаизма, — лишь въ XIX вѣкѣ, приблизительно въ тоже время, когда у насъ возродилось — также въ качествѣ поэти-

ческого архаизма — и имя Украина. Но поэтические архаизмы видимо *habent sua fata* — имѣютъ свою судьбу. Мы видѣли это на примѣрѣ «Украины», и тоже случилось и съ «Русью». Она не замедлила вступить въ оппозицію «Россіи» и расколола психологически на двѣ части русскую душу и русскій міръ. Князь не говоритъ прямо объ имени «Россія», что оно стало выраженіемъ «имперіалистской идеи»¹⁾ — онъ говоритъ это о прилагательномъ «россійскій». Но такъ какъ это прилагательное находится съ существительнымъ, изъ котораго оно образовано (Россія), въ ближайшемъ родствѣ, то ясно, что «имперіалистскій» смыслъ слова «россійскій» перелился, хотя-бы въ нѣкоторой степени, и въ самое имя Россія. Съ другой стороны Россія есть «спокойное, дѣловое обозначеніе». Но на языкѣ психологии «спокойный» и «дѣловой» значить — безразличный. Такъ-то имя «Россія» понемногу отошло отъ народной души: оно стало представлять что-то — пусть хоть немного — чуждое, «имперіалистское», слишкомъ официальное и сухое и потому-то оно и потускнѣло въ народной душѣ.

Все это есть не что иное, какъ отраженіе въ самомъ языкѣ того сдвига, который одновременно происходилъ во всѣхъ сферахъ русской жизни, т. е. отраженіе разложенія Имперіи.

Я спѣшу оговориться, что процессъ омертвѣнія въ языкѣ слова «Россія», какъ обозначенія живой сущности страны и народа, далеко не дошелъ до завершения²⁾. Но если «Русь» не вполне вытѣснила въ повседневномъ обиходѣ «Россію», то производные отъ первой русскій, русскіе (въ смыслѣ существительнаго, какъ обозначеніе народа) вполне вытѣснили производное отъ второй — Россіянинъ (Россіяне). И исторія этого слова — кн. Волконскій не упоминаетъ о немъ — еще яснѣе обнаруживаетъ намѣченный мною выше національно-

¹⁾ Я не знаю, почему авторъ употребляетъ въ данномъ случаѣ этотъ нынѣ чрезвычайно модный и столь-же неясный терминъ. Характеристика кн. Волконскаго только выиграла-бы и стала-бы еще правдивѣе и ярче, если-бы онъ въ ней замѣнилъ двусмысленный (чтобы не сказать «бесмысленный») терминъ «имперіалистская идея» болѣе яснымъ: имперская идея. Въ словахъ «Россія» и «россійскій» дѣйствительно заключено не что иное, какъ наша имперская идея.

²⁾ Къ этому слѣдуетъ добавить, что выраженіе «Россія» вполне сохранилось въ живомъ языкѣ, въ смыслѣ географическаго, территориальнаго обозначенія. «Россія» имѣетъ въ виду такъ сказать тѣло, а «Русь» — душу страны («любовь» кн. Волконскаго). Кромѣ того «Россія» имѣетъ скорѣе политическій, а «Русь» — этнический смыслъ. Поэтому-то Эстляндія была Россіей, но она не была Русью. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что за послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ «Русь» постепенно вытѣсняла «Россію» и — что особенно важно — становилась ближе, роднѣе русской душѣ. Съ этимъ и совпадалъ, можно даже сказать: въ этомъ и заключался происходившій во всѣхъ сферахъ жизни и въ самой душѣ народа — процессъ разложенія націй, процессъ разложенія Имперіи, процессъ разложенія Россіи Петра.

психологическій процессъ. Мы теперь говоримъ Россія — русскій и даже не замѣчаемъ, что эти выраженія не находятся другъ съ другомъ въ генетической связи. Между тѣмъ правильно образованнымъ отъ имени страны «Россія» именемъ народа будетъ не «русскіе», а «Россіяне»; «русскіе» же образовано отъ имени «Русь». И дѣйствительно: когда вспыхнуло и сразу ярко разгорѣлось въ сознаниі и сердцѣ нашихъ предковъ слово «Россія», то они сразу-же назвали себя — грамматически вполне правильно — Россіянами. Это случилось при Петрѣ: имя «Россія» — ровесникъ Имперіи и по дѣйственной своей сущности однозначуще съ ней¹⁾. Имя «Россіянинъ», вѣроятно, кажется кн. Волконскому еще болѣе «напыщеннымъ», чѣмъ родственное ему прилагательное русскій. Но это-то и показывается, что люди его поколѣнія перестали чувствовать себя «Россіянами» и превратились въ «русскихъ». Между тѣмъ наши предки XVIII вѣка называли себя «Россіянами» именно потому, что вкладывали въ слово «Россія» — любовь. Для нихъ это слово не было «спокойнымъ и дѣловымъ» — холоднымъ словомъ. Какъ много значили слова «Россія» и «Россіянинъ» — для Петра! Вспомнимъ Полтавскій приказъ! Какую любовь, какую страсть вкладывалъ онъ въ эти имена! Поколѣніе-же кн. Волконскаго вложило любовь въ слово «Русь», и такъ-то мы перестали звать себя Россіянами и назвали себя вновь — русскими. И только въ тяжелой атмосферѣ этаго перерожденія языка, являющагося лишь симптомомъ болѣе глубокой болѣзни самой національной души, могли у насъ родиться, въ концѣ XIX вѣка, столь нелѣпые ловушки, какъ, напр., «Россія — для русскихъ». Сказать: Россія — для русскихъ — это значитъ просто не понимать, что такое Россія. Ибо «Россія», какъ показываетъ сама грамматика, можетъ-быть только для «Россіянь», а никакъ не для «русскихъ». И дѣйствительно: «Россіянами» были для нашихъ предковъ и казанскій татаринъ и прибалтійскіе уроженцы — нѣмецъ, эстонецъ и латышъ — и житель западныхъ областей — полякъ и «другъ степей — калмыкъ». И это-то все и сгубилъ археологическій неологизмъ «Русь». Онъ превратилъ нашъ сознатель-

¹⁾ Имя «Россія» — это имѣетъ большое символическое значеніе для исторіи нашихъ государственности и культуры и вообще для всего явленія Россіи — не русское, а греческое имя (*Ρωσία*). Оно родилось въ Византіи еще въ X вѣкѣ, но, если не считать нѣсколькихъ изолированныхъ случаевъ его употребленія въ XVII вѣкѣ въ «книжномъ» языкѣ, то оно остается безо всякаго вліянія на русскій языкъ втеченіи восьми вѣковъ, т. е. до XVIII вѣка. И понятно, почему это было такъ: въ національной психологіи вовсе и не было концепціи «Россія» — въ предшествующіе XVIII-му вѣка. Когда-же эта концепція явилась, то воспользовались готовымъ греческимъ словомъ, и оно сразу вспыхнуло, какъ наиболѣе національное изъ всѣхъ словъ (см. также на стр. 35—36).

ный, мужественный и яркій имперскій патріотизмъ въ неопредѣленный, полу-инстинктивный, кисло-сладкій («горести и радости» кн. Волконскаго) этнизмъ.

Да, въ концепціи Россія — Россіяне была не только одна любовь: въ этой концепціи была и огромнаго напряженія сила. То, что слова Россіянинъ и російскій кажутся намъ «напыщенными», показываетъ только то, что мы перестали понимать героическое. Эпоха «напыщенного стиля XVIII вѣка» — она-же была эпохою нашей «великой трагедіи» — была прежде всего героическою эпохою. И поэтому-то, — если и не созданное этою эпохою — то, во всякомъ случаѣ, усвоенное именно ею и претворенное ею въ жизнь слово Россія было, какъ и само выражаемое имъ понятие, героическимъ словомъ. Но по мѣрѣ того, какъ оно теряла героическій и получало, говоря языкомъ кн. Волконскаго, «спокойный, дѣловой» характеръ, переставалъ быть героическимъ — къ сожалѣнію, не дѣлаясь одновременно «спокойнымъ и дѣловымъ» — и называемый именемъ Россіи народъ. Такъ-то онъ и превратился изъ «россійскаго» въ русскій, и самъ терминъ «россійскій» сталъ звучать для него «слишкомъ официально».

16.

Въ числѣ утвержденій украинистовъ есть и такое: Московская Русь никогда не называлась однимъ общимъ именемъ съ «Украиной». Въ такой формѣ это утверждение есть ложь. Но такую-же, если не прямую ложь, то, во всякомъ случаѣ, большую натяжку представляетъ собою и противоположное утверждение унитаристовъ: Московская Русь всегда называлась общимъ именемъ съ нашими юго-западными областями. Нарѣчія никогда и всегда объясняются въ обоихъ случаяхъ лишь страстностью, запальчивостью и ожесточеніемъ спора. На самомъ дѣлѣ такая эпоха, когда съ одной стороны Московская, а съ другой — Юго-западная, Днѣпровская, Россія назывались разными именами — дѣйствительно была. Въ этомъ украинисты дѣйствительно правы, но только то имя, которое продолжало тогда жить на Днѣпрѣ, было вовсе не возрожденное въ срединѣ XIX вѣка, въ качествѣ поэтического архаизма, имя «Украина», а именно унаслѣдованное отъ древности имя «Русь». И это-то самое имя затуманилось, померкло, перестало жить на Москвѣ, постепенно исчезнувъ изъ ея обихода. Эпоха, когда происходилъ въ языкѣ и Psyche Москвы этотъ процессъ, суть XV, XVI и XVII вѣка.

Унитаристы — въ частности и кн. Волконскій — доказываютъ противоположное тѣмъ, что имя «Руси» сохранилось въ титулѣ Московскихъ государей: всея Руси Самодержецъ.

Но развѣ неизвѣстно, что всѣ вообще титулы крайне консервативны по самой своей природѣ? Развѣ не сохранилъ, напр., до сихъ поръ титулъ «короля Іерусалимскаго» — итальянскій король? Но развѣ изъ этого слѣдуетъ, что онъ царитъ надъ Іерусалимомъ, или что его подданные принадлежатъ къ «Іерусалимской» націи? Такъ-то и присутствіе въ титулѣ московскихъ Великихъ Князей и царей имени «Русь» нисколько не доказываетъ того, что московскіе цари въ XVI—XVII вѣкахъ царили надъ «Русью». Напротивъ, это имя давно уже обмирало на Москвѣ. Я вполне допускаю, что титулъ государей имѣлъ на Москвѣ такъ сказать программное значеніе. Но въ Москвѣ смотрѣли на эту программу не съ обще-русской, а — эта психологическая тонкость чрезвычайно важна — съ московской точки зрѣнія. Другими словами, въ титулѣ государя заключался тогда на Москвѣ извѣстнаго рода, какъ мы сказали-бы теперь, — тактичeskій приѣмъ... Слово «русскій», конечно, сохранилось и на Москвѣ. Но это не было обозначеніемъ живой сущности страны и народа, не было живымъ именемъ націи, образовавшейся на Москвѣ. Между тѣмъ «Москва» именно и была и чувствовала себя «націей». Московскіе люди такъ и называли себя — московскими людьми. А жителей Днѣпровской Руси они называли «черкасами» и мало отличали ихъ, несмотря на единство крови и вѣры, отъ поляковъ и даже «татары».

Съ Петромъ умираетъ у насъ старая, «Московская», и рождается новая «нація». Какая? Русская? Нѣтъ, не русская, а «Россійская»! — слова Русь и русскій покрываются въ Петербургѣ еще болѣе густымъ туманомъ, чѣмъ они были покрыты въ царской Москвѣ. Слово «Русь» совершенно погибаетъ въ немъ, чтобы воскреснуть только чрезъ полтора столѣтія, въ срединѣ XIX вѣка. Слово «русскій» сохраняется, но дѣлается словомъ, выражаясь языкомъ Ломоносова, «средняго», если не прямо «низкаго» штиля. Мы теперь смѣемся надъ «высокимъ штилемъ» нашихъ предковъ XVIII и начала XIX вѣка — онъ намъ кажется «напыщеннымъ», «неестественнымъ» и «книжнымъ». Но для нихъ этотъ «штиль» былъ естественнымъ стилемъ. Они дѣйствительно были людьми высокаго стиля; они чувствовали его въ себѣ и жили имъ. И только поэтому они могли создать «Россію». Они дѣйствительно чувствовали себя «Россіянами». Это имя заключало въ себѣ, какъ и имя Россіи, цѣлую программу и предвосхищало судьбу. Лучше сказать, это была программа, осуществленная въ судьбѣ. И поэтому-то у нихъ не могло быть никакого разрыва, какъ это сдѣлалось впоследствии, между «любовью» Руси и «официальностью» Россіи. Официальная Россія была для нихъ единственно-истинной Россіей, и потому-то они и были и чувствовали себя Россіянами. И повторяю: именно этимъ, т. е. живымъ чув-

ствомъ и сознаниемъ Россіи, они могли создать въ какихъ-нибудь полвѣка — русскую славу, русскую культуру и русское величіе. Эта Россія, ихъ Россія, не могла не родить и высокій стиль.

Въ XIX вѣкѣ начинается поворотъ и какъ разъ обратный Петровскому сдвигъ: въ словѣ «Россійскій» рѣзко обозначается «официальный», противоположный «народному», оттенокъ, и отъ него отлетаетъ «любовь»; слово-же «Россіянинъ» совсемъ исчезаетъ изъ языка. Нарождается новая Россія, которая уже не хочетъ звать себя Россіей, а называетъ себя — «Русь»¹⁾. Такъ-то на исторіи этихъ словъ мы можемъ прослѣдить и исторію зарожденія, созрѣванія и разложенія «Имперіи» и, въ частности, весь тотъ процессъ измѣненія всего ея живого существа, идеи и дѣйствія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и коренного измѣненія въ глубинѣ народной души, который я охарактеризовалъ въ концѣ 13 главы. Это былъ сдвигъ отъ націи — Имперіи къ темному этнизму и вмѣстѣ съ тѣмъ поворотъ отъ Запада на Востокъ. Но по своему историческому дѣйствию и по интимнѣйшей своей сущности этотъ сдвигъ и поворотъ были не чѣмъ инымъ, какъ возвращеніемъ отъ порядка и устроенія — въ анархію и первобытный хаосъ. Такъ-то начавшаяся съ самой зари нашей исторіи борьба этихъ противоположныхъ началъ закончилась въ 1917 году побѣдою вторыхъ.

И если слова могутъ губить, а, къ сожалѣнію, въ нихъ несомнѣнно заключается нѣкая, порою весьма могущественная, магическая сила, — то нѣтъ слова, которое причинило-бы нашему бытію, какъ націи, и вообще силѣ и правдѣ Россіи большаго вреда, чѣмъ архаическое слово «Русь». Археологическія реконструкціи всегда въ высшей степени опасны. И такую реконструкціей, въ сущности, и была вся нынѣ погибшая Россія нашихъ славянофильскихъ, сумеречныхъ десятилѣтій.

1922.

¹⁾ Этотъ процессъ продолжался — начиная съ 30-хъ и почти вплоть до 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Изъ романа Тургенева «Новъ» живописующаго революціонное движеніе 70-хъ годовъ, видно, что слово «россійскій» было тогда еще вполне обиходнымъ, не рѣзавшимъ уха, словомъ и что было еще живо, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной средѣ, связанное съ этимъ словомъ чувство Россіи и Имперіи.

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
5	37	кощунсвоовать	кощунствовать
6	46	любовъ	любовь
9	6	очень	очень
12	41	Вышеизложенное	Вышеизложенное
19	43	нѣмы	нѣмцы
23	34	великой Разрухи	Великой Разрухи
40	16	Эти то	Эти-то
„	42	Украинскіи	Украинскій
43	19	прежнюю силу сопро- тивленія.	прежнюю силу сопро- тивленія?
46	33	ето	это
47	26	древней Русси, впо- слѣдствіе	древней Руси, впо- слѣдствіи
49	32	слѣдовало	слѣдовало.
54	17	настоящее	настоящее
62	26	принесшія	принесшія,
63	6	западной	Западной
75	25	замѣчанія	замѣчанія
77	26	территоріальнамъ	территоріальномъ
78	39	то же	тоже
80	10	«Украина»	«Украйна»
83	29	обоснованіе	основаніе
84	13	tout a fait	tout à fait
„	14	litteraire	littéraire
„	18	языка, есть	языка, а есть
„	33	языкъ (кіевское) обрати- лось	языкъ (кіевское), обра- тилось
87	43	новый живой языкъ.	новый живой языкъ?
89	30	къ тому, что-бы	къ тому, чтобы
91	26	нслишне	излишне
102	21	для того, что-бы	для того, чтобы
103	9	Голодная смерть подъ фирмою душевого на- дѣла,	Голодная смерть подъ фирмою дополнитель- наго надѣла,
106	31	не имѣтъ	не имѣеть
„	32	имѣтъ	имѣеть
109	42	безъ уснѣха.	безъ успѣха.

Оглавленіе.

	Стр.
Двѣ Россіи	1
Юрій Самаринъ или Императоръ Николай I. ?	33
De bello Samarico	41
Нѣчто о географіи	45
Борьба за Самодержицу	50
Генеалогія русскаго Самодержавія и балансъ славнофильства . .	59
Двѣ Россіи и Украинскій вопросъ	75

Вопросы Норманизма

Выпуск 5

От России к Руси

Составители – протоиерей Роман Бычков и Георгий Павленко

Формат 60 x 90 1/16 (144x210)

Объём 19,25 печ. л.

Печать офсетная

Тираж 100 экз.

Заказ №509